

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ

А. Л. Журавлев, В. А. Соснин,
Д. А. Кытова, Т. А. Нестик, А. В. Юревич

МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ И ПОВЕДЕНИЕ

**Тенденции социально-
психологических
исследований**

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва – 2017

УДК 159.9

ББК 88

Ж 91

Рецензент:

доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник
Института психологии РАН, профессор А. В. Сухарев

А. Л. Журавлев, В. А. Соснин, Д. А. Котова, Т. А. Нестие,
А. В. Юренич

Ж 91 Массовое сознание и поведение: Тенденции социально-психологических исследований. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. – 424 с. (Психология социальных явлений)

ISBN 978-5-9270-0360-0

УДК 159.9

ББК 88

Работа посвящена острой проблеме современного мира – трансформации психологии массового сознания и поведения людей в условиях глобальных процессов, а также новым социально-психологическим технологиям воздействия на массовое сознание и поведение. Авторы проводят анализ основных составляющих проблемы, раскрывают макропсихологические, групповые и личностные факторы массового сознания и поведения, анализируют глобальные угрозы современного общества, рассматривают некоторые тенденции социально-экономического развития российского общества как исторического субъекта современной геополитики и т. д. Предлагаются механизмы и средства социально-психологического воздействия на массовое сознание и поведение людей, в том числе и через феномен качества жизни как одного из первостепенных факторов социально-экономического развития.

© ФГБУН «Институт психологии РАН», 2017

ISBN 978-5-9270-0360-0

СОДЕРЖАНИЕ

Массовое сознание и поведение как объекты исследования в социальной психологии (вместо введения)	7
--	---

Раздел 1 ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИССЛЕДОВАНИЯ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ

Глава 1	Психологические исследования больших социальных групп: теоретические и методологические проблемы	23
Глава 2	Эволюция теорий массового сознания и поведения: психологические феномены, факторы, механизмы	37
Глава 3	Средства массовой коммуникации как канал воздействия на массовое сознание и поведение людей	44

Раздел 2 МАКРОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ

Глава 4	Социальные и социально-психологические параметры массового сознания и поведения: проблема национального менталитета	67
Глава 5	Современные киберсоциальные движения как источник трансформации массового сознания и поведения людей	86
Глава 6	Социальная психология революций как массовых реакций недовольства	99

Раздел 3 ГРУППОВЫЕ ФАКТОРЫ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ

Глава 7	Социально-психологические особенности формирования коллективного образа будущего в больших социальных группах	127
Глава 8	Образ коллективного будущего как феномен массового сознания и поведения: эмпирические исследования	142
Глава 9	Коллективные мифы при переживании травмы как фактор массового поведения: состояние и перспективы исследований	169
Глава 10	Коллективная память как мифологическое психологическое воздействие в глобальной информационной борьбе	179

Раздел 4 ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ

Глава 11	Патриотизм в структуре массового сознания и поведения	189
Глава 12	Проблемы справедливости в основе массового сознания и поведения	209
Глава 13	Место семьи в структуре массового сознания и поведения	219
Глава 14	Чувство собственности в структуре массового сознания и поведения	233

Раздел 5 МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ОБЩЕСТВА

Глава 15	Распространение ядерного оружия и готовность к его применению: психологические аспекты	259
Глава 16	Социально-психологические факторы вступления молодежи в ИГИЛ	277
Глава 17	Политика противодействия массовой наркотизации молодежи в России: психологические составляющие	293

Глава 18	Формирование антитеррористического сознания молодежи как фактор противостояния террористической идеологии	303
----------	---	-----

Раздел 6
СОВРЕМЕННЫЕ МЕХАНИЗМЫ И СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ
НА МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ И ПОВЕДЕНИЕ

Глава 19	Современная геополитическая ситуация и тенденции развития массового сознания в российском обществе	329
Глава 20	Психологические аспекты коллективного взаимодействия в сетевых сообществах	348
Глава 21	Управление качеством жизни как ресурс воздействия на массовое сознание и поведение	364
Заключение		386
Литература		390

МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ И ПОВЕДЕНИЕ КАК ОБЪЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ (ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ)

Проблема массового сознания и поведения больших социальных групп входит в круг актуальных социально-психологических исследований, проводимых Институтом психологии РАН, результаты которых публикуются в издательской серии «Психология социальных явлений». В данном круге находится множество работ, которые, во-первых, вскрывают новые социально-психологические тенденции развития российского общества, во-вторых, обобщают и анализируют инновации в отечественной и зарубежной психологии в исследуемых проблемах. Эта монография не стала исключением. В ней представлены современные тенденции социально-психологического анализа массового сознания и поведения, исследуются социально-психологические факторы их трансформации, поднимается вопрос о сущности и источниках социально-психологической напряженности и психологической безопасности современного общества, делается попытка осмысления современных психоэкономических технологий, механизмов и средств воздействия на массовое сознание и поведение, способных консолидировать общество на взаимовыгодной и долгосрочной основе.

Основная цель монографии – разрешение вопроса: что может предложить психологическая наука (особенно социальная и политическая психология) для позитивного воздействия на функционирование больших социальных групп в динамично изменяющихся условиях развития общества?

В поисках ответа на этот вопрос к психологической науке часто обращаются властные структуры государства, представители законодательных и исполнительных органов разных уровней, которые остро нуждаются в новых принципах, методах и приемах воздействия на массовое сознание и массовое поведение. В условиях демократизации общества и трансформации общественно-политической

системы России такое обращение, конечно же, является предсказуемым и закономерным. В эпоху социализма, которую либеральнее исследователи и публицисты называют эпохой авторитарной системы управления, в качестве инструмента управления массами нередко использовались силовые методы. Силовые методы управления массовым поведением, выходящим за рамки нормативных требований (беспорядки, бесчинства фанатов, межэтнические столкновения и т. п.), и в настоящее время являются нормальной практикой в рамках законности. Тем не менее, как отмечает Е. Б. Шестопал, «главное отличие нынешней ситуации от ситуации, характерной для традиционной политической культуры России, состоит в том, что власть сегодня не может рассчитывать исключительно на силовые приемы» (Шестопал, 2002, с. 15).

В политической истории нашего государства уже накопился определенный опыт использования его властными структурами психологических принципов управления массовым поведением, в том числе и стихийным. В частности, еще в советский период истории нашей страны велись психологические исследования по данной проблематике с целью решения конкретных социально-политических задач не силовыми методами (Назаретян, 2001). При международном отделе ЦК КПСС существовал Институт общественных наук, который проводил эффективную теоретическую и практическую подготовку кадров для управления массовым поведением людей. В советский период ведущие отечественные и зарубежные психологические разработки неоднократно использовались в управлении массовыми процессами в нашей стране.

В современных условиях развития общества возникают задачи осмысления и обобщения наработанного опыта управления крупными сообществами, разработки новых, отвечающих изменяющимся экономическим, политическим и социокультурным условиям, технологий воздействия на массовое сознание и поведение и противостояния деструктивным воздействиям на них. Эти новые направления требуют разработки и использования новых методов исследования массового сознания и поведения, связанных с отходом от классических представлений о «психологии толпы» и с выделением социально-психологических факторов целенаправленного объединения масс, с анализом социальных, групповых и личностных феноменов, лежащих в основе массового сознания и поведения. Обязателен учет потенциала формирования и развития современных технологических платформ (в том числе Интернета) и возможностей их использования для воздействия на массовое сознание и поведение. Необхо-

дино сохранение способности в случае нужды оказать оперативное силовое противодействие антиобщественным актам асоциальных групп и участников деструктивных движений. В целом, остро стоит потребность развития психопедагогической системы социально-психологического воздействия и влияния на сознание и поведение больших социальных групп, способной обеспечить целесообразный уровень социального контроля, психологического сопровождения, поддержки, а также обратной связи в таком взаимодействии.

В соответствии с предложенными теоретическими основаниями исследования, в первом разделе монографии представлен анализ основных классических подходов к исследованию «психологии толпы», а также современных технологий воздействия на массовые групповые явления, разработанных на основе новых тенденций развития социальной психологии, прежде всего с учетом современной теории социальной идентичности.

Как известно, исследования массового сознания и поведения больших социальных групп начали предприниматься в психологической науке на рубеже XIX–XX вв. В то время вышли в свет классические работы Г. Лебона, Г. Тарда, З. Фрейда и др. Важный вклад в разработку этой проблемы внесла книга В. Райха «Психология масс и фашизм» (Райх, 1933). Анализ этих и более поздних работ в русле исследования массового сознания и поведения представлен в ряде обобщающих монографий (Москвичи, 1996; Олшанский, 2001; и др.).

Термины «толпа», «массы» в привычном для сегодняшнего дня восприятии появились в период социальных перемен в XVII–XIX вв. в Европе. Поначалу это были образные, описательные и оценочные выражения, однако со временем они состоялись как научные понятия.

Первым признанным теоретиком исследования масс в конце XIX в. стал Г. Лебон, который рассматривал толпу как социально-психологический феномен, возникающий при непосредственном взаимодействии индивидов независимо от социальных и ситуативных факторов (Лебон, 1995). Он выявил феномен «размытия» сознательной личности в толпе. Спустя несколько лет Г. Тард указал на необходимость перестать смешивать толпу и публику (Тард, 1902), а чуть позже А. Парз провел исследование по поиску обоснованных различий между этими двумя явлениями (Paré, 1964). Далее Г. Блумер разработал и ввел в научный оборот основные характеристики участников массовых явлений (анонимность, изолированность, слабое взаимодействие, случайность социального положения, бес-

порядочность) (Виппел, 1950). Так начинались исследования, которые не теряют своей актуальности и в наши дни.

Многочисленные исследователи психологии масс вносили свою лепту в изучение проблемы, и в научном обороте закрепились самые разнообразные определения этого явления: «толпа одиноких» (Д. Рисмен), «суждение некомпетентных» (Х. Ортега-и-Гассет); «механизмированное общество» и «сумма социальных технологий» (Ф. Г. Юнгер); «сверхорганизованное бюрократическое общество» (Г. Зиммель, М. Вебер, К. Маннгейм); «однообразное, бесцельное объединение» (Э. Ледерер, Х. Арендт). Таким образом, стало очевидно, что в науке окончательно складывается неоднозначное понимание «масс». Так, по оценке Д. Белла, в западной науке сложилось как минимум пять различных концептуальных интерпретаций данного понятия, которые до сих пор продолжают «разрастаться» (Bell, 1964).

В XX в. в изучении массового сознания и поведения наступил своего рода закат как в западной, так и в отечественной науке. Снижение интереса к проблеме было связано в западных культурах с «культулой индивидуальности», а отечественное научное сообщество как при монархии, так и при большевиках опасалось поведения реальных масс и не приветствовало научных размышлений на эту тему и публичных обсуждений ее.

За более чем столетний период исследований было уделено внимание многим аспектам проблемы: структуре массового сознания, особенностям его проявления, основным видам и свойствам (характеристикам), способности к «самопорождению», механизмам формирования и функционирования, внутренней и внешней динамике возникновения и развития, а также осмыслению истории изучения вопроса.

Содержание массового сознания может быть определено практически как бесконечное, если попытаться предвосхитить все возможные варианты возникновения тех или иных значительных масс людей, как в рамках отдельного общества, так и в человеческой истории в целом. Анализ показывает сложность и недостаточную разработанность понятия «массы» в науке, а попытки выстроить целостную теорию масс не увенчались успехом в силу различных объективных обстоятельств.

Не умаляя значимости ранее проведенных исследований, в первом разделе настоящей монографии осуществляется переоценка теоретических и методологических подходов к исследованию массового сознания и поведения; заново осмысливаются психологические факторы, феномены, механизмы, эволюционно определяющие век-

торы исследования изучаемого явления; рассматриваются современные тенденции воздействия на массовое сознание и поведение.

В этом же разделе дан краткий исторический анализ развития явлений воздействия на массовое сознание и поведение, рассмотрены новые тенденции в их совершенствовании, связанные с исследованием поведения больших социальных групп в современном мире.

Глобальные информационно-коммуникационные каналы воздействия на массовое сознание и поведение людей за последние десять лет кардинально изменились. Классические каналы (печатные СМИ, телевидение и радио) сегодня уступают свои позиции, и на смену им приходит Интернет. В этой связи рассматривается социально-психологическая проблематика массового поведения больших групповых образований. Применение современных информационных технологий создает новые социальные условия развития, порождает принципиально новые модели взаимодействия общества и государства. В частности, Интернет позволяет воздействовать на массовое сознание и поведение людей, минуя контроль властных структур, способствует возникновению новых политических практик воздействия на массовое сознание и поведение самых разных групп населения. Эта ситуация также рождает массу психологических проблем, связанных с угрозой массовому сознанию и поведению из-за низкой подконтрольности киберканалов для внешнего наблюдения и воздействия.

Важно понять психологическую природу новых тенденций формирования и развития массового сознания и поведения, что невозможно без обращения к макропсихологическим, групповым и личностным его детерминантам в современных политических и социально-экономических условиях. Этому посвящен второй раздел монографии.

К макропсихологическим факторам массового сознания и поведения в первую очередь относится национальный менталитет, который выступает социальным и социально-психологическим компонентом данных явлений. С таких позиций в монографии рассматриваются сущность и структура менталитета как одного из наиболее популярных в современной российской психологии понятий. В частности, исследуются эволюция данного феномена, различные подходы к его трактовке, характерные психологические особенности, соотношение с близкими по содержанию феноменами и понятиями. Выделяются базовые составляющие менталитета, к числу которых можно отнести такие его социально-психологические феномены, как коллективная память, коллективные эмоции, чувства

и настроения, нормы, ценности и отношения. Здесь же анализируются также его компоненты, как социальные представления, язык, ментальные репрезентации культуры, стиль мышления и социального восприятия, поведенческие образцы, идеалы и национальная идентичность.

С психологической точки зрения, с начала XXI в. в России и мире не только остро стоят проблемы трансформации национального менталитета, но и происходит усиление массовых протестных движений некоторых групп населения, разрастаются региональные очаги социальных революций. Эти новые политические и социально-экономические реалии непосредственно влияют на сознание, мотивацию и поведение больших социальных групп. Особенно значимыми в этой связи являются проблемы оппозиционных протестных движений. Задачи властных структур по противодействию этим процессам должны быть направлены на сохранение политической и социально-экономической стабильности российского общества: как уже отмечалось выше, сегодня не приходится рассчитывать исключительно на силовые методы и традиционные технологии управления массовым поведением людей для продолжения деструктивных тенденций.

Если размышлять о таком макроспсихологическом феномене, как социальная революция, то вызывает сомнение сложившаяся традиция объяснять его только политическими и экономическими причинами. Необходимы комплексные объяснения причин и характера революций, в которых существенное внимание должно уделяться социально-психологическим факторам. В монографии рассматриваются социально-психологические факторы революций и различные подходы к их объяснению, анализируются существующие в России «революционные точки», оценивается возможность революций в современном мире вообще.

В третьем разделе представлены не менее важные и интересные для исследовательской оценки групповые факторы, оказывающие непосредственное воздействие на особенности массового сознания и поведения.

Наиболее пристального внимания заслуживают социально-психологические особенности формирования коллективного образа будущего в больших социальных группах, которые содержат в своей основе нейробиологические, психологические и социальные механизмы зарождения и развития. Интересно обращение и к факторам, повышающим востребованность долгосрочной ориентации в российском обществе, и к психологическим барьерам, затрудняющим

формирование такого образа (дисидентирование будущего, низкий уровень социального доверия, фатализм, коллективные тревожащее состояния и страхи). Как оказалось, существенное влияние на формирование коллективного массового сознания и поведения оказывают: ориентация на долгосрочное будущее с разнообразием социальной ссти и с просоциальными установками; наличие таких групповых факторов, как доверие, лидерское видение и групповая рефлексивность; создание институциональных стимулов к долгосрочному планированию индивидуальной и коллективной жизнедеятельности; развитие коллективного воображения, целенаправленное формирование «памяти о будущем»; создание сетевых сообществ для выработки совместного образа будущего и запуска самосбывающихся пророчеств.

В работе рассматривается и такая новая сфера исследования массового сознания и поведения, как коллективные эмоции. Перспективой ее развития сопряжены с изучением переживания коллективных эмоций социальной группой, вызванных коллективной травмой. В работе выделены типы коллективных эмоций, проанализирована их связь с травмирующими событиями, описана динамика коллективных эмоциональных состояний при переживании коллективной травмы, их роль при совладании с травмой, связь коллективных эмоций с групповой идентичностью.

Отношение к своему прошлому и оценка будущего в значительной степени определяют способность общества и отдельных его представителей справляться с возникшими в настоящем экономическими, социально-политическими и бытовыми трудностями и проблемами. Именно поэтому в эпоху информационных войн и экономики знаний общество все чаще сталкивается с непрерывными целенаправленными попытками изменить представления населения о прошлом и будущем страны в целом. Данный феномен получает освещение в исследовании коллективной памяти как механизма психологического воздействия в глобальной информационной войне.

В четвертом разделе представлен еще один социально-психологический уровень анализа массового сознания и поведения, который отражает личностные факторы, лежащие в их основе. Такой анализ целесообразно начать с наиболее актуального из них с политической точки зрения – патриотизма. Несмотря на силу социальной востребованности, идеологической нагруженности и на обилие связанных с ним жизненных ассоциаций, феномен патриотизма только сейчас стал объектом пристального научного анализа. В ра-

боте показано, что патриотизм – многосоставное понятие и явление, а основными элементами его ядра выступают также психологические феномены, как чувство любви к Родине, готовность приносить личные интересы в жертву общественным посредством соответствующего поведения, самидентификация со своей страной, ее историей и народом. При этом обозначенные компоненты патриотизма неоднозначны и находятся в сложных отношениях друг с другом, что затрудняет понимание термина «патриотизм» и его использование в практических или бытовых ситуациях. Результаты, полученные в ходе эмпирических исследований, позволили сформулировать ряд психологических закономерностей, характеризующих и само явление, и его российскую специфику.

Для российского общества традиционно важно изучение и такого фактора массового сознания и поведения, как *справедливость*. Данное понятие относится к числу основных в психологической науке, хотя и зародилось за ее пределами. Сегодня эта категория стала одной из наиболее влиятельных в социальной психологии, вызвав большое количество эмпирических исследований. Соответствующие подходы обрели большую популярность и в отечественной психологии. Разработка и реализация теоретических основ и прикладных аспектов данной категории выступает стержневым компонентом анализа и оценки любого общества. «Вопрос о том, насколько справедливым будет наше общество, эквивалентен вопросу о том, насколько благополучным оно будет» (Юревич, 2014, с. 15). В работе описываются основные психологические теории справедливости, основанные на ее понимании как пропорциональности вклада и результатов участников взаимодействия. С позиций этой «формулы» справедливости оценивается ситуация и в современной России. Обозначены основные проблемы, вызванные нарушением принципа справедливости, такие как: чрезмерное расслоение по уровню доходов, высокий уровень бедности населения, низкое субъективное благополучие, недовольство и агрессивность, нестабильность социальной структуры общества, высокая вероятность массовых акций протеста и социальных катаклизмов. В монографии феномен справедливости рассматривается как один из мотивационных факторов массового сознания и поведения.

Следующий личностный фактор массового сознания и поведения сопряжен с таким социально-психологическим явлением, как *отношения к семье*. Как известно, жизненные ориентации человека, считываемые через смыслы и цели его жизни, определяют его направленность сознания, векторы активности, интересы,

эмоция и чувства. Как отмечают многие исследователи, для того чтобы понять феномен функционирования личности в различных жизненных ситуациях, необходимо рассматривать смысл как систему, обеспечивающую функционирование самой личности» (Серий, 2004, с. 48).

Какие же мировоззренческие позиции могли бы стать основой для массового объединения и сплочения россиян? Как оказалось, несмотря на сложные социально-экономические преобразования в обществе и на различные обстоятельства индивидуального жизненного пути, основная масса россиян считают себя счастливыми (Уровня счастья..., 2016) и основой счастья для них выступает благополучие семьи (там же). Об этом говорят многочисленные исследования. Семья – первая в жизни человека социальная общность (группа), благодаря которой он приобретает к ценностям культуры, осваивает первые социальные роли, приобретает опыт общественного поведения. Проблемы семьи и семейных отношений были актуальны во все времена, интерес к ним не уменьшается и в наши дни. Более того, критическое состояние современной семьи привлекает к данной проблеме внимание все большего числа исследователей, и тому есть причины. Новым в русле этих исследований является обращение к проблемам семьи как одному из факторов развития массового сознания и поведения.

Семья как личностно и социально значимая ценность могла бы лечь в основу государственной идеологии и социальной политики, эта категория претендует быть включенной в основу общенациональной идеи, вокруг которой могли бы выстраиваться частные позиции, близкие по своим социально-психологическим функциям. Отсутствие общегосударственной идеологии, сопряженной с ценностями семьи и семейной жизни, оказывает негативное влияние на социализацию молодежи, которая испытывает «экзистенциальный вакуум», зачастую предоставлена сама себе, а потому весьма подвержена внешнему воздействию.

Переход страны к рыночным отношениям в свое время был ознаменован многочисленными инновациями в сфере социально-экономических взаимоотношений, которые нашли свое отражение в массовом сознании и поведении россиян. Производные изменения в первую очередь были детерминированы изменениями в отношениях собственности. Одно из главных требований рыночной экономики заключалось в том, что каждый участник хозяйственной деятельности должен обладать собственностью, которая выступает инструментом получения прибыли за счет ее использования. Собст-

венность, конечно, категория общенаучная и является предметом исследования многих научных направлений (философии, социологии, экономики, права). Трудно назвать отрасль социогуманитарного знания, которая в той или иной форме не затрагивала бы проблемы собственности. С психологической же точки зрения, собственность отражает «индивидуальный способ бытия», актуализирует кознейственную инициативу, дает собственнику чувство уверенности в себе, прививает любовь к труду и земле, а как следствие – к своему отцу и Родине, выступает гарантом оседлости личности, объединяет членов семьи, вовлекая их в общую деятельность по сохранению и умножению собственности, пробуждает и воспитывает в человеке правосознание (Ильин, 1993; Карнышев, Бурменко, Иванова, 2006; Китов, 2004; и др.). В данном направлении исследований основной целью стал поиск ответов на следующие многочисленные вопросы: как массовое сознание и поведение интегрирует в себя проблемы собственности? как такая интеграция влияет на организацию экономики государства? какие социально-психологические явления и переживания порождаются отношениями собственности? и др.

Исторические перемены конца XX в. – развал СССР, разрушение плановой экономики, упадок промышленности, засилье зарубежных товаров и пр. – ныне усугубляются другими проблемами общества, среди которых следующие: выпады со стороны экстремистских организаций; коррумпированность и криминализация чиновников; низкий уровень жизни населения; высокий уровень налогов и инфляции; снижение уровня образования, медицинского обслуживания и социального обеспечения (Кашник, 1999). Все эти политические и экономические трансформации находят свое отражение в психологическом самочувствии основной массы населения, вызывают чувство утраты исторической перспективы, угасание патриотизма, ощущение невосприимчивости интеллектуального и нравственного потенциала общества, приводят к криминализации сознания молодежи, провоцируют агрессивно-враждебную направленность межличностного взаимодействия (Мокшанцев, Мокшанцева, 2001).

Эти сложные психологические коллизии, вызывающие ситуацию всеобщей психологической напряженности, не могут не привлекать внимания исследователей. В пятом разделе рассматриваются факторы психологической безопасности современного российского общества, оказывающие значительное воздействие на его сознание и поведение.

Наиболее важным со стороны общественной безопасности представляется анализ ситуации, сложившейся на современной междуна-

родной арены в связи с политикой распространения ядерного вооружения. В частности, в работе анализируются: роль государственных структур и государственных лидеров различных стран в возникновении глобальных ядерных рисков; социально-психологические факторы и механизмы, определяющие готовность к использованию ядерного оружия; социально-психологические принципы, лежащие в основе принятия стратегических решений различными государствами о поддержке ядерного разоружения или, наоборот, о присоединении к ядерным программам.

Серьезную угрозу психологической безопасности общества, безусловно, представляет терроризм. В основе распространения этого явления лежит множество факторов, среди которых особо выделяется духовно-нравственная, религиозная основа мотивации поведения и взаимодействия представителей христианских и исламских социокультурных обществ, идеологический конфликт западной (индивидуалистической) и восточной (традиционно коллективистской) культурных парадигм и т.д. Одним из ведущих направлений изучения глобальных террористических угроз является исследование социально-психологических факторов вступления молодежи в ИГИЛ. На основе данных, имеющихся в литературе (главным образом, интернет-источников), исследуются причины привлекательности ИГИЛ для иностранной и российской молодежи, вступающей в эту организацию. В основе такой привлекательности лежат разнотипные мотивы: ненависть к Западу и западному образу жизни; потеря смысла жизни и желание его обрести; романтические ожидания; мнение друзей и родственников; повышенная агрессивность и склонность к насилию; стремление к радикальному обновлению своей жизни; суицидальные мотивы. Более глубокое знание этих факторов поможет противостоять вовлечению российской молодежи в ИГИЛ и иные террористические организации или группировки, станет основой формирования ее антитеррористического мировоззрения.

Одной из губительных проблем человечества выступают наркомания, а прежде всего – бесконтрольное распространение информации о наркотиках в мировом интернет-пространстве. В работе обозначена комплексность самой проблемы, дан краткий анализ состояния исследований наркомании с позиций смежных наук, представлены современные подходы к антинаркотической пропаганде с разработкой и использованием психологических принципов информационной политики (пропаганда нравственности и здорового образа жизни, создание условий для формирования мотивации

к здоровому образу жизни и психологической работы с наркоманами). Сделав ряд рекомендаций по организации антинаркотической пропаганды в стране и формированию антинаркотического мировоззрения молодежи.

Любое общество значительное внимание уделяет развитию подрастающего поколения, так как в детстве и отрочестве формируются основные психологические особенности личности, система оценок и моральные принципы, которые определяют поведение человека во всей последующей жизни. Стремительность изменений, происходящих в современной социальной жизни, субкультура насилия, расширение спектра чрезвычайных и экстремальных ситуаций актуализируют проблему противодействия манипулятивному воздействию деструктивных сил на массовое сознание молодежи.

Для снижения общественных угроз соответствующими органами предпринимается целый ряд политических и даже силовых мер, однако добиться решения проблемы путем только внешнего контроля, даже самого жесткого, как показывает практика, не удастся. Такая ситуация вызывает необходимость системной организации научного поиска с целью оптимизации уровня правового сознания молодежи и с учетом реальных экономических, правовых, социальных, психологических факторов.

Монография была бы неполной, если обойти стороной механизмы и средства воздействия на массовое сознание и поведение. Для России всегда была актуальна геополитическая ситуация в мире, влияющая на тенденции и перспективы развития нашего государства, которое традиционно претендует на лидирующие позиции в мировой политике. В шестом разделе рассматриваются социально-психологические аспекты современной геополитической ситуации. Геополитический анализ истории России традиционно концентрируется вокруг линии «Запад–Восток». Эти базовые факторы чаще всего лежат в основе мотивации поведения современных протестных движений, которые искусственно масштабируются на глобальный уровень. Тем не менее попытки найти решения проблем локально – путем политических уступок или силового подавления – несопласных (как в Сирии, Ираке, на Украине и т.д.), – в принципе, не дают ожидаемых результатов. Сохранение исторических традиций и ценностей национальных приоритетов российского общества, его культурно-цивилизационной самобытности будет определять не только дальнейшие исторические перспективы нашего государства, но и геополитическую стабильность мирового сообщества в целом.

Массовое сознание и поведение в современных условиях невозможно рассматривать без обращения к коллективному творчеству в сетевых сообществах, к глобальному социальному активизму и краудсорсинговым проектам. В этом направлении анализируются новые теоретические модели совместного творчества, – такие, как модель творческого синтеза и модель обучения через формирование коллективного образа желаемого будущего. Здесь же рассматриваются изменения в совместной творческой деятельности людей, связанные с инновациями и глобализацией: растущая потребность в осознанности совместной деятельности и управлении коллективными эмоциональными состояниями, необходимость в метакогнитивной компетентности и проектировании среды совместного творчества, открытые инновации и вовлечение клиентов в создание продуктов и услуг, глобальный краудсорсинг, непрерывность творческих процессов. При этом особое внимание уделяется психологическим аспектам проблемы.

На смену внешнему воздействию на массовое сознание и поведение масс придут новые парадигмы, – в частности, гуманитарная парадигма социального управления. При данном подходе качество жизни человека становится ведущим ориентиром в управлении обществом. В частности, Россия по своим природным, трудовым и технологическим ресурсам является одним из лидеров на международной экономической арене, но по индексу развития человеческого потенциала занимает 50-е место в списке из 188 стран мира (подробнее см. главу 21). Низкий уровень развития человеческого потенциала выступает серьезным препятствием на пути устойчивого социально-экономического развития общества, создает угрозу психологическому благополучию. Предметом исследования становятся такие составляющие проблемы, как сущностная оценка и стратегия формирования качества жизни; детерминанты субъективного экономического благополучия и методы их измерения; социально-психологические факторы качества жизни и особенности их оценки; субъективное качество жизни; психологический анализ соотношения доходов и потребностей личности; уровневая модель психологического благополучия личности; психология эмоционального благополучия и др.

Завершая разговор, хотелось бы выделить основные задачи данного комплексного исследования, которые позволят читателю составить целостное представление о концепции коллектива авторов, которая легла в основу монографии:

- 1) осуществить теоретико-методологический анализ массового сознания и поведения с позиций новых тенденций в исследованиях данной проблематики в современной социальной психологии;
- 2) проанализировать и выявить современные психологические особенности национального менталитета, мотивация массовых социальных движений и кардинальных социальных изменений в мире;
- 3) выделять групповые и личностные феномены массового сознания и поведения, рассмотреть социально-психологические особенности формирования коллективного образа будущего, а также коллективные эмоции и чувства, связанные с ним;
- 4) выделять прикладную проблематику и тенденции развития исследований по данному направлению в перспективе.

В отечественной социальной психологии в настоящее время проблематика массового сознания и поведения исследуется явно недостаточно. Содержание представленной книги позволит не только в определенной мере заполнить существующие «белые пятна» социальной психологии, но и показать ориентиры для дальнейших социально-психологических исследований этой проблематики.

Раздел 1

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИССЛЕДОВАНИЯ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ

Глава 1

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ БОЛЬШИХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Современный период развития нашей страны характеризуется кардинальным изменением социальнополитической и идеологической ситуации. В России, претендующей на принципы западного государственного устройства (капитализм и индивидуализм), происходят драматические изменения в ценностной структуре общественного сознания народа. Что же сейчас может предложить психологическая наука (особенно социальная и политическая психология) для понимания и решения новых проблем функционирования больших социальных групп, их массового поведения?

Психология массового поведения больших социальных групп как научное направление в социальных науках возникло на рубеже XIX–XX вв. и относилось к областям социальной психологии и психологической социологии. В настоящее время оно включается также в область макропсихологии (Макропсихология..., 2009). В своей истории рассматриваемое направление исследований ознаменовалось выходом в свет целого ряда работ, ставших классическими – Г. Лебова, Г. Тарда, З. Фрейда (Лебов, 1995; Тард, 1902; Фрейд, 1990). Несколько позднее появилось исследование В. Райха (Райх, 1933). Детальный анализ содержания этих и последовавших за ними исследований, разработка психологических трактовок и теорий толпы, созданных Г. Лебоном, Г. Тардом, З. Фрейдом и др., представлены, в частности, в монографии С. Москвичи (Москвичи, 1996). В предисловии к ней А. В. Врушанский обобщил систему идей Москвичи, на которую опирались психологические воззрения вышеуказанных классиков на проблему массового поведения. Основные идеи таковы:

- а) психологически толпа – это не скопление людей в одном месте, а такая человеческая совокупность, которая обладает психологической общностью;

- б) индивид действует сознательно, а масса, толпа – бессознательно, поскольку сознание индивидуально, а бессознательное может иметь коллективную природу;
- в) массы, толпы нуждаются в наличии и поддержке лидера (или вождя), который влияет на них своим харизматическим авторитетом, а не рассудком;
- г) массовая коммуникация имеет иррациональную основу, опирающуюся не столько на рациональные доводы, сколько на эмоциональные составляющие и внешние признаки (Брушлинский, 1996).

Таким образом, в классических источниках опорой для понимания психологии масс является противопоставление индивида вне толпы ему же, находящемуся в толпе. При этом толпа понимается крайне широко: это не только стихийные неорганизованные скопления людей, но и организованные объединения, обладающие своими целями.

При всей бесспорной важности вышеприведенных теоретических положений, можно поставить вопрос о нецелесообразности и неправомерности столь широкого понимания толпы и отношения к ней организованных политических партий, профсоюзов, армейских структур, религиозных, протестных и других групповых образований.

Анализ воззрений классиков на проблему «психологии толпы», проведенный С. Московичи, позволяет выделить некоторые недостатки в классических представлениях, и взглядов самого С. Московичи на данную проблему. Прежде всего, их характеризует так называемый интрапсихологический детерминизм, в соответствии с которым психика людей рассматривается как самостоятельное явление, вне тесной связи с ее историкогенезом и социально-экономическими условиями жизни человека. Такой детерминизм означает неоправданную психологизацию социального поведения индивидов и социальных групп. Более того, в настоящее время разрабатывается идея развития многих отраслей современной психологии как социально ориентированных (Журавлев, 2011). К ним же в полной мере может быть отнесена и психология массового поведения, хотя ей пока сложно претендовать на самостоятельную отрасль психологии.

Во-первых, не совсем оправданно категоричное противопоставление поведения индивида как относительно автономного существа и его социального поведения в группе, в том числе в толпе. Этим фактически обрасывается со счетов история социальной (или госу-

дарственно-политической, экономической, идеологической) организация людей в сообщества, с присущими общественному устройству нормами коллективного (или совместного) поведения.

Во-вторых, коллективная жизнь людей автоматическая не предполагает контроля или своей индивидуальности. Совсем не обязательно в коллективном поведении индивид будет вести себя иррационально. Все обстоит сложнее.

В-третьих, представления о психологической природе толпы в классических работах анализируются как бы в «социальном вакууме», поэтому создается впечатление, что до этого в истории человеческой цивилизации не было аналогичных проблем с массовым поведением людей и управлением им со стороны властных структур.

С учетом таких соображений ниже будет выполнен краткий анализ современных тенденций в исследованиях поведения больших социальных групп, в частности толп.

Проанализируем современную исследовательскую литературу по данной проблематике и постараемся выделить основные тенденции, включая возможные новые направления в изучении психологии массового поведения.

Сразу же необходимо отметить, что в современной отечественной психологии по данному научному направлению сохраняется тенденция к изданию преимущественно обзорно-аналитических работ и учебных пособий (Современная психология..., 1999; Психология..., 2000; Социальная психология, 2002). В них, как правило, обсуждаются классические проблемы массового поведения (имеющиеся типологии, эффекты иррационального поведения индивида в толпе, детерминанты и механизмы ее формирования и т. д.), а также реализуются некоторые попытки объяснить влияние различных детерминант на массовое поведение.

Понятие «толпа» уже не раз подвергалось подробному рассмотрению с точки зрения свойств и видов, механизмов поведения, видов реакции и коммуникаций, приемов управления и манипуляции (см.: Назаретян, 2001; и др.). Более-менее согласованное определение толпы обнаружить практически не удастся: этот феномен по-прежнему остается многозначным. «Массовое скопление людей» традиционно определяется как образование (скопление) большого числа людей в одном месте (Aron, 2004). «Массовое поведение», или «поведение толпы» (*crowd behavior*), признается главным феноменом, требующим оценки и анализа соответствующих действий по управлению им. Вообще в научной литературе термины «толпа», «масса», «массовое скопление людей», «вид толпы», «управление поведением

толпы», «состояние сознания толпы» используются в разных контекстах и оказываются передою недифференцированы по содержанию.

Обратимся к истории возникновения и развития теорий массового поведения (или теорий толпы) в научной литературе. Лебон, как основатель теории поведения больших социальных групп, совместно с другими исследователями разработал и «увесочил» традицию исследования роли группового сознания (McPhail, 1989; Reicher, 2001). Он утверждал, что в массовых скоплениях людей индивидуальность фактически утрачивается, чувство личной ответственности, приобретающее непреодолимой силы, становится легко доступными объектами психического заражения и влияния и как следствие – субъектами примитивного поведения.

Концепция Лебона с коллегами была критично оценена и, более того, поставлена под сомнение сторонниками диспозиционной теории (Reicher, 2001). В этой традиции коллективное поведение объяснялось с опорой на заранее существующие индивидуальные тенденции поведения. При этом отмечалось, что агрессия и насилие в массовом поведении возникают от наличия и воздействия асоциальных личностей.

Сущность нормативной теории массового поведения составляет положение о том, что всякое коллективное поведение реально осуществляется на основе возникающих норм. Утверждается, что сплун и беспорядочно движущиеся толпы имеют одной из своих важнейших целей возникновение новых социальных норм, которые обычно являются модификацией существующих. Несмотря на то, что нормативная теория восстанавливала закономерную связь между индивидуальным поведением и действиями в массовых скоплениях людей, она оказалась неспособной объяснить, каким образом высокая степень единства большой социальной группы может достигаться за столь короткий период времени (McPhail, 1991).

Отмеченные выше теории массового поведения больших скоплений людей были дополнены С. Рейхером и Дж. Поттером (Reicher, Poter, 1985) концепцией междугрупповой перспектив. В основу их представлений положена потребность в признании социально-когнитивных перспектив в ин-группах (своих) и аут-группах (чужих, с оппозиционными установками). В частности, они отметили неспособность других теорий объяснить динамику процессов, составляющих природу массового поведения; неспособность понять мотивы членов массовых групповых образований, а также преодолеть чрезмерный акцент на изучении отрицательных характеристик массового поведения. Они подчеркивали необходимость рассмотре-

ния (и понимания) различных социально-когнитивных перспектив в динамике, имеющей место и в ин-группах, и в аут-группах¹.

Ваддингтон с коллегами продвинулись дальше в понимании закономерностей массового поведения и предложили многоуровневую модель его дезорганизации, в которой фактически речь идет о влиянии факторов разного социального уровня на дисфункциональность поведения больших (массовых) групповых образований (Waddington, Jones, Critcher, 1987). Авторы пришли к заключению, что дезорганизация массового поведения в принципе редко «задумывается» в качестве цели проведения массовых мероприятий самими организаторами. Однако возможность именно такого развития событий, по мнению авторов, объяснима и, по меньшей мере, частично даже предсказуема.

Следующим важным направлением в развитии понимания социально-психологической природы массового социального образования и метакогнitive поведения его членов явилась разработка модели социальной адаптивности массового поведения. Она основана на теории самокатегоризации, развитой Тернером с коллегами. Достоинством данной модели является положение о том, что коллективное поведение и эффективные социальные влияния в группах возможны только на основе взаимно разделяемой самокатегоризации или общего чувства социальной идентичности (Turner, Oakes, Haslam, McGarty, 1994). Эти тенденции в массовом групповом поведении ярко проявляются и в таком социальном явлении, как терроризм (см.: Соснин, Нестик, 2009; Соснин, 2011, 2012).

Теория социальной идентичности в приложении к массовому поведению была обоснована С. Рейхером (Reicher, 1996a, б) и основательно проанализирована и обсуждена Дж. Друри и С. Рейхером (Drury, Reicher, 2000). Они проанализировали феномен социальной идентичности группы, который может развиваться в процессе и ре-

1. *Ин-группа* представляет собой совокупность людей, имеющих взаимно разделяемые социальные нормы и общую цель (например, болельщики определенной спортивной команды). *Аут-группы* – это люди, которые не входят в ин-группу или которые не разделяют чувства социальной идентичности ин-группы. *Аут-группы* образуются тогда, когда одна группа массового образования противопоставляется другой. Очевидный пример аут-группы – это болельщики другой спортивной команды. Однако более внушительная ин-группа по своему составу и численности может формироваться в массовое скопление людей (толпу), если проводит противоположные позиции. И, следовательно, толпа является аут-группой по отношению к первой группе.

результате межгруппового взаимодействия. Они считают, что конфликт возникает в условиях, когда две группы имеют несовместимые представления о возможных вариантах поведения в конкретной ситуации и когда действия одной группы рассматриваются как нарушающие представления о правильности и справедливости поведения на языке социальной идентичности другой группы. Главный вывод разработчиков модели состоял в том, что динамика межгрупповых отношений является основным фактором возникновения и развития межгруппового конфликта. Авторы считают, что межгрупповая дискуссия и развитие межгрупповых отношений являются важными способами формирования и усиления чувства социальной идентичности групп.

Анализ современных исследований массового поведения, в которых использовались, подтверждались или опровергались предлагаемые модели его объяснения, позволил выявить ряд относительно новых тем. Сознание и поведение массовых образований людей были признаны явлениями, зависящими от социальных условий, наличия «зрителей», отдельных значимых личностей, а также от множества ситуационных факторов окружающей среды. Исследователям стало ясно, что массовое поведение необходимо рассматривать в качестве феномена межгруппового взаимодействия с учетом различной динамики психологических состояний ин-групп и аут-групп. Массовые скопления людей (толпы) с более высокой вероятностью вовлекаются в конфликт, когда конфликтное поведение считается оправданным, поскольку внешняя группа, по их мнению, нарушает должные нормы и принятую практику социального поведения, или когда конфликт считается эффективным средством достижения желаемых целей ин-группы. Желание распространения конфликта связано со степенью изменения в самокатегоризации и тем самым в социальной идентичности ин-группы, а также с неспособностью внешней группы дифференцировать наличие разных подгрупп в массовом групповом образовании (толпе). Межгрупповая динамика оказалась решающим фактором возникновения массового конфликта (Reicher, 1996).

Возникновение «чувства силы» (*phenomenon of empowerment*) в ин-группе, т. е. в массовом групповом образовании (например, в толпе в целом), было также идентифицировано исследователями как принципиально важный феномен, оказывающий влияние на массовое поведение ин-группы (Videt, 2004; Duguy, 2002). Сильные (доминантные) действия членов ин-группы (толпы) опирались на представления о «должной/правильной практике взаимо-

действия» (социальной нормы) и ее нарушении представителями аут-группы (на практике – представителями правоохранительных структур). Друри и Рейзер на основе наблюдений обнаруживали, что, поскольку члены массового группового образования (толпы) воспринимали разные формы поведения аут-группы как преимущественно «нелегальные», границы толпы начинали расширяться и в ин-группу начинали включаться те индивиды, которые на предыдущем этапе считались аутсайдерами (скорее, сторонними наблюдателями) (Drury, Reicher, 2000). Расширение границ массового группового образования явно способствовало возникновению общего «чувства силы» в толпе, от чего она реально становилась более сильной.

Теперь остановимся на проблеме измерения (наблюдения и фиксации) параметров массовых групповых образований (толп). Естественно, в литературе есть рекомендации и подходы к решению этой проблемы и обсуждение разных ограничений представляемых выше моделей массового поведения (объем толпы, наличие подгрупп в толпе, механизмы формирования толпы и т.д.) (Zeig et al., 2007). Целесообразно кратко изложить эти представления, которые недостаточно известны отечественным специалистам.

Например, в Англии матрица для оценки возможностей правоохранительных структур при обеспечении безопасности массовых мероприятий включает профиль состава толпы как совокупность ряда индикаторов (Health and Safety Executive..., 1999). Основные дескрипторы массового группового образования включает параметры участия семейных групп, молодых людей, детей и подростков, пожилых людей и, что очень важно, представителей конкурирующих групп. В руководстве, разработанном Австралийской ассоциацией управления чрезвычайными ситуациями, описаны типы толп в условиях массовых скоплениях людей с выделением ключевых дескрипторов, включающих физические движения, степень участия, формы поведения (Amatiglia, 1999) (см. таблицу 1).

На сегодняшний момент можно назвать и определить следующие наиболее известные в литературе типы групповых массовых образований (Назаретян, 2001), которые, по установившейся терминологии, называют «толпами».

Случайная толпа – скопление людей, собравшихся посмотреть на неожиданное происшествие. Это самая обыденная ситуация стихийного массового поведения, которую доводилось в жизни наблюдать любому взрослому человеку.

Конвенциональная толпа – групповое образование, которое собирается по поводу заранее объявленного события (митинг, концерт,

Таблица 1
Типы массовых скоплений людей
с выделением ключевых дескрипторов

Тип толпы	Дескрипторы поведения
Движущаяся (различные типы шествий, очереди, религиозныеходы и т.п.)	Специфичное движение и эмоциональное состояние участников
Ограниченная в свободе движений	Необходимость общественным мероприятиям, необходимость дополнительной организации со стороны правоохранительных структур
Связанная общим интересом, наблюдающая (фестивали, болельщики спортивных мероприятий)	Несинхронизированные, спонтанные действия
Экспрессивная/отдыхающая (аудитория, болельщики, наблюдающие за массовыми городскими мероприятиями, включая кроссы, гонки, массовые выходы на природу и т.п.)	Эмоциональное расслабление
Действующая (пикеты, марши и т.п.)	Члены толпы – участники конкретного события
Агрессивно-враждебная	Наличие вербальной агрессии, готовность к противоправным действиям
Демонстрирующая (протестные толпы, пикеты, марши и т.п.)	Наличие определенной организации со стороны лидеров
Паническая	Поведение обусловлено наличием реальной или воображаемой опасности для жизни
Плотная/тесная (типа давки)	Уменьшение индивидуальных физических движений, возможность превращения в паническую толпу
Стакательная	Попытки, используя ситуацию, незаконно приобрести, получить или урвать что-либо
Насильственная	Физическое нападение/террористические действия

футбольный матч и т. д.). Здесь преобладает направленный интерес, и люди до определенного времени (пока толпа сохраняет качество конвенциональности) готовы следовать в своем поведении определенным социальным правилам (конвенциям).

Экспрессивная толпа – групповое образование, ритмически выражающее доминирующие в толпе эмоции – радость, энтузиазм, протестные настроения и т.п.

Экзотическая толпа – групповое образование, которое заражено экстремальной формой выражения своих эмоций – радостью, гневом, протестной готовностью доказать свою правоту и т.д. Это наиболее опасный вид толпы, требующий внимательного отношения со стороны правоохранительных структур.

Действующая толпа – групповое образование, представляющее наиболее опасный вид коллективного поведения (оппозиционного, протестного) для правоохранительных структур государства. В ее рамках можно выделять ряд подвидов толпы: агрессивная, паническая, стихотельная, повстанческая.

Агрессивная толпа – групповое образование, доминантой поведения которой являются злоба, ярость и стремление доказать властям свою справедливость и правоту.

Паническая толпа – групповое образование, в котором каждый человек в ситуации необходимости спасения жизни стремится избежать личного смертельного исхода. Паническое поведение (индивидуальное выживание) обычно не только является спасительным, но часто становится более опасным фактором, чем то, что спровоцировало ситуацию паники.

Стихотельная толпа – группа людей, которые в критической ситуации стремятся завладеть ценностями людей, находящихся в беде. Доминируют жадность, отсутствие нравственных норм поведения и страх наказания. Однако слово «стихотельная» не всегда следует понимать буквально. Это может быть толпа голодных людей, не видящих выхода из ситуации, кроме приобретения припасов для жизни в погромах и использования ситуации в целях выживания.

Повстанческая толпа – это групповое образование, которое ведет борьбу с государством на основе духовно-религиозных, идейных мотиваций. Показательный пример такой деятельности – террористическая активность в современном мире.

Другой инструментарий был предложен А. Пайнзом и К. Маслачем, методический подход которых включал сбор информации по таким параметрам, как уровень вербальной активности толпы, физические движения, участие сторонних наблюдателей и т.п. Их вариант предполагал необходимость разработки матрицы параметров измерения психофизиологического состояния и поведения толпы (Pines, Maslach, 1993). А. Пайнз и К. Маслач считали, что необходимо разрабатывать матрицу параметров измерения массового сознания

толпы. Основываясь на идеях этих авторов, К. Зейтц с коллегами выполнил прикладное исследование для служб экстренного реагирования (полиция, медики, пожарные и т. д.) по измерению (фиксации) параметров массовых групповых образований. Оно включало разработку матрицы качеств для оценки состояния массового сознания толпы (Zeitz et al., 2005).

Состояние сознания толпы характеризовалось как пассивное, активное и энергетическое (активно-агрессивное) (см. таблицу 2).

Таблица 2

Матрицы для оценки состояния массового сознания толпы

Психологическое состояние толпы	Дескрипторы описания массового поведения
Пассивное	Наступление и обсуждение событий, а конкретные физические действия, а физические контакты, слабое взаимодействие между участниками массового мероприятия
Активное	Нормальный уровень общения, средний уровень физических взаимодействий между участниками массового мероприятия, средняя степень участия аудитория в мероприятии, возможное агрессивное противонаправное поведение
Активно-агрессивное	Возрастание активного вербального взаимодействия, возрастание интенсивности физической активности, существенное усиление психологического контакта, возрастание влияния аудитории и возможное наличие ситуаций насилия

Типологию массовых групповых образований² можно также построить, исходя из представлений о социальной установке (рациональный, эмоциональный и поведенческий компоненты), а имеющиеся в литературе классификации типов групповых образований распределить в соответствии с критериями социальной установки с некоторыми дополнениями. Основными признаками типологии массовых групповых образований являются: а) критерий времени существования *группового образования*: долговременные группы (демографические, политические, профессиональные, религиозно-

2 Термин «массовые групповые образования» в работе используется как обобщающий концепт для обозначения социальных групп (преимущественно больших), участвующих в массовых групповых процессах (групповые образования типа «толпа», социальные движения, группы болельщиков на спортивных мероприятиях, протестные группы и т. д.).

этнические) и кратковременные (митинги, аудитории, аудитории зрелищных мероприятий, массовые скопления людей в протестных явлениях и т. п.); б) критерий модальности (жест, направленность) массового поведения: социально ориентированное или социально деструктивное, противоправное поведение.

Основными психологическими характеристиками поведения больших социальных групп могут являться:

- рациональные компоненты, т.е. коллективные представления, мнения группы;
- мотивация, т.е. групповые интересы и цели;
- аффективные потребности, т.е. коллективные переживания, социальные чувства и настроения группы (толпы), которые необходимо выражать и которые, как правило, в толпе выражаются неосознанно.

Если говорить о динамических (эмоциональных) признаках поведения человека в толпе, то и классические, и современные исследования выделяют ряд базовых характеристик поведения:

- эффекты психологического заражения (неосознанно действовать как все);
- эффект анонимности и возможности выражения своих «комплексов» в толпе;
- снижение рациональной оценки своего поведения в толпе;
- «психологическое отклонение» от своего социального статуса;
- снижение интеллектуальных способностей при поведении в толпе.

Естественно, все эти эффекты взаимосвязаны. Исходя из этого, представим матрицу типологий массовых групповых образований в следующем виде (таблица 3).

Как видно из приведенной матрицы, одно и то же название (тип) группового образования может попадать в разные ячейки в зависимости от сочетания критериев классификации. Приведены типичные названия массовых групповых образований, наиболее часто употребляемые в литературных источниках (Назаретян, 2001; Зейл и др., 2009; и др.). Данная классификация помогает системно отразить проблематику типологии массовых групповых явлений, определять тип массового образования (как конкретного объекта исследования) на основании определенных критериев. Между тем она открыта и для включения других типов групповых массовых образований.

Таблица 3
Матрица типологий массовых групповых образований

	Когнитивная составляющая (идеи, мотивы)				Эмоциональная составляющая (коллективные переживания, чувства, настроения)				Поведенческая составляющая (формы поведения)			
	Долго-временные		Кратко-временные		Долго-временные		Кратко-временные		Долго-временные		Кратко-временные	
Критерий времени	1		2		3		4		5		6	
Критерий модальности	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-
	1,1	1,2	2,1	2,2	3,1	3,2	4,1	4,2	5,1	5,2	6,1	6,2

Обозначения: + социально ориентированные поведения, – деструктивные, криминальные; 1 – партии, союзы, общественные организации, религиозные группы, секты, повстанческие (террористические) организации и движения; 2 – стихийные, ведомые и случайные толпы, конвокационные группы, панические и стапотельные толпы; 3 – религиозные группы и секты, повстанческие (террористические) организации; 4 – ведомые и случайные толпы, экстремистские, агрессивные и экзотические толпы, панические и стапотельные толпы; 5 – партии, союзы, общественные организации, религиозные группы, секты, повстанческие (террористические) группы; 6 – ведомые и случайные толпы, экстремистские, агрессивные и экзотические толпы, панические и стапотельные толпы. Групповые образования классифицируются двенадцатиком по критерию модальности поведения: 1,1 – партии, союзы, общественные организации, религиозные группы; 1,2 – секты, повстанческие (террористические) организации; 2,1 – демонстрации, митинги, массовые прелюдные мероприятия, действующие в рамках закона; 2,2 – стихийные, ведомые, конвокационные группы, протестные движения (толпы); 3,1 – левый свободный; 3,2 – секты, повстанческие (террористические) группы; 4,1 – ведомые, случайные и экстремистские толпы, демонстрации, митинги, массовые прелюдные мероприятия, действующие в рамках закона; ведомые, случайные, экстремистские и экзотические толпы, демонстрации, митинги, массовые прелюдные мероприятия, превращающиеся в агрессивные толпы, оппозиционные протестные группы; все типы групповых образований, действующие в рамках закона; 5,2 – религиозные секты, повстанческие (террористические) группы; 6,1 – все типы криминальных групповых образований, действующие в рамках закона (демонстрации, митинги, массовые прелюдные мероприятия); 6,2 – протестные групповые образования, агрессивные толпы, бунты, стапотельные и панические толпы.

***

Итак, мы рассмотрели различные подходы к проблеме наблюдения и фиксации параметров массовых групповых образований. Исследования подтвердили, что групповое сознание и поведение массового образования (толпы) является важным фактором, которому

следует уделять более пристальное внимание в практической деятельности структур экстренного реагирования (Zeitz K. et al., 2009).

Во-первых, современные исследования психологических проблем массовых образований людей и их поведения позволили поставить под сомнение идеи классиков о тотальной неуправляемости индивидов и их высочайшей зависимости в толпе.

Во-вторых, объяснительный потенциал теории социальной идентичности в применении к анализу массового сознания и поведения крупных групповых образований оказался достаточно высоким и перспективным, особенно в прикладном плане. Психологические исследования установили, что участие членов толп в массовых мероприятиях требует от них модификации существующих норм поведения и формирования общего чувства социальной идентичности. Кстате, данное положение имеет непосредственное отношение к пониманию и объяснению поведения практически любых больших социальных групп (Журавлев, Емельянова, 2009).

Поскольку существует высокая вероятность возникновения противоправных действий в массовых групповых образованиях, активность правоохранительных структур в таких условиях имеет решающее значение. Их участие на этапе планирования и подготовки массовых мероприятий дает им возможность идентифицировать группы риска. Как следствие, у правоохранительных структур возникает потребность применять и развивать подходы к эффективному взаимодействию с массовыми групповыми образованиями и перспективному просектированию своих возможностей по управлению их поведением. Эти модели должны включать подготовку персонала экстренного реагирования, разработку соответствующих техник и технологий, механизмов управления и ограничения возможностей для агрессивного массового поведения (Drury, Reicher, 2005). Вместе с тем, по-прежнему существует необходимость трансляции социально-психологических теорий толп на их практическое применение в управлении массовыми групповыми образованиями. Это возможно, если имеет место понимание взаимодействия психологических факторов на групповое сознание ин-группы, понимание влияния этих факторов на естественных моделях наблюдения (при фиксации параметров поведения толпы) со стороны правоохранительных органов, на разработанные способы изменения психологического состояния толпы.

Анализ мировой литературы по рассматриваемой проблеме позволил констатировать, что существуют две важные характеристики массового поведения больших скопления людей: 1) такое поведе-

ние подвержено закономерному изменению в направлении к более агрессивному, экстремистскому; 2) нередко люди вынуждены участвовать в возможных противоправных акциях в силу своего присутствия. Это дает возможность правоохранительным структурам эффективно вмешиваться в управление поведением массовых групповых образований и проводить следующие мероприятия: а) мониторинг предстоящего события; б) анализ содержания (целей) проведения массового мероприятия; в) идентификацию и управление возможным противоправным поведением. Естественно, необходимо выполнение многообразных исследований по проблеме управления массовыми групповыми образованиями, разработка исследовательского и практического инструментария (техник и технологий) по изменению поведения толпы. Это остается одним из актуальных направлений развития современной социальной психологии.

Проведенный теоретический анализ психологических проблем массового поведения и классических представлений о поведении индивида в массовом групповом образовании позволил: а) показать возникшую неадекватность классических представлений о закономерностях массового поведения, прежде всего поведения толпы, в соответствии с новыми представлениями Лебона, Тарда и их последователей; б) в качестве нового направления исследований массового поведения выделить теорию социальной идентичности. Это направление имеет большие перспективы в разработке прикладных вопросов воздействия на массовое поведение.

Выделенное прикладное направление требует междисциплинарного анализа с привлечением специалистов из смежных наук и включает в себя разработку системы социально-психологического сопровождения, воздействия и влияния на поведение больших социальных групп (социальный контроль, психологическая поддержка, организация обратной связи и систем противодействия и т.д.). В дальнейшем необходимо обосновать новую проблематику в изучении массового группового поведения, возникшую на рубеже тысячелетий в связи с развитием интернет-технологий, потребность изучить их влияние на массовое сознание и поведение. Данное направление исследований требует систематических усилий и конкретных разработок со стороны социальных психологов.

ГЛАВА 2

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРИЙ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФЕНОМЕНЫ, ФАКТОРЫ, МЕХАНИЗМЫ

В предыдущей главе дан краткий исторический анализ формирования научного направления, связанного с исследованием массового сознания и поведения, рассмотрены новые тенденции исследований поведения больших социальных групп в современной психологической науке. Показано, что классические теории поведения толп (массовых групповых образований), развитые в работах классиков Лебона, Тарда и Фрейда, сегодня не достаточны для объяснения современных тенденций массового поведения людей. Сегодня необходимо избавиться от выраженного психологического детерминизма, замкнутого противопоставления двух форм поведения индивида – как автономного субъекта и в толпе. Сегодня участников массовых движений уже нельзя рассматривать исключительно как нерациональных субъектов, подверженных в толпе психологическому заражению и снижению своих интеллектуальных ресурсов. В этой связи эволюционируют не только теории массового сознания и поведения, но и психологические феномены, факторы, механизмы воздействия претерпевают существенные трансформации. Задачи настоящей главы – показать перспективность исследований по данному научному направлению с позиций социально-идентификационного подхода.

В научной литературе термины «толпа», «массовое скопление людей» часто использовались (и используются) без разграничения. Массовое скопление людей определяется исследователями как образование большого числа людей в одном месте (Aron, 2004, p. 208–212; Minton et al., 2002, p. 151–167), но нет согласованного определения толпы. Практически термин «состояние сознания толпы» стал параметром измерения вероятного массового поведения.

В современной научной литературе теория толпы развивается в нескольких направлениях, которые удобно сопоставить благодаря предложенной К. Зейтцем с коллегами таблице (см. таблицу 4).

Таблица 4
«Теория толпы» в современной научной литературе
 (цит. по: Zeitz et al., 2000, p. 32–38)

Персоналии	Основные теории	Содержание теоретических представлений
Г. Лебон и другие классики	Традиционная теория толпы	В толпе народная масса представляет о своей личной ответственности, становится объектом мнений и примитивного поведения (Le Bon G., 1895)
Ф. Огюст Н. Миллер Дж. Диллема Р. Миллс	Диссоциальная теория	Коллективное действие объясняется не личными существующими тенденциями, а наличием правил и организационных элементов (Dunay, Reichert, 2000; Reichert, 2000; McPhail, 1980, 1991)
Р. Трэнтер А. Бастия Р. Миллс	Нормативная теория	Коллективное поведение возникает из существующих норм. Структур и нормативное поведение толпы формирует общие нормы, которые определяют существующие нормы. Нормативная теория исследует связи между индивидуальным поведением личности и ее поведением в толпе. Теория не способна объяснить, каким образом большие группы достигают единства в короткий период времени (Dunay, Reichert, 2000; Reichert, 2000; McPhail, 1980, 1991)
С. Рейнер Дж. Паттер	Многогруппная теория	Потребность в признании социаль-но-личностных различий в не-группных и суб-группных (другая группа с организационными установками) (Reichert, 2000, 1985)

Персоналии	Основание теорий	Содержание теоретических представлений
Д. Ваддингтон В. Давос С. Криттгер	Модель дезорганизации	<p>Шесть уровней дезорганизации:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) структурное – стихийное распределение власти и ресурсов; 2) когнитивно-аффективная дезорганизация – потеря целостности социальных структур и групп; 3) культурная – способы, которыми группы понимают социальный мир и свое место в нем; 4) коммуникативная – дефицит временных ситуаций как сцен и информации в СМИ; 5) структурное – конкретный аспект собраний толпы; 6) межличностное взаимодействие – доверие, нарушающее нормализацию правил взаимодействия между группами (Waddington et al., 1987)
Дж. Тернер П. Оукс С. Хиллс В. Давид	Теория социальной идентичности	<p>Основывается на теории самидентификации. Тернер и др. утверждают, что социальное поведение возможно только на основе общего чувства идентичности (самидентификации) (Turner et al., 1987)</p>
С. Рейдер Дж. Дугла	Развитие теории социальной идентичности	<p>Анализирует формирование социальной идентичности временем формирования группы. Конфликт возникает, когда две группы имеют несоответствие между представлениями и поведением одной группы с тем, что нарушающим права другой группы. Развитие конфликта соответствует изменению в самидентификации (идентификации) группового образования и власти межгрупповой динамики в процессе развития конфликта (Reider, 1996; Dugan, Reider, 2000)</p>

Анализ современных исследований массового поведения в разных вариантах массовых событий, в которых использовались предлагаемые выше теории объяснения массового поведения, вскрыл ряд важных тем (Соснин, 2011; Психологическое воздействие..., 2012; Психологическое воздействие..., 2014). Создание и поведение массовых групповых образований были признаны зависящими от определенных условий – «зрителей», отдельных личностей, а также от динамики ситуационных массовых изменений окружающей среды (Zimbardo, 1995).

Например, К. Янг (Young, 2002) пришел к выводу, что потребность большинства в установлении нормы групповой идентификации (основанной на широком спектре факторов), по-видимому, является важным фактором массовой дезорганизации поведения. Е. Доли с коллегами (Dooley et al., 2002), исследуя развитие групповой идентификации в ответ на предполагаемые или актуальные конфликты в межгрупповой иерархии (в лабораторных условиях), пришли к выводу, что степень и природа выражения солидарности зависит от степени идентификации со своей группой.

Исследователям стало ясно, что массовое поведение необходимо понимать как феномен межгруппового взаимодействия с учетом различных перспектив динамики в ин-группах и аут-группах. Массовые скопления людей (толпы) с большей вероятностью вовлекаются в конфликт, когда конфликтное поведение считается законным, поскольку внешняя группа, по их мнению, нарушает доминирующие нормы и практику социального поведения, или когда конфликт считается эффективным средством достижения желаемых целей ин-группы. Распространение конфликта было связано со степенью изменения в самокатегоризации социальной идентичности ин-группы и с неспособностью внешней группы дифференцировать наличие разных подгрупп в массовом групповом образовании (толпе). Межгрупповая динамика оказалась решающим фактором возникновения и развития массового конфликта.

Феномен возникновения «чувства силы» в ин-группе также был идентифицирован исследователями как важный фактор, оказывающий влияние на массовое поведение ин-группы. Сильные (конфликтные) действия членов ин-группы опирались на представления о «должной/правильной практике взаимодействия» (социальной норме) и ее нарушении представителями аут-группы (на практике – представителями правоохранительных структур).

Дж. Друрри и С. Рейзер на основе наблюдений отметили, что поскольку члены массового группового образования воспринимали

поведение аут-группы как «незаконное», границы толпы начинали расширяться, и в ин-группу начинали включаться те индивиды, которые формально считались аутсайдерами (т.е. сторонними наблюдателями) (Dugan, Reckless, 2000). Расширение границ массового группового образования приводило к возникновению феномена «чувства силы» в массовом сознании толпы. В последующих работах этих исследователей феномен «чувства силы» толпы как фактор массовых коллективных действий был подвергнут дальнейшему анализу.

Современные теории психологии массового поведения в целом опираются: 1) на положение об изменяющихся нормах поведения людей в толпе; 2) на идею формирования ин- и аут-групп в процессе взаимодействия; 3) на решающее значение активности правоохранительных структур в условиях неизбежного риска возникновения противоправных действий в массовых групповых образованиях.

Многие исследования фокусировались на проблеме взаимодействия между группами. Возник опыт разработки данной проблемы в прикладном аспекте анализа массового поведения как противоправных действий ряда членов массовых групповых образований (Кепп, 2006). Появилась проблема понимания интрагрупповой динамики (как внутри толп, так и между ин-группами и аут-группами), особенно во взаимодействиях со службами безопасности и полицией.

В целом обзор литературы по проблеме позволил констатировать ряд выводов об особенностях группового поведения в массовых скоплениях людей:

- 1) массовое поведение подвержено изменению в направлении к экстремистскому поведению;
- 2) люди вынуждены участвовать в возможных противоправных акциях в силу своего присутствия;
- 3) взаимодействия субъектов подвержено эмоциональному заражению, не всегда позитивному.

Каковы же механизмы массового поведения, их динамика и психологические детерминанты?

Представление о толпе рождается из личного опыта людей. Поддавшись простому человеческому любопытству, заражаясь общим настроением, люди постепенно превращаются в неорганизованное скопление масс, или толпу. «Толпой» современные исследователи считают бесструктурное скопление людей, лишенных общности целей, но связанных посредством эмоциональных состояний и общим объектом внимания (хотя притестные толпы могут иметь четкие идеологические цели своих выступлений).

Основным психологическим механизмом образования толпы является механизм циркулярной реакции и коммуникация. Циркулярная реакция – это взаимное заражение, т. е. передача эмоционального состояния на психофизиологическом уровне между членами толпы. Процесс кружения – это обострение эмоций в толпе и готовность эмоционально реагировать на информацию, излагаемую лидерами движений. Следующим важным элементом формирования и консолидации толпы является появление нового объекта общего внимания, и лидеры движений активно используют этот механизм. Последним этапом формирования толпы как психологического целого является активизация членов толпы через возбуждение представлений и эмоций, соответствующих воображаемому объекту или достижению целей собирающегося группового образования, транслируемое лидерами движений.

При формировании массового группового образования возникает ядро толпы – субъекты, задача которых сформировать, психологически консолидировать толпу и использовать ее разрушительную силу в своих интересах.

Участники толпы – субъекты, примкнувшие к ней либо в силу идеологических соображений, либо вследствие идентификации своих ценностных ориентаций с направлением действий толпы. Особую опасность представляют агрессивные личности, которые примыкают к толпе исключительно из-за возможности дать разрядку своим невротическим и часто садистским наклонностям.

Добросовестно заблуждающиеся присоединяются к толпе из-за ошибочного восприятия обстановки. Они могут быть движимы ложно понятым принципом справедливости.

Кроме того, в толпе могут быть сознательно внушаемые люди, которые легко поддаются общему заражающему настроению, стихийным чувствам и поведению.

К толпе примыкают и обыватели. Они не проявляют особой активности, воспринимая ситуацию как зрелище.

И наконец, участниками толпы могут быть просто любопытствующие – наблюдающие со стороны. Они не вмешиваются в ход событий, однако их присутствие увеличивает массовость группового мероприятия и усиливает влияние стихии толпы на поведение ее участников.

В соответствии с логикой изложения, далее мы рассмотрим прикладные методы и технологии воздействия на массовое сознание и поведение. Естественно, в целом прикладное направление – раз-

работка системы социально-психологического сопровождения, воздействия и влияния на поведение больших социальных групп (социальный контроль, психологическая поддержка, организация обратной связи и систем противодействия и т.д.) – требует отдельного междисциплинарного анализа с привлечением специалистов смежных наук, а также представителей правоохранительных органов. Поэтому ниже мы заострим внимание на развитии средств массовой коммуникации и изучение их влияния на массовое поведение людей. Данное направление исследований с позиций социально-психологической науки пока остается неразработанным (особенно с учетом развития интернет-технологий) и требующим от социальных психологов систематических усилий по его изучению.

ГЛАВА 3

СРЕДСТВА МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК КАНАЛ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ И ПОВЕДЕНИЕ ЛЮДЕЙ

Исследования, посвященные анализу влияния средств массовой коммуникации (СМК) на сознание и поведение больших масс населения, достаточно многочисленны. Предпринимаются попытки теоретического объяснения социальных процессов в обществе, связанных с влиянием СМК на общественное сознание населения и их ценностные ориентации (Petse, 2001, p. 1). Мак-Гвайр (McGuire, 1986) выделял широкий спектр воздействий СМК на сознание и поведение населения. Разные авторы связывают влияние СМИ на психологию массового поведения больших социальных групп с различными эффектами (Тара, 1902; Соснин, 1997; Лебов, Тара, 1998; Московичи, 1996; Ольшанский, 2001; Смуэлс, 2002; Соснин, Журавлев, 2014; Соснин, 2015; Бахтуридзе, 2016; Вершинин, 2001; Лобла, 2002). Отметим основные сферы воздействия СМИ, которые принято выделять в современной литературе:

- воздействие на политические кампании и голосование на выборах;
- эффекты пропаганды в идеологической сфере;
- эффекты социального контроля;
- протестные движения.

Кроме того, возникают «побочные эффекты» влияния СМК на сознание и поведение населения:

- влияние показа сцен насилия и агрессивного поведения;
- влияние на образовательную политику государства;
- влияние на формирование эмоциональных реакций населения на повседневное поведение.

Аналитический обзор Маккейла (McQuail, 1994) дополняет перечень воздействий СМК: это получение знаний, формирование соци-

альных форм поведения и культурная адаптация в обществе. Например, некоторые исследователи убеждены, что ряд проблем связан с вопросами о том, как ТВ побуждает детей к антисоциальному поведению, как оно культивирует специфические социальные установки и стереотипы поведения, которые «не вписываются» в общепринятые нравственные нормы (Liebert, Sprafkin, 1988).

Выделяются и другие аспекты воздействия СМК на сознание и поведение больших масс населения, особенно на подростковое поколение (Москвичи, 1994; Соснин, 1997; Лебов, Тард, 1998; Ольшанский, 2001; Сэмюэлс..., 2002; Соснин, Журавлев..., 2014; Соснин, 2015; Бахтуридзе, 2016).

В целом же влияние СМК на сознание и поведение больших масс населения традиционно описывается в трех аспектах: когнитивном, эмоциональном и поведенческом (в соответствии с представлениями о социальной установке). Когнитивные эффекты сопряжены с получением информации. Аффективные связаны с формированием установок, положительных или отрицательных оценок в отношении происходящих событий. Наиболее изученные виды поведенческих эффектов относятся к антисоциальному или просоциальному поведению. Представим анализ их воздействия на основные сферы массовой психологии населения.

СМК в кризисных ситуациях

Кризисная ситуация в обществе обычно трактуется как «естественное или созданное людьми событие, которое представляет... угрозу жизни людей и... нормальному функционированию общества» (Graebet, 1989).

Кризисная ситуация в обществе может возникать под воздействием разных тенденций – и внешних, и внутренних. Это может быть: убийство лидера страны; возникновение угроз со стороны внутренних сил, – например, захват заложников; ситуация массовых естественных катастроф – землетрясение, наводнение и т.д.; этнические конфликты и погромы (Ковдинога, Манская площадь и пр.); внутренние конфликты (события в Египте, террористическая активность в стране, возникновение массовых протестных движений и т.д.).

Независимо от причин возникновения кризисной ситуации в стране и времени ее возникновения это экстраординарный период, который характеризуется нестабильностью, неопределенностью, стрессовым состоянием общества и экстремальной напряженностью (Паварин, 1998; Тарabrina, Журавлев, 2012; Проблемы психо-

логической безопасности, 2012). В этой ситуации общество начинает опираться на информацию, предоставляемую СМК, которые формируют реакцию населения на ситуацию кризиса³.

Первая стадия – это нарастание кризиса или угроза наступления политической нестабильности (на примере потенциальной возможности оппозиционных лидеров мобилизовать большие массы населения и выйти с протестами на площадь). На этой стадии (формирование кризисной ситуации) неопределенность ситуации самая высокая и угрозы последствий трудно прогнозировать. Как ведут себя в этой ситуации СМК? На данной стадии СМК, с одной стороны, реагируют быстро, информируя о разрозненных фрагментах событий, с другой – постоянно откладывают объективное освещение происходящего (подогревая психологическое состояние заинтересованности населения в получении информации). Это особенность функционирования СМК как структуры.

Вторая стадия – это наступление кризисной ситуации. Здесь СМК стремится полно осветить события (на Болотной площади это инциденты столкновения протестующих с правоохранительными органами, с определенным скрытым одобрением их поведения, одобрением и интерпретацией действий оппозиции в целом).

В целом во время кризиса влияние СМК на сознание и поведение больших масс населения драматически возрастает (см., напр.: Schattsch, 1965). Так, Э. Венгер (Wenger, 1980) в своем исследовании обнаружил следующее. Представители сообщества, пережившие кризисные события (естественные катастрофы, наводнения, землетрясения и т.д.), опирались на информацию, предоставляемую СМК в период этих катастроф. Он отмечал, что для многих из них СМК были не только важным, но и единственным источником информации (Wenger, 1980, p. 243). Respondенты главным образом опирались на информацию электронных СМК, считая их наиболее объективными, от 58,3% до 74,6% респондентов назвали радио и ТВ основными источниками информации в период кризиса.

Влияние СМК на насилие в обществе

Озабоченность исследователей проблемой распространения насилия в СМК давно известна (см., напр.: National Television Violence Study, 1997). Трансляция страха и насилия сопровождает многие

3 Массовые протестные выступления населения в определенном смысле можно рассматривать как показатель кризиса в обществе, поскольку в такой ситуации присутствуют все признаки кризиса, отмеченные выше.

новостные сообщения, драматически влияя на формирование ценностных установок и на психологическое состояние больших масс населения (Pettie, 2001; и др.). Подавляющее число компьютерных игр связано с показом сцен насилия (Fink, 1993).

Иные теоретические подходы к объяснению агрессивного поведения в целом взаимно дополняют друг друга.

В когнитивном плане люди не только получают информацию, наблюдая сцены насилия по ТВ, но усваивают увиденные модели агрессивного поведения и применяют их в своей повседневной жизни.

Есть исследования, подтверждающие, что «насилийственный медиаконтекст» передач СМК отрицательно воздействует на психику детей и может оказывать стойкие негативные влияния на их здоровье, развитие и благополучие (см., напр.: Mares, 1996; Shrum, 1997; Morgan, Shanahan, 1997). В целом в исследованиях массовой коммуникации большинство ученых признают, что СМК несут свою долю ответственности за распространение сцен агрессивного поведения среди населения:

- когда насилие вознаграждается и психологически оправдывается;
- когда агрессивное поведение считается нормальным в повседневной жизни;
- когда аудитория ассоциирует себя с агрессором (в соответствии с замыслами режиссера);
- когда насилие мотивировано (восстановление справедливости);
- когда насилие представляется как естественный компонент поведения;
- когда нет достаточного критicismа в отношении насилия в обществе;
- когда аудитория (население) психологически предрасположено в своем поведении к агрессии.

Исследователи влияния насилия в медиаконтексте передач СМК предлагают ряд рекомендаций к уменьшению их негативного воздействия. Необходимо отметить, что, по мнению многих исследователей, просоциальное воздействие СМК на сознание и поведение больших масс населения намного сильнее, чем негативные эффекты в целом: «Просоциальный эффект (воздействия СМК на поведение... В. С.) намного сильнее в его влиянии на детей... Потенциальное просоциальное воздействие превосходит негативные последствия антисоциальных программ»⁴ (Hearold, 1986).

4 С этим мнением западных психологов трудно согласиться, учитывая современную динамику влияния СМК на массовое сознание и поведение

В целом исследования подтверждают негативное влияние сцен насилия на психологическое развитие подрастающего поколения страны (см., напр.: Hinton et al., 1992; Gunter, 2001, 2003; Gunter et al., 2000; Harts, Scott, 2002).

С другой стороны, СМИ формируют ценностные отношения людей к событиям повседневной жизни, и в том числе к ситуациям массового протестного поведения. СМИ драматически влияют на массовое сознание и поведение больших масс населения: дают нам идеи, изменяют наши ценностные установки, формируют «правильное» понимание того, что собой представляет современный мир и как нам следует вести себя (Лайнбарджер, 1962; Соснин, 1993, 1994; Москвичев, 1996; Соснин, 1997; Лебон, Тард, 1998; Почепцов, 2000; Ольшанский, 2001; Аронсон, 2003; Сизуэкс, 2002; Ариели, 2013; Соснин, Журавлев, 2014; Соснин, 2015; Бахтурадзе, 2016). Но это не что иное, как технологии воздействия на массовое сознание и поведение людей для реализации глобальных интересов основных субъектов исторического процесса (Ling, 2008).

Таким образом, необходимыми фундаментальными исследованиями психологического восприятия виртуального пространства, является актуальным изучение влияния компьютерных игр на массовое агрессивное поведение, влияния Интернета на политическую активность населения.

Роль СМИ в развитии скандалов и провокаций

Исследований, посвященных данной проблеме, достаточно много. Зададимся вопросом: как психологические технологии провокации и скандалы используются в качестве мотиваторов в современном информационном пространстве? Анализ истории политических скандалов и провокаций можно начинать с XIX в. (Париж 1847 г., революция Ф. Орландского и т. д.). Современная политическая динамика скандалов международного плана проанализирована М. Каселлом (Casella, 2009, p. 243–253).

Рассмотрим проблематику скандала как социально-психологического феномена с позиций социальной психологии.

Развитие любого государства и в периоды его стабильного функционирования, и в периоды кардинальных перемен сопряжено с конфликтами и на социально-политическом, и на социально-психоло-

---

больших масс населения, особенно на подрастающее поколение, если рассматривать влияние Интернета на массовую психологию поведения.

гическом (групповом), и на индивидуально-личностном уровнях. Феномен конфликта-скандала в социальной жизни общества – это объективная составляющая логики развития любого общества. Он имеет комплексный характер и функционирует на всех общественных уровнях.

Исследование этого феномена (я концептуально-терминологический язык его описания) существенно зависит от области науки (философия, социология, психология), в которой оно проводится.

Социологи рассматривают эту проблему с позиций факторов и детерминант развития общества. В целом на основе анализа источников ими предложен следующий вариант определения конфликта-«скандала»: «Скандал – это событие, связанное с нарушением общепринятых норм известными людьми (публичными людьми. – В.С.) и вызывающее острую реакцию социальных групп» (Дмитриев, Сычев, 2012, с. 11). Можно добавить: в понимании скандала как конфликта включается «случай, происшествие, ссора, получившие широкую огласку (нарушающие порядок рутинной, правой и т.д.)» (там же).

Но к анализу проблемы скандала возможен другой подход: рассмотреть данный феномен не просто как «получивший широкое публичное освещение инцидент, связанный с заявлениями о правонарушениях, позорных и аморальных поступках» (там же, с. 10), а как феномен социального конфликта (Соснин, 1993, 1994). Такой подход позволяет подойти к анализу феномена скандала с системных представлений и использовать методологический аппарат, разработанный в социальной психологии конфликта (см., напр.: Левицкий и др., 2006).

Конечно, данный анализ должен опираться на базовые представления философов, конфликтологов и социологов по этой проблематике, поскольку социальные психологи не могут осуществлять свой анализ «в вакууме». Положения социологов – это фундаментальная основа для анализа социальных психологов.

Далее мы проанализируем феномен скандала с позиций социальной психологии конфликта. Для этого выделим общие и специфические функции феномена скандала как формы (типа) социального конфликта и обозначим формы регуляции и разрешения скандалов на разных социальных уровнях, делая акцент на социополитических и социально-психологических аспектах данного феномена в современных условиях развития России.

Прежде всего определим конфликт как социальный феномен в социальной психологии. Одно из многочисленных определений таково: конфликт – это резкое несогласие или противопоставление

интересов, идей и т.д. участием социального взаимодействия. Он включает в себя осознанное расхождение их интересов или уверенность в том, что различные желания сторон не могут быть достигнуты одновременно.

Обычно люди считают, что конфликт (скандал) – это однозначно негативное или дисфункциональное явление. Данные представляли в сознании человека (и группы) имеют два аспекта: во-первых, это ощущение того, что что-то происходит неправильно (с точки зрения социальной справедливости) или что есть ряд проблем, требующих разрешения; во-вторых, скандал (конфликт) может повлечь за собой разрушительные последствия. В таком понимании скрывается логика здравого смысла и находят отражение защитные реакции человека и группы на стрессовые ситуации скандала. Но «на уровне общества скандалы, когда их слишком много, не только дисфункциональны. В какой-то степени они служат повышению морали... Таким образом, скандалы... воспитывают политиков и все население» (Дмитриев, 2012, с. 19). Однако, разумеется, лучше бы воспитывать население не на отрицательных примерах, а на положительных.

Исследователи тщательно проанализировали ряд деструктивных функций конфликта-скандала, отражающих социально-психологическую динамику его развития. Обозначим их.

1. *Процесс конкуренции.* Стороны (субъекты – отдельные индивиды, политические деятели, представители власти и бизнеса и т.д.) конкурируют друг с другом. Каждая из них считает, что ее жизненные цели и задачи правильны и что она не сможет достичь их реализации, не уничтожив оппонента (конечно, не обязательно физически). Таким образом, конфликт, скандал как следствие конкуренции может служить инструментом противоборства и вести к дальнейшей эскалации противостояния.
2. *Проблема предубежденная.* По мере интенсификации внутреннего психологического противостояния сторон возникающее из взаимоотношений начинает искажаться. Этот аспект психологической динамики взаимоотношений потенциальных оппонентов означает, что субъект (отдельный индивид или представитель группы) склонен рассматривать ситуацию взаимоотношений с оппонентом в соответствии со своими взглядами. Следовательно, он (как отдельный индивид или представитель группы) начинает интерпретировать события или поведение других людей как оказавшихся на его стороне или на стороне противоположной.

3. *Проблема эмоционального реагирования.* Скандалы и конфликты имеют тенденцию приобретать эмоциональную нагрузку. И это вполне объяснимо. Эмоции начинают превалировать над рассудком, потенциальные оппоненты скандала начинают вести себя все более и более иррационально, опираясь на эмоции. Происходит сдвиг с обсуждения сущности проблемы на личности оппонентов.
4. *Проблема коммуникативная.* При возникновении скандала, конфликта коммуникация между субъектами скандала ухудшается: она может быть сведена к попыткам уничтожить, унижить или разоблачить точку зрения противоположной стороны или прибавить весомости своей позиции (как правило, через СМИ).
5. *Жесткая приверженность своим обязательствам.* Стороны замыкаются на своих позициях. Реагируя на вызовы оппонентов, они все более отстаивают свою точку зрения и все менее готовы отступить от нее из страха «потерять лицо».
6. *Проблема минимизации сходства, умножаемая различий.* Когда стороны замыкнулись на своих позициях, обсуждение сущности конфликта становится расплывчатым, оппоненты начинают проявлять тенденцию рассматривать друг друга – и позиции друг друга – как диаметрально противоположные. Факторы, отличающие и отдаляющие субъектов скандала друг от друга, становятся главными в их взаимоотношениях, тогда как сходство и общность чрезмерно минимизируются. Подобное искаженное понимание ведет к убежденности сторон скандала в том, что они гораздо дальше друг от друга, чем это может быть в действительности. Поэтому они начинают предпринимать еще большие усилия, чтобы «выиграть» конфликт или достичь победы в возникшем скандале.
7. *Эскалация конфликта-скандала.* Когда перечисленные выше этапы развития конфликтной ситуации (скандала) пройдены, каждая сторона еще больше замыкается на своей точке зрения, становится менее толерантной и более агрессивной, более эмоционально вовлеченной в скандал и менее склонной общаться с оппонентом. Итог: обе стороны конфликта (скандала) пытаются победить, усиливая приверженность своей позиции и увеличивая свои ресурсы, которые они готовы привлечь для достижения «победы». Обе стороны становятся уверенны в том, что, добавив еще немного (ресурсов, стойкости, энтузиазма, энергии и т. п.), они смогут принудить соперника капитулировать, сдаться и признать свое поражение. Однако, как показывают наиболее деструктивные конфликты и скандалы, подобная стратегия заводит обе стороны в тупик.

Конечно, выше представлена социально-психологическая динамика развития деструктивного конфликта-скандала. Однако социальные психологи и исследователи, утверждают, что конфликт (и феномен скандала как одна из его форм) может иметь и конструктивные функции как для развития общества в целом, так и социальной организации и развития личности индивида (Deutsch, 1973).

В принципе, конфликт (и скандал как его форма) имеет черты и деструктивные, и конструктивные, поэтому основная задача – не просто устраивать конфликт, но научиться управлять им. Это означает – оставлять деструктивные элементы динамики конфликта-скандала под контролем, а позитивные использовать для его конструктивного разрешения. Стратегия переговоров – самая продуктивная стратегия управления скандалами.

Конструктивные функции конфликта-скандала заключаются в следующих его свойствах:

- 1) дает членам группы (сообществу в целом) знания и способы для работы с проблемами;
- 2) может укреплять консолидацию отношений в обществе (хотя и не всегда позитивную, но в целом ориентированную на укрепление социальной справедливости);
- 3) показывает необходимость дальнейшего развития индивида и группы;
- 4) может доставлять удовлетворение человеку. Позволяет оценить свою жизнь философски, признать ее сложность и противоречивость.

Теперь соотнесем общие параметры психологии социального конфликта, изложенные выше, с феноменом скандала как его формы. Эти концепции хорошо «вписываются» в содержание анализа феномена скандала, проведенного А. В. Дмитриевым (Дмитриев, 2012, с. 4–27). Феномен скандала является комплексным и может быть рассмотрен на трех уровнях: 1) как социополитический феномен, преимущественно анализируемый философами, конфликтологами и социологами; 2) на социально-психологическом уровне (анализ динамики взаимоотношений групп общества); 3) на индивидуально-личностном уровне (как анализ конфликтов-скандалов между отдельными личностями)⁵.

В скандале как феномене социального конфликта участвуют несколько сторон:

- 5 В политической борьбе этот аспект скандалов также «выносятся» на социально-политический уровень.

- сами участники скандала (независимо от целей его иницииции);
- средства массовой информации;
- обобщенный другой, т.е. общественное сознание и рядовое население страны.

СМК в этом процессе играют двоякую роль. С одной стороны, они выступают на той или иной стороне скандала, с другой – объективно на стороне обобщенного «другого», т.е. представителей общества с позиции социальной справедливости. Эта сложная и противоречивая динамика развития скандала определяет и социально-психологические параметры управления им как социальным феноменом.

А. В. Дмитриев утверждает, что «скандал и все его проявления чрезмерно морализируются, поэтому его изучение требует от исследователя какой-либо отстраненности и нейтральности в оценках» (Дмитриев, 2012, с. 3).

Управление скандалом как формой социального конфликта

Есть ряд критериев для анализа скандала и определения трудностей его разрешения (см., напр.: Greenhalgh et al., 1986). Вот только отдельные параметры этих критериев:

- *тема обсуждения (проблема)*:
  - трудно разрешить: ключевая часть вопроса – «дело принципа»;
  - легко разрешить: спорный вопрос можно разделить на мелкие части;
- *структура отношений участников скандала (их сплоченность и организованность как группы)*:
  - трудно разрешить: группа дезорганизована, не сплоченная, со слабым руководством;
  - легко разрешить: группа организованная, сплоченная, с сильным руководством;
- *интересованность третьих сторон*:
  - трудно разрешить: невозможно заручиться поддержкой третьей стороны;
  - легко разрешить: возможно заручиться поддержкой третьей стороны, пользующейся доверием, сильной и авторитетной.

В социальной психологии конфликта существует известная двумерная схема управления конфликтом. Это так называемая модель

«двойственной озабоченности». В социально-психологической литературе эта схема называется по-разному в зависимости от исследуемых проблем (Rubin et al., 1994).

Согласно данной модели (см. рисунок 1), у человека или представителя группы, прямо или косвенно участвующего в скандале, возникает две ориентации: озабоченность своими успехами или успехами оппонента. Чем больше человек (группа) склонен действовать в соответствии со своими интересами, тем больше он/они будут следовать стратегиям, обозначенным в левой части рисунка. Чем больше человек (группа) склонен действовать в соответствии с интересами другого оппонента, тем вероятнее для него стратегии, представленные в правой части рисунка.

Рис. 1. Модель двойственной озабоченности

Хотя теоретически можно указать множество точек в этом двухмерном пространстве, обычно в этой модели выделяют пять основных вариантов стратегий:

1. Скандал, спор, конфликт (состязание, доминирование). Субъект (индивид или представитель группы), реализующий стратегию скандала, заинтересован только в достижении успеха в дискредитации оппонента (политического деятеля, оппозиционной группы и т. п.). С реализацией этой стратегии связаны тактики угрозы, возможных наказаний, публичных оскорблений и т. п.
2. Уступка (приспособление). Реализующий эту стратегию субъект (индивидуальный или групповой) не проявляет интереса к тому, достигнет ли он желаемого для себя результата в скандале или уступит, чтобы сохранить свои позиции в будущем, т. е. безынциантижен.

3. *Стратегия ухода (бездействия)*. Субъект, реализующий эту стратегию в разрешении скандала, формально не проявляет интереса ни к достижению успеха ими самими, ни к достижению успеха оппонентом. В психологии скандалов и конфликтов это, как правило, рядовые люди, которые не могут принять участия в политике (хотя они и возмущаются наличием скандалов в высших эшелонах власти, и «присутствуют» в них как бессловесный «другой»).
4. *Компромисс*. Это умеренное и реалистичное разрешение скандала, исходя из учета своих возможностей, ресурсов и предлагаемых отрицательных последствий, если скандал не будет разрешен. Многие ученые считают такую тактику разрешения конфликтов-скандалов наиболее приемлемой и реалистичной, хотя есть и другие мнения.
5. *Стратегия разрешаемой проблем (стратегия сотрудничества)*. На наш взгляд, это самая эффективная стратегия разрешения конфликтов-скандалов. Субъекты, ее реализующие, заинтересованы как в достижении своих целей, так и целей оппонентов. При этом обе стороны максимально стремятся найти выход из конфликтной ситуации, чтобы обе стороны «победили» (типичный пример использования технологии скандала – проведение выборов кампаний).

В современной социально-психологической литературе есть исследования, акцентирующие проблематику разрешения конфликтов в разных сферах человеческой активности. Как правило, причины скандалов – это коррупция в армии, МВД, спецслужбах, в Государственной Думе, в судебной-юридической системе государства и государственных чиновников разных уровней.

Примером использования технологии скандала являются выборы мэра г. Москвы, состоявшиеся в сентябре 2013 г. Основным оппонентом Собянина на этих выборах был Навальный, который еще до самих выборов заявил, что он победит. Это первая технология потенциального скандала, которая используется для мобилизации своих сторонников при прогнозе поражения на выборах. Как известно, в начале выборной кампании представители штаба Навального заявляли, что выборы идут без нарушения принципа «Справедливых выборов», поскольку надеялись на победу. Но как только они получили статистические данные, свидетельствующие о предстоящем поражении кандидата, сторонниками были озвучены результаты якобы «собственных социологических исследований», которые противоречили данным других социологических опросов. Данная

стратегия дала кандидату возможность еще раз продлить внимание к своей кандидатуре и без всяких формальных оснований заявить – «второй тур неизбежен». Это вторая технология пролонгированной поддержки потенциального скандала.

Третья использованная технология заключалась в утверждении «Выборы не легитимны!», которое прозвучало после того, как в выборном штабе кандидата стало известно, что выборы проиграны. Данную позицию для весомости озвучил и сам кандидат. Четвертая технология в нашем примере заключалась в том, что проигравший кандидат начал выкладывать провокационные заявления в социальные сети, чтобы убедить своих сторонников в нарушении в ходе выборов. С этими заявлениями впоследствии пришлось разбираться членам избирательных комиссий. Как и следовало ожидать, заявления Навального оказались в целом надуманными, но свою цель разжигания конфликтов они выполнили. Заявления вызвали «информационные шум», будоражили массовое сознание и давали ему психологическое основание поддерживать оппозиционные настроения у своих сторонников. Далее проигравший кандидат призвал своих сторонников к массовым протестным выступлениям на улицах и заявил о своем участии в президентской кампании 2018 г., что помогло поддерживать внимание к его персоне. Это пятая технология потенциального скандала, превращающаяся в актуальную стадию скандала-конфликта.

Итак, согласно вышеприведенным данным, можно утверждать, что СМИ оказывают огромное воздействие на массовое сознание и на возможное поведение людей в кризисных ситуациях и эти возможности умело эксплуатируются различными субъектами социального взаимодействия.

Далее рассмотрим и проанализируем ряд прикладных направлений исследований массового сознания и поведения. В частности, рассмотрим наиболее острые прикладные аспекты воздействия массовой коммуникации на сознание и поведение людей. Среди наиболее актуальных проблем в данном направлении необходимо выделить проблему социальной солидарности в массовых ситуациях риска для жизни (как одну из форм социальной идентичности).

Массовое поведение в панических ситуациях обычно объяснялось либо как явление «массовой паники» и эгоистического индивидуального поведения с целью спасения своей жизни, либо как следствие существующих социальных связей.

Результаты сравнительных исследований панических ситуаций свидетельствуют о валидности теории социальной идентичности

для объяснения и понимания поведения членов массовых групповых образований⁶ в ситуации паники (Drury, Cocking, Reichet, 2009). Анализ этой проблемы наложим предельно кратко с акцентом на вопросах применения теории социальной идентичности (Quatelli, 2001; Chertkoff, Kushigian, 1999; Aguirre, 2005; и др.).

Концепция массовой паники является объяснительной основой для многих аспектов поведения массовых групповых образований и содержит ряд положений. Во-первых, это идея о том, что поскольку толпа менее интеллигентна и более склонна к выражению примитивных эмоций (идея Г. Лебона и других классиков), то массовые реакции членов толпы на опасность в панических ситуациях будут в основном инстинктивными и крайне заразительными. Во-вторых, поскольку инстинкт намного сильнее социализации, коллективные связи разрушаются и индивидуальное выживание становится основным мотиватором поведения. Это, в свою очередь, вызывает смертельную конкуренцию за выживание среди членов панической группы.

Данная концепция была в целом отвергнута академической психологией и социологией (см., напр.: Donald, Canter, 1992; Quatelli, 2001), но она сохраняет свои позиции и популярность. Эта концепция остается влиятельной и при моделировании поведения толпы, когда предположения о возможном ее иррациональном поведении учитываются службами экстренного реагирования (прежде всего, правоохранительными структурами) для организации территории проведения массовых мероприятий и процедур возможной эвакуации (Helbing, Farkas, Vicsek, 2000; Sirell, 2007).

Для объяснения этих фактов были выдвинуты два подхода – нормативная теория (см. подробнее: Johnson, 1988) и модель социальных связей, которая показала, что в ситуации угрозы для жизни мы больше мотивированы оставаться с близкими людьми, чем просто индивидуально исчезнуть с места катастрофы для спасения сво-

6 Термин «массовое групповое образование» используется как интегральный для обозначения разных групповых образований, включая и конвенциональные (долговременные), и групповые образования типа толп в разных вариантах (т.е. кратковременные).

7 В исследованиях чрезвычайных ситуаций критика концепции «массовой паники» возникла как результат наблюдений, свидетельствующих о том, что коллективное поведение в таких ситуациях больше характеризуется признаками социальности, т.е. общественным инстинктом – взаимопомощью, сохранением порядка, уважением к старшим, детям и женщинам, – чем индивидуальной инстинктивной конкуренцией.

ей жизни, и что присутствие близких имеет «успокаивающий эффект» (Milroy, 2005).

Однако эти модели оказались не совсем адекватны для объяснения новых форм поведения в политических толпах, таких как взаимная поддержка между незнакомыми людьми, иногда даже с риском для собственной жизни. Появилась необходимость разработки модели «массовой солидарности» (*mass emergent solidarity*), которая объяснила бы возникновение социальных связей между незнакомыми людьми в массовом групповом образовании в ситуации риска для жизни⁸. И исследователи обратились к теории социальной идентичности. Они предположили, что теория самокатегоризации (социальной идентичности) может объяснить по крайней мере ряд аспектов нового массового поведения в ситуациях риска для жизни. Данная теория предполагает, что когнитивные представления о себе как о личности располагаются на континууме от индивидуальной самоидентификации до групповой, коллективной. Рассмотрев себя как личности, связанной с другими членами ин-группы, означает не только принятие общей социальной реальности с другими членами группы, но и восприятие их как части самого себя. Это означает, что индивид способен координировать свое поведение с другими, – не только с близкими, но и с незнакомыми. Теория социальной идентичности предполагает, что взаимопомощь и привлечение аспектов солидарности являются функцией совместно разделяемой идентичности.

Работа Кугихары (Kugihara, 2001, p. 575–598) была одной из первых, где применен социально-идентификационный подход к проблематике эвакуации в чрезвычайных ситуациях. В моделируемой ситуации было показано, что кооперативные или агрессивные реакции можно объяснить и интерпретировать на языке социальной идентичности.

При развитии модели социальной идентичности (Ogury, Reicher, 2000; Reicher, 2001; Smith, Reicher, 1998) выявляются различия между физическими и психологическими толпами. Физическая толпа (как простая совокупность индивидов) может превращаться в психологическую толпу, когда члены ин-группы воспринимают действия высшей группы по отношению к себе (например, полицейских структур) как дискриминационные.

⁸ Необходимо отметить, что в целом логика рассуждений исследователей для объяснения поведения в ситуациях риска для жизни соответствовала общей логике разработки «теорий толпы», обсуждаемой ранее.

В целом социально-идентификационный подход стал доминирующей объяснительной основой во внутригрупповых и межгрупповых процессах, хотя начиная с 1960-х годов проблематика поведения в чрезвычайных ситуациях (в том числе и в панических толпах) опиралась на идеи клинической психологии (см., напр.: Агнито, 2005).

Результаты эмпирических исследований однозначно свидетельствуют о высоком теоретическом и прикладном потенциале социально-идентификационного подхода к объяснению и управлению массовым поведением людей в чрезвычайных ситуациях с риском для жизни (в панических толпах). Показательным в этом отношении является исследование Н. Друря с соавт. (Drury et al., 2009).

Естественно, есть ограничения применимости этих эмпирических исследований. Это, во-первых, проблема моральная (следовательно, проблема мотивации самопредставления в интервьюировании). Во-вторых, интервьюируемые опрашивались об оказании помощи в стрессовой ситуации после проявления группового единства и солидарности. И интервьюер не знал, был ли вызванный в стрессовой ситуации ориентирован на высокую или низкую степень проявления солидарности в реальной ситуации опасности для своей жизни. Эта проблематика требует, по мнению специалистов, дальнейшего исследования (Drury, Cocking, Richer, 2009).

Приведенные данные свидетельствуют в пользу применимости социально-идентификационного подхода для объяснения не только групповых процессов в малых группах (конформность и групповая продуктивность), но и коллективных феноменов на макроуровне (национализм, участие в социальных движениях, социальные предрассудки, лидерство и следование за лидерами, психологические аспекты социального движения), и общих проблем теории и практики в управлении массовыми групповыми образованиями.

В целом исследования подтверждают опасность индивидуального поведения в ситуации риска для жизни. Чем в большей степени индивид действует инстинктивно, индивидуально, тем сильнее будет блокирована возможность его спасения в чрезвычайной ситуации действиями других членов панической группы (Milne, 1951).

С другой стороны, проведенный анализ позволяет заключить: паника – это характеристика отдельных индивидов и, как следствие, группового поведения; солидарность, возникающая в массовых групповых образованиях, – это следствие возникающих норм идентификации толпы, а не просто следствие ранее существовавших социальных связей.

Роль психологических установок полиции в возникновении массового конфликта

Классические теории массового поведения объясняли возникновение массового конфликта патологией поведения толпы в целом. Последующая разработка модели социальной идентичности привела к концептуализации конфликта в массовом поведении как динамического межгруппового процесса, протекающего между демонстрантами и полицией. Английские исследователи К. Стотт и С. Рейхер (Stott, Reicher, 1998) подвергли классическую модель массового поведения критике и предложили другую, основанную на теории социальной идентичности.

Разработка этой модели при объяснении массового поведения и конфликта основывалась на положении, что поведение ин-группы зависит от поведения аут-группы в контексте межгруппового взаимодействия⁹. Согласно этим положениям, массовый конфликт может возникать в следующих случаях:

- а) когда между членами ин-группы и членами аут-группы существует расхождение в определении своей идентичности и поведения (тотальное использование силы при массовых беспорядках может считаться законным с точки зрения полиции и незаконным с точки зрения демонстрантов);
- б) когда у членов ин-группы в их групповом сознании возникает феномен «групповой силы»: уверенность в том, что ин-группа способна навязать аут-группе свое понимание ситуации (демонстранты могут чувствовать свою способность коллективно сопротивляться действиям полиции) (Drury, Stott, 2001).

Согласно исследованию С. Рейхера (Reicher, 1996), объяснение массового поведения должно учитывать вклады представителей полицейских структур для лучшего понимания динамики взаимодействия между ин- и аут-группами. К. Стотт и С. Рейхер (Stott, Reicher, 1998) выделили три важные проблемы понимания массового группового образования (толпы) с точки зрения правоохранительных структур.

Первая проблема связана с составом толпы. С одной стороны, офицеры полиции признавали, что массовые групповые образования

⁹ Более того, эта теория концептуализировала социальную идентичность как непрерывный процесс, зависящий от межгрупповых отклонений. Нормы и идентичность членов массового группового образования, детерминирующие их поведение, могут изменяться со временем, трансформируя и особенности взаимодействия с аут-группой.

(толпы) в целом являются гетерогенными. С другой, они разделяли толпу (массовое групповое образование) на меньшинство и большинство. Меньшинство – это властная подгруппа, тогда как большинство характеризуется как миролюбивое и состоящее из рядовых людей, которые в толпе теряют способность к собственным оценкам ситуации и, следовательно, сильно подвержены манипуляции.

Вторая проблема – это обобщенное восприятие потенциальной однородности угрозы со стороны толпы представителями правоохранительных структур. Как только люди собираются вместе в массовое групповое образование (толпу), все ее члены для полиции становятся потенциально опасными. Испытывая это чувство потенциальной опасности, офицеры полиции, естественно, озабочены своей собственной безопасностью.

Третья проблема – сохранение общественного порядка полицейскими структурами. Естественно, переживание представителями полиции состояний страха за свою жизнь и за выполнение своих профессиональных функций имеет ряд следствий. Во-первых, все члены толпы начинают восприниматься как потенциально опасные: в случае возникновения массового конфликта для полицейских структур рекомендовался жесткий силовой контроль и быстрое вмешательство в возникающий конфликт. Во-вторых, если опасность со стороны массового группового образования воспринималась полицейскими структурами как однородная, то возникали объяснимые причины для полиции относиться к членам толпы как к монолитному образованию. В-третьих, офицеры полиции были склонны отвергать любую свою ответственность за возникновение массового конфликта и возлагали ее только на толпу.

В работе Дж. Друрри с коллегами (Drury, Stott, Farsides, 2003), включающей опрос офицеров полиции Великобритании, прошедших подготовку для управления массовыми беспорядками, рассматривалась проблема валидности и обобщаемости результатов исследований, проводившихся в Англии. Авторы использовали опросник, содержащий ряд тем, основанных на работе К. Стотта и С. Рейзера (Stott, Reicher, 1998).

По данным опроса, офицеры полиции воспринимают толпы спортивных фанатов и демонстрационные толпы как однородные, но в то же время и как имеющие в своем составе сильное меньшинство и подверженное манипуляции большинство¹⁰.

10 Результаты исследований выявили связь между восприятием угрозы и практикой. Доминирующее восприятие потенциальной угрозы со стороны массового группового образования (дисперсия на воспри-

Восприятие массового группового образования (толпы) с позиции правоохранительных структур и необходимость проведения практических действий по сохранению общественного порядка в ряде случаев создавали условия для возникновения феномена «самоподтверждающегося пророчества». Этот феномен хорошо известен в социальной психологии и приводит к оправданию тотального использования силы по отношению к протестным толпам как единому групповому образованию, потенциально враждебному полицейским структурам.

Одна из причин в том, что массовые групповые образования действительно имеют в своем составе сильное и потенциально агрессивное меньшинство, предрасположенное к конфликтному поведению. Однако в связи с этим нельзя считать толпу иррациональным и безобразным, склонным к влиянию насильственного меньшинства. Более обоснованная причина может заключаться в том, что идеология толпы соответствует массовой культуре, в том числе и полицейских структур. Исследования подтверждают, что в стрессовых условиях, обусловленных исполнением обязанностей, офицеры полиции нередко проявляют циничное и подозрительное отношение к людям в целом (Robinson et al., 1997). С другой стороны, представители правоохранительных структур подвержены синдрому «выгорания» (Maslach et al., 2001) – негативному, бесчувственному и циничному отношению к публике (людям в целом), – с которым сильно коррелирует эффект дегерсонализации.

Фрати и Пьетрантони (Frati, Pietrantoni, 2009) осуществили показательное исследование по этой теме, в котором анализировались валидность и обобщаемость результатов, представленных в предыдущих работах. Респондентами являлись офицеры полиции из разных стран. В работе подверглась анализу ряд позиций:

- а) состав толпы (композиция толпы): гетерогенная или гомогенная;
- б) представляют или не представляют опасность для правоохранительных структур члены массового группового образования;
- в) в случае возникновения массового конфликта необходимы или нет жесткий контроль и быстрое вмешательство;
- г) есть ли причины рассматривать толпу как единое целое.

атые возможной дихотомии между ее членами) приводило к обращению правоохранительных структур с толпой как с единым групповым образованием без каких-либо различий в составе ии-групп, поэтому офицерам полиции рекомендовался жесткий контроль и быстрое оперативное вмешательство.

Результаты исследования в целом подтвердили гипотезы. Во-первых, исходя из обобщенности потенциальной угрозы со стороны массового группового образования реакции представителей полиции также будут обобщенными, т.е. недискриминированными. Во-вторых, опыт переживания массового конфликта правоохранительными структурами будет влиять на восприятие ими массовых событий. Исследования свидетельствуют о том, что офицеры полиции разделяют мнение: люди склонны к иррациональному поведению в толпе, но не обязательно насильственному. В целом офицеры полиции считают, что поведение массового группового образования (демонстранты, фанаты, протестные толпы и т.п.) имеет тенденцию к переходу в агрессивное состояние, поэтому представители полицейских структур придерживаются жесткой установки: к массовому групповому образованию (толпе) следует относиться как к единому целому и использовать самые жесткие методы подавления массовых беспорядков. Они считают, что их собственные действия не являются причиной возникновения и эскалации массового конфликта.

Исследования подтверждают эффективность модели «хорошей практики», основанной на теории социальной идентичности, в поддержании общественного порядка (Inagetishev, 1999; Adang, Stott, 2004; Cronin, Reicher, 2006; Stott, Drury, 1999, 2000; Stott, Pearson, 2007). Психологи (Reicher et al., 2004; Stott, Pearson, 2007) разработали ряд стратегических рекомендаций для правоохранительных структур, основанных на следующих принципах:

- 1) необходимость подготовки (обучения) представителей полицейских структур для дифференцированного понижения социальной идентичности разных подгрупп в массовом групповом образовании (в толпе);
- 2) необходимость использования целей толпы для управления ее поведением (признание законности целей толпы при мирном развитии событий);
- 3) необходимость профессиональной межгрупповой коммуникации (взаимодействия) с членами массового группового образования;
- 4) необходимость четкой дифференциации членов толпы с соответствующим различием реагирования при управлении толпой.

Более того, исследования подтверждают необходимость проведения тренингов для сотрудников полиции с позиции положений теории социальной идентичности и с критикой классических идеологических моделей толпы (Drury et al., 2003; Prati, Pietrantonio, 2009).

Итак, теоретико-методологический анализ поведения индивида в массовом групповом образовании позволяет:

- а) показать неадекватность классических взглядов на массовое поведение, которые рассматривают массовое поведение как психологию поведения толпы и их последователей, зачастую даже случайных. Основное положение классиков – принцип иррациональности поведения индивида в группе (снижение его интеллектуальных возможностей, подверженность массовому заражению и т.д.) – не выдерживает критики;
- б) выделить исследование данной проблематики с позиций теории социальной идентичности и обозначить его как новое научное направление.

Выделенные тенденции позволяют утверждать в том числе и необходимость выстраивать деятельность правоохранительных органов в процессе обеспечения общественного порядка с пониманием обоснованного выше подхода к управлению поведением массовых групповых образований. В целом данная проблематика требует отдельного анализа с привлечением специалистов смежных областей наук, включая представителей правоохранительных органов.

Раздел 2

МАКРОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ

ГЛАВА 4

СОЦИАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ: ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА

Понятие «менталитет» в отечественной психологической научной традиции

Понятие «менталитет» (и особенно – «русский менталитет») превращается, если уже не превратилось, в один из самых популярных терминов современной российской психологии и смежных с ней наук. Отмечается, что «в конце XX в. в отечественной науке предметом широкого дискурса становится проблема менталитета» (Бряннова, 2006, с. 168), что «исследования российской ментальности, самосознания и самоощущения интеллигенции» становятся одними из актуальных в последние десятилетия» (Гусельцева, 2012, с. 46).

Пишут также, что «в последние пятнадцать лет в отечественных социальных науках нарастало использование термина «менталитет» в самой разнообразной трактовке» (Семёнов, 2008, с. 95), что «актуальность изучения проблемы менталитета не требует доказательств. Влияя на отражение происходящего в мире и стране, менталитет является фактором построения интегрального образа реальности (картины мира) и, соответственно, регулятором поведения людей» (Гостев, 2010, с. 22).

Высказывается мнение о том, что «проблема менталитета занимает центральное место в структуре исторической психологии; она в значительной степени определила становление этой отрасли знания» (Артемьева, 2010, с. 298). Употребляются такие термины, как «парадигмы ментальностей» (Родштейн, 2006) и т.п. А «ментальность» уже фигурирует в качестве самостоятельной исследовательской области (Аюпов и др., 2006).

Отмечается и то, что в отечественной науке дореволюционного периода это понятие не использовалось, а для характеристики менталитета российские ученые предпочитали использовать дру-

гие, но идентичные по содержанию понятия – «национальный, народный характер», «психический склад нации», «дух народа» и др. (Артемьева, 2010).

Само понятие появилось в отечественной психологии сравнительно недавно – в 1990-е годы. Однако по существу в других терминологических обозначениях систематическая разработка этой проблемы началось в российской науке – истории, этнографии, географии – намного раньше, в XIX в.

Корни понятия «менталитет» усматриваются в работах Ш. Монтескье, Ж. Б. Вико, Н. Гердера, Г. В. Ф. Гегеля, Л. Локка, Ф. Бэкона и др. Систематическое же исследование проблемы ментальности принято связывать со школой «Анналов», сложившейся во Франции в 20–30-е годы прошлого века под знаменем так называемой «Новой истории», представленной именами М. Блока, Л. Февра и др. Однако первым, по-видимому, этот термин ввел Л. Леви-Брюль в своей книге «Первобытный менталитет», увидевшей свет в 1921 г.

Ю. В. Бузнова выделяет три этапа в развитии понятия «менталитет». На первом этапе оно латентно выражается в исследованиях, по существу посвященных проблемам менталитета, но использующих другие термины: «психика народа», «дух народа», «этническое сознание» и др. На втором этапе происходит выделение этого понятия в школе «Анналов». На третьем начинается его использование разными науками – психологией, социологией и этнологией, что «отражает тенденцию современного знания к интеграции и междисциплинарному исследованию психологии народа» (Бузнова, 2006, с. 170).

Причиной широкого обращения отечественной науки к проблеме менталитета связываются с тем, что «ее актуальность обусловлена необходимостью изучения и предупреждения межнациональных конфликтов» (там же, с. 166), с тем, что появление этого понятия является определенным этапом самосознания и самоутверждения нации. Ю. В. Бузнова утверждает, что «в годы тоталитаризма употребление данного термина в научных публикациях было невозможным» (Бузнова, 2006, с. 169), оставляя эту очень важную констатацию без объяснения. Г. В. Аюпов с коллегами связывает растущую популярность «менталистики» с транзитом нашей страны к демократии, рыночной экономике и т. п., в частности, с ее переориентацией в «ментальной дилемме» Запад–Восток (Аюпов и др., 2006). Еще чаще причины усматриваются в том, что отечественные реформы, осуществляемые по западным сценариям, в наших условиях дают неожиданные и преимущественно негативные результаты,

поскольку не учитывают особенности российского менталитета (Семенов, 2007). Причем подобная ситуация была характерной для середины XIX в., вообще регулярно воспроизводится со времен реформ Петра I (Гусельцева и др., 2012), и уже не одно столетие звучат утверждения о том, что «процесс реформирования не был приспособлен к самобытности России, к особенностям национальной психики» (там же, с. 21).

В целом, понятие «менталитет» оказалось востребованным современной российской реальностью, но по-своему и очень «удобным» для объяснения происходящих событий, обнаружив свой незаурядный потенциал в выполнении как объяснительных, так идеологических и прочих функций (оправдание нашей неспособности жить по западным образцам и т. п.)

При этом сразу же обозначились ряд тенденций, характерных для использования данного понятия (см. Дубов, 1993; Российский менталитет..., 1997; Воловикова, 2004; Журавлева, Журавлев, 2004; Журавлева, 2006, 2008, 2012; Психологические исследования..., 2007; Бойков, 2010; Воловикова, 2011; Психологические исследования..., 2011; Психологические исследования..., 2013). Во-первых, особенностям российского менталитета, которым посвящали известные произведения отечественные мыслители прошлого века, в частности, пассажиры «корабля философов»¹¹, уделяется куда большее внимание, чем самому понятию «менталитет», которое остается очень аморфным, плохо определенным и «малоконсонантным» – по-разному понимаемым и наполняемым разным смыслом различными исследователями.

Во-вторых, это понятие считается синонимичным таким понятиям, как «дух народа» и «национальный дух» (ими оперировал В. Вундт), «национальная психология», «национальный характер», «психологические особенности народа», «базовая личность», «модальная личность», «этническое бессознательное», «коллективная душа», «народное сознание» (и бессознательное), «национальное самосознание», «национальный склад ума»¹² и т. п., и остается непро-

11 Как отмечает М.С. Гусельцева и др., «исследование и описание „русского характера и русской души“ стало одной из самых актуальных проблем, которой уделяли внимание практически все ученые XIX–XX вв.» (Гусельцева и др., 2012, с. 23), «нет практически ни одного крупного писателя, философа, юриста, историка, который бы в том или ином контексте не касался этой проблемы» (там же, с. 43).

12 Используются и более экзотические понятия, такие как «коллективная психосфера», «групповые поля сознания», «когенные матрицы», «эгре-

ясненным, имеются ли между ними какие-либо, кроме чисто языковых, различия.

В-третьих, отсутствуют сколь-либо заметные попытки структурировать менталитет, выделить его основные компоненты, четко определять, что именно это понятие охватывает.

Можно проследить и эволюцию исследовательских интересов в системе подобных, имеющих между собой много общего, понятий. Поначалу в соответствующей литературе доминировало понятие «национальный характер». Затем наблюдались изгнание темы характера из психологии и замена интегрального понятия «характер» понятиями «личностные черты» или просто «личность». Однако, как отмечает Т.Г. Стефаненко, «в последнее время и понятие „национальный характер“ вытеснено понятиями базовой и модальной личности покидает страницы психологической и культурно-антропологической литературы. Ему на смену для обозначения психологических особенностей этнических общностей приходит понятие „ментальность“» (Стефаненко, 1999, с. 139).

Можно констатировать, что понятие «ментальность» (или «менталитет») оказалось «лучше» других понятий, имеющих сходную предметную область, и одолело их в своего рода конкурентной борьбе, очевидно, имея перед ними ряд преимуществ¹². Более того, по мнению Т.Г. Стефаненко, «с первых шагов становления этнопсихологии крупнейшие ее представители изучали именно ментальность, хотя и под другими названиями» (там же, с. 140). В качестве исследователей, оперировавших аналогами этого понятия, Т.Г. Стефаненко называет В. Вундта, Ф. Хсю, Г.Г. Шпета, Л. Леви-Брюля, Г. Триандиса.

Трудности в определении понятия

По мнению многих авторов, обращающихся к проблеме менталитета, «можно сделать вывод, что удовлетворительного определения понятия „менталитет“ пока не существует» (Дурье, 1997, с. 45), а «наше знание о психологической природе и механизмах формирования менталитета народов, субкультур, социальных групп и т. д. еще крайне ограничено» (Гостев, 2010, с. 22).

«карнальные структуры» (см.: Гостев, 2010) и др.

- 12 И это несмотря на то, что «некоторые авторы, рассматривая этнос как социально-экономическую единицу, отрицают саму возможность выделения из ментальностей – стабильных систем представлений» (Стефаненко, 1999, с. 140).

Один из представителей школы «Анналов», Ж. Дюби, отмечает как многозначность, так и невозможность однозначного перевода базового франкоязычного термина, который означает одновременно и «умонастроение», и «мыслительную установку», и «коллективные представления», и «воображение», и «склад ума», и «видение мира» (Буйнова, 2006).

Участники прошедших в нашей стране конференций тоже отмечают терминологическую неопределенность понятий «менталитет» и «ментальность» (Буйнова, 2006). Любопытно, что в этом иногда видится и их достоинство. Как пишет Т. Г. Стефаненко, «многие современные исследователи усматривают в недоформализованности термина „ментальность“ достоинство, позволяющее использовать его в широком диапазоне и соединять психологический анализ и гуманитарные рассуждения о человеке. Именно таким эклектичным способом чаще всего исследуют ментальность этнических общностей, практически сводя ее к национальному характеру, психологи и этнологи во многих странах мира» (Стефаненко, 1999, с. 141).

«Недоформализованность» понятия «менталитет» способствует расширению области его значений, а также отделению его от этнических корней. Так, сейчас принято говорить не только о менталитете народов, но и о менталитете различных социальных групп вне какого-либо этнического контекста.

Необходимо обозначить и ряд объективных трудностей, препятствующих выработке строгого определения понятия «менталитет» и очерчиванию области его значений. Рассмотрим их подробнее.

Во-первых, это историчность менталитета, его изменчивость во времени и зависимость от трансформаций общества (что не опровергает обратной зависимости – изменений общества от ментальных особенностей народов). Так, например, изменения российского менталитета в последние годы обуславливают доходящие до жарких идеологических споров разногласия относительно того, какие черты ему все еще свойственны, а какие – уже нет. Так, авторы приведенного в 2008 г. исследования констатируют: «Сравнение России с другими европейскими странами явно свидетельствует, что у среднего-среднего россиянина крайне слабо выражены надидеологические ценности, связанные с заботой о благополучии других людей, о разовоправии и терпимом отношении к ним, а также с заботой об окружающей среде, и, наоборот, крайне высока значимость противостоящих им „диagnostических ценностей“» (цит. по: Национальная идея России, 2012, с. 457–458). По их данным, «средний россиянин силь-

нее, чем жители большинства других включенных в исследование европейских стран, стремится к богатству и власти, а также к личному успеху и социальному признанию» (там же, с. 458). Естественно, такая характеристика нашего менталитета, сильно противоречащая стереотипным представлениям о нем, вызвала крайне негативную реакцию.

Классики исследований национального характера акцентировали устойчивость его основоопределяющих черт. Л. Леви-Брюль писал: «Какими бы значительными ни были внешние изменения в образе жизни, менталитет остается прежним, потому что продолжают сохраняться основные институты группы» (Леви-Брюль, 2002, с. 332). Из этого высказывания остается, правда, непонятным, что происходит с менталитетом в том случае, когда изменяются «основные институты группы». И. А. Сикорский пытался доказать, что русским людям его времени присущи те же черты, которые отличали их далеких предков 1000 лет назад (см.: Артемьева, 2010). Он подчеркивал, что одной из таких черт является религиозная и национальная терпимость, в существование которой в современной России уже трудно поверить. Еще более любопытным примером служит выделение Сикорским такой инвариантной черты русского национального характера, как нравственное самосохранение, проявляющееся, в частности, в оберегании себя от таких зол, как самоубийства и преступления.

Спустя 200 лет наша страна оказалась одним из мировых лидеров по количеству самоубийств, убийств и других видов преступлений на 100 тыс. жителей (Доклад о развитии человека, 2013). Это, естественно, ни в коей мере не опровергает выводы И. А. Сикорского, но демонстрирует, что некоторые черты национального менталитета могут обладать потенциальной изменчивостью и, оставаясь неизменными в течение тысячи лет, способны радикально измениться впоследствии. Во всяком случае то, что не удалось татаро-монголам и большевикам, оказалось вполне под силу нашим либерал-реформаторам.

Во-вторых, некоторые особенности менталитета могут быть в большей степени свойственны определенным слоям, чем народам. Например, такие черты российского менталитета, описываемые И. А. Бердяевым, как «нигилизм и апокалиптики», т. е. перманентные отрицание прошлого и мечтательность о будущем (Бердяев, 1992), как отмечают различные исследователи, в не меньшей мере свойственны французам эпохи Французской революции и вообще народам, переживающим революционные периоды.

Третья сложность – наличие в составе любого народа различных этнических групп, менталитеты которых подчас различаются очень существенно. Например, когда речь идет о российском менталитете, «понятию, что не надо забывать и о других конфессиональных менталитетах, прежде всего российско-исламском, втором по распространенности среди религиозных менталитетов России» (Семенов, 2008, с. 96). Наряды, живущие в разных государствах, могут иметь более родственные менталитеты, чем граждане одной страны. Скажем, близость менталитетов русских, украинцев и белорусов показана во многих исследованиях и выглядит настолько естественной, что вряд ли нуждается в комментариях.

В-четвертых, это сосуществование в рамках национальных менталитетов различных личностных и социальных типов, которым свойственны более частные менталитеты¹⁴. Это побудило В. Е. Семенова ввести понятие полиментальности как более отвечающее многокомпонентной реальности, нежели неизбежно нивелирующее индивидуальные особенности представление об относительно едином для нации менталитете. В частности, в современном российском обществе В. Е. Семенов выделяет четыре основных типа менталитета: российско-православный, коллективистско-социалистический, индивидуалистско-капиталистический, криминально-групповой, к которым добавляет пятый – мозаично-элективный, называя его «псевдоменталитетом» (Семенов, 2008). Характеристика этих менталитетов выделяющим их автором не оставляет сомнений в том, что психологические различия между их носителями – не меньшие, чем между представителями разных народов (причем не самых близких), а то и рас.

Выявлены и различия в ментальности социальных групп. Например, предпринимателям свойственно преимущественно субъект-объектное сознание, а интеллигенции – субъект-субъектное (Российский менталитет, 1997). Заговаривали также о таких видах российской ментальности, как провинциальная ментальность, которой уже был посвящен ряд конференций, а также ее более частные виды, – например, поволжская ментальность (Аконов и др., 2006).

К идее полиментальности близка выдвинутая этнологами идея мультимодальных обществ, согласно которой «каждый народ пред-

14 Подобная идея получает продолжение в представлении о том, что и в рамках отдельной личности могут сосуществовать разные менталитеты, что, по мнению некоторых исследователей, вообще «закрывает» данное понятие.

ставлен не одной модальной личностью¹⁵, а несколькими, с переходными формами между ними» (Стефаненко, 1999, с. 64).

Из всего этого неизбежно вытекает вывод о множественности менталитетов как народов, так и конкретных личностей. Так, например, менталитет любого конкретного россиянина включает в себя ключевые характеристики: а) российского менталитета в целом, б) менталитета той конкретной нации, к которой он принадлежит, в) менталитета жителей региона, где он проживает, г) менталитета городского или сельского жителя, д) менталитета жителей конкретного города – Москвы, Санкт-Петербурга, Томска и др. – или села, е) менталитета той/тех социальной/ых группы/групп, к которой/ым он относится, ж) менталитета представителя мужского или женского пола и т. п.

Наконец, сложности создает и разнотипность характеристик национальных менталитетов, их зависимость от идеологических позиций авторов и от их отношения к носителям данных менталитетов, а также от позиций и исходных точек отсчета. Например, Е. Г. Сивякина выделяет в «психологическом портрете» русского крестьянина дореволюционного периода следующие качества: «... трудолюбие; умение терпеливо и достойно переносить трудности, сила воли и мужество в их преодолении; глубокая религиозность и одновременно тяга к просвещению; широта русской души; соборность; милосердие и сострадание к ближнему; музыкальность и поэтичность; неразрывная связь с землей; гостеприимство, толерантность, терпение, независимость, честность; чувство собственного достоинства» (Сивякина, 2010, с. 603). Легко видеть, что в этом списке представлены только положительные качества, а негативные черты у русского дореволюционного крестьянства либо вообще отсутствовали, либо они имелись, но автор избегает их описания (в этом отношении см.: Лосский, 1937).

Иногда акцентируются, наоборот, только лишь негативные качества российского менталитета – нелогичность, несистематичность и утопичность мышления, импульсивность, лень и неумение организованно трудиться, склонность к самоуничтожению, неаккуратность, неряшливость, стремление сделать все побыстрее и «спустя рукава», максимализм, нетерпимость, фанатизм, низкий уровень бы-

15 С. Лурье характеризует модальную личность как типичную для данного общества (Лурье, 1997). А Т. Г. Стефаненко уточняет, что модальная личность – «это не „средняя“ личность, а чаще всего встречающаяся. Иными словами, использование понятия модальной личности не предполагает, что все или даже большинство членов общества имеют одну и ту же личностную структуру» (Стефаненко, 1999, с. 63).

та, неумение его организовать и т.д. (Гусельцева и др., 2012). Вызывают случаи, когда одновременно перечисляются как позитивные, так и негативные качества (см., напр.: Национальная идея России, 2012).

При постоянно подчеркиваемой противоречивости российского менталитета, сосуществования в нем как положительных, так и отрицательных качеств, а также типичности попыток представить положительные качества как «продолжение» отрицательных или наоборот (см.: Гусельцева и др., 2012), вопрос о том, какой его образ – позитивный или негативный – более соответствует действительности, по-видимому, вообще лишен смысла.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть два обстоятельства. Во-первых, едва ли интерес к проблеме особенностей российского менталитета был бы столь велик и постоянен, если бы с этим менталитетом все было благополучно и он характеризовался бы только положительными качествами. Во-вторых, данный интерес имеет прагматический ракурс, в котором эта проблема рассматривалась с первых шагов ее изучения, – направленность исследований на выявление тех наших черт, которые препятствуют нормальному развитию России и от которых нам, по возможности, следует избавляться (там же).

Подобные обстоятельства во многом размыывают понятие менталитета, а подчас и порождают представления об эфемерности соответствующей реальности. Например, бывший помощник бывшего президента России Г. Сатаров на одном из семинаров, посвященных российскому менталитету, высказал мнение, что менталитетов вообще не существует, однако соответствующее понятие бесполезно, как полезны физические понятия, описывающие реальность, которую нельзя зафиксировать.

Другим закономерным результатом размышления базового понятия в результате сосуществования в любом обществе различных видов ментальности является использование категории «доминирующая ментальность» (до существу, эквивалентной понятию «модальная личность», широко распространенному в психологии) и других подобных ей, позволяющих одновременно и сохранить идею психологической общности любого народа, и учесть сосуществование в ее рамках большого количества индивидуальных и групповых различий.

Трактовки понятия «менталитет» в психологии

Несмотря на подобные объективные трудности в определении понятия «менталитет», в его характеристиках, не претендующих на статус четкого и однозначного определения, а, скорее, задающих неко-

торую нестрого очерченную область понимания данного явления, явно нет недостатка.

Пишут о том, что «менталитет – это нематериализуемая составляющая традиции» (Лурье, 1994, с. 44); «совокупность сознательных и бессознательных установок, сопряженных с этнической традицией» (там же, с. 45); «совокупность эмоционально окрашенных социальных представлений» (Стефаненко, 1999, с. 89); «некий всегда неосознаваемый и устойчивый пласт психики, который включает в себя определенные мыслительные модели» (там же, с. 45); «направленность и склад мышления личности и социальной группы» (Тимофеева, 2006, с. 55-6); «исторически сложившиеся групповые долговременные умонастроения, единство (связь) сознательных и неосознанных ценностей, норм, установок в их когнитивном, эмоциональном и поведенческом выражении» (Степанов, 2008, с. 95); «некое социально-психологическое образование, присущее этносу, нации, народу, стране» (там же, с. 95); система взаимосвязанных образов, включая неосознанные, которые лежат в основе коллективных представлений о мире; специфика психической жизни людей, детерминированная экономическими и политическими условиями, и т.д.

Французские историки, принадлежавшие к школе «Анналов» и выступившие инициаторами введения понятия «ментальность» в научный оборот, писали, что это – «система образов... которые... лежат в основе человеческих представлений о мире и своем месте в этом мире и, следовательно, определяют поступки и поведение людей» (цит. по Стефаненко, 1999, с. 140). При этом, как подчеркивает Т.Г. Стефаненко, «При таком понимании ментальности трудно переводимое на иностранные языки французское слово *mentalité* ближе всего оказывается к русскому слову *миропониманию*, характеризующему общественные формации, эпохи или этнические общности» (там же, с. 140)¹⁶.

Предпринимаются и попытки структурировать менталитет, выделяя его основные составляющие. Например, утверждается, что структуру менталитета образуют «картина мира» и «кодex поведения» (Усенико, 1994). Представители вышеупомянутой школы «Анналов» подчеркивали, что ментальность представляет собой не набор характеристик, а систему взаимосвязанных представлений, регулирующих поведение членов социальной группы (Стефа-

16 В то же время Т.Г. Стефаненко акцентирует, что представители школы «Анналов» предпочли эту категорию «коллективным представлениям», «коллективному бессознательному» и другим более или менее близким понятиям (там же).

исков, 1999). С. В. Лурье выделяет: «центральную зону» ментальности, включающую локализации источников добра, Мн-образ и образ покровителя; локализации образа зла – образа врага; представления о способе действий, при котором добро побеждает зло (Лурье, 1994). Следовательно, в «центре» ментальности оказываются нравственные категории. Духовно-нравственные смыслы, символы мифологического, мистического и религиозного содержания считает важным компонентом ментальности и А. А. Гостев (Гостев, 2010), при этом наводя в основаниях «метафизики коллективного бессознательного» знаменую стору менталитета (там же, с. 34). При трактовке понятий «менталитет» и «ментальность» как синонимов «под ментальностью понимается глубинный пласт общественного сознания, совокупность коллективных представлений, имплицитно содержащихся в сознании ценностей, моделей поведения и стереотипных реакций, характерных для общности в целом» (Национальная идея России, 2012, с. 385).

При этом отмечается, что ментальность «консолидирует народ на основе общих ценностей, моделей поведения, традиций, жизненного уклада, культуры и заложена, если не сказать запрограммирована, на уровне сознания – как индивидуального, так и массового», что «Комплекс глубинных скрытых установок, представлений, ценностных ориентаций, обозначаемых емким термином „ментальность“, позволяет достигать более адекватного познания умонастроения масс в конкретную эпоху, поведения различных слоев, этносов, их представлений о себе, своей культуре, особенностях своего исторического развития», а «базовыми характеристиками менталитета выступают коллективность, неосознанность или неполная осознанность, устойчивость» (там же, с. 385–386)¹⁷. Выделяются и такие структурные составляющие менталитета, как национальная идея и национальный прототип (образ положительного национального героя) (Вальцев, 2004).

Приведенные утверждения хорошо иллюстрируют отмеченные выше особенности использования понятия «менталитет». Во-первых,

17 Отметим, что похожие составляющие обычно выделяются и в структуре реалити, выражаемых родственными понятию «менталитет» категориями, при этом разные исследователи делают акцент на разных компонентах. Например, как отмечает Т. Г. Стефаненко, «слова о национальном характере, одни авторы подразумевали прежде всего темперамент, другие обращали внимание на личностные черты, третьи на ценностные ориентации, отношение к власти, труду и т. д.» (Стефаненко, 1999, с. 136).

это его неотграниченность от близких понятий. В частности, авторы приведенных цитат переходят от понятия «менталитет» к понятию «ментальность» так, как будто они совершенно эквивалентны. Во-вторых, неопределенность его наполнения: одни и те же авторы в качестве составляющих менталитета/ментальности указывают то одни, то другие элементы. В-третьих, неопределенность его «локализации», в частности, отнесение менталитета то к уровню сознания, то к уровню бессознательного, то к обоим этим уровням одновременно, а также очень произвольное оперирование этими категориями историками и этнографами. В-четвертых, объяснительная полифункциональность данного понятия, тенденция объяснять на его основе практически все, относящееся к нациям и ее истории.

Базовые компоненты менталитета как социально-психологического феномена

Если менталитет в его наиболее широком понимании представляет собой совокупность психологических качеств, отличающих данный народ от других народов, то естественно предположить, что практически отсутствуют психологические элементы, которые не входили бы в структуру менталитета. В противном случае пришлось бы принять полную тождественность некоторых психологических характеристик разных народов. Иными словами, любой психический элемент, относящийся к уровню психологии народов, исходя из какой-то степени специфичности для данного народа и, соответственно, являясь составным элементом его менталитета.

Вместе с тем, реализация данного, вроде бы достаточно очевидного, утверждения, ведет к практической бесконечности элементов менталитета и размыванию этого понятия. Поэтому целесообразно выделить, как минимум, набор базовых компонентов национального менталитета, составляющих его ядерный слой. Представляется, что к числу таковых относимы, в первую очередь: 1) коллективная память, 2) социальные представления, установки и отношения, 3) закрепляющие их коллективные эмоции, чувства и настроения, 4) нормы, ценности и идеалы, 5) национальный характер и темперамент, 6) язык, 7) ментальные репрезентации культуры, 8) стиль мышления и социального восприятия, 9) поведенческие образцы, 10) национальная идентичность.

Прежде всего отметим, что некоторые из обозначенных элементов традиционно включаются в структуру менталитета, многократно описаны в этом качестве и едва ли нуждаются в дополнитель-

ных уточнениях. Такими, например, социальные представления и закрепляющие их коллективные эмоции, а также стили мышления, ценности и др.

Напомним, что менталитет часто характеризуется следующим образом: как «совокупность эмоционально окрашенных социальных представлений» (Стефаненко, 1999, с. 89); «...некий всегда неосознаваемый и устойчивый пласт психики, который включает в себя определенные мыслительные модели» (там же, с. 45); «...исторически сложившееся групповое долговременное умонастроение, единство (сплав) сознательных и неосознанных ценностей, норм, установок в их когнитивном, эмоциональном и поведенческом выражении» (Семенов, 2008, с. 95); умонастроение, мыслительная установка, воображение и склад ума (Шкуратов, 1997); «кодex поведения» (Усенко, 1994); совокупность коллективных представлений, имплицитно содержащихся в сознании ценностей, моделей поведения и стереотипных реакций, характерных для общности в целом (Национальная идея России, 2012); общие ценности, модели поведения, традиции, жизненный уклад (там же, с. 385); комплекс глубинных скрытых установок, представлений, ценностных ориентаций (с. 386).

В приведенных выше определениях и соответствующих «наполнениях» понятия «менталитет», некоторые его составляющие, если вынести за скобки терминологические различия в их обозначениях, выглядят достаточно эквивалентными. Таковыми являются: 1) когнитивные компоненты менталитета – социальные представления¹⁸, сознательные и бессознательные установки, умонастроения, образы, картина мира, воображение, склад ума и т.п.; 2) его аффективные и нормативно-ценностные компоненты, придающие когнитивным составляющим эмоциональную окраску и закрепление; 3) модели поведения, стереотипные реакции, традиции, жизненный уклад и т.д.

При этом в структуре менталитета нетрудно разглядеть три основных компонента социальных установок – когнитивный, эмоциональный и поведенческий¹⁹, с тем очевидным отличием от социальных

18 В эти представления, видимо, следует включать и коллективное транспроjektное – религиозные и прочие представления о мире, жизни и смерти и т.п., а также соответствующие образы, образующие важную часть «архетипов» коллективного бессознательного (в сознании).

19 Вообще эту структуру, по-видимому, можно считать достаточно универсальной, характерной не только для установок, но и для других социально-психологических феноменов.

установок, что каждый из соответствующих компонентов менталитета в свою очередь включает социальные установки в единстве их трех компонентов, т. е. в нем происходит своего рода удвоение этой трехкомпонентности.

Вместе с тем, описание ядерной части менталитета требует расширения описанной схемы и уточнения ее базовых компонентов. Можно согласиться с А. А. Гостевым в том, что, «исследуя проблему менталитета, следует искать дополнительные понятия, закономерности, неосвоенные психологией» (Гостев, 2010, с. 24), а также другими науками. Прежде всего, одним из базовых компонентов менталитета можно считать коллективную память. Это тоже очень идеологизированное понятие.

Данный концепт содержит не только воспоминания о реальных событиях, но и «легенды». Коллективная память подвержена влиянию различных защитных механизмов, таких как вытеснение событий и их искажение, а «Эмоциональный заряд некоторых воспоминаний настолько силен, что их можно считать основой психологического единства нации» (Емельянова, Журавлев, 2009, с. 28). Как подчеркивает Т. П. Емельянова, представленное в виде коллективной памяти «прошлое бытует в менталитете общества» (там же, с. 28), являясь его важной составляющей.

Вообще следует отметить, что каждый народ «маркирует» свою историю наиболее значимыми событиями, которые и занимают наиболее заметное место в его коллективной памяти. В нашей коллективной памяти такими событиями являются татаро-монгольское иго, «прорубание окна в Европу», различные войны, особенно отечественные, революция 1917 г. и т. д. И, собственно говоря, выражение «знать историю» означает знание именно этих событий – ее дискретных, «кликовых» фрагментов, времени, когда эти события произошли, и основных сопутствующих им обстоятельств, а не всей той непрерывной жизни общества, которая образует реальную историю.

Роль «культурной памяти», представляющей собой «исторические запасы» в виде народных обычаев, традиций, обрядов, суверен и т. д., акцентирует также А. А. Гостев, обращая внимание на такой психологический феномен, как «коллективные словидения» (Гостев, 2010).

К числу основных компонентов национального менталитета явно стоит отнести и язык в его собственно психологическом выражении. Согласно мысли А. А. Потебни, народность – это скорее ощущение общности, народного единства в смысле «общения мысля, устанавливаемого единством языка» (цит. по: Гуосельцева и др., 2012, с. 16).

Действительно, значение языка в качестве одновременно составляющей, выразителя и детерминанты национального менталитета, акцентированное многими авторами, трудно переоценить. Закономерно, что «в понятие „народной души“ (одно из родственных понятию менталитета. – А. Ю.) часто включали язык, являющийся родным для представителей данной нации» (Гусельцева и др., 2012, с. 15). При этом существенно подчеркнуть, что речь идет не столько о реальном использовании языка, сколько о его символической роли в формировании чувства общности с группой.

В ядреную часть менталитета следует включать и ментальные репрезентации всех основных элементов национальной культуры – от народных сказок до наиболее значимых для народа литературных произведений, памятников архитектуры и т. п.

К ядреным составляющим менталитета, естественно, следует добавлять и национальную идентичность, т. е. чувство принадлежности к соответствующему народу – носителю данного менталитета, а значит, и обладание этим менталитетом. В результате, как пишет Е. А. Тимофеева, «можно констатировать наличие неразрывной связи и взаимного влияния этнической самоидентификации личности и национального менталитета» (Тимофеева, 2006, с. 556), с тем уточнением, что речь идет о связи и взаимовлиянии частей одного целого. Показательно и то, насколько противоречива эта идентичность, подчас принимающая негативный характер. Например, в трудах многих российских философов, таких как Н. А. Бердяев, «принятие на себя» основных особенностей российского менталитета, «идентификация» с ними сочетается с негативным отношением к ним и с установкой на их преодоление.

Вместе с тем национальная идентичность является в определенном смысле узловым компонентом национального менталитета, результирующим его другие базовые составляющие, что отображено на рисунке 2.

Следует подчеркнуть, что каждый из описанных ядреных элементов менталитета имеет процессуальную и относительно статичную составляющие. Так, мышление представлено в нем как определенное мыслительные установки, характерные для данного менталитета: типовые схемы причинного объяснения социальных событий (каузальной атрибуция) – как процесс, характеризующийся определенными динамическими (например, доказано, что представители одних народов принимают решения в целом быстрее, чем других) и структурными (типовая «логика», точнее, «психологика», и т. п.) свойствами. То же самое можно сказать и о коллективной памяти

Рис. 3. Базовые компоненты национального менталитета

(которая включает одновременно и транзистные в ней образы, и процесс оперирования ими, в том числе и определенные защитные механизмы их искажения), и о других слагаемых менталитета.

Естественно, базовые составляющие менталитета несут на себе печать его отмеченных выше общих качеств, таких как интериндивидуальная и временная изменчивость и др. Например, коллективная память, являясь одной из ядерных слагаемых менталитета нации, основ ее идентичности и психологической консолидации, как и менталитет в целом, достаточно изменчива и противоречива. Некоторые ее элементы блекнут, а то и вообще стираются со временем. Например, полет Юрия Гагарина был значимой составляющей коллективной памяти и предметом общей гордости советских людей, а значительная часть современной российской молодежи не знает, кто был первым в мире космонавтом. Одни и те же события, такие, как Октябрьская революция и Гражданская война, по-разному «вспоминаются» и вызывают совершенно разные эмоции у различных слоев населения. В то же время отсутствие как оценочного, так и когнитивного контекста по поводу элементов коллективной памяти не вычеркивает их из нее, а, наоборот, делает ее более эмоционально «разогретой» и значимой частью. А изменчивость по-

добных слезливых менталитета не лишает из инвариантной составляющей: очевидно, что в нашей истории есть события, которые мы будем помнить всегда, вне зависимости от изменения идеологической и политической конъюнктуры.

Вообще же, по всей видимости, существуют как более устойчивые компоненты национального менталитета, мало зависящие от исторических обстоятельств, так и его более гибкие элементы, в большей степени поддающиеся их влиянию.

Очевидно и глубокое взаимопроникновение основных составляющих менталитета, возможность их отделения друг от друга лишь в абстракции. Например, коллективные представления служат основой коллективной памяти, и наоборот – коллективные эмоции и присутствуют в коллективной памяти, и создают эмоциональный фон коллективных представлений; национальный стиль мышления пронизывает все основные компоненты менталитета и сам базируется на них.

Возможно, к проблеме выделения базовых компонентов менталитета имеет смысл подойти и с «обратной» стороны, рассмотрев вопрос о том, какие специфические элементы национальной психологии не следует включать в их состав, дабы не превратить соответствующее понятие в своего рода «резинное», не имеющее концептуальных границ. В этой связи имеет смысл обозначить два основных ограничения.

Во-первых, нежелательно включение в понятие менталитета таких частных психологических характеристик, которые фактически входят в состав других, более общих. Например, хорошо известная большая пунктуальность одних народов (классический стереотип – немцы) и меньшая – других (в основном южных), также выявляемые в психологических исследованиях характеристики, как различный размер «зоны тела» (т.е. физической дистанции между людьми, которую они соблюдают при общении) и т.п., являются реальными и достаточно значимыми особенностями национального менталитета. Вместе с тем их вполне можно отнести к его поведенческой составляющей, не выделяя ту или иную из них в качестве его самостоятельного компонента, равно как и национальные черты (к примеру, отраженные нашим кинематографом «Особенности национальной рыбалки», «Особенности национальной охоты», «Особенности национальной политики» и т.п.).

Во-вторых, к базовым составляющим менталитета не стоит относить всякий достаточно глобальный психологический процесс, даже если он и имеет национальную специфику. Например, воля,

внимание и др. наверняка имеют некоторые особенности у разных народов (хотя результаты соответствующих психологических исследований неполны и довольно противоречивы), однако, во-первых, подобные различия между народами менее выражены, нежели личностные, возрастные и прочие различия между представителями одних и тех же народов. Кроме того, эти различия могут отражать самые разнообразные факторы, среди которых те, что формируют особенности национального менталитета (исторические, геополитические и др.), занимают далеко не самое заметное место и, соответственно, такие различия трудно считать выражающими особенности *собственно ментальности*²⁰. Эти особенности проявляются во многих элементах национальной культуры, имеющих ярко выраженную психологическую специфику, – например, в праздниках (см.: Воловикова и др., 2003). Однако подобные элементы содержат в себе практически все описанные базовые компоненты национального менталитета, пронизывая их «по горизонтали», и, имея свою «синтетическую» специфику, они все же в основном исчерпываются ими.

В дополнение к обсужденным в тексте предпосылкам подобной систематизации менталитета можно сформулировать ряд общих утверждений относительно этого понятия.

1. Любая нация формируется в уникальных именно для нее условиях – географических, климатических, исторических, экономических, социально-политических и др., которые неизбежно влияют на ее психологию. Поэтому любой народ имеет свой, специфический именно для него, менталитет.
2. Чем в более сложных условиях формируется психология наций, тем ближе их менталитеты. Соответственно, чем уникальнее эти условия, тем более специфический характер имеет и национальный менталитет.
3. Факторы, оказывающие влияние на национальную психологию, действуют постоянно, эта психология находится под их постоянным воздействием. К тому же, к одним факторам регулярно добавляются другие, в результате чего национальные менталитеты находятся в постоянном изменении и никогда не носят «законченный» характер.
4. Вместе с тем одни компоненты национальных менталитетов носят более изменчивый характер, чем другие, и в любом постоян-

²⁰ Из чего, видимо, следует целостность различия у народов особенностей, релевантных и коррелятивных (или мало релевантных) их менталитету.

но изменяющемся менталитете существует относительно стабильное ядро.

5. Общие характеристики национального менталитета всегда накладываются на психофизиологические особенности различных этнических, социальных и прочих групп, а также конкретных личностей. В результате в любом обществе на фоне базового существует и ряд более частных типов менталитета, а характеристики базового менталитета всегда представлены в преобладающих групповыми и личностными особенностями.
6. Подобные обстоятельства не «размывают» общее понятие менталитета, но делают его (например, подобно ключевым понятиям физической науки) достаточно релятивным и требующим рассмотрения в системе других понятий, его дополняющих.
7. Представленная выше рабочая схема анализа менталитета – «не догма, а руководство к действию» и, естественно, не носит сколько-либо законченный характер. Возможно как ее расширение – включение в нее других базовых составляющих менталитета, – так и укрупнение, т. е. объединение этих составляющих в более общие блоки.
8. Наиболее очевидными шагами дальнейшего анализа проблемы представляются: а) уточнение и «оптимизация» базовой схемы менталитета, б) разработка на ее основе типовой структуры менталитета, предполагающей обозначение взаимоотношений между ее элементами, в) описание периферической части этой структуры, надстраивающейся над ее ядерной частью, г) разработка операциональных схем анализа менталитетов, способных интегрировать их эмпирические исследования, д) структурирование различных видов менталитета как «наверху», на уровне национального менталитета, так и «внизу» – на уровне базовых, модальных личностей.

ГЛАВА 5

СОВРЕМЕННЫЕ КИБЕРСОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ КАК ИСТОЧНИК ТРАНСФОРМАЦИИ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ ЛЮДЕЙ

В последнее десятилетие СМК образовали информационное пространство, в котором рядовые граждане получают основную социальную (в том числе и политическую) информацию и на основе своих политических представлений и мнений, а также в сравнении с информацией, предоставляемой СМК, определяют мотивацию, решают и избирают тип своего социального и политического поведения. Аналитики утверждают, что большинство граждан воспринимает Интернет как инструмент получения независимой от властных структур информации для принятия самостоятельных решений (Apre, 2002; The Civic Web, 2003; Chadwick, May, 2003).

Подчеркнем, люди не следуют слепо рекомендациям, которые излагаются в СМК. Они реагируют на получаемую информацию исходя из своих собственных восприятий, ценностей, интересов и представлений. Это известная парадигма поведения. Однако тот факт, что СМК формируют основу политических взглядов населения и политических дебатов в обществе, несомненно, имеет важные следствия для динамики общественных политических процессов.

Осуществление политики в информационном пространстве имеет свой собственный язык и правила: упрощение политических посланий, формирование социально-психологического образа политика, использование политических скандалов и компромата в политической борьбе и т. д. Их необходимо изучать.

Проявление протестных движений и их активность – это «основная территория» Интернета (киберпространства) как политической информационной среды. Когда политически активные рядовые граждане, члены общественных низовых организаций не находят позитивного отклика со стороны политических структур государства, они начинают искать альтернативные пути для выражения своих

политических амбиций, и Интернет становится информационной политической платформой для автономных политических проектов и политического выбора граждан.

Интернет инструментаризован как информационная система. Политические интернет-сети организованы и ориентированы на действия, на практическое достижение политических целей. Естественно, во всех этих политических интернет-процессах есть руководители, политика которых, как правило, зависит от денег и политической активности «спонсоров».

Нельзя считать Интернет только современным позитивным изобретением человечества. Он является и ареной геополитической борьбы. И если забывать об этом, Россия окажется проигравшим субъектом истории. Данный факт требует конкретного психологического гуманитарного ответа.

В главе показаны возможности использования Интернета и его ограничения в официальных политических процессах. Это позволяет понять Интернет как информационную среду политической и психологической активности населения и воздействия на его массовое сознание и поведение.

Информационно-сетевые параметры социальных движений: психологические установки населения

Власть и властные функции основаны на контроле за коммуникационными процессами и распространением информации, будь то глобальная власть государства и медийнокорпораций или властные возможности частных организаций общества (Castells, 2009). Однако власть опирается на контроль коммуникации и информации, а власть оппозиция (пользователи интернет-сетей) зависит от преодоления контроля официальных сетей.

В мультимедийной коммуникации виртуальных сетей происходит борьба представлений и ценностей (как борьба за сознание и души людей). Как утверждает М. Кастеллс, процессы социальных изменений в публичном пространстве сформировали несколько типов социальных движений и массовой стихийной политики:

- 1) экологические массовые движения;
- 2) протест против глобализации, вызывавший к жизни сетевые социальные движения во всем мире с использованием Интернета как среды для организации давления на правительства и корпорации;

- 3) спонтанные (стихийные) массовые движения сопротивления политическим действиям властных структур, нарушающим нормы социальной справедливости.

Эти движения зачастую способны трансформировать возмущение населения в массовые стихийные выступления, учитывая универсальность интернет-структур и мобильной телефонной связи (ibid., 2009, p. 303).

Таким образом, развитие интернет-технологий в конце XX – начале XXI в. кардинально изменило ситуацию взаимодействия властных структур государств и населения стран в мире. Возможности Интернета позволяли большим массам рядового населения стран мира объединяться и выступать против несправедливой политики властей, за свои права и интересы. Информационные сети оказались на рубеже веков намного эффективнее традиционных вертикальных иерархических структур управления и взаимодействия. Это стало наиболее очевидно в сфере коллективных выступлений больших масс населения стран мира в так называемых социальных движениях²¹.

Теоретики информационных технологий отмечают рост глобальных информационных войн (Arquilla, Ronfeld, 1999), возникновение «электронной борьбы». Перед исследователями (и социальными психологами в том числе) стоит задача изучения конкретных механизмов, с помощью которых эта децентрализованная логика протестных движений в Интернете возникает, воспроизводится и трансформируется активистами.

Экологические движения

Набирают силу экологические движения. Анализ истории возникновения глобальных социальных движений за сохранение климата на планете содержится в ряде источников (Cushman, 1998; Burton, Marshall, 2003; Korten, Revkin, 2007; Weart, 2007).

Подвешивающее большинство ученых, занимающихся проблематикой экологии, открыто выражая свое согласие с тем, что действитель-

---

21. Начиная с протестных выступлений в Сиэтле в США в 1999 г., протестные движения и акции против различных государственных структур, протестные форумы по всему миру (Прага, Квебек, Барселона, Порту-Алегри и т. д.), антиглобализационные движения поставили под вопрос принципы социальной справедливости в капиталистическом мире. Протестные выступления в странах арабского мира также демонстрируют эту тенденцию.

ность человека на планете является одним из основных факторов, влияющих на глобальные климатические изменения в мире. Возникли движения «зеленых», выступающих за сохранение природы. ООН инициировала и спонсировала программу межгосударственных исследований климата планеты (IPCC), которая завершилась 2007 г. (Rosenthal, Revkin, 2007).

Экологические движения в целом и мобилизация населения против глобального использования ресурсов планеты транснациональными компаниями способствуют привлечению общественного сознания к этим проблемам. Развиваются экологические глобальные движения во всем мире. Главная их мотивация – остановить коллапс климата планеты (см., напр., сайт: <http://www.stopclimatechaos.org>). В 2007 г. было организовано движение «Жизнь на Земле», сайт которого получил поддержку порядка 2,4 млн пользователей.

Как подтверждают многочисленные исследования, население формирует свое отношение к экологическим проблемам на основе информации, почерпнутой из СМК. Например, исследование, проведенное М. Нисбетом и Т. Майерсом в 2007 г. в США (Nisbet, Myers, 2007), показало следующее. В первой половине 1990-х годов только 39% респондентов слышали что-то об экологических проблемах, тогда как к концу 1990-х годов большинство населения США (80–90%) уже было знакомо с проблемой глобального потепления. Таким образом, СМК и Интернет являются важными коммуникаторами формирования представлений населения о важности, актуальности и необходимости изменения отношения к климату планеты.

Движения против корпоративной глобализации

Начиная с 1990-х годов глобальные оппозиционные движения бросили вызов ориентации на корпоративную глобализацию (Juris, 2008). Корпоративная глобализация понимается как приоритет рынков над сообществами и народами в процессе асимметричной либерализации рынков во всем мире. Она была инициирована клубом G-8, Мировой торговой организацией (WTO), Международным финансовым фондом (IMF), Всемирным банком и другими международными финансовыми институтами.

Протестные движения были направлены против односторонней глобализации без социального и политического контроля со стороны национальных государств, более того – против специфической формы глобализации как непреодолимого исторического тренда развития цивилизации.

Многоуровневые компоненты социальных движений против корпоративной глобализации были и являются и локальными, и глобальными. В целом они опираются на преимущественно настроенных представителей локальных сообществ (внутри национальных государств). В то же время эти организации, как и тысячи индивидуальных активистов, мобилизующих протестные кампании, связываются по Интернету для обсуждения и организации коллективных действий. Более того, если протестная акция планируется заранее, интернет-сети являются главным инструментом для созыма тысяч локальных организаций и их сторонников, которые превращают локальный форум в интернациональный.

В. Беннет, известный исследователь социальных движений, приходит к следующему выводу: многообразие использования Интернета и других технологических возможностей позволяет утверждать, что «успех стратегий сетевой коммуникации... и позитивная динамика их развития имеют и то преимущество, что все структурные компоненты социальных сетей (организационные, психологические, политические) очевидны и могут анализироваться максимально согласованно» (Bennett, 2003, 2004, 2009).

Однако сетевая интернет-практика социальных движений включает не только координацию действий и планирование. Они функционируют на трех разных уровнях – стратегическом, организационном и нормативном (Juris, 2008; Himalaen, 2002; Levy, 2001). «Самовоспроизводящиеся и развивающиеся сети социальных движений в Интернете и их самоуправление становятся частью культурных идеалов, обеспечивающей не только эффективность политической организации социальных движений, но также и трансформацию общества в целом» (Juris, 2008, p. 15).

Стихийные массовые движения

Существуют социальные движения, возникающие из столкновения двух культурных моделей: индивидуализма и групповой ориентации. Эти движения в социальных сетях Интернета реагируют на нарушения социальной справедливости и трансформируют сетевой протест в актуальные действия (Tuomi, 2002; Wenger, 1999; Wenger, Synder, 2008). Практика сопротивления социальных движений чаще всего понимается как протест против нарушений социальной справедливости властными структурами.

Гнев, раздражение и ненависть – наиболее значимые эмоциональные состояния человека, лежащие в основе многих протестных движений, так как эти состояния уменьшают восприятие рис-

ка и увеличивают вероятность рискованного поведения. Более того, состояние гнева и раздражения увеличивает вероятность противоправных действий массовых стихийных движений. Существование в мире 35 млн мобильных телефонов (на период 2008 г.) означает, что можно быстро организовать связь с любым абонентом по всему миру в режиме реального времени (Carnegie et al., 2006a, b).

Интернет и проблема демократии

Никогда в истории человеческой цивилизации не были так широко распространены принципы демократического устройства общества, как в настоящее время. Однако возникающая синдетельства указывают на возрастающий кризис политического устройства демократических государств. Это кризис легитимности правительств, парламентов и политических партий в большинстве стран современного мира, включая Соединенные Штаты и Западную Европу (Carnegie, 2004). Поскольку Интернет в настоящее время рассматривается многими аналитиками как основная технология свободы (хотя объективно это не так), его распространение среди рядовых граждан приветствовалось и считалось инструментом для «исполнения» ограничений в выражении политических мнений рядового населения. Однако интернет-технологии и мобильная телефонная связь в действительности не являются абсолютно свободными. Правительства, партии, корпорации, группы интересов, религиозные структуры, преступные организации имеют те или иные преимущества (того или иного масштаба) в коммуникационных процессах.

Понятно, что Интернет – это мощный инструмент независимого массового выражения политических взглядов граждан за пределами формальной политической системы. Он действительно может быть платформой для их интерактивного массового участия в политических процессах. Недовольство властью, как правило, проявляется в Интернете в раздраженных выпадах против тех или иных политиков и призывах к выражению альтернативных политических ценностей. Эта активность может находить в сети среду коммуникации для обхода фильтров официальной политики, подчеркивая свою коллективную автономию.

Можно бесконечно спорить о влиянии современных коммуникаций на политическую активность населения: с одной стороны, утверждать, что воздействие Интернета на политическое поведение масс не оказывает большого эффекта на участие граждан в официальной политике (например, в голосовании), с другой – настаивать

на положительной корреляции между политическими заявлениями граждан в информационной среде Интернета и их участием в политических процессах. Давайте попробуем проанализировать, способен ли Интернет предложить новые формы политических дебатов в обществе и обеспечить массовое участие граждан в этих процессах.

Потенциально Интернет предлагает два уровня автономии для граждан. Во-первых, пользователи имеют доступ к более широкой информации, независимо от новостей сообщений традиционных СМИ. К тому же, Интернет дает им свободу формировать собственные информационные сети (Seix, Castells, 2004, p. 369) и осуществлять взаимодействие/воздействие/коммуникацию между собой без вмешательства политиков. Тем самым Интернет обеспечивает каналы организации потенциальных политических действий для пользователей виртуальных сетей (Coleman, Hall, 2001).

Однако возросшие ожидания рядовых граждан в сфере взаимодействия с официальными государственными политическими структурами при возникновении Интернета оказались не совсем оправданными (Negtis, 2000, 2001; Johnson, 2003; Levine, 2003). Несмотря на экспансию политической коммуникации в режиме онлайн, реальных изменений в поведении формальных политических структур не так много. Дело в том, что пользователи Интернета, как считают некоторые аналитики, не способны найти нужную политическую информацию для принятия обоснованного политического выбора (см., напр.: Browning, 2001; Levine, 2003; Simon, Cortaly, Wolfenberger, 2003).

Невозможно отрицать, что в целом Интернет – это технология и инструмент развития современной цивилизации, вступившей в информационную эпоху, и он может эффективно использоваться и в политических процессах. И хотя традиционная схема политических выборов в СМИ очень затратна в финансовом аспекте, но политические кампании в информационном интернет-пространстве, наоборот, удачны для потенциальных кандидатов, поскольку привлекает масса индивидуальных пожертвований.

Интернет дает возможность гражданам, стремящимся к автономии, использовать его как информационную среду, позволяющую высказывать свои политические взгляды и делать самостоятельный политический выбор. Если граждане не удовлетворены действиями политиков (и вообще политикой), то Интернет начинает использоваться политическими активистами для самостоятельной политической репрезентации (Seix, Castells, 2004, p. 371–375).

Негативное влияние Интернета на массовое сознание и поведение

Интернет оказывает значительное влияние на массовое сознание прежде всего подростков, на формирование их ценностных представлений, в том числе на их массовое поведение.

Глобальное информационное пространство современных сообществ таит в себе не только преимущества, но и определенные угрозы. И по мере его развития подобные угрозы могут усиливаться. Именно эти особенности в соотношении с источниками информационно-психологических угроз должны учитываться при анализе форм, феноменов и последствий (в первую очередь негативных) процесса информатизации и виртуализации повседневности, характерных для информационного общества.

В каких же формах реализуются информационно-психологические угрозы в киберпространстве? В самом общем виде они могут быть представлены так:

- причинение вреда здоровью человека;
- блокирование на несознательном уровне свободы волеизъявления человека, искусственное привитие ему синдрома информационной зависимости;
- утрата способности к политической, культурной, нравственной самоидентификации человека;
- манипуляция общественным сознанием;
- разрушение единого информационного и духовного пространства государства, традиционных устоев общества и общественной нравственности, а также нарушение иных жизненно важных интересов личности, общества и государства.

Рассмотрим примеры влияния информационных технологий и киберпространства на психику человека в контексте указанных форм негативных воздействий на примере телевидения, мобильных телефонов, Интернета, компьютерных игр.

Данные о негативной роли телевидения и его влиянии на здоровье и психику человека достаточно полно представлены в книге М. Савицера «Вероятность телевизионных экранов». Автор утверждает, что обнаружил прямую корреляцию между временем, которое пациенты проводят у телевизора, и уровнем смертности от ожирения, повышенного давления, диабета и повышенного уровня холестерина. У людей, привыкших к телевидению, не хватает времени на занятия спортом, вырабатывается привычка есть перед экраном,

что приводит к ожирению и преждевременной смерти (Spritzer, 2006). По подсчетам М. Спизера, ежегодно в Германии, население которой составляет около 80 млн. человек, 20 тыс. любителей телевидения гибнут из-за приобретенных болезней.

Телевизор для современного человека стал практически основным источником информации, познания окружающей действительности. По данным ряда специалистов, в среднестатистической семье телевизор работает до 7 часов в сутки. Люди часто сами оценивают свою погруженность в СМИ как чрезмерную, иногда вредную. Проводимые исследования однозначно фиксируют, что значение влияния книг и особенно школьных учителей упало немаленько в последние годы. Книжку все чаще заменяют компьютер и телевизор. В то же время за нравственный контроль над содержанием телепрограмм выступают около 80% опрошенных молодых людей, а 59% считают, что современные российские СМИ не способствуют формированию качества гражданина и патриота. По их мнению, СМИ, в первую очередь, пропагандируют деньги (59%), а ценности семьи (22%), справедливости (8%) и веры (7%) – в последнюю (Семенов, 2004). Статистические исследования М. Спизера основаны на изучении ежедневных привычек 15 тыс. детей в странах Европейского сообщества. Хотя большинство его респондентов живут в Германии, кризис аналогичного масштаба наблюдается и в других европейских странах.

Профессор М. Спизер пишет и о разрушающем воздействии телевидения на ментальные способности людей, особенно детей. «У детей, которые постоянно смотрят телевизор, очень ограниченный кругозор. У них нет никакого стимула к развитию, отсутствует такое необходимое в реальной жизни качество, как гибкость ума. Когда дети становятся взрослыми, у них атрофируются все чувства, они совсем ниче ощущают вкус и запах. Как результат, такие люди покупают нездоровые продукты из того ряда, которые постоянно рекламируются по телевидению. Привычка с раннего детства смотреть телевизор в более позднем возрасте приводит также к рассеянности, депрессии, а иногда и к немотивированной агрессивности» (Spritzer, 2006).

Потенциальная опасность мобильных телефонов для человеческого здоровья стала предметом дискуссий с тех пор, как это средство связи было изобретено, поскольку излучение, создаваемое ими, воздействует на мозг и область шеи. В конце 2006 г. ученые получили данные, что использование мобильного телефона, по крайней мере, не может быть причиной онкологических заболеваний. Та-

кой вывод был сделан по итогам крупнейшего исследования, проведенного датскими специалистами. Они обследовали 426095 пользователей сотовой связи, которые впервые приобрели мобильники с 1982 по 1995 гг. Однако никакой связи между длительностью использования телефона и риском возникновения опухолей ученые не обнаружили. Вместе с тем новостные ленты в сентябре 2007 г. сообщали: исследования, проведенные TEC (Telecom Engineering Centre), показали, что частое использование мобильной связи алетит за собой замедление интеллектуального развития детей. Руководствуясь этими результатами, правительство индийского штата Карнатака издало закон, запрещающий использование сотовой связи лицами, не достигшими 16 лет. Кроме того, салонам мобильной связи теперь не разрешается продавать подросткам мобильные телефоны, а учителям разрешается безвозвратная конфискация телефонов при их обнаружении у школьников. Отметим, что, по мнению учителей, мобильные телефоны отвлекали учащихся от учебного процесса.

Психологи выявили феномен «постоянной связи», состоящий в потребности человека долговременно быть на связи с помощью мобильного телефона. Люди, подверженные подобному «коммуникационному недугу», не расстанутся с мобильным телефоном ни на секунду. Они или сами постоянно звонят, или принимают звонки от других абонентов в инициативном порядке (например, навязывая общение по типу: «Освободись — позвони», даже если этот звонок не является необходимостью).

Подобные влияния имеют и виртуальные игры. Так, гоночные симуляторы (автомобильные компьютерные игры и подобные им) способны оказывать сильное воздействие на поведение человека за рулем в реальной жизни, утверждают исследователи. Был проведен опрос тысячи молодых людей, проходящих обучение в BSM (крупнейшая автошкола Великобритании) и увлекающихся компьютерными играми. Выводы оказались неутешительными. 27% респондентов в возрасте от 16 до 24 лет согласились, что, сев за руль после сеанса игры, они водят автомобиль менее аккуратно, а треть из всех, принявших участие в опросе, едит на повышенной скорости.

Достаточно много данных свидетельствуют о том, что виртуальность все чаще замещает реальную действительность. Например, все больше общественных организаций переходит в Интернет. В сети можно почитать книгу, не ходя в библиотеку, посмотреть фильм, не посещая кинотеатр, и даже получить консультацию врача. Бо-

лес того – компьютеры и мобильные телефоны постепенно приходят на смену живому общению членов семьи. По результатам исследования кампании Kelton Research, из 1001 опрошенного в январе 2007 г. американца 65% признались, что больше времени проводят в компании своего ПК, а не с супругами. При этом 84% респондентов заметили, что за последние три года стали больше зависеть от компьютера (Патрикеева, Соловьева, Селезнева, 2015). Происходит своего рода персонификация компьютера в качестве не просто собеседника, но собеседника одушевленного, такого же, как реальный человек. Можно говорить уже не о зависимости человека от техники, но о формировании своеобразной формы аддикции – психологической зависимости.

Доказательством значительного влияния информационных технологий на поведение человека являются данные, опубликованные Г. Богатовым в конце 2006 г. по результатам исследования компании 72 Point. Проведенный опрос показал, что около 75% людей хотя бы раз в день говорят по телефону неправду, лгут в SMS-сообщениях или e-mail. Больше половины опрошенных респондентов отметили, что им просто легче соврать по телефону, чем при личном общении. Из 1487 участников исследования в этом признались 67% респондентов. Причем больше всего люди любят притворяться большими (43%). Еще 23% респондентов говорят начальству, что работа выполнена, хотя на самом деле это не так, а 15% лгут, чтобы скрыть свою ошибку (Богатов, 2006).

По результатам опроса, проведенного аналитиками из Jupiter Research на выборке более 5000 тыс. жителей Великобритании, Франции, Германии, Италии и Испании, оказалось, что время, которое они тратят на путешествия по всемирной паутине, превосходит время, которое они посвящают чтению газет. Если на печатные издания уходит около 3 часов в неделю, то на Интернет – около 4. В США складывается еще более удручающая картина. По данным той же компании, американские респонденты проводят в Сети по 14 часов в неделю, т. е. почти два рабочих дня, столько же они смотрят телевизор, а вот газеты читают только 3 часа в неделю (Интернет против газет..., 2016).

Особо выделим проблематику возможного массового поведения подрастающего молодого поколения, которая должна стать предметом анализа социальных психологов и правоохранительных структур. Исследования свидетельствуют о том, что подростки (школьники) в различных неформальных групповых образованиях (подростковых толпах) имеют ряд характеристик:

- поведение с риском для жизни и здоровья (Dolcini, Adlet, 1994);
- использование наркотиков и предпочтений агрессивного группового поведения (Suzman et al., 2000, 2007);
- психологическое приспособление к условиям жизни (Barber, Eccles, Stone, 2001; Heaven et al., 2008);
- влияние и давление на окружающих сверстников (Clasen, Brown, 1985);
- ориентация на успехи в своем образовании (Brown et al., 1993; Heaven et al., 2008);
- особые формы поведения и психологические характеристики (Heaven et al., 2005; Stone, Brown, 1998; Strouse, 1999).

Групповые образования типа толпы являются важным аспектом жизни подростков и членство в них имеет кардинальные последствия для их психологического и физического здоровья. Например, М. Делсинг с коллегами (Delsing et al., 2007) обнаружил важные корреляции между членством в таких подростковых группах и депрессией, тревожностью, отклоняющимся поведением и агрессией. В обзоре 44 работ по проблеме «групповой идентификации подростков» С. Сюзман с коллегами представил данные о взаимосвязи «девиантного группового членства подростков» и использования наркотиков (Suzman et al., 2007). В подростковой среде существует феномен лидера и феномен подражания ему.

Существуют массовые групповые подростковые образования, в том числе протестные, на которые необходимо реагировать, в частности, правоохранительным структурам (Сток, 2008; Сток, Fletcher, 2009).

В современной геополитической ситуации проблема воспитания подрастающего поколения России (за его мировоззренческие воззрения, ценности, воспитание патриотизма и т.д.) – это перспективная и важнейшая проблема будущего нашей страны как субъекта исторического процесса. Поэтому так необходимо внимательно анализировать психологическую среду (в том числе и интернет-среду) подрастающего поколения школьников, в том числе неформальные групповые объединения подростков, в которых формируются их ценностные ориентации. И главное – оказывать психологическое воздействие на возникновение протестных социальных движений в среде подрастающего поколения как со стороны педагогических структур (в этом плане нужны программы для педагогов), так и со стороны властных структур.

Таким образом, в современной науке накоплен достаточно большой массив данных, подтверждающих, что современная информа-

ционная среда не только свидетельствует о торжестве разума человека, его творческих, технологических прорывах, но и представляет собой потенциальную опасность для психики человека, особенно для подрастающего поколения.

Если такие потенциальные угрозы психическому благополучию и психосоматическому здоровью человека содержатся непосредственно в самих современных информационных технологиях, то их опасность во много раз возрастает в случае целенаправленного использования во вред. Соответственно, их манипулятивные возможности превосходят все традиционные способы манипулирования индивидуальным и общественным сознанием.

Геополитические тенденции развития современной цивилизации, глубокое проникновение киберпространства (Интернета и мобильной телефонной связи) в социальную жизнь современных сообществ стали источником новых моделей взаимоотношения общества и государства. Возникшие политические интерпретации практики воздействия на массовое сознание и поведение больших социальных групп общества, и прежде всего возможность прямой коммуникации, минуя контроль властных структур, кардинально изменяют роль государства в методах и способах управления массовым поведением людей.

Специфика формирования социальных движений в киберпространстве, особенностей мотивации и мобилизации их поведения остается важнейшей проблемой и объектом профессионального внимания представителей отечественной социальной психологии.

Выше в основном были рассмотрены негативные влияния киберпространства на массовое сознание и поведение людей. Однако существуют и положительные возможности, – например, технология краудсорсинга, когда решение конкретных проблем происходит при активном участии рядовых граждан, а не только экспертных групп.

ГЛАВА 6

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ РЕВОЛЮЦИЙ КАК МАССОВЫХ РЕАКЦИЙ НЕДОВОЛЬСТВА

Массовое сознание населения тесно связано с социальными условиями жизни людей и часто является отражением этих условий. Массовое поведение, в свою очередь, представляет собой стихийную реакцию людей на различные социально-экономические ситуации, затрагивающую их интересы. При этом если массовые действия достаточно хорошо организованы и скоординированы, то неудовлетворительная социальная ситуация может стать основой не только публичных демонстраций, но и революции.

Психология «революционного уравнения»

Марксистское определение революций многим из нас знакомо с детства, прошедшего в условиях систематического «промывания мозгов» советской идеологией. Современные определения преподносят революции как «формы глобальных, насильственных и быстрых социальных изменений» (Zagorin, 1982, p. 17), как «быстрые базисные изменения государственного устройства и классовой структуры общества», акцентируя, во-первых, быстрое, во-вторых, радикальное, в-третьих, насильственное изменение существующего социального порядка. При этом необходимо помнить, что психологическая значимость революций как объекта научного анализа связана не только с тем, что они являются социальными событиями, имеющими огромное самостоятельное значение, но и с тем, что они служат «линзами, сквозь которые лучше видится повседневная организация общества» (Johnson, 1986, p. 1), и, соответственно, «объяснение революций является важным условием более полного знания общества и его понимания» (Zagorin, 1982, p. 151).

В исторической ретроспективе революции, как правило, видятся сквозь призму либо идеологем победившей стороны (испом-

ним советский образ Октябрьской революции), либо всевозможных мифов, что препятствует их адекватному восприятию и научному объяснению. Научный анализ должен быть нацелен на выявление истинных причин революций и, если он не направляется идеологемами или личными и групповыми интересами, в свете которых необходимо не объяснить, а оправдать революции, то этот анализ предполагает их многоаспектное, комплексное объяснение (Юренич, 2006, 1981; Гулевич, 2011).

Тем не менее, научные объяснения революций тоже часто носят односторонний характер (Хабенес, Насс, 1996). Различные «измы» – виды одностороннего детерминизма – характерны не только для терминологического аппарата учений о революциях (капитализм, социализм и т. п.) и их названий (марксизм и др.)²², но и для реализации в них логики объяснения революционных событий. Революции объясняются в какой-либо одной плоскости (экономической, политической и т. д.) на фоне кажущейся очевидной для всех социальных наук истины, состоящей в том, что революционные события носят комплексный характер и не могут быть сведены лишь к какой-либо одной категории причин. «Измы»²³ явно преобладают над комплексными объяснениями, а экономический и политический детерминизм открыто доминирует над другими его видами. Например, распространенные объяснения революции 1991 г. построены преимущественно в рамках политического детерминизма: демократия победила тоталитаризм, – а в книгах одного из активных участников тех событий, Е. Т. Гайдара, отчетливо выражен

22 И. М. Савельева и А. В. Полетаев пишут: «На протяжении последних двух веков в политической и идеологической лексике постепенно утвердилось целая серия „измов“: либерализм, социализм, радикализм, анархизм, неосоциализм и т. д. Мир политики маркирован „измами“, которые, с одной стороны, служат для конструирования прошлого и настоящего, а с другой – являются своеобразным способом обозначить идейные течения, социальные силы и организации» (Савельева, Полетаев, 2006, с. 367). При этом «процесс образования „измов“ нарастал на протяжении XIX–XX вв., и в результате, помимо исходных понятий, мы имеем: национализм, расизм, тридцатизм, социал-реформизм, фашизм, популизм, милитаризм, пацифизм, сексизм, феминизм, антиглобализм, мультикультурализм и т. д.» (там же, с. 358).

23 Соответствующие события пока не получили однозначной квалификации, не только оценочной, но и концептуальной, однако даже в вузовских и школьных учебниках они все чаще квалифицируются как революция, какой из, по-видимому, и следует считать.

экономический детерминизм²⁴: цены на нефть упали, нам грозит голод, и чтобы его избежать, понадобилась радикальная реорганизация нашей экономической системы (Гайдар, 2006).

Существенно подчеркнуть, что при подчиненности общим закономерностям различные виды революций имеют и свою специфику. В частности, революции, происходящие в центрах мировой цивилизации, отличаются от революций, происходящих на ее периферии, например, в «банановых республиках». «Центральные» революция, как правило, руководствуются социалистической идеологией, а то время как «периферические» – националистической (Wallerstein, 1989). Правильно различать «ранние» и «поздние» революции (Kimmel, 1990). Есть различия и между другими типами революций, не делающие эфемерными, впрочем, и их общие закономерности.

В последнее время обозначились и такие виды революций, как «бархатные», «оранжевые» и т. п. По-видимому, каждое время порождает характерный именно для него тип революций.

Для объяснения революций характерен и «поступит непосредственности»: их, как правило, объясняют экономическими, политическими, социальными и прочими факторами самими по себе, «игнорируя опосредствующие факторы – сознание и действия людей» (Kimmel, 1990, p. 186)²⁵.

Более того, в теориях революций обращение к психологическим факторам часто трактуется как «волюнтаристское», – не только очень нежелательное, но и нарушающее характерные для построения этих теорий «правила хорошего тона» (ibid., p. 186). В то же время трудно не согласиться с тем, что «классы, государства и даже международные экономические отношения не существуют сами по себе, а предполагают отношения между социальными субъектами. Они созда-

24 Убедительное опровержение экономического детерминизма содержится, например, в работах А. Токомалы (Toqueville, 1955), демонстрирующего, что революция происходит не только тогда, когда экономическая ситуация ухудшается, и обусловлена, как правило, не этим ухудшением. А К. Поппаля называет объяснение происходящего в обществе преимущественно экономическими факторами «экономическим заблуждением» (Popauly, 1957).

25 Подчеркнем, что это игнорирование не устраивает не только психологов, но и многих представителей других дисциплин. «Я ненавижу те абсолютные системы, которые представляют все исторические события зависимыми от великих первичных причин, связанных друг с другом фатальными цепями, и которые, можно сказать, исключают людей из истории человечества», – писал А. Токомаль (цит. по: Kimmel, 1990, p. 188).

ются, осуществляются и поддерживаются путем взаимодействия людей», и даже такой феномен, как социальный класс, – это «явление, представляющее в человеческих отношениях» (р. 205).

По мнению Р. Муссы, «в ситуациях бунта и революции отсутствуют линейный детерминизм, прямая связь в системе событий, которые могли бы их объяснить и оправдать. Эта связь является психологической, очень сложной психологической связью, а историк (можно также добавить: политолог, экономист и т. д. – А. Ю.) в большинстве случаев не способен постичь сознательную или бессознательную психологию людей, действия которых он изучает» (Mousnier, 1970, p. 157–158). В этой связи вполне обоснованно звучит призыв М. Киммеля «вернуть людей в революционное учение», но «не в качестве единственного пункта для объяснения революций, а в контексте глобальных социальных процессов» (Kimmitt, 1990, p. 206).

Психологическая наука всегда проявляла большой интерес к революциям. Один из основателей социальной психологии Г. Лебон был в числе пионеров психологического обоснования революций, в своей книге со знаковым названием «Психология революции» объяснил очень несимпатичную ему Французскую революцию проявлением иррациональности, агрессивности и склонности к насилию больших скоплений людей, именуемых им толпами. Эту линию в объяснении революций продолжил другой основоположник социальной психологии, К. Макдугалл, который тоже подчеркивал слепую иррациональность революционных толп, в революционном моменте сносящих все вокруг, и «патологический» характер их действий.

Иррациональность поведения толп или, в более привычной терминологии, революционных масс, отмечал и З. Фрейд, считавший их непроизвольной формой группового поведения. Фрейд также находил большое сходство между революционными идеологиями, в частности, социализма с религией, и при этом очень уважительно относился к построению социализма в нашей стране как к одной из самых грандиозных попыток усовершенствовать цивилизацию²⁶. А известный последователь Фрейда В. Райх писал, что политическая революция не может победить, если она не сопровождается соответствующим изменением морали – сексуальной революцией.

26 В его работах можно встретить и весьма «социалистические» утверждения, – например, такое: «По природе своей человек хорош и добродетелен к своему соседу; но институт частной собственности испортил его природу» (Freud, 1961, p. 60).

«Определить свободу – это то же самое, что определить сексуальное здоровье» (цит. по: Robinson, 1969, p. 52).

Идея иррациональности революционных толп, впрочем, впоследствии была уравновешена представлением о том, что многие в этих толпах ведут себя вполне рационально, преследуя определенные групповые и личные интересы, и мотивы революционного поведения не могут быть сведены только к иррациональному, разрушительному началу (Olson, 1965; et al.). Многие современные теоретики революций принимают характерную для марксизма трактовку этого явления как рационального процесса или, по крайней мере, как рациональной реакции на иррациональные социальные обстоятельства. А. М. Киммель пишет: «Идеи и эмоции надо рассматривать в социальном контексте; структурные изменения в обществе создают основу для революционного поведения, которое в результате выглядит рациональным и объяснимым, а не только выражением слепого гнева иррациональной толпы» (Kimmsel, 1990, p. 33).

Лидеры и ведомые:

психологические составляющие революций

Можно выделить два основных направления социально-психологического объяснения революций:

- 1) психологическими качествами лидеров революций,
- 2) более глобальными социально-психологическими процессами, порождающими революционные события.

Одни авторы в объяснении революций сосредотачиваются на психологических характеристиках их лидеров, пытаются понять, почему люди становятся революционерами, которым удастся вести за собой массы, другие – на психологических характеристиках ведомых и психологическом состоянии общества, в которых происходит революция. При этом и те, и другие, как правило, опираются на идею Фрейда о невротическом характере связи между лидерами и ведомыми, в частности, на его утверждение о том, что «группа представляет собой послушную орду, которая не может жить без вождя. Она испытывает жажду подчинения, которая вынуждает инстинктивно подчиняться любому, кто провозглашает себя своим хозяином» (Freud, 1959, p. 13)²⁷.

²⁷ Популярность этой идеи не вполне понятна в свете того, что революции часто направлены именно против вождя, хотя нередко и увенчиваются сменой одного вождя другим, причем худшим, нежели названный. Тем не менее, нельзя не признать и того, что революции, как правило,

В результате изучения психологических характеристик «революционных личностей» К. Лейден и К. Шмитт делают категоричный вывод: «только авторитарные личности имеют потребности и убеждения, необходимые для успешного совершения революций» (Leiden, Schmitt, 1968, p. 81). Это во многом объясняет, в частности, перерождение наших революционеров-демократов, которые, придя к власти, стали проводить свои революционные преобразования хотя и от имени демократии, но отнюдь не демократическим путем²⁶.

Изучив биографии и психологические особенности таких людей, как В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий и И. Ганди, А. Уолферстайн пришел к выводу, что ключевым фактором, толкнувшим их на тернистый путь революционеров, послужили взаимоотношения с отцами (Wolferstein, 1971). В интерпретации Уолферстайна революционеры, у которых в детстве сформировался протест против авторитарных отцов, обращают его на государство²⁷.

порождает выкиды и предвслагает некритическое подчинение им. А вопрос в том, что более характерно для революций – слепое подчинение лидерам или ниспровержение авторитета, – видимо, не имеет однозначного решения.

28 Как пишет Н. М. Рязантский, «развитие России в течение всей ее истории осуществлялось скачкообразно, когда все силы страны путем чрезвычайного рывка бросались на преодоление предвещающего реформам отставания от Запада: государственное правление Ивана Грозного, эпоха Петра I, реформы Александра II и реформы Столыпина, сталинская индустриализация, хрущевское «блестящее и переломное», горбачевская перестройка, ельцинская «демократизация всей страны». Правящая элита насильственно осуществляла реформирование антигуманными, подчас даже варварски жестокими методами» (Рязантский, 2002, с. 68). То, что ельцинские «демократические реформы» автор ставит в один ряд с правлением Ивана Грозного и сталинской индустриализацией, возможно, вытекает из перегибов (хотя бы потому, что в этих случаях целью было укрепление, а не разрушение государства), однако не лишено оснований.

29 К протесту против авторитарного отца применяется Эдипов комплекс, идентификация с отцом и желание быть на него похожим, тоже обращенные на государство. В результате протестующие против авторитаризма, придя к власти, сами становятся весьма авторитарными. Соответственно, революции предстают не как следствие конфликтов между властью, обществом и государством и т. п., а как выражение личных психологических проблем революционеров, решаемых их не во внутрличностном, а в глобальном социальном пространстве, что выглядит как очередная крайность – «миз», в данном случае личностно-психологический фетишом в объяснении революций.

В качестве главного личностного качества, делающего лидеров революций привлекательными для их последователей, выделяется харизматичность (Kimpfel, 1990; и др.). В то же время харизматичность, понимаемая М. Вебером и его последователями как «нерацональная форма авторитета», трактуется как несводимая к психологическим качествам самих революционных лидеров, а являющаяся продуктом их восприятия сквозь призму групповых эмоций и ожиданий. М. Кимпель подчеркивает, что объяснение харизматичности революционных лидеров следует искать не столько в их личностных качествах, сколько в социально-психологическом состоянии соответствующих общества и в характерных для них коллективных эмоциях (Kimpfel, 1990).

Эта трактовка распространена на феномен политического лидерства в целом и, в частности, на такую его экстремальную форму, как «феномен вождя», что может быть продемонстрировано даже с помощью языковых штампов. Выражения «вождь индейцев» или «вождь мирового простариата» звучат вполне органично, в то время как словосочетания «вождь американцев» или «вождь демократов» выглядят довольно анекдотично. «Феномен вождя» предполагает не только наличие лидера, обладающего определенными личностными качествами, но и соответствующую социокультурную, политическую и социально-психологическую среду.

Вовсе в современных психологических интерпретациях революций преобладает представление о том, что главную роль в их совершении играют не лидеры, а ведомые. «Важнейшую часть любой революционной толпы составляют благоприспособные, уважающие себя обычные люди, механики и чернорабочие, бакалейщики, пекари и изготовители свечей», а отнюдь не профессиональные революционеры, как считает Т. Эдварс (Edwards, 1982, p. 102). К. Бринтон подчеркивает, что это в своем большинстве «исполне обычные мужчины и женщины... не подверженные чему-либо требующему обращения к психиатру» (Brinton, 1965, p. 119–120).

Вместе с тем революции рассматриваются и как «социальная зараза», распространяющаяся путем коллективного заражения (см.: Kimpfel, 1990). Данная точка зрения перекликается с трактовкой революций как социальных аномалий или мутаций, а не необходимых стадий в развитии общества. Ч. Залвуд и другие аналитики революционного процесса еще в начале прошлого века подчеркивали, что этот процесс является нарушением нормального развития общества (Ibid.).

Среди различных направлений психологической трактовки революций заметное место занимает объяснение их расхождением между реальностью и ожиданиями. Одна из интерпретаций последствий этого расхождения строится на основе теории взаимосвязи между фрустрацией и агрессией Н. Миллера и Дж. Долларда и сводится к тому, что неудовлетворенные ожидания вызывают фрустрацию, а та порождает агрессию, находящую выражение в революционном поведении (Adas, 1979; et al.). При этом считается, что чем выше уровень фрустрации в обществе, тем больше политическая нестабильность и, соответственно, тем выше уровень революционного возбуждения масс. Данную закономерность трудно оспорить, хотя следует подчеркнуть, что повышенный уровень фрустрации, равно как и агрессии, в обществе далеко не всегда приводит к революциям, т. е. их объяснения реакцией на массовую фрустрацию явно недостаточно. Близкая интерпретация строится на основе теории когнитивного диссонанса и предполагает трактовку революций как мотивированных стремлением восстановить консонанс между реальностью и ожиданиями.

Подмечено, что наиболее остро конфликт между реальностью и ожиданиями переживают социальные группы, положение которых ухудшается, например, в результате проводимых в обществе реформ. Реформы, с одной стороны, вызывают у этих групп надежды на улучшение их социально-экономического положения, с другой – приводят к ухудшению этого положения, что обостряет конфликт между реальностью и ожиданиями. Ярким примером может служить значительная часть современной российской интеллигенция, активно поддерживавшей наши реформы в конце 80-начале 90-х годов истекшего столетия и резко изменившей свои настроения, ощутив на себе результаты этих реформ (здесь уместно вспомнить о том, что в начале XX в. отечественная интеллигенция пережила нечто подобное).

Многие теоретики революций, начиная с Э. Дюркгейма и З. Фрейда, сравнивают революционную энергию масс с вулканами: она накапливается до некоторой критической величины, по достижении которой «вулкан» извергается, разрушая сложившуюся политическую структуру общества. Революции дают выход революционной энергии масс, в результате чего после их совершения, как правило, устанавливается «довольно длительный период мира и спокойствия» (Edwards, 1982, p. 51).

В принципе, подобное представление противоречит и истории гражданских войн, и периоду репрессий, часто наступающему вслед

за революциями: и то, и другое трудно назвать «периодами мира и спокойствия». Однако «энергетическое» объяснение революций выражает давно усвоенный многими обществоведами, публицистами, да и самими революционерами факт, что революционная энергия масс не беспредельна и, разрядившись революцией, восстанавливается не скоро. Поэтому революция часто сопровождается репрессиями, порождениями у потомков революционеров вопрос, как это можно было терпеть³⁰, и непонимание того, что в результате революций подчас утверждаются более авторитарные режимы, нежели низвергнутые ими.

С позиций «энергетического» объяснения революций ответ состоит в том, что массы, революционная энергия которых выщелкивается во время революции, впоследствии становятся объектом тирании, ибо у них не остается сил для протеста, а тем более для новых революций. Возможно, каждый народ имеет свой период «революционной пассионарности» (англичане в XVII в., французы в XIX, россияне в начале и в конце XX в.), по прошествии которого совершение ими революций очень маловероятно. В период, непосредственно предшествующий революциям, в обществе ощущается психологическое напряжение, которое сказывается на всех уровнях социальных отношений. Это напряжение и революционная энергия масс в принципе могут разрядиться разными способами: породить фантазии, криминальное поведение, массовые психические расстройства, психосоматические заболевания и т. п., а также актуализировать различные механизмы психологической защиты, препятствующие выражению деструктивных настроений в революциях (Johnson, 1966). Однако спустя некоторое время эти механизмы теряют свою эффективность, в результате чего протестная энергия масс обретает революционные формы. И очень многое тогда зависит от способности властвующей элиты обуздать эту энергию, направить ее в мирное – или немирное, но безобидное для существующего режима – русло.

30 В частности, как отмечает Е. Е. Шестопал, базируясь на результатах опросов общественного мнения, «период правления Е. Ельцина, очевидно, можно занести в книгу рекордов Гиннесса по числу недовольных властью. Остается только удивляться, как мог десять лет продержаться режим, который практически никто не поддерживал» (Шестопал, 2002б, с. 37).

Психологические составляющие революционной мобилизации

Одна из главных проблем, возникающих при психологическом изучении массового революционного поведения, – это, естественно, проблема его мотивации, того, что подвигает людей оставить спокойный образ жизни ради участия в революционных битвах. М. Киммель пишет: «Любое научное изучение революций с позиций социальных наук должно включать теорию мотивации, психологию революционного поведения. Такие теории могут базироваться на психологических положениях об универсальных мотивах человеческого поведения или могут объяснить только экстраординарное поведение в революционной ситуации» (Kimmel, 1990, p. 11). Он отвечает также, что существуют два основных источника мотивации в таких ситуациях – отчаяние и надежда: отчаяние в своей жизни при существующем режиме и надежда на то, что она изменится к лучшему от его изменения.

Н. Смедлер считает, что массовые протестные движения «характеризуются глубоким пессимизмом относительно настоящего и нереалистичным возложением за него вины на какую-либо личность или класс» (Smedley, 1962). При этом, как подчеркивает Т. Скоккол, существует очень простое отношение между мотивацией революционных действий, с одной стороны, и их целями и результатами – с другой, обусловленное тем, что, во-первых, «революция случается, а не совершается сознательно действующими субъектами; во-вторых, что эти субъекты далеко не всегда четко осознают, чего именно они ждут от революции, а их мотивы, как правило, очень сложны и плохо артикулированы»³¹; в-третьих, в результате революции почти всегда получается не то, что провозглашалось их инициаторами (Skocpol, 1979). Как пишут Н. М. Савельева и А. В. Полетаев, «мотивы участия в политическом процессе лишь частично совпадают с замыслами вдохновителей утопических проектов, первоначальная энергия и энтузиазм которых подвергаются со временем процессу коррозии» (Савельева, Полетаев, 2006, с. 361).

Сосуществуют два вида объяснений мотивации революционного поведения: 1) модель «рационального субъекта», основанная

31 Это обстоятельство поддерживает и Г. Вуд, который пишет: «Цели, преследуемые людьми, особенно в процессе революций, настолько многочисленны, настолько разнообразны, настолько противоречивы, что их взаимодействие порождает результаты, которые никто не планирует и даже не может предсказать» (цит. по: Kimmel, 1990, p. 189).

на том, что субъекты революционного поведения «действуют рационально, подсчитывая свои интересы и примыкая к той стороне, которая обещает их наиболее полное удовлетворение» (Kimmel, 1990, p. 193), и 2) модель «моральной экономики», предполагающая, что «люди действуют эмоционально, стремясь сохранить свой этический и материальный мир» (Ibid.).

Ярким выражением первой концепции является марксизм. Его сторонники считают, что участники революций осознанно и рационально выражают свои объективные классовые интересы. Пример второй концепции демонстрирует роман-эпопея М. А. Шолохова «Тихий Дон», в котором приближение к той или иной противодействующей стороне многих героев описано как осуществляющееся преимущественно не на рациональной, а на эмоциональной основе, под влиянием множества сопутствующих случайных обстоятельств. История науки демонстрирует, что в ситуациях подобного соперничества двух волярных позиций, как правило, оказываются верны обе, но каждая в своей «области значений», т.е. оба механизма приближения к революционным действиям имеют место, что не означает возможности универсализации одного из них. В частности, довольно трудно себе представить, чтобы в условиях революционной стихии, мало понятной большинству охваченных ею, каждый действовал строго рационально, на основе лишь своих личных интересов. К тому же революционные ситуации – это не демократические выборы, и в подобных условиях далеко не всегда существует возможность примкнуть именно к той стороне, которая представляется предпочтительной.

Т. Парсонс подчеркивал, что революционные движения выражают систему различных мотиваций в отношении существующего институционализированного порядка, которые проистекают из напряжений в системе социального равновесия (Parsons, 1955). А. Дж. Пейдж постулирует линейную зависимость между уровнем эксплуатации граждан и их готовностью к политической мобилизации (Paige, 1975).

Согласно этим трактовкам, революционеры становятся наиболее эксплуатируемые, что подтверждается Пейджем на материале вьетнамской революции, но не слишком хорошо согласуется, например, с историей наших российских революций, организованных отнюдь не представителями социальных низов. Однако Пейдж акцентирует очень существенный аспект мотивации революционного поведения: вьетнамские крестьяне вошли в революцию не из-за того, что подвергались чрезмерной эксплуатации со сторо-

ны французских колонизаторов, а потому, что те ломали традиционный для них жизненный уклад. Крестьяне сменяли плуги на ружья не потому, что им было нечего терять, как пролетариям в учении Маркса, а вследствие того, что им, наоборот, было что терять и, соответственно, что защищать. Эта же схема объясняет выступления афганских моджахедов, а впоследствии – талибов и др. Как пишет М. Киммель, «когда люди совершают революции, они руководствуются своими мечтаниями. Основания этих мечтаний часто составляют воспоминания о мире, каким он был когда-то, и желание его вернуть» (Kimmel, 1990, p. 193).

По мысли К. Колзуна, «нам следует воспринимать революции против капитализма как инспирированные не новым классом, который порождает сам капитализм, а теми традиционными социальными группами, для которых он представляет угрозу» (цит. по: Kimmel, 1990, p. 202). В эту логику хорошо вписывается и трактовка нашей Октябрьской революции 1917 г. как вызванной стремлением восстановить традиционные патриархальные отношения – общинные и т. д., уничтоженные распространением капитализма в России. Соответственно, подвергается критике и представление о том, что лидеры революций всегда руководствуются модернизаторскими намерениями.

Более того, как отмечает Р. Айя, цели многих революций «были весьма консервативными, даже реакционными, состоявшими в защите старого экономического и политического порядка от посягательств государства или правящего класса» (Ayia, 1979, p. 72). Другими словами, вопреки распространенным представлениям о революционерах, они далеко не всегда были реформаторами, а подчас представляли из себя контрреформаторов.

Вполне убедительно выглядит и критика марксистской схемы, предполагающей, что революционные намерения масс порождаются из эксплуатации, и, чем выше уровень эксплуатации, тем выше и уровень революционной энергии. «Голодающие люди слишком озабочены выживанием для того, чтобы вынашивать планы свержения правительства или проектировать альтернативные модели социального устройства», – резонно замечает М. Адам (Adam, 1979). И действительно, история свидетельствует о том, что главными вдохновителями революций становятся не голодающие и не те, кому «нечего терять, кроме собственных целей», а вполне обеспеченные люди, не занятые заботой о хлебе насущном и потому имеющие возможность размышлять о судьбах народов и цивилизаций.

Как подчеркивает Т. Эдвардс³², революционные настроения у тех или иных социальных групп корродятся не их обнищанием, а спижением их места в социальной иерархии. Больше всего недовольны существующим социальным порядком не те, кто всегда жил плохо, а те, кто прежде жил относительно (других социальных групп данного общества) хорошо, но в результате реформ или каких-либо иных социальных пертурбаций ухудшил свое положение (Edwards, 1982). В эту логику вписывается оппозиционность современной российской интеллигенции, большая часть которой пострадала от реформ, а также таких социальных групп, как военные и др., принадлежавших в советском обществе к числу наиболее обеспеченных. Для этих социальных групп характерно изнудшее социальное самочувствие, порождающее мотивацию к радикальному изменению существующего режима и соответствующие политические ориентации (Колырева и др., 2001).

Именно они составляли ядро социально-профессиональных сообществ, которые стали систематически использовать такое средство воздействия на власть, как «массовое солидарное протестное действие» (Климов, 2001, с. 330). В данной связи очень существенно и то, что стремительным компонентом революций обычно является позиция «лидеров мнений» – формирующая общественное мнение интеллектуалов, которые утрачивают лояльность существующей системе и превращаются в ее критиков (Brinson, 1965; и др.).

Влияние внешних обстоятельств: социально-психологические детерминанты революции

Описанные ситуации высвечивают неадекватность объяснения революций лишь «внутренними» причинами, т. е. происходящим в том или ином государстве в абстрагировании от международного контекста, – например, классовой борьбой. «Считать классовую борьбу единственной движущей силой истории – это одностороннее, а следовательно, ошибочное преувеличение, – пишет О. Хянтте. – Конфликты между нациями играют куда более важную роль; давление извне оказывает большое влияние на внутрисполитические процес-

32. Этот автор, впрочем, довольно противоречив. Он констатирует также, что «застрявшие в открытом море матросы, ощущая недостаток пищи, всегда вводят коммунизм» и подчеркивает, что «русский коммунизм не был следствием теории, он был результатом кризиса», явно недооценивая роль концептуально-идеологического обоснования революций (Edwards, 1982, p. 203).

сы» (Нипзе, 1975, р. 183). С этим трудно не согласиться, если вспомнить о том, какую роль среди истоков двух российских революций 1917 г. сыграла война с Германией, или о том, какое влияние западные страны и их идеология оказали на наших реформаторов в конце прошлого столетия.

Во-первых, неудачи в международной политике, особенно в войнах, как правило, сопровождаются ослаблением государства, терпящих эти неудачи, и, соответственно, ослаблением их репрессивного аппарата, сдерживающего революционные импульсы. Во-вторых, они повышают недовольство существующим режимом, правящей элитой и т. п., приводящее к усилению этих импульсов. Ярким примером и того, и другого может служить во многом непродуманное участие России в Первой Мировой войне. Также и Афганская война хотя и не ослабила существовавший в нашей стране репрессивный аппарат, но заметно усилила недовольство советским режимом и сомнения в его эффективности.

Влияние неудач во внешней политике, особенно в войнах, на революционные ситуации хорошо вписывается и в психоаналитическую логику их объяснения. Если по своей природе человек агрессивен и ему свойственно разрушительное начало, то агрессивные массы, потерпевшие неудачу в приложении своей разрушительной энергии вовне, в отношении других государств, начинают выплескивать ее в своих собственных государствах, что и приводит к революции.

Из этого следует, что «сублимация» революционной энергии масс в межгосударственных войнах – ход очень опасный, ибо только успех в этих войнах может привести желаемый результат, а неудача, напротив, обращает эту энергию вовнутрь, что и произошло в России в начале XX в.

Однако данное объяснение предполагает, будто уровень агрессивной энергии масс – величина константная, не понижающаяся в результате вымещения этой энергии на противника, что противоречит историческим примерам «умиротворения» таких стран, как Германия и Япония в результате их поражения в войне.

Р. Коллинз описывает также возможность парадоксального психоэнергетического последствия войны, состоящего в том, что и победы в них могут содействовать революции. (Здесь в качестве примера можно привести выступление декабристов.) Участие в войнах, даже в победоносных, порождает «перенапряжение», которое может разрядиться в революциях. И вообще, как он отмечает, «геополитическое перенапряжение является ключевым условием революций» (Collins, 1986, р. 69). Оно приводит к тому, что «перенапряженное» государст-

во не может сдержать революционные импульсы: «Восхитное перенапряжение государства приводит к снижению его силы» (Ibid., p. 164). Коллинз пишет и о том, что революции имеют не только общесоциальное, но и личностно-психологическое значение, порождая у граждан чувства надежды, радости, возможности личностных изменений и разрушения границ. Действительно, без этих «энергетических ресурсов» коллективных действий революции трудно себе представить, а утверждение о главенствующей роли соответствующих коллективных эмоций выглядит весьма тривиальным. Однако ощущение тривиальности исчезает, если рассматривать его как конъюнкцию двух эмоциональных факторов в качестве условия революций, – кроме того, этой конъюнкции можно придать прогностические свойства.

Скажем, если в обществе калитца массовое недовольство существующим режимом, но ему не видится внятных альтернатив и нет уверенности в том, что от его радикального изменения жизнь станет лучше, революция теряет существенную слабую своего энергетического потенциала и становится маловероятной. Вместо массового революционного настроения возникает массовая anomia, вызванная разочарованием в существующем режиме на фоне отсутствия сколько-нибудь адекватных альтернатив, что очень характерно для современной России, где наблюдается «массовая тенденция настроений угнетенности, апатии и социального пессимизма»: лишь 15–20% населения выражают надежду на лучшее будущее, полностью удовлетворены своей жизнью лишь 4% населения, а 68% не уверены в своем будущем (Козырева и др., 2001, с. 245).

«Ситуация anomia, как правило, сопровождается ретритизмом (т.е. уходом в себя, воздержанием от политической активности. – А. Ю.)» (Климов, 2001, с. 315) и обостряется такими характерными для нашего общества «социальными болезнями», как реформофобия, бандитофобия и другие виды социальных страхов, которыми, как свидетельствует статистика, страдает до 70% наших сограждан³³.

Для того, чтобы массовая anomia сменялась желанием действовать, нужна альтернатива существующему порядку, способная

33. Отметим, что в нынешней России anomia свойственна, на наш взгляд, не только народу, но и власти, которая воплощает в жизнь лишь небольшую часть принимаемых ею решений. Она регулярно провозглашает намерения побороть мафию, теневую экономику, вывести рынок из-под контроля криминальных структур и т.п., однако дальнейший ритуальный рейд милиции или налоговой инспекции дело, как правило, не идет, т.е. власть сама не верит в осуществимость своих намерений.

(как идея коммунизма в прошлом) вызвать массовый энтузиазм и породить надежду на светлое будущее. Как отмечают И. М. Савельева и А. В. Полетаев, «особенностью социальной утопии, в отличие, например, от религии, является то, что, помимо идеологического варианта решения социально-политической ситуации, она содержит практический проект, предлагая попытку социального эксперимента. В этом источнике жизненности утопии, ее доступности массовому сознанию. Поэтому утопии и содержат в себе мощный политический заряд» (Савельева, Полетаев, 2006, с. 358).

Вообще вопрос о том, что заставляет революционно настроенные массы действовать – это вопрос политической мобилизации масс. Он является одним из ключевых для объяснения революций. Для их успешного совершения необходимыми четыре главных условия:

- 1) массовое недовольство существующим режимом;
- 2) наличие более или менее ясного плана его революционного преобразования, способного вдохновить массы;
- 3) мобилизация масс на свержение режима и претворение этого плана в жизнь;
- 4) способность мобилизованных масс сломить сопротивление истеблишмента.

Главный вопрос – в тактике захвата власти, шедеврами которой продемонстрировали большевики³⁴. Однако, не умаляя значимости всего этого, все же можно утверждать, что самое трудное – это превращение массового недовольства в массовые революционные действия.

Это прекрасно понимали все организаторы революций (вспомним работу большевистских агитаторов в войсках и др.), а революции, не сопровождавшиеся достаточным уровнем мобилизации масс (например, восстание декабристов, провозглашение надлоуном «для народа, но без народа»), всегда терпели поражение³⁵.

34. Конечно, для каждого времени необходима своя тактика, что не всегда учитывалось революционерами. Так, в 1993 г. протестовавшие против режима Ельцина, будучи воспитанными на ленинских работах, явно использовали основные элементы тактики большевиков, пытались захватить государственные учреждения и Целевиктр (возможно, идея в нем современный аналог телеграфа, а ленинскому захвату которого призывал вождь мирового пролетариата). По всей видимости, в современных условиях захватывать следовало что-то другое.

35. Исключением из этого правила является «революция сверху», которые не только не предполагают широкого участия масс, но, напротив, обычно осуществляются на фоне их отстранения от принятия судьбоносных

И вообще, как отмечает Ч. Тилли, очень немногие революционные ситуации приводят к революционным результатам, прерываясь на стадии мобилизации. Он выделяет три ключевые элемента революций: социальный конфликт, мобилизацию и организацию, подчеркивая, что мобилизация является важнейшим связующим звеном между первым и третьим, и это обеспечивает трансформацию массового недовольства в революционные действия.

Тилли рассматривает революция как предельное выражение политической борьбы, которая ведется всегда, но принимает революционные формы только в результате массовой мобилизации, т. е. именно эта мобилизация переводит перманентно присутствующую политическую борьбу в форму революции (Тилли, 1978). Начиная с этапа мобилизации, революционные события, согласно Тилли, проходят семь типовых стадий:

- 1) политическая мобилизация людей, недовольных режимом;
- 2) возрастание их численности;
- 3) безуспешные попытки правительства подавить сопротивление коалиции недовольных;
- 4) приход этой коалиции к власти или обретение ею контроля над правительством;
- 5) борьба коалиции за укрепление и расширение своей власти;
- 6) воссоздание единой государственной политики победившей коалицией;
- 7) обретение ею власти над населением.

Разумеется, еще раньше необходимость революционной мобилизации масс осознали и использовали сами революционеры. Отсюда проистекает, например, ленинская идея революционной партии, – «партия нового типа», способной осуществлять мобилизацию и претворить революционную энергию масс в успешные революционные действия. Л. Д. Троцкий, что симптоматично, в своей известной, но не в нашей стране, а на Западе, книге «История русской революции» сравнивал организацию революционных масс со стволом оружия, который концентрирует энергию взрывчатых газов и придает ей направленность (Троцкий, 1959).

решений. Например, после того, как население СССР проголосовало за его сохранение, состоялась «революция сверху», выкатившая с этого политическими образованиями и установившая в нашей стране режим, который едва ли утвердился бы, если бы «решали массы». Подобная схема была очень характерной и для наших «демократических» реформ, которые совершались от имени народа, но без обращения к его мнению.

Впрочем, массовая политическая мобилизация может и не привести к революции, если существующие политические институты способны ассимилировать революционную энергию масс «мирным» образом.

С. Хантингтон утверждает: «...политическая сущность революций состоит в быстрой экспансии политического сознания и быстрой политической мобилизации новых социальных групп со скоростью, которая исключает их ассимиляцию существующими политическими институтами» (цит. по: Kintner, 1990, p. 62). Революционная ситуация возникает тогда, когда развитие политического самосознания масс опережает трансформацию политических институтов, старая политическая структура общества приходит в противоречие с новым политическим сознанием, которое и «взрывает» ее. В результате одно из объяснений революций основано на акцентировании роли конфликта между государством и обществом, основные потребности которого приходят в противоречие с принципами государственного устройства (Anderson, 1974). Достаточно общепризнанным является и представление о том, что революции происходят тогда, когда ослабленное войной, реформами, разоруженностью и слабоумием государственных деятелей и т. п. государство оказывается неспособным сдерживать давление криминальных и внутригосударственных конфликтов.

Дж. Гудини и Т. Скокпол отмечают: «...идеальные условия для роста широкой революционной коалиции создают репрессивный авторитарный режим, который не способен контролировать свою территорию и свои границы, а также некогда эффективный репрессивный режим, который ослаб во всех отношениях» (цит. по: Kintner, 1990, p. 178).

В то же время революционные настроения сами порождаются социально-экономическими изменениями, причем, как подчеркивает Р. Айя, «чем быстрее социально-экономические изменения, тем выше уровень политического беспокойства масс» (Ayia, 1979, p. 35). А. Токиаль продемонстрировал эту схему на примере французской революции, доказав, что она была порождена не массовым недовольством репрессивным аппаратом, существовавшим при прежнем режиме, а, наоборот, тем, что этот аппарат был распутан и ослаблен в ходе реформ (Toqueville, 1955). В данную схему вписывается объяснение Октябрьской революции 1917 г. тем, что социально-экономическое развитие России привело к утверждению капиталистических отношений, чуждых ее обывательским, патриархальным и прочим традициям.

Этой же логике отвечает и понимание революции как реакции не на отсутствовавшие ранее реформ, а, наоборот, на сами реформы, разрушающие традиционный для данного общества уклад жизни и создающие непосильное для него напряжение. В частности, как показал Е. Мюллер на материале стран третьего мира, революции там часто порождаются слишком успешной модернизацией и плохо подготовленными демократическими преобразованиями, в результате чего происходит «откат» от демократии, причем на ее более низкий уровень в сравнении с тем, с которого эти преобразования начинались (Muller, 1995). А если рассматривать произошедшее в нашей стране в октябре 1993 г. как неудавшуюся революцию³⁶, подавленную режимом Б.Н. Ельцина, то она тоже выглядит как реакция на слишком быстрые социально-экономические преобразования, к которым большая часть населения была не готова.

Объяснение революций классовыми конфликтами тоже не списано в тираж, и целый ряд современных исследователей (Р. Мур и др.) развивает эту заимствованную К. Марксом традицию. Симптоматично и отношение к учению о классовой борьбе в современной России. В позднесоветское время, когда в нашем обществе не наблюдалось какой-либо классовой борьбы, мы повсеместно штудировали это учение, теперь же, когда наше общество, характеризующееся запредельным децильным неравенством, переживает острейшие классовые противоречия (классы сейчас другие, нежели нас учили, но не в этом суть), учение о классовой борьбе предано забвению.

В то же время, как отмечают Т. Скокпол (Skocpol, 1979) и др., реальные революции плохо вписываются в схему, разработанную К. Марксом. Реальные классы отличаются от описанных Марксом абстрактных классов, отношения между ними более сложны, должны быть отношениями между различными маргинальными группами, место «авангардных партий», выражающих классовые интересы, занимают «маргинальные элиты» и т. п.

Вместе с тем при существовании типовой логики развертывания революций они всегда содержат элемент непредсказуемости, а в переломные моменты их совершения «возможно все» (Kitschelt, 1990, p. 50), т. е. события могут пойти в разных направлениях в зависимости от множества обстоятельств. К тому же при существовании

36. Отметим, что, как подчеркивает М. Коэнфельд, неудавшаяся революция, не увеличивающаяся свержением существующего строя, тоже следует считать революцией, а теория революций должна объяснять не только сами революции, но и обратное им явление – контрреволюции (Kitschelt, 1990).

относительно инвариантной логики совершения революций они могут быть обусловлены различными причинами и порождаться разными типами социальных конфликтов. Для разных обществ характерны различные «революционные точки», т.е. области концентрации конфликтов, потенциально чреватых революциями. В частности, в современной России такими «революционными точками» являются отношения между богатыми и бедными, властвующей элитой и народом, этнические конфликты и др.

Психологические аспекты современных революций

Отношение к революциям неоднозначно и к тому же переменчиво, особенно в нашей стране, живущей «по закону маятника» и регулярно переводящей от одной крайности к другой. Отношение к революциям как к «локомотивам истории» и единственно возможному пути освобождения эксплуатируемых классов сменялось у нас отношением к ним как к политическому экстремизму, строго караемому законом¹⁷.

В других странах революции законом тоже, естественно, не приветствуются, однако при этом нередко ассоциируются со свободой, равенством, братством и прочими непреходящими ценностями. Подмечено и то, что наиболее негативное отношение к революциям существует в США, где они воспринимаются как наиболее глобальный вид социальной деструкции (революция американских колонистов против англичан, естественно, воспринимается как позитивное исключение).

В аналитической литературе, посвященной революциям, они тоже трактуются поларным образом: от «локомотивов истории», обеспечивающих социальный прогресс, до одной из главных угроз социальной стабильности и цивилизации. «Революция может грубо разрушать многие ценные вещи, однако она же может дать жизнь духу свободы, самценность которого не подлежит сомнению», — пишет П. Загорин. — Революции ослабляют законы, обычаи, привычки, верования, которые связывают людей в обществе» (Загорин, 1982, с. 268).

И вполне убедительно звучит последняя фраза из книги М. Каммела: «Хотя обстоятельства могут драматически изменяться от поколения к поколению и от одной страны к другой, но пружины че-

¹⁷ Очевидно симптоматично, что за безобидный по своим последствиям ритуальный захват правительственного здания группа «Ликвидатор» получила большие сроки тюремного заключения, чем дают законным преступникам.

ловеческих эмоций, из которых происходят революции, остаются неизменными в своей наделенности на артикулирование языка свободы и достоинства» (Kimmel, 1990, p. 224).

Разумеется, один из основных вопросов, возникающих в связи с революциями, – это вопрос о том, насколько они вероятны в современном обществе вообще и в нашей стране в частности. Было время, когда нам казалось, что революция – удел «банановых республик», а для более развитых стран время революций осталось в прошлом. Две наши недавние революции – удавшаяся, 1991 г., и неудавшаяся революция 1993 г., а также «бархатные», «революции роз» и т. п. продемонстрировали, что это большое заблуждение, еще более колебленившее недавними событиями в спокойной и не склонной к революционным баталиям Венгрии³⁸.

В результате сформировалось новое представление – о том, что революции маловероятны в странах с установившейся демократией и весьма возможны в странах, где она не устоялась или вообще отсутствует. Однако и это представление может оказаться ошибочным, и даже страны с установившейся демократией, многие из которых переживают острые этнические и т. п. конфликты, вполне способны на революционные «сюрпризы».

В частности, возможность революции в США. Токвиль связывал с расовыми причинами, в первую очередь с неравенством условий, в которых находятся белые и чернокожие американцы (Toqueville, 1955). Недавние погромы в Париже продемонстрировали, что этот потенциальный источник революций в современном мире приобретает особую актуальность, расширяя марксистские представления о революциях, в рамках которых они предстают порождением классовых, но не расовых и этнических конфликтов. И есть основания сформулировать прогноз относительно того, что в современном мире революции на почве этнических конфликтов выглядят более вероятными, чем революции, порожденные классовыми противоречиями, хотя противопоставлять одно другому, конечно, не следует.

События последних десятилетий показали также, что привычный для нас марксистский образ революций как обусловленных

38 Эти события продемонстрировали также, что революционные выступления масс могут быть вызваны не только несправедливыми классовыми противоречиями, но и такими ситуационными обстоятельствами, как, например, ложь правительства своему народу. В этой связи представляется актуальным различение объективных предпосылок революций и «триггеров» – обстоятельств субъективного характера, «запускающих» революционный процесс (Kimmel, 1990).

классовой борьбой явно устарел и мало соответствует современности. Такие революции в современном мире тоже возможны. Эта мысль особенно важна для нашего общества, где либеральные экономические преобразования осуществляются от имени демократии, однако, как правило, не демократическими способами, без учета мнения основной части общества. Вместе с тем в современном обществе более вероятными представляются другие виды революций – «бархатные», «оранжевые», революция «сверху»³⁹, революции на этнической почве и др., вынуждающие существенно расширять традиционные представления о революциях и их движущих силах.

Очень важный вопрос в этой связи – возможна ли революция в условиях демократии, которую принято считать наиболее прогрессивным политическим режимом, не нуждающимся в «улучшении», особенно революционным путем? А. Токвиль писал, что большинство граждан демократических государств не видит, что они могут выиграть в результате революций, зато видит тысячи вариантов, в результате которых они могут проиграть (Toqueville, 1955). М. Киммель отмечает, что «в условиях демократии революции происходят очень редко, однако возможность революций существует» (Kimmel, 1990, p. 32), что сопряжено с социальной несправедливостью, которая характерна и для демократии.

Идея о том, что демократия является абсолютно надежным «лекарством» от революций, не только противоречит событиям последних лет и революционному «откату» от демократии в странах, форсировавших ее внедрение слишком быстрыми темпами, но и не выписывается в опыт самой демократии – реальной, а не идеализированной. В основе этой идеи лежит вроде бы очевидное рассуждение: если большую часть населения не устраивает власть или существующий социальный порядок, то при наличии демократических механизмов власть можно сменить, а социальный порядок изменить демократическим путем и, соответственно, нет нужды в революциях. Но, во-первых, не всякая власть согласна на смещение демокра-

39 Развернутую характеристику «революций сверху» дает Е. Тримбергс. Она описывает их как инициированные людьми, которые занимают ведущие позиции в государственном аппарате, и осуществляемые в целях модернизации и повышения эффективности государственного устройства. Такие революции характеризуются низким уровнем участия масс (все основную революционную работу выполняет сама властвующая элита), относительной бескровностью и вообще низким уровнем насилия, отсутствием актуализации радикальных идеологий, прагматичностью и поступательным характером (Trimberg, 1978).

тическим путем и потому нередко готова прибегнуть к фальсификации результатов выборов и другим подобным приемам. Во-вторых, существующий социальный порядок, как правило, бывает закреплён в конституции (редко являющейся продуктом «всенародных» решений) и плохо поддаётся демократическим изменениям, свидетелем чему является круг вопросов, по которым запрещено проводить референдумы. В-третьих, демократия неизбежно порождает механизмы манипулирования поведением избирателей, подавления оппозиционных сил с помощью государственного аппарата, необходимость больших финансовых и пчар-ресурсов для проведения избирательных кампаний и т. п., в результате чего часто является «управляемой» демократией, т. е. механизмом реализации интересов тех, кто находится у власти. В ряде стран в подобных условиях, усугубляемых неравномерностью институтов гражданского общества, у «низов» имеются весьма ограниченные возможности воздействия на власть и на существующий социальный порядок демократическим путем. А «шпи» недовольны властью и режимом практически всегда, и все зависит от возможности «верхов» сдерживать и амортизировать их недовольство.

Тем не менее существуют веские аргументы против возможности революций в современной России.

Во-первых, наша нынешняя демократия, несмотря на свою молодость, является хорошо «управляемой», а наша власть уже имеет богатый опыт нейтрализации революционных движений (вспомним 1993 г. и последующие события), а также научилась «приручать» оппозицию и даже вырабатывать ее искусственно.

Во-вторых, каждый народ переживает периоды «революционной пассионарности», по прошествии которого его революционная энергия иссякает. И трудно предположить, что Россия после бурных событий начала 90-х способна на новые революции.

В-третьих, а нас сохраняется исторический опыт нашей страны, научивший, что революция, унося множество человеческих жизней и поглощая бездну энергии, которую лучше использовать на нормальное социально-экономическое развитие, не оправдывает возлагаемых на нее ожиданий, а идеи, лежащие в основе революций, оказываются мифами.

В-четвертых, если исходить из изложенного выше понимания революций как реакций не на отсутствие необходимых реформ, а на сами реформы, то можно утверждать на то, что основная часть наших сограждан к реформам более или менее адаптировалась, если не материально, то, по крайней мере, психологически (Журавлева,

2008; и др.)⁴⁰, и данная предпосылка революций сейчас не так актуальна, как в первые годы преобразований.

Наконец, в-пятых, если революции являются «локомотивными история» (история также учит, что эти «локомотивы» могут двигаться не только вперед, но и в обратном направлении), то «машинисты» подобных «локомотивов» – это наиболее деятельные, беспокойные люди, стремящиеся к лидерству и остро нуждающиеся в высокой социальной активности. Таких людей в современной России немало, но для них открыто множество социальных «ниш» в бизнесе, политике и др., где их потребности находят удовлетворение. Естественно, остается и «ниша» для революционеров-романтиков, руководствующихся высокими социальными принципами, а не потребностями в самореализации, но подобных людей в нашем прагматическом обществе остается все меньше.

В марксистской традиции подобные факторы принято относить к «субъективным», что, естественно, несколько не принижает их значения. Главная же «объективная» предпосылка революций в той же традиции – острые социальные противоречия, неравномерное распределение собственности, огромные различия в уровне доходов и т. п. – существует и в современной России. К ней добавляются такие «немарксистские» причины революций, как этнические конфликты, радикальные различия в уровне жизни занятых в государственном и частном секторе (Колырева и др., 2001) и т. п. Вопреки традиционному представлению о революциях как о направленных против государства, возможна и «прогосударственная» революция – восстановление, причем радикальными средствами, строгой вертикали власти и других атрибутов сильного государства, расшатанного либеральными реформами (что, как показывают опросы, отвечает чаяниям большей части российского населения). Разумеется, свою лепту в формирование революционных настроений вносит и поведение правящей – «рублевской» – элиты, «страшно далекой от народа» во всех отношениях⁴¹. А в ситуации, когда картина мира правящей элиты кардинально отличается от картины мира общества, элита отрывается от него, тервет эффективность, создается кон-

40 Это проявляется в сокращении частности наших сограждан, констатирующих ухудшение своего экономического положения, и вообще в некотором «просветлении» эмоционального фона в обществе (Колырева и др., 2001, с. 256).

41 По словам Н. М. Ракитинского, «радикал-либералы уже в 1998 г., т. е. за 7 лет своего господства, оторвались от народа значительно сильнее, чем коммунисты – за 70 лет своего» (Ракитинский, 2002, с. 71).

факт по известной схеме: «верхи не могут, а низы не хотят». Следует учитывать и то, что научно-технический прогресс порождает технические средства (например, Интернет), способные служить и средствами массовой мобилизации, которая, как было показано выше, является одним из главных условий революций. Но, главное, «причиной революций всегда является несправедливость», а идея социальной справедливости представляет собой одну из «вечных» идей в истории человечества, которая, видимо, всегда будет ориентировать умы на поиск наиболее справедливого социального порядка.

Так что суждению о том, что революции остались для нас в прошлом, предстоит выдержать очень серьезную проверку временем. Массовое сознание и поведение населения России в этой связи может претерпеть непредсказуемые трансформации.

Раздел 3

ГРУППОВЫЕ ФАКТОРЫ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ

Глава 7

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОГО ОБРАЗА БУДУЩЕГО В БОЛЬШИХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУППАХ

Несмотря на то, что социальные ожидания давно вошли в поле зрения психологов, проблема социально-психологических факторов формирования групповых представлений о будущем остается мало изученной (Журавлев, Юренич, 2014). Это относится к представлениям о будущем и в малых группах (управленческих командах организаций, группах экспертов в ходе прогнозирования), и в группах макросоциальных. Незаработанность проблемы социальных ожиданий оказывает негативное воздействие на исследование психологии массового сознания и поведения людей.

В данной главе предлагается анализ коллективного образа будущего как социально-психологического феномена, выделяются психологические факторы его формирования, а также намечаются перспективы дальнейших исследований в области социальной психологии прогнозирования. Мы используем понятия «коллективный», «массовый» и «групповой» как синонимичные, хотя и признаем возможность их дифференциации и даже противопоставления в других теоретических подходах.

Представления о будущем в социально-психологических исследованиях

В теории социального прогнозирования и футурологии коллективные представления о будущем как правило рассматриваются сквозь призму противопоставления, с одной стороны, обыденного представления, опирающегося на жизненный опыт и подверженного манипулированию, и технологического прогнозирования, объективного, верифицируемого, опирающегося на специальные научные методы (Соколов, 2003; и др.). В значительной мере также научные прогнозы основываются на экстраполяции прошлого и в итоге оказывают-

ся ошибочными, однако, даже несбывшиеся, они воплощают в себе важные тенденции всего общества. Это наблюдение справедливо и в отношении современной фантастической литературы, отражающей состояние российского массового сознания (Юречко, Цепенко, 2001). Однако сама футурология оказывает влияние на массовое сознание и запускает самореализующиеся пророчества. Образ будущего основан на работе, сделанной коллективным воображением в прошлом, – иными словами, существует коллективная память о будущем. Содержащая сделанные когда-то авторитетные прогнозы, такая память служит опорой при социальном конструировании будущего: например, при ожидании гражданской войны, экономического кризиса, нового передела собственности и т. п.

В экономической психологии коллективный образ экономического будущего изучается как потребительские ожидания, играющие важную роль в потребительском и сберегательном поведении, инфляционных процессах, финансовых кризисах и т. п. и являющийся важным индикатором социального самочувствия.

В рамках социологии и социальной психологии риска коллективные представления о будущем рассматриваются с точки зрения способности современного общества к рефлексии и предотвращению порождаемых им социальных рисков (Н. Луманн, Э. Гидденс, О. Н. Янинский и др.). Получает признание тот факт, что прогнозирование рисков и оценка их вероятности опирается не только на личные и групповые интересы, но и на социокультурные механизмы, конструирующие массовые страхи (Бек, 2000). Образ будущего, – коллективные надежды и страхи, – определяется групповыми ценностями. Культура влияет не только на то, что мы считаем желательным, но и на то, что мы определяем как угрозу социальному порядку. При этом риск может интерпретироваться как нарушение культурных норм, как отклоняющееся поведение конкретных людей и социальных групп (Дуглас, Вилдавски, 1982).

Несмотря на то, что в массовом сознании прогнозы экспертов игнорируются или интерпретируются ошибочно, солидарность на почве страхов перед будущим оказывается мощной политической силой. Растущий интерес к будущему в социальных науках объясняется тем, что коллективные представления о нем вызывают к жизни новые экономические и политические силы, подвергают перестройке социальные институты, становятся социально-психологическим механизмом, порождающим и легитимирующим научно-технические инновации (Brown et al., 1993, 1994).

Примерами могут служить научные изобретения, самореализующиеся пророчества во время экономических кризисов, а также различные социальные движения – от трансгуманизма до антиглобализма и движения против вступления в НАТО и т. п. Без понимания психологических механизмов формирования коллективных представлений о будущем сегодня все труднее оказывается прогнозировать социально-политическую ситуацию и воздействовать на общественное мнение.

Коллективный образ будущего: определение, структура, функции и механизмы формирования

Под коллективным образом будущего нами понимается совокупность представлений о будущих процессах и явлениях, разделяемых представителями социальной группы и конструируемых ими в межличностном дискурсе.

В содержании коллективного образа будущего можно выделить пять основных феноменов:

- коллективные цели и планы, объединяющие и координирующие усилия группы в ходе совместной деятельности;
- групповые ожидания, т. е. представления о значимых событиях ближайшего будущего, которые члены группы не могут контролировать, но стремятся учесть в своих планах;
- групповые мечты, т. е. представления о желательных для группы изменениях в обществе, которые не предполагают немедленной и полной реализации в действительности;
- коллективные страхи, т. е. разделяемые членами группы представления об угрозах для индивидуального и коллективного благополучия или даже для самого существования группы и организации;
- коллективные идеалы, т. е. представления о принципиально недостижимой, но желательной для группы ситуации.

На наш взгляд, коллективный образ будущего можно рассматривать как компонент группового отношения к времени и в более узком смысле – групповой временной перспективы (Нестик, 2014), т. е. отношения группы к своему прошлому и будущему.

В структуру отношения группы к своему будущему входят ценностно-мотивационный, когнитивный, аффективный и конативный компоненты.

К ценностно-мотивационному компоненту можно отнести значимость коллективного будущего для членов группы.

К аффективному компоненту можно отнести: 1) общую позитивную или негативную оценку будущего своей группы; 2) оценку отдельных социальных процессов и явлений, влияющих на будущее группы; 3) позитивную или негативную оценку усилий группы по реализации своих целей. Следует заметить, что аффективный компонент может проявляться в форме коллективных эмоций, особенно сильно влияющих на поведение контактных групп.

К когнитивному компоненту относятся: 1) содержание представлений о коллективном будущем; 2) протяженность временной перспективы, т.е. удаленность в будущее событий, связанных со своей группой; 3) представления о социальных процессах и явлениях, которые могут повлиять на будущее группы; 4) представления о силе и характере влияния будущего группы на ее членов; 5) представления о предсказуемости коллективного будущего; 6) представления об управляемости будущего, о способности группы повлиять на свое будущее.

К конативному компоненту можно отнести: 1) готовность членов группы к конкретным действиям для осуществления образа предпочтительного коллективного будущего, реализации коллективных целей и надежд; 2) готовность членов группы обсуждать коллективное будущее друг с другом и с представителями других групп; 3) групповые предпочтения в отношении тех или иных способов прогнозирования коллективного будущего.

Наряду с компонентами отношения к совместному будущему, можно выделить ряд характеристик самого образа этого будущего – содержательные и динамические.

К содержательным характеристикам коллективного образа будущего можно отнести субъектность, т.е. веру в способность группы повлиять на свое благосостояние; степень оптимизма в отношении коллективного будущего; сформированность представления о будущем по сферам жизни группы или общества (например, иммиграция и будущее межэтнических отношений, демографическая ситуация, уровень инфляции и цены на товары и услуги, будущая пенсионная политика государства, ожидаемый уровень налогов, будущее российского производства после вступления в ВТО и т.д.).

К его динамическим характеристикам относятся: протяженность в будущее; устойчивость к изменениям, происходящим с социальной группой в настоящем; относительная многовариантность, т.е. наличие в коллективных представлениях нескольких сценариев развития ситуации.

Данные наших исследований и теоретический анализ существующей научной литературы позволяют выделить четыре основных психологических механизма формирования коллективного образа будущего. К ним относятся: 1) групповая рефлексия совместного прошлого, настоящего и будущего; 2) механизмы формирования коллективных эмоциональных состояний (эмоциональное заражение, распространение слухов); 3) лидерское видение, т. е. целенаправленное воздействие лидера на образ будущего и прошлого группы; 4) групповая идентификация (см. рисунок 3).

Рис. 3. Концептуальная схема формирования коллективного образа будущего

Если групповая рефлексия, эмоциональное заражение и групповая идентификация имеют важное значение для всех групп, в том числе макросоциальных, то влияние лидерского видения связано прежде всего с жизнедеятельностью малых групп и организаций.

Как и у коллективной памяти, у коллективного образа будущего есть ряд важнейших социальных функций: идентификационная, консолидирующая, целсообразующая, ценностно-мотивационная, функция поддержания позитивной социальной идентичности, функция адаптации к социальным изменениям и формирования психологии массового поведения.

В частности, идентификационная функция коллективного образа будущего проявляется в том, что он становится основанием для социальной категоризации и сравнения. Вне зависимости от того, приобретает ли общность будущего через личный выбор

или она навязана волей обстоятельств, объединенные будущим люди стремятся найти сходство между собой в прошлом и настоящем. Сходство или различие предполагаемого будущего делает возможным и релевантным социальное сравнение между группами, ранее не рассматривавшими друг друга в качестве значимых.

Выполняя консолидирующую функцию, коллективный образ будущего повышает сплоченность группы, обеспечивает ее членов осознанием взаимозависимости в достижении совместных целей и чувством общности судьбы. Заметим, что чем выше индивид оценивает общность своего будущего с будущим других индивидов и групп, чем выше он оценивает совпадение своих целей с целями других, тем больше оснований для формирования чувства «Мы».

При этом коллективный образ будущего может формироваться через диалог и групповую рефлексив, и тогда различие точек зрения, культурное разнообразие обогащает поиск альтернативных сценариев достижения желаемого будущего. В этом случае образ будущего оставляет открытыми межгрупповые границы, поддерживает культурное разнообразие как эволюционное преимущество. Но коллективный образ будущего может формироваться и другими, нерофлексивными путями – через разделяемые участниками группы коллективные страхи, через механизмы идентификации с сильным лидером, способным защитить группу от внешних угроз. В этом случае группа мобилизуется для достижения совместных целей, но противопоставление Мы и Они существенно ограничивает уровень ее субъектности (Журавлев, 2000; Сергеевско, 2011).

Наконец, коллективный образ будущего выполняет функцию адаптации к социальным изменениям. С одной стороны, коллективные страхи, а также прогнозы, исходящие из авторитетных для членов группы источников, позволяют группе подготовиться к изменениям. С другой стороны, в содержание представлений о будущем неизбежно попадают знакомые черты настоящего и прошлого: групповое сознание как бы «приручает» будущее, уводя от его настоящего, стереотипизируя будущие события, приближая их к стандартам коллективного опыта.

Социально-психологические факторы формирования коллективного образа будущего

Среди психологических факторов формирования коллективного образа будущего можно выделить личностные, групповые, межгрупповые, организационные и социальные факторы.

К личностным факторам относятся, на наш взгляд, выраженность индивидуальной временной ориентации на будущее, протяженность временной перспективы, уровень тревожности, социальная идентичность, ценностные ориентации. Сюда можно отнести и ряд коллективных эффектов прогностической деятельности – сего-оптимизм, самопроклятие, стереотипизация отдаленных во времени событий, эвристики доступности и представленности, эффекты «черных лебедей», пренебрежения масштабом риска и др. (Yudkowsky, 2008).

Как показали исследования, на способность к воображению будущего влияют и характеристики временной перспективы – ориентация во будущее и гедонистическое настоящее (Altnold et al., 2011). Эти данные хорошо согласуются с результатами исследований, проведенных в рамках бельгийской школы временной перспективы, основанной Ж. Нюттеном. Так, в работах З. Залеского и Т. Гисме был обнаружен эффект ослабления мотивации при отдалении цели в будущее (Zaleski, 1987). Причем этот эффект наблюдался у испытуемых, ориентированных на достижения, тогда как у тех, кто ориентирован на избегание неудач, он был выражен значительно слабее (Gijssels, 1983). Выяснилось также, что чем более личностью значима цель, тем более близкой во времени она нам кажется (Gijssels, 1983). Людям с протяженной временной перспективой отдаленные события кажутся более близкими, чем тем, у кого временная перспектива короче.

Коллективные страхи и надежды различаются по содержанию и, по-видимому, играют разные социально-психологические функции. Опасения носят крайний характер, т. е. включают в себя наименее желательные сценарии развития событий. Надежды, напротив, более консервативны и прагматичны. Страхи выполняют функцию мобилизации коллективных ресурсов и адаптации к изменениям в условиях высокой неопределенности, тогда как надежды выполняют функцию сохранения позитивной идентичности и являются основой для планирования жизнедеятельности⁴².

В отечественной и зарубежной футурологии часто используется алармистский подход, когда людей призывают опомниться пе-

42 Как показали исследования З. Залеского, тревога в отношении будущего (т. е. страха, связанного с ожиданием негативных событий в собственном отдаленном будущем) связана с пессимистическими прогнозами относительно способности своей социальной группы влиять на складывающуюся ситуацию. Обнаружена также сильная связь тревоги по поводу будущего с тревожностью как личностной чертой (Zaleski, 1994).

ред лицом близкой катастрофы. Действительно, нагнетание тревоги повышает внимание общества к будущему, однако делает его образ более туманным. Напротив, есть данные, свидетельствующие о том, что оптимизм прямо связан с частотой размышлений о будущем и отчетливостью его образа. Оптимистические представления о будущем у большинства людей более разнообразны и глубоки, чем считалось ранее в футурологической литературе, причем эти представления тесно связаны с идентичностью и общим образом мира (Toppa et al., 2006).

Оптимизм в отношении будущего может опираться на разные ценности и представления. Так, например, наши исследования представлений об экономическом будущем показывают, что уверенность оптимистов в завтрашнем дне определяется их верой в собственные силы, тогда как для пессимистов основным гарантом уверенности в завтрашнем дне является социальная защита со стороны государства (Нестик, 2012).

Как показало наше исследование социальных представлений россиян об экономическом будущем, проведенное совместно с Т.П. Емельяновой и Т.В. Дробышевой в 2011–2012 гг., респонденты склонны оценивать свое отдаленное будущее более позитивно, чем ближайшее (Нестик, 2012; Дробышева, Кукишева, 2012; Емельянова, 2012).

О роли самооценки при прогнозировании свидетельствуют исследования феномена «самопророчества»: однажды предсказав свои действия, люди склонны придерживаться прогноза, если предсказанное ими поведение социально желательно (Sheptan, 1980). Как известно, успешное речемыслительное прогнозирование связано со способностью использовать абстрактные, теоретические знания (Помов, Сурков, 1980; Ретун, 2003).

Среди межличностных факторов прежде всего следует выделить содержательные и структурные характеристики социальных сетей, в которых осуществляется межличностная коммуникация по поводу будущего. Межличностные факторы представлений о будущем пока еще изучены крайне недостаточно, поэтому мы позволим себе сформулировать предположения, требующие эмпирической проверки.

К групповым факторам формирования коллективного образа будущего можно отнести целый ряд феноменов, связанных с механизмами внутригруппового социального влияния, в том числе и эффекты самореализующегося пророчества, сдвига к риску и группового мышления в условиях дефицита времени.

Несмотря на то, что наши представления о поведении других людей и социальных групп могут быть ошибочными на момент про-

гноза, они вполне могут осуществляться благодаря реакции других на наши же действия. Этот эффект получил название «теорема Томаса», или «самореализующееся пророчество». В 1928 г. американские социологи У. Томас и Д. Томас заметили, что если люди считают ситуацию реальными, эти ситуации становятся реальными по своим последствиям. Эти слова были сказаны по поводу преступника, который убивал прохожих, имеяших неосторожность размышлять вслух и тем самым дававших ему повод думать, что они бранятся. Позднее в своей статье «Самореализующееся пророчество» Р. Мертон воспользовался этой удачной формулой У. Томаса для описания социологической закономерности: публично сделанные предсказания ситуации становятся частью этой ситуации и влияют на дальнейшие события.

Именно самореализующееся пророчество послужило причиной краха американских банков в 1930-е годы и нарастания расовых конфликтов в 1940-е годы.

Согласно Р. Мертону, основой самореализующихся пророчеств являются нормы и ценности, поддерживаемые политическими, культурными и экономическими институтами общества⁴³.

Р. Мертон обратил внимание и на другие, так называемые «самозамыкающиеся пророчества»: публичное предсказание порождает действия, которые делают его осуществление невозможным (Merton, 1936, p. 904).

Самореализующееся пророчество обнажает представления о будущем множества людей, приближая вероятность события от $p = 0,3-0,5$ к $p = 1$.

Эффект обилия к риску был впервые обнаружен в 1961 г. Дж. Стоувером: после группового обсуждения индивидуальные мнения участников также сдвигались в направлении более рискованных вариантов решения (Stoner, 1968).

Наконец, важным фактором способности группы прогнозировать собственное будущее является субъективное переживание дефицита времени. Исследования групповой динамики свидетельствуют о том, что при дефиците времени у членов группы повышается по-

43. Наиболее действенными самореализующиеся пророчества оказываются на ранних этапах развития личности и группы. Например, исследование «эффекта Пигмалиона» в системе образования, общее число которых дано: преподавало за несколько оценок, убедительно показали, что позитивный прогноз, сделанный учителем относительно успешности учащегося, положительно сказывается на его успеваемости (Rosenthal, 1994).

требность в определенности, в простых и окончательных решениях, повышаются групповое давление и конформность. В целом, высокая ориентация группы на ближайшее будущее, которую можно выразить формулой «сейчас или никогда», приводит к «замораживанию группового разума» (Kerr, Tindale, 2004). В таких условиях группа становится невосприимчивой к экспертным оценкам и прогнозам, расходящимся с уже сложившимися представлениями и мнением лидера. Иными словами, если прогнозы делаются в быстро меняющейся ситуации и при высоком риске, их качество зависит от интрагрупповой динамики сильнее, чем от компетентности экспертов или руководителей.

К межгрупповым факторам формирования коллективных представлений о будущем относятся феномены межгрупповой интеграции и дифференциации: инtragрупповой фаворитизм и аутгрупповая дискриминация, межгрупповые стереотипы и ксенофобия.

Исследования в области социальной психологии риска показывают, что представления о риске выполняют функцию защиты позитивной групповой идентичности. Социальные представления о рисках конструируются в ходе межличностного и межгруппового взаимодействия (Бонина, 2011).

Всплеск националистических движений и ксенофобия среди молодежи в России 1990–2000-х годов характеризовался преимущественно позитивной оценкой прошлого и глубоко пессимистическими, негативно-фаталистическими ожиданиями относительно будущего (Гудков, 2005; Солдатов, Нестик, 2010, 2011). Заметим, что аполкалиптическая художественная литература и соответствующие компьютерные игры в сегодня пользуются у российской молодежи высокой популярностью. Большая часть данной литературы может быть отнесена к образцам «речи ненависти». В произведениях этого жанра будущее России предстает как война всех против всех, здесь и изобилии можно найти подробные описания межнациональной розни и массовых убийств (ряд книг проектов «Метро 2034» и «Сталкер», книги «Мародер» и «Мститель», вышедшие под псевдонимом Берсом аль Атомн, и др.).

Известно, что утрата веры в будущее является одной из причин кризиса коллективной идентичности (Хёсле, 1994). Страх перед будущим и ксенофобия усиливается в обществе риска. Страх, неприятие и ксенофобия, в свою очередь, порождают новые риски, для управления которыми необходимо целенаправленно формировать критический и в то же время позитивный коллективный образ будущего (Нестик, 2012).

К социальным факторам формирования коллективного образа будущего относятся прежде всего ценности и нормы, регулирующие отношение к будущему в культуре, а также социально-экономическая ситуация в государстве и мире.

Исследование представлений о будущем на протяжении последних трех тысяч лет, проведенное Ф. Поланком, показывает, что формирование неопределенного и апокалиптического образа будущего является признаком угасания культуры. Опыт двух мировых войн в XX в. привел к тому, что образ будущего в обществе был преимущественно негативным. Причем всплеск технологического оптимизма 1950-е годы был тут же погашен гонкой вооружений на все последующие 30 лет (Slaughter, 1991).

Важным фактором формирования представлений о будущем является глобализация временной перспективы: благодаря системе образования, традиционным и электронным СМИ жизненный мир человека расширился до пределов земного шара. X Век назвал этот эффект «внутренней глобализацией» (Beck, 2002). По-видимому, существует глобальная память (Lin et al., 2005). Об этом свидетельствует исследование воспоминаний о политических событиях, охватившее более 5000 респондентов из 116 стран, причем представленность в коллективной памяти событий, произошедших за рубежом, не зависит от возраста опрошенных. Очевидно, предметом ожиданий и страхов могут быть процессы и события, несущие глобальный характер (например, изменение климата, угроза ядерной войны). Тем не менее, такие ожидания и страхи формируются под влиянием социальной категоризации и социального сравнения: оценивая будущее других социальных групп, мы сравниваем его с будущим своим.

Вместе с тем, ряд исследований указывает на наличие культурных особенностей в прогнозировании будущего. Например, сопоставление продолжительности национальных форсайтов в области социально-экономического и научно-технического прогнозирования показало, что наиболее долгосрочная перспектива – на 100 лет вперед – характерна для стран Юго-Восточной Азии, тогда как наиболее краткосрочным их горизонт оказался в Восточной Европе – всего 5–10 лет (Keehan, Porrett, 2008).

Особенности восточноазиатских коллективистических общества проявляются в прогнозировании развития ситуации, которое опирается на более глобальные, широкие ментальные категории и более сложные взаимосвязи. Это хорошо видно на примере интеллектуальных игр, популярных на Западе и Востоке. Если шахматы преимущественно аналитичны, то стратегическая игра го, популярная в Азии,

отличается большей сложностью и целостностью. Шахматная доска ограничена полем 8×8 клеток, тогда как доска го имеет 19×19 клеток, допуская значительно больше вариантов шагов, чем шахматные фигуры. Ходы в го труднее предугадать, чем в шахматах. Основное внимание здесь приходится уделять не отдельным фигурам, а долгосрочному расчету жертв и приобретений (Нисбетт и др., 2011).

Социальный мир Восточной Азии отличался высокой сложностью и зависимостью личности от множества отношений с другими людьми. Ориентированное на гармонию и поддержание социальных институтов общество на протяжении множества поколений вырабатывало в своих членах способность учитывать большое количество факторов развития ситуации, искать компромиссные варианты решений, принимать разнообразие и противоречивость точек зрения как нечто само собой разумеющееся. Аналитическое мышление стремится предсказать поведение предметов вне зависимости от контекста. Напротив, холистическое мышление основано на ассоциациях, сходстве и смежности, на связях, в которые вступают объекты в зависимости от меняющихся условий. Знание о прошлом и о будущем здесь основано на поиске контекста и множественных взаимосвязей, что имеет свои преимущества и ограничения при прогнозировании событий и обмене знаниями. Так, эксперименты показывают, что корейцы считают потенциально существенными для объяснения некоторого события гораздо большее число факторов, чем испытуемые из числа американцев (Choi et al., 2000). Поэтому, предсказывая события, они могут принимать во внимание более широкий круг влияющих на них факторов. Но это преимущество имеет и свою обратную сторону: корейцев и китайцев труднее чем-либо удивить и они легче поддаются такому когнитивному искажению, как эффект «я знал это», когда уже произошедшие события считают неизбежными. Выходим из Восточной Азии труднее признать, что какое-то конкретное событие не могло быть предсказано. При этом когда логика, на которой основаны новые знания, противоречит житейским представлениям и стереотипам, американцы склонны придерживаться логики, а азиаты готовы пожертвовать логикой в пользу уже сложившихся ранее представлений (Нисбетт и др., 2011).

Культурные особенности в ориентации на будущее: психологические детерминанты

В настоящее время эмпирически подтверждено существование культурных особенностей в ориентации на будущее, в протяженнос-

ти временской перспективы, в долгосрочности планирования своей жизни (Jones, 1988; Лебедева, Татарко, 2007; Ясман, 2008; и др.).

Вместе с тем полуструктурированные интервью убедительно показали, что сама по себе глубина и вариативность планирования не говорят о его эффективности: планы, разработанные в одной культуре, оказываются оторванными от реальности в другой (Gins, 2000). Межкультурные различия в планировании будущего могут быть связаны с религиозными представлениями, с уровнем образования, с экономическим статусом, со стабильностью окружающей социально-экономической среды, с различными характеристиками политической ситуации в стране и т.п.

Завершая анализ социальных факторов формирования образа будущего, заметим, что содержание представлений о будущем определяется не только восприятием настоящего, но и культурной памятью. Образ будущего основан на работе, сделанной коллективным воображением в прошлом. Иными словами, существует коллективная память о будущем (Barbrook, 2007; Samuel, 2009).

Во-первых, требует дальнейшего изучения специфика коллективного прогнозирования будущего в различных сферах жизнедеятельности. Например, представления о будущем могут по-разному влиять на различные виды экономического поведения: сберегающего, инвестиционного, предпринимательского, потребительского. По-видимому, на формирование групповых представлений о будущем в этих сферах могут оказывать влияние разные социально-психологические факторы.

Во-вторых, необходимо прояснение специфических закономерностей формирования коллективного образа будущего, аналогичных тем, которые задействованы в формировании коллективной памяти. В частности, можно предположить, что существуют циклы конструирования коллективного будущего, схожие с циклами коллективной памяти, соответствующие смене поколений: каждые 20–30 лет общество заново переосмысливает свое будущее, реконструируя его в соответствии с актуальными в этот период ценностями. Многие указывают также на то, что в массовом сознании существуют «заговор молчания» и «эффект психологической дистанции» в отношении вероятных, но неприятных событий будущего (изменение климата, последствия истощения ресурсов и загрязнения окружающей среды и т.п.).

Известно, что социальная память поддерживается социальными институтами, ритуалами и «мнемоническими сообществами» (семья, этнос, организация, праздники, памятники и музеи), кото-

рые скрепляют и упорядочивают разрозненное содержание памяти о коллективном прошлом. Применительно к образу будущего можно предполагать наличие аналогичных социальных институтов и ритуалов, поддерживающих наши представления о коллективном будущем: от фантастической литературы и астрологии до корпоративных, федеральных и региональных планов, регулярных прогнозов в СМИ, котировок фондовой биржи, крупных форсайт-сообществ и участников краудсорсинговых проектов. Уточнение источников информации и сообществ, которые формируют мнение о будущем, может пролить свет на то, какие механизмы межличностного и межгруппового взаимодействия лежат в основе подобных представлений в разных сферах общественной жизни – экономической, политической, научно-технической и т. д.

В-третьих, малоизученным остается влияние групповой динамики на формирование образа будущего (Кондратьев, Ильин, 2013). Особенно важной задачей в этой связи является уточнение роли групповых эмоциональных состояний и групповой рефлексии в формировании образа будущего. По-видимому, последняя играет важную роль в оценке внешнего положения группы исходя из альтернативных сценариев ее будущего (Cinnirella, 1998). Важно также уточнить, как именно могут взаимодействовать при формировании образа будущего, с одной стороны, социальные эмоции и коллективные эмоциональные состояния, а с другой – групповая рефлексия. Связь между образом будущего и коллективными эмоциональными состояниями как показателем социального самочувствия неоднократно отмечалась отечественными исследователями (Русалникова, 1994; Симонович, 2012), однако эмпирическое исследование взаимодействия коллективной временной перспективы и коллективных эмоций еще остается на повестке дня в социальной психологии.

В-четвертых, недостаточно изученным остается влияние межгрупповых отношений на коллективный образ будущего. Между тем, образ будущего может играть роль компенсаторного защитного механизма, помогающего группе преодолеть фрустрацию, вызванную низкостатусным положением в социально-экономической системе.

В-пятых, чрезвычайный интерес представляет построение психологической типологии отношения к будущему в малых и крупных социальных группах. Среди возможных оснований такой типологии могут быть выделены значимость коллективного будущего и его оценка в представлениях членов группы, степень субъектности, в том числе представление о способности группы влиять на собственную коллективную судьбу, и др. Высокая или низкая ориента-

ция членов группы на коллективное будущее может сопровождаться разным уровнем рефлексивности, а также разными эмоциональными состояниями: от паники и тревоги до уверенности и энтузиазма.

В целом можно констатировать, что если психология индивидуального прогнозирования – сегодня достаточно развитая область исследований (Ломов, Сурков, 1980; Канеман и др., 2005; Миралюбова, 2002; Петуш, 2003; и др.), то в социальной психологии феномен коллективного предвидения изучен крайне недостаточно.

Для решения большинства социальных, экономических и экологических проблем необходимо развитие долгосрочной временной перспективы не только у элит, но и на других уровнях общества – от семьи, трудового коллектива до политических партий и общественных массовых движений. Условием социальности сегодня становится способность совместно конструировать будущее, объединять различные временные перспективы. Таким образом, отношение к будущему как фактор социальной интеграции становится сегодня все более актуальной научной и прикладной проблемой, поскольку оказывает непосредственное влияние на массовое сознание и поведение людей.

ГЛАВА 8

ОБРАЗ КОЛЛЕКТИВНОГО БУДУЩЕГО КАК ФЕНОМЕН МАССОВОГО СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ: ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Среди важнейших особенностей больших социальных групп, влияющих на формирование коллективного образа будущего, следует выделить рефлексивность и подверженность массовым явлениям: слухам, паническим настроениям и, как следствие, – влиянию на массовое сознание и поведение людей. Кроме того, в отличие от малых групп, образ будущего в массовых явлениях конструируется не вокруг коллективных целей, а вокруг позитивных и негативных ожиданий, т. е. вероятных событий, на которые невозможно повлиять лично отдельному человеку. В данной главе рассмотрены современные эмпирические исследования проблемы.

Ключевые факторы, определяющие образ будущего

Оценка реалистичности опережающих ожиданий может влиять на социальное самочувствие вне прямой зависимости от оценки текущей ситуации (Горшков, Петухов, Крумм, 2009; Горшков, Крумм, Тихонова и др., 2013).

Эмпирические исследования показывают, что личностные особенности лишь тогда оказывают влияние на отношение к рискам, когда они становятся актуальными для общественного мнения (Cagidi, 2013). Важнейшую роль здесь играют средства массовой информации, привлекающие внимание аудитории к определенным событиям (включая интернет-технологии).

Сам процесс амплификации риска подразумевает получение, интерпретацию и дальнейшую передачу сигналов о риске различными индивидами, группами и организациями, в ходе чего сами сигналы неизбежно преобразуются (усиливаются или ослабляются). Представления о будущих рисках формируются постепенно, проходя несколько стадий: 1) выделение определенной информации

как социально личностной, 2) интерпретация информации (осознание последствий для своей социальной группы), 3) оценка информации о риске с точки зрения групповых ценностей, 4) межличностное и межгрупповое взаимодействие с целью преиспитать последствия риска и возможности управления им; 5) формирование группового отношения к риску, подразумевающего готовность смириться с ним или готовность к активным действиям для его предотвращения; 6) мобилизация группы для активных действий в отношении коллективного риска. На каждой из этих стадий активную роль играют средства массовой информации, блоги и социальные сети: они не просто передают сигналы тревоги, но и преобразуют их, наполняют новыми жизненными смыслами. При этом интерпретация будущих рисков включает в себя не только представления о природе самого риска, но и об источниках информации о нем, социальных институтах, организациях и конкретных группах, которые должны управлять этим риском, и т. д. Таким образом, формирование представлений о будущем в больших группах актуализирует психологические отношения к своей и чужим группам, к обществу и миру в целом.

Коллективные страхи по поводу будущего

Как показывают исследования отечественных социологов, коллективные страхи по поводу будущего тесно связаны с проблемами, актуальными для крупных социальных групп и широко обсуждаемыми в СМИ. Так, по данным ВЦИОМ за 2013 г., наиболее распространенными среди россиян оказались страхи по поводу иммиграции, а также деградации культуры и образования, истощения запасов нефти и газа. Среди актуальных для россиян оказались опасения раскола внутри национальной правящей верхушки, нигилизма населения из-за высокой рождаемости, а также резкого снижения уровня жизни. По сравнению с результатами аналогичных опросов в 2005 г., значительно снизилась актуальность страхов по поводу распада страны и вооруженных конфликтов с другими странами (Рейтинг..., 2013). Можно сказать, что страхи являются своего рода проекцией на будущее тех проблем, которые актуальны для общественного сознания сегодня. Очевидно, что представления о будущем формируются при обсуждении текущей социальной реальности, тех событий настоящего, которые затрагивают интересы крупных социальных групп. С одной стороны, социальные страхи помогают оценивать настоящее, облегчают и легитимизируют социальную категорию

цию, с другой – мобилизуют ресурсы социальной группы и, повышая внимание к той или иной информации, дают возможность подготовиться к различным сценариям развития событий.

Содержание представлений о будущем также может быть связано с национальными культурными особенностями. Так, изучение ожиданий россиян свидетельствует о том, что чаяния в отношении будущего достаточно устойчивы и отражают исторический путь, пройденный страной (О чем мечтают россияне. ..., 2012).

Иными словами, по сравнению с малыми группами и организациями, в крупных социальных группах образ будущего более тесно связан с коллективной памятью и поддерживающими ее социальными институтами: прежде всего, нормативными сценариями жизненных сценариев, которые транслируются семьей, школой, традиционными СМИ, а также блогосферой.

Положение социальной группы в системе социально-экономических отношений определяет характерный для нее тип дискурса о будущем. Так, Б. В. Дубин выделяет несколько «типов будущего» в российском массовом сознании: 1) будущее как деградация, характерное для маргинализированных и стигматизированных групп; 2) будущее как продолжение настоящего (в тональностях «надо просто навести порядок» или «лишь бы не было хуже»), характерное для социального большинства; 3) будущее как сфера решения проблем прошлого (или настоящего, представленного как прошлое) характерная для новых и восходящих социальных групп; 4) открытое будущее (т. е. как ответственный выбор перед лицом неопределенности), соответствующее европейской культуре модерна и практически не представленное в российском обществе (Дубин, 2011). Важную роль в формировании образа будущего крупных социальных групп играют политические элиты. Именно отсутствие всякой программы будущего у российских политических, интеллектуальных и художественных элит, по мнению Б. В. Дубина, позволяет говорить о том, что Россия – страна без будущего.

При переходе от общества благосостояния к обществу риска меняются ценности, на которые опираются элиты при формировании образа будущего. На место идеалов прогресса и высокого качества жизни заступают гарантии безопасности. В связи с этим политические и государственные структуры, отвечающие за безопасность, оказываются более востребованными и влиятельными, чем институты инновационного развития.

На наш взгляд, в условиях быстрых изменений все более важным критерием эффективности власти становится «время ее реак-

ция» на общественно значимые события: власть воспринимается как сильная, если реагирует на возникающие проблемы мгновенно. В обществе риска политические элиты заинтересованы не столько в поддержке долгосрочно ориентированных социальных ожиданий и национальных стратегических целей, сколько в формировании у граждан чувства безопасности, уверенности в защите при любом сценарии будущего. В условиях непрерывного футур-шока, когда старые адаптационные механизмы культуры не успевают за происходящими изменениями, укрепляется власть, опирающаяся не столько на диалог элит о будущем или долгосрочные коллективные мечты социального большинства, сколько на управление тревогами по поводу ближайшего будущего.

Эмпирическое исследование содержания и психологических факторов конструирования россиянами образа будущего

Для изучения представлений о коллективном будущем в больших социальных группах нами были предприняты несколько эмпирических исследований. Они были направлены на выявление формально-динамических и содержательных характеристик образа коллективного будущего у россиян. Изучалась роль личностных и групповых факторов, предположительно влияющих на отношение к будущему и представления о коллективном будущем: ценностных ориентаций, особенностей эргетической перспективы личности, уровня базового доверия, характеристики гражданской идентичности, отношения к личному экономическому благополучию и ряда других. Исследование проводилось на примере представителей ряда социальных групп – студентов, работников частных коммерческих и государственных бюджетных организаций. В общей сложности участниками данного исследования стали более 1954 человек.

Основной гипотезой стало предположение о том, что отношение к будущему, а также содержание образа коллективного будущего и его формально-динамические характеристики связаны с рядом личностных особенностей респондентов: с социальной идентичностью, с характеристиками временной перспективы, с уровнем базового доверия к миру и людям, с ценностными ориентациями, с представлениями о мире.

Первое эмпирическое исследование было проведено в 2009–2010 гг. среди жителей г. Москвы и г. Казани (N = 477, 47% мужчин, 53% женщин, средний возраст 31 год, 79% с высшим образованием). Изучалась связь между характеристиками гражданской идентич-

ности личности и ее отношением к прошлому, настоящему и будущему своего народа. Среди опрошенных 60% отнесли себя к русским и 40% – к татарам. Программа исследования включала в себя опросник гражданской идентичности Н. М. Лебедевой и А. Н. Татаров, модифицированную нами методичку «Временные аттитуды» Ж. Нюттена, а также ряд других социально-психологических и личностных методик – «Ценностные ориентации» Ш. Шварца, «Круги времени» Т. Коттла и др.

Кластерный анализ позволял выделять 5 основных типов отношения членов группы к коллективному прошлому, настоящему и будущему: «позитивный», «ностальгический», «прогрессивный», «негативный» и «мечтательный» (см. таблицы 5 и 6).

Первый тип отношения, названный нами «позитивным» (N = 86), характеризуется положительной оценкой прошлого, настоящего и будущего своего народа. По своим характеристикам данная групповая временная перспектива наиболее близка к сбалансированной. Представители данного типа ориентированы прежде всего на ценности конформности, универсальности, традиций, доброжелательности и безопасности. Уровень социального доверия здесь выше, чем у других типов. При этом для данного типа характерна наиболее положительная этническая и гражданская идентичность.

Таким образом, гипотеза о существовании позитивной (сбалансированной) групповой временной перспективы, подтверждавшаяся при исследовании отношения к времени в организациях, находит свое подтверждение и при исследовании больших социальных групп: позитивное отношение членов группы к коллективному про-

Таблица 5
Типы отношения к коллективному прошлому,
настоящему и будущему

Позитивная оценка	Тип 1 «Позитивный» (N = 86)	Тип 2 «Ностальгический» (N = 78)	Тип 3 «Прогрессивный» (N = 67)	Тип 4 «Негативный» (N = 117)	Тип 5 «Мечтательный» (N = 120)
Коллективного прошлого	5,33	5,29	2,42	3,9	4,2
Коллективного настоящего	5,84	4,74	5,12	3,73	4,2
Коллективного будущего	6,53	4,36	6,1	4,02	6,23

Примечание: приведены средние значения по семилетней школе.

Таблица 6

Соотношение прошлого, настоящего и будущего своего народа при разных типах групповой временной перспективы (результаты модифицированного теста «Круги» Т. Коттла)

	Тип 1 «Позитивный»	Тип 2 «Ностальгический»	Тип 3 «Прогрессивный»	Тип 4 «Пессимистический»	Тип 5 «Мечтательный»
Связь прошлого и настоящего	1,23	0,92	1,16	1,19	1,71
Связь настоящего и будущего	1,79	1,29	1,49	1,33	2,19
Доминантность прошлого	1,16	1,92	1,10	1,90	1,90
Доминантность настоящего	1,95	1,71	1,97	1,90	1,16
Доминантность будущего	2,55	1,32	2,69	2,24	2,73

Примечание: значимость различий по критерию Краскала-Уоллиса $p < 0,05$.

шлому, настоящему и будущему прямо связано с позитивной групповой идентичностью, просоциальными установками и доверием к социальным институтам.

Второй тип отношения получил название «ностальгического» ($N = 78$): для его представителей характерна более положительная оценка прошлого, чем настоящего и будущего. У данного типа высокая ориентация на прошлое по проективной методике Т. Коттла (см. таблицу 6). По сравнению с другими типами отношения, у представителей «ностальгического» типа наименее выражена ориентация на ценности универсализма и стимуляции (терпимость к отличающимся убеждениям, интересная жизнь). Прошлое своего народа служит для них своего рода психологическим якорем, защитой от изменений.

Третий тип отношения к будущему, «прогрессивный» ($N = 67$), отличается совмещением выраженной негативной оценки прошлого своего народа с позитивной оценкой его настоящего и будущего и характеризуется особой ориентацией на ценности «стимуляции» (интересная жизнь, разнообразие, поиск приключений, стремление к риску).

Для четвертого типа, получившего название «негативный» ($N = 117$), характерна нейтральная или негативная оценка всей истории своего народа, включая его настоящее и будущее. Для данного ти-

на характерны наиболее низкая удовлетворенность экономическим статусом своей группы, самое низкое социальное доверие и наиболее отрицательная этническая и гражданская идентичность.

Наконец, пятый тип отношения к будущему получил название «мечтательного» ($N = 123$). Для представителей данного типа характерна нейтральная оценка прошлого и настоящего своего народа при высоко позитивной оценке его будущего. Очевидно, будущее в данном случае выполняет функцию защиты позитивной идентичности в настоящем: данный тип характеризуется наиболее высокой степенью связи настоящего с будущим и высокой ориентацией на будущее по методике «Круги» Т. Коттла. Также для него характерна относительно высокая степень ориентации на ценности универсализма и доброжелательности.

Заслуживает внимания отсутствие среди полученной нами выборки теоретически возможного «презентистского» типа с положительной оценкой коллективного настоящего при негативной оценке прошлого и будущего. Возможно, это указывает на тесную связь настоящего с коллективной памятью и социальными ожиданиями. Иными словами, коллективное настоящее не имеет самостоятельного значения, оно оценивается участниками нашего исследования в контексте всей групповой временной перспективы.

Как ожидалось, этническая идентичность существенно влияет на тип групповой временной перспективы. Среди русских преобладают «негативный» (29,8%) и «мечтательный» (31,2%) типы, тогда как среди татар больше представлены «позитивный» (20,2%), «ностальгический» (24,7%) и «прогрессивный» (20,2%). Это может объясняться культурными и региональными особенностями наших респондентов. Как показывают данные исследования, по сравнению с русскими с Москвы, татары Казани в большей степени доверяют соседям, представителям своей национальности, а также местным органам власти. В этом отношении негативизм русских в отношении настоящего может быть связан с более слабой этнической идентификацией и низким уровнем доверия жителей Москвы, по сравнению с жителями Казани.

Нами не было выявлено значимых различий между данными типами по полу, возрасту, уровню образования и степени религиозности. Это позволяет предположить, что в основе отношения к прошлому и будущему своей группы лежат не столько поколенческие или гендерные различия, сколько уровень субъективного экономического статуса, а также ценности, сквозь призму которых интерпретируются значимые для своей социальной группы события.

Как показывают данные нашего исследования, типы групповой временной перспективы значимо различаются по показателям удовлетворенности экономическим статусом и оценкам доступа своей группы к управленческим должностям (см. таблицу 7). При этом для представителей «негативного» типа характерна наиболее низкая удовлетворенность своими доходами.

Таблица 7

Типы отношения к коллективному прошлому, настоящему и будущему и удовлетворенность положением своей социальной группы по сравнению с другими группами российского общества

Удовлетворенность положением своей группы по сравнению с другими группами российского общества	Тип 1 «По- зитив- ный»	Тип 2 «Не- состо- ятель- ный»	Тип 3 «Про- гресси- вный»	Тип 4 «Не- гати- вный»	Тип 5 «Не- сто- ятель- ный»
По доходам	2,6	2,7	2,4	2,1	2,4
По доступу к управленче- ским должностям в струк- турах муниципального, регионального и федераль- ного уровня	2,4	2,4	2,5	2,3	2,5

Примечание: значимость различий по критерию Крускала-Уоллиса $p < 0,01$. Приведены средние значения по пятибалльной шкале.

Кроме того, представители данных типов значимо различаются по целому ряду ценностных ориентаций: конформности, ориентации на традиции, доброжелательности, универсализму, стимуляции, гедонизму, безопасности (см. таблицу 8).

Результаты исследования указывают на тесную связь отношения членов группы к коллективному будущему с валентностью этнической идентичности и социальным доверием (см. таблицу 9). Чем негативнее чувства, испытываемые респондентами по поводу своей групповой принадлежности, и чем ниже уровень доверия к социальным институтам, тем негативнее оценивается коллективное будущее.

Сопоставление эмпирически выделенных нами типов отношения членов группы к коллективному прошлому, настоящему и будущему позволяет сделать вывод о том, что групповая временная перспектива тесно связана с феноменами социальной интеграции: валентностью групповой идентичности, институциональным дове-

Таблица 8

Ценностные ориентации у представителей различных типов отношения к коллективному прошлому, настоящему и будущему

	Тип 1 «Позитив- ный»	Тип 2 «Носталь- гический»	Тип 3 «Прогрес- сивный»	Тип 4 «Негатив- ный»	Тип 5 «Мечта- тельный»
Конформность	4,8	4,3	4,8	4,6	4,6
Традиции	4,2	3,8	3,9	3,7	3,9
Добротел- тельность	3,0	4,5	4,9	4,7	5,0
Универсализм	4,5	4,0	4,3	4,3	4,4
Стимуляция	4,3	3,9	4,4	4,0	4,2
Гедонизм	4,9	4,3	4,6	4,4	4,2
Безопасность	5,0	4,5	4,8	4,8	4,8

Примечание: значимость различий по критерию Крускала-Уоллиса $p < 0,05$. Пре-
ведены средние значения по семилетней школе.

рисм, а также ценностными ориентациями. Чем сильнее позитивная групповая идентичность, просоциальные ценности и доверие к социальным институтам, тем больше надежд связывают респонденты с будущим группы. Сбалансированная групповая временная перспектива (позитивное отношение членов группы к коллективному прошлому, настоящему и будущему) прямо связана с позитивной групповой идентичностью, просоциальными установками и дове-
рием к социальным институтам.

Второе исследование было проведено нами в 2008–2009 гг. с целью выявить связь индивидуального отношения к будущему с культурными характеристиками россиян. Участниками исследования стали представители трех социальных групп: студенты старших курсов г. Москвы ($N = 175$) и г. Архангельска ($N = 81$), рядовые работники и руководители коммерческих организаций г. Москвы (соответственно $N = 75$ и $N = 312$), средний возраст выборки – 36 лет, 52% мужчин, 48% женщин). Общее число участников исследования составило 643 человека.

В исследовании измерялся ряд характеристик отношения к будущему у представителей трех социальных групп – студентов, руководителей коммерческих организаций и рядовых работников:

- временная ориентация (методика «Временные децентрация» Е. В. Головахи и А. А. Кроника),

Таблица 9

Валентность этнической идентичности и социальное доверие
у представителей различных типов отношения
к коллективному прошлому, настоящему и будущему

	Тип 1 «По- зитив- ный»	Тип 2 «Не- гатив- ный»	Тип 3 «Про- гресси- вный»	Тип 4 «Не- гатив- ный»	Тип 5 «Не- гатив- ный»
Позитивные чувства в связи с принадлежностью к своему народу	4,0	3,8	4,0	3,5	3,9
Позитивные чувства в связи с принадлежностью к гражданам России	4,0	3,7	4,1	3,4	3,8
Доверие людям своей национальности	3,0	3,0	3,0	2,8	3,0
Доверие властям своего города	2,5	2,4	2,5	2,2	2,2
Доверие депутатам Государственной Думы	2,3	2,1	2,0	2,1	2,1
Доверие Правительству сравня	2,6	2,5	2,3	2,3	2,5
Доверие Президенту	2,9	2,7	2,6	2,5	2,7

Примечание: значимость различий по критерию Краскала-Уоллиса $p < 0,05$. При-
ведены средние значения по пятибалльной шкале.

- ориентация на долгосрочные деловые отношения (модифициро-
ванная шкала III. Генкхна «Ориентация на долгосрочные деловые
отношения»);
- ориентация на планирование будущего (субшкала из Стенфорд-
ского опросника временной перспективы Ф. Зигбарда);
- протяженность временной перспективы («Индекс протяженнос-
ти временной перспективы» А. Блюдорна).

Из других характеристик отношения к времени нами измерялась
ценность времени как ресурса («Экономические представления
о времени» Ж. Ужонь), а также полихронность («Шкала полихро-
ных ценностей» А. Блюдорна).

Для измерения культурных характеристик нами были выбраны
опросник Г. Хофстеда (в редакции The Values Survey Module, 1994),
а также «Социальные аксиомы» М. Бонда и К. Лернга в адаптации
Н. М. Лебедевой и О. А. Пономаревой. Общие характеристики на-
шей выборки по культурным измерениям приведены в таблице 10.

На все видно, что региональные различия в ценностях между группами оказались более существенными, чем возрастные и профессиональные.

Таблица 10

Культурные ценности российских студентов, сотрудников и руководителей (N = 643, 2009 г.)

Культурные измерения	Неработающие студенты (Москва, N = 175)	Неработающие студенты (Архангельск, N = 81)	Работающие работники (Москва, N = 75)	Руководители среднего и высшего звена (Москва, N = 312)
Индивидуализм	85,6	58,6	84,9	72,4
Дистанция власти	46,9	53,8	46,9	47,7
Маскулинность	61,1	71,7	71,8	85,7
Наблюдение неопределенности	79,4	97,7	58,6	50,2
Долгосрочная ориентация	66,4	68,0	68,1	64,5
Социальный капитал	3,07	3,12	3,01	3,03
Награда за усилия	3,73	3,76	3,82	3,72
Гармония	3,68	3,83	3,91	3,78
Религиозность	3,13	3,00	3,14	3,08
Социальная сложность	3,64	3,61	3,60	3,62
Вера в предопределенность судьбы	2,89	2,99	2,91	2,88

Корреляционный анализ с использованием критерия Спирмена подтвердил нашу гипотезу о существовании связи между культурными ценностями личности и ее отношением к будущему.

На студенческой выборке была выявлена отрицательная связь индивидуализма по шкале Г. Хофстеда с ориентацией на поддержание долгосрочных отношений с малознакомыми людьми ($t = -0,321$ при $p = 0,010$), а также с ориентацией на долгосрочное планирование будущего ($t = -0,251$ при $p = 0,047$). Возможно, данные корреляции объясняются возрастными особенностями студентов: высокая карьерная неопределенность и переходный жизненный этап. Вместе с тем можно предположить, что коллективистическая ориентация способствует формированию долгосрочных отношений и позволяет более уверенно планировать будущее.

Нами не было обнаружено значимых корреляций между дистанцией власти и характеристиками отношения личности к времени. Можно предположить, что дистанция власти сказывается на предпочитаемых руководителями способах организации времени в совместной деятельности, но не влияет на их индивидуальное отношение к времени. Для объяснения полученных нами результатов требуются дальнейшие исследования.

Была обнаружена отрицательная связь маскулинности с ориентацией на выстраивание долгосрочных деловых отношений ($t = -0,157$ при $p = 0,024$ у студентов), а также с уровнем базового доверия к людям ($t = -0,283$ при $p < 0,001$ у студентов и $t = -0,290$ при $p = 0,001$ у руководителей). Вместе с тем маскулинность прямо связана с полихронностью ($t = 0,127$ при $p = 0,022$) и протекционностью временной перспективы ($t = 0,192$ при $p = 0,035$), ориентацией на планирование своего будущего ($t = 0,295$ при $p = 0,019$). Поскольку маскулинность нередко интерпретируется как ориентация на личные достижения, можно объяснить данные корреляции ориентацией на самостоятельное продвижение к долгосрочным целям и готовностью разорвать отношения, не имеющие прямой ценности для карьеры.

Нами выявлена прямая связь уровня избегания неопределенности по Г. Хофстеду с ориентацией на долгосрочные деловые отношения ($t = 0,132$ при $p = 0,014$) и отрицательная его связь с полихронностью ($t = -0,194$ при $p < 0,001$) и ценностью времени как ресурса ($t = -0,114$ при $p = 0,034$). При этом на студенческой выборке была выявлена отрицательная связь избегания неопределенности с ориентацией на долгосрочное планирование ($t = -0,157$ при $p = 0,004$). Напротив, на выборке руководителей выявлена отрицательная связь избегания неопределенности с ориентацией на настоящее ($t = -0,322$ при $p = 0,001$). По-видимому, студенты снижают неопределенность через отказ от долгосрочных планов, тогда как руководители – через четкое планирование ближайшего будущего. Можно предположить, что чем выше избегание неопределенности, тем выше стремление руководителей к регламентации своей деятельности, выстраиванию действий в линеарную последовательность. И чем выше регламентированность времени, тем меньше взятое на себя обязательства позволяют увидеть в нем ценный ресурс, источник новых возможностей.

Вопреки ожиданиям, нами не было выявлено значимых корреляций между долгосрочной ориентацией по Г. Хофстеду и характеристиками отношения к времени. Анализ значимых различий между испытуемыми с высокой ($N = 208$) и низкой долгосрочной ориента-

ций ($N = 202$) выявил различия только по уровню индивидуализма ($M = 3,1$ и $M = 2,9$ при $p = 0,029$). По-видимому, это указывает на то, что данный конструкт Г. Хофстеда характеризует не столько отношение личности к времени, сколько особенности экономического сознания (например, ориентацию на бережливость).

На студенческой выборке нами было обнаружена прямая связь социального климата («Никто никому ничего не должен», «Моя хата с краю, ничего не знаю», «Молчание – золото»), с ориентацией на будущее ($r = 0,274$ при $p = 0,030$). Чем выше показатели социального климата у руководителей, тем выше их полихронность ($r = -0,197$ при $p = 0,018$). Видимо, следует констатировать, что достижение долгосрочных целей не связано в представлении студентов с командными усилиями и просоциальными действиями. У руководителей же социальный климат может вызывать избегание активной командной работы и совместного творчества, ориентировать на совместно-последовательный тип деятельности, на выполнение лишь одного дела в определенный промежуток времени.

Вера в то, что усилия рано или поздно приводят к награде, прямо связана с ориентацией на будущее ($r = 0,276$ при $p < 0,001$), с ориентацией на долгосрочные деловые отношения ($r = 0,191$ при $p = 0,004$), с протяженностью временной перспективы ($r = 0,164$ при $p = 0,028$), а также с отношением к времени как к ценному ресурсу ($r = 0,196$ при $p = 0,003$). Вера в награду за усилия облегчает постановку долгосрочных целей и позволяет рассматривать время как ценный ресурс для их реализации.

Как и можно было ожидать, представление о желательности и возможности изменений в отношениях между людьми оказалось прямо связанным с ориентацией на долгосрочные деловые отношения ($r = 0,272$ при $p < 0,001$), а также с ценностью времени как ресурса ($r = 0,141$ при $p = 0,033$). Забота о семейном счете и ориентация на хорошие отношения с коллегами по работе, по-видимому, придают времени осмысленность, делают его ресурсом для совместных действий.

Реалистичность как характеристика представлений испытуемых о мире оказалась прямо связанной с протяженностью ретроспективы ($r = 0,224$ при $p = 0,015$) и ориентацией на поддержание долгосрочных отношений с хорошо знакомыми людьми ($r = 0,260$ при $p = 0,039$), при этом она отрицательно связана с ориентацией на будущее ($r = -0,249$ при $p = 0,049$). Возможно, вера в высшие силы облегчает поиск гармонии человека с самим собой и своим прошлым, однако сдерживает ориентацию на личные достижения в будущем.

Нами выявлена прямая связь социальной сложности как характеристик представлений испытуемых об обществе («Поведение человека меняется в зависимости от ситуации», «Человек должен действовать исходя из конкретных условий», «Гибкость приводит к успеху» и т. п.) с ориентацией на настоящее ($t = 0,259$ при $p = 0,040$). По-видимому, социальная сложность снижает стремление к анализу отдаленных последствий, обеспечению себе долгосрочных преимуществ.

Представление «предопределимости судьбы» прямо связано с ориентацией на будущее у студентов ($t = 0,264$ при $p = 0,036$). У руководителей оно прямо связано с ориентацией на долгосрочные отношения ($t = 0,280$ при $p = 0,046$), однако обратно связано с ценностью времени как ресурса ($t = -0,292$ при $p = 0,038$). Для студентов вера в предопределимость судьбы может выступать в роли психологической защиты от высокой неопределенности их будущего. Наоборот, чем менее будущее в представлениях руководителей зависит от их личных решений и усилий, тем большую роль в жизненном успехе играет личная сеть поддержки, и тем меньше предпринимательских возможностей для себя они видят в наличии дополнительного времени.

В целом следует признать, что корреляционный анализ выявил важного меньше связей, чем ожидалось. По-видимому, это указывает на необходимость сочетания индивидуального уровня анализа с групповым. С одной стороны, межкультурное сравнение по тем же характеристикам может быть более информативным. С другой стороны, групповые нормы и представления, организационная культура нередко оказывают более существенное влияние на отношение к времени в деловой культуре, чем индивидуальные ценности руководителей и сотрудников.

Третье эмпирическое исследование проводилось в 2012 г. и было направлено на выявление содержания представлений российских студентов о будущем России, а также индивидуально-психологических и социально-психологических особенностей их отношения к коллективному будущему.

Участниками исследования стали студенты психологического и экономического факультетов московских вузов ($N = 1477$; 41% – мужчины, 59% – женщины, средний возраст – 20 лет). Не всем опрошенным предлагались одни и те же методики, поэтому в разных случаях выборка составляла от 381 до 1477 человек.

Программа исследования включала в себя целый ряд методик, в том числе «Опросник временной перспективы» Ф. Зимбардо, «Ин-

декс противности временной перспективы» А. Блюдоерна, Ценностный опросник Ш. Шварца, опросник «Социальные аксиомы» М. Боэда и К. Леунга, шкала «Организационное доверие» Л. Хаффа и Л. Келли, шкала «Базовые убеждения» Р. Янофф-Булман и др.

Для выявления содержания представлений о будущем России использовался методический прием незаконченных предложений, с помощью которых испытуемым предлагалось описать свои ожидания, связанные с будущим страны («Думая о будущем России, я опасюсь...», «Когда я задумываюсь о будущем России, я надеюсь, что...»).

Далее представлены результаты данного исследования, объединенные в три основных блока. Первый блок данных характеризует содержательные и формально-динамические характеристики коллективного образа будущего (как далеко заглядывают респонденты в будущее, как его оценивают, какое место занимают экономические ожидания в тревогах и надеждах по поводу будущего). Второй блок данных уточняет связи между образом будущего и личностными характеристиками респондентов. Третий блок позволяет судить о роли групповой идентификации в формировании представлений о коллективном будущем.

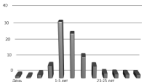
Итак, рассмотрим *формально-динамические и содержательные характеристики коллективного образа будущего в представлениях российских студентов*. Для подавляющего большинства респондентов максимальный горизонт планирования своей жизни не превышает 3–5 лет (87,4%). При этом 5–6% не строят жизненных планов далее, чем на 6 месяцев, а доля тех, кто заглядывает за горизонт 10 лет, всего 4%.

Большинство заглядывают в будущее России на 1–5 лет (32,6%), другая часть опрошенных – на 6–10 лет (26,2%). Лишь 10% опрошенных задумываются о будущем России, которое наступит более чем через 20 лет (см. рисунок 4).

Респонденты убеждены в прогнозируемости будущего, но считают его малоуправляемым. Так, например, более 52% считают, что будущее России не зависит от их усилий. Эти данные хорошо согласуются с результатами других исследований, проведенных в последние годы российскими социологами. Так, например, по данным исследования Института социологии РАН в 2012 г., лишь 45% россиян уверены в осуществимости того, о чем они мечтают (О чем мечтают россияне..., 2012, с. 140–141; Горшков, 2012; Горшков, Тихонова, 2013; Горшков, Крум, Тихонова и др., 2013).

Будущее страны чаще обсуждается респондентами, чем коллективное прошлое. Только 25% опрошенных приятно вспомнить

Рис. 4. Протяженность представлений о будущем России в процентах от общего числа респондентов («Когда я задумываюсь о будущем России, то имею в виду события, которые произойдут через...»)

прошлое своей страны и лишь 15% обсуждают его в повседневных разговорах. При этом о будущем России приятно думать лишь 28% опрошенных, но довольно часто обсуждают его 49%. Таким образом, как в оценке прошлого, так и в оценке будущего преобладают негативные суждения, однако будущее обсуждается чаще, так как включено в планирование жизненного пути.

В целом будущее России оценивается как светлое (50% респондентов), успешное (52%) и исполненное надежд (58%), но при этом трудное (58,1%) и относительно опасное (61%). При этом корреляционный анализ показывает, что чем более позитивно оценивают респонденты будущее России, тем более протяженными являются их собственные жизненные планы (0,238 при $p < 0,05$).

Содержание представлений о будущем измерялось нами с помощью метода свободных ассоциаций, а также посредством специальной шкалы «Макроэкономические источники тревоги» (автор – Т.В. Дробышева).

Как показывают результаты контент-анализа, наиболее распространенными тревогами по поводу будущего России являются ожидания: 1) застоя во всех сферах жизни (39,7%); 2) революции и распада России как единого государства (39,7%); 3) политических репрессий и дальнейшего роста коррупции в стране (37%); 4) экономических трудностей, в том числе экономического кризиса, падения цен на нефть, роста разрыва в доходах, обнищания населения и т.п. (26%); 5) войны с другими странами, в том числе с использованием оружия массового поражения (19,2%). Среди других, относительно менее массовых, страхов можно отметить: кризис оли-

дарности и безразличия граждан к судьбе своей страны; потерю Россией своего влияния на внешнеполитической арене; рост ксенофобии и межэтнических конфликтов; истощение ресурсов, ухудшение экологической обстановки и природные катастрофы; криминализация общества, рост числа и масштабов терактов, снижение физической безопасности жизни в стране; демографический кризис и вымирание местного населения; а также страх перед непредсказуемыми изменениями и общая тревога за судьбу своей семьи (см. рисунок 5).

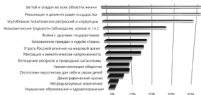

Рис. 5. Опасения, связанные российскими студентами с судьбой своей страны (процент от общего числа респондентов)

Как показывают результаты, полученные с помощью методики Т.В. Дробышевой «Макроэкономические источники тревоги», наиболее значимыми экономическими тревогами оказались рост цен, безработица, а также замораживание заработных плат и снижение темпов экономического роста (см. таблицу 11). Наименее актуальными являются те негативные события, связь которых с собственным уровнем благосостояния для испытуемых неочевидна: увеличение расходов на ВПК, неустойчивость фискальной базы, а также вступление России в ВТО.

Анализ коллективных страхов, связанных с будущим России, позволяет сделать два основных вывода. Во-первых, само содержание таких опасений относительно однородно и в общих чертах соответствует наиболее обсуждаемым в СМИ рискам. Возможно, именно влиянием СМИ объясняется тот факт, что политические риски более широко представлены в сознании респондентов, чем эконо-

Таблица 11
Относительная значимость экономических тревог

Тревоги	Ранг значимости
8. Цены на товары и услуги общественного потребления могут подняться	2,87
3. В стране растет безработица	2,17
10. Сокращение рабочих мест в отрасли, в которой вы работаете	2,28
11. Невозможность увеличения заработной платы работникам бюджетной и небюджетной сферы	2,39
1. Темпы развития российской экономики замедлятся	2,47
6. Цены на нефть на мировом рынке упадут в несколько раз	2,84
7. Непонятно, кто будет стоять во главе государства	3,03
12. Сокращение товарооборота со странами ближнего и дальнего зарубежья	3,12
2. Процентные ставки на кредиты в банках в ближайшее время могут подняться	3,15
9. Увеличение расходов государства на военно-промышленный комплекс	3,21
4. Фондовый биржа становится неустойчивой	3,33
5. Россия вступает в ВТО (Всемирную торговую организацию)	3,45

Примечание: приводятся средние значения; использовалась шкала от 1 (наиболее значимо) до 5 (наименее значимо).

мические. Во-вторых, для страхов по поводу коллективного будущего характерна амбивалентность: одни и те же люди опасаются и застоя, и революции. Иными словами, массовое сознание избегает крайностей.

Характерно также, что большинство страхов, связываемых респондентами со своим личным будущим («Думая о своем будущем, я опасюсь...»), относится к общественной, а не личной сфере. Более 54% тревог связано с общероссийскими или глобальными угрозами, а лишь 46% – с личными страданиями (болезнь и смерть близких, одиночество, трудности в учебе, неудачный брак и т. п.). Таким образом, наше исследование дополняет данные, полученные ранее в социологических исследованиях и свидетельствующие о личностной включенности россиян в оценку ситуации в стране, об их надеждах на жизнь в справедливом и разумно устроенном обществе (Гершков, Петузов, Круим, 2009; Двадцать лет российских реформ..., 2011; О чем мечтают россияне, 2012).

Важно отметить, что, по сравнению с тревогами, связываемые с коллективным будущим надежды в три раза более разнообразны по содержанию (контент-анализ позволил выделить более 20 самостоятельных семантических категорий).

При этом собственно экономические ожидания (инфляции и роста цен, достойного уровня зарплат, пенсий и социальных выплат, отсутствия безработицы, развития частных предприятий и инновационных технологий, развития ресурсов Сибири и Дальнего Востока и т.п.) характерны для 34,9% респондентов (см. рисунок 6).

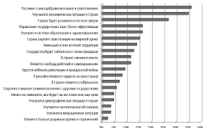

Рис. 6. Надежды, связываемые российскими студентами с будущим России (процент от общего числа респондентов)

На втором месте оказались надежды, связываемые с изменением общественного сознания (повышение добровольчества и толерантности, солидарности, гордость россиян за свою страну и т.п.). Средн общего числа отысков респондентов они составляют 18,5%, но при этом их разделяют более 36% опрошенных. Иными словами, для наших респондентов ценности «окружающих их людей» являются не менее важным показателем качества жизни, чем уровень экономического благосостояния.

Как видно из результатов контент-анализа представлений о будущем страны, коллективные страхи и надежды различаются по содержанию и, по-видимому, имеют разные социально-психологичес-

ние функция. Описания более однообразны по содержанию и носят крайний характер, т.е. включают в себя наименее желательные сценарии развития событий. Надежды, напротив, более разнообразны, но при этом прагматичны.

Страхи выполняют функцию мобилизации коллективных ресурсов и адаптации к изменениям в условиях высокой неопределенности, тогда как надежды выполняют функцию сохранения позитивной идентичности и являются основой для планирования жизнедеятельности. Это предположение хорошо согласуется с данными, полученными нами при исследовании представлений о будущем в трудовых коллективах: относимые к будущему организации позитивные события более разнообразны, чем негативные, а позитивная оценка будущего прямо связана с силой позитивной групповой идентичности.

Второй блок данных нашего исследования характеризует связь между отношением респондентов к коллективному будущему и их личностными особенностями.

Была установлена связь отношения к коллективному будущему с индивидуальными ценностями, посредством использования следующих методик: Ценностный опросник Ш. Швабда, опросник «Социальные аксиомы» М. Бонда и К. Лерунга, шкала «Базовые убеждения» Р. Якофф-Булман.

Положительная оценка будущего России связана с верой в справедливость и благосклонность мира, в доброту людей, с доброжелательностью, терпимостью и социальной сложностью, т.е. с убеждением в том, что существует множество способов достижения цели и что поведение людей зависит от обстоятельств. Напротив, отрицательная оценка коллективного будущего связана с недоверием к миру и с социальным цинизмом, т.е. с убежденностью в порочной природе человека, с недоверием социальным институтам и с обесцениванием этических норм (см. таблицу 12).

Чем выше социальная сложность мотивации человека, тем более отдаленные события принимаются во внимание при размышлении о будущем страны и тем более выражена оценка будущего России как протяженного (0,257 при $p < 0,001$) и далекого (0,389 при $p < 0,001$).

Есть и ряд других данных, свидетельствующих о том, что отношение к коллективному будущему связано с представлениями о мире. Так, ориентация на гармонию в отношениях связана с оценкой будущего как долгосрочного (0,166 при $p < 0,05$), вера в судьбу связана с оценкой будущего России как успешного (0,187 при $p < 0,05$) и определенного (0,199 при $p < 0,001$). Чем выше религиозность, тем более

Таблица 12
 Связь ценностей, представлений о мире и отношении к будущему России
 (результаты корреляционного анализа)

Ценности	Осознанность принимания во внимание событий буду- щего России	Позитив- ная оценка будущего России	Позитивная оценка экономиче- ского благосо- стояния страны до 2015 г.	Позитивная оце- нка эконо- мического благо- состояния страны до 2035 г.	Замыслы будуще- го России от личных указаний
Гедонизм	- 0,310**		0,201**	0,168**	
Достигательство	0,137*			0,194*	0,120**
Универсализм (интернационализм)		0,368**			0,136**
Социальный порядок (стабильность в обществе)			- 0,141**	- 0,162**	
Доброта/справедливость		0,178**			
Самостоятельность		0,218**	0,149*	0,136*	0,266**
Социальная связанность	0,182*	0,201*			
Социальный равенство		- 0,212**			
Судная мера как благополучия		0,345**		0,344**	0,385**
Вера в справедливость мира	0,257*	0,448**		0,225*	
Вера в доброту людей		0,496**		0,347**	0,318**
Судная осмысленность мира	0,266**	0,501**			
Осмысленность собственной жизни		0,279**			

Примечание: ** - $p < 0,001$; * - $p < 0,05$.

будущее России представляется осмысленным (0,307 при $p < 0,001$) и зависящим от личных усилий (0,266 при $p < 0,001$). Характерно, что фатализм в отношении будущего оказался прямо связанным с уровнем авторитаризма правого толка (0,228 при $p < 0,001$).

В целом можно сделать вывод о том, что доброволельность, толерантность, позитивное отношение к миру, убеждение в неслучайности и осмысленности событий позволяет людям задумываться об отдаленном коллективном будущем и оптимистически его оценивать.

Среди других личностных характеристик, предположительно связанных с отношением к коллективному будущему, нами измерялись «особенности временной перспективы» «Опросник временной перспективы» Ф. Замбардо, «Индекс протективности временной перспективы» А. Блюджона, методика «Временные децентрации» В. Головахи и А. Кроника, тест «Способность к прогнозированию» Л.А. Ретуша.

Отдаленность принимаемых во внимание событий будущего России прямо связана с ориентацией на будущее, с протективностью временной перспективы и со способностью к прогнозированию, но обратно связана с выраженностью ориентации на прошлое и фаталистического восприятия настоящего (см. таблицу 13). При этом чем позитивнее респонденты оценивают прошлое России и тем чаще они его обсуждают в повседневных разговорах, тем менее они склонны связывать себя с ее будущим (соответственно $-0,283$ при $p = 0,011$ и $-0,364$ при $p = 0,001$). По-видимому, ориентация на коллективное прошлое служит защитным механизмом, оберегающим позитивную групповую идентичность в ситуации неопределенности будущего.

Вопреки ожиданиям, не было обнаружено значимых корреляций между представлениями о будущем России и такими характеристиками респондентов, как личностная тревожность и индивидуальная рефлексивность. По-видимому, размышления о коллективном будущем определяются не столько индивидуальными характеристиками, сколько включенностью в межличностный дискурс и переживание коллективных эмоциональных состояний.

Данные регрессионного анализа показывают, что чем чаще наши респонденты обсуждают в повседневных разговорах события будущего страны, тем более насыщенным событиями оно им представляется ($R = 0,362$; $F = 9,174$ при $p = 0,003$). Тем самым подтверждается наше предположение о том, что межличностный дискурс может влиять на содержание представлений о коллективном будущем.

Таблица 13

Связь отношения к будущему России
и характеристик индивидуальной временной перспективы
(результаты корреляционного анализа)

Личностные характеристики	Отдаленность принятых на внимание событий буду- щего России	Позитив- ная оценка будущего России	Зависи- мость буду- щего России от личных усилий
Фаталистическое настоящее	-0,171**	-0,173**	-0,174**
Гедонистическое настоящее		0,150**	
Позитивное прошлое	-0,197*		
Ориентация на прошлое		-0,340*	
Ориентация на будущее	0,294*		
Противоположность временной перспективы	0,265**		
Способность к прогнозированию	0,264*		

Примечание: ** – $p < 0,001$; * – $p < 0,05$ (по критерию Спирмена).

Значимость будущего России как предмета для беседы связана с ценностными ориентациями. Склонность личности обсуждать будущее своей страны оказалась прямо связана с ценностью безопасности (0,225 при $p < 0,05$) и чувства принадлежности (0,342 при $p < 0,001$). При этом она отрицательно связана с ценностью власти (-0,283 при $p < 0,05$) и смиренном с жизненными обстоятельствами (-0,475 при $p < 0,001$).

Третий блок данных нашего исследования характеризует связь между отношением респондентов к коллективному будущему и характеристиками социальной идентичности.

В целом, чем более позитивно респонденты оценивают свою принадлежность к гражданам России, тем сильнее они идентифицируют себя с будущим страны (0,342 при $p < 0,001$), тем более считают его зависящим от своих личных усилий (0,277 при $p < 0,001$) и тем более оптимистично оценивают будущее экономическое благосостояние России (0,161 при $p < 0,001$).

Иными словами, позитивная оценка своей группы переносится членами группы на коллективное будущее. В частности, чем сильнее идентификация с россиянами, тем менее значимыми оказываются такие ключевые экономические тревоги, как снижение темпов

экономического развития ($-0,158$ при $p < 0,05$) и рост безработицы ($-0,156$ при $p < 0,05$). С одной стороны, это может означать, что сильная идентификация с группой способна блокировать реалистичную оценку экономических рисков, повышает подверженность эффектам сверхоптимизма. С другой стороны, оценка коллективного будущего может быть более важной, чем оценка настоящего. Исследования в области психологии субъективного экономического благосостояния показывают, что люди оценивают свое текущее благосостояние, ориентируясь на будущее достижения, т.е. на цели и предполагаемые результаты жизнедеятельности (Хаченко, 2012). Можно предположить, что при оценке коллективного экономического благосостояния задействуются аналогичные механизмы: высокая идентификация личности с группой делает будущее коллективные достижения более важными основаниями для социальной категоризации, чем текущее положение группы в обществе.

Нами была обнаружена прямая связь между долгосрочностью планирования респондентами своей жизни и склонностью идентифицировать себя с семьей и друзьями (соответственно, $0,143$ при $p < 0,001$ и $0,102$ при $p < 0,001$). По-видимому, ожидания поддержки со стороны близких людей дает возможность планировать свою жизнь на более длительный период. Напротив, отдаленность принимаемых во внимание событий будущего России прямо связана с ориентацией на «людей моего достатка» и «людей моей профессии» (соответственно, $0,126$ при $p < 0,05$ и $0,121$ при $p < 0,05$). Таким образом, трудовая деятельность и в широком смысле – экономическая активность расширяют социальный контекст будущего, заставляют учитывать макросоциальные факторы при прогнозировании своей жизни.

Включение личностью себя в широкие социальные категории повышает протяженность временной перспективы как в прошлом, так и в будущем. Так, в нашем исследовании была обнаружена прямая связь между общей протяженностью временной перспективы и склонностью респондентов идентифицировать себя с «россиянами» и «человечеством» в данный момент (соответственно, $0,137$ при $p < 0,05$ и $0,174$ при $p < 0,001$). Испытуемым также предлагалось оценить, насколько они связывают себя с теми или иными социальными категориями, задумываясь о своем будущем. Выбор «россиян», «граждан», «человечество» оказался тесно связан с протяженностью перспективы (см. таблицу 14). При этом по другим, менее широким категориям социальной идентификации в настоящем и будущем (семья, друзья, соседи, коллеги, люди той же профессии и т.п.) значимой связи обнаружено не было.

Таким образом, социальная идентичность связана как с аффективными, так и с когнитивными аспектами представлений о коллективном будущем. Групповая идентификация может поддерживать положительную оценку будущего и при этом расширять временную перспективу личности.

Таблица 14

Связь протекционности временной перспективы с социальной идентичностью личности (результаты корреляционного анализа)

	«Задумываясь о своем будущем, вы склонны связывать себя с...»				
	Людьми нашей национальности	Людьми нашей религии	Россиянами	Европейцами	Человечеством
Протяженность временной перспективы	0,452**	0,403*	0,534**	0,283*	0,472**

Примечание: ** – $p < 0,001$; * – $p < 0,05$.

***

Результаты проведенных эмпирических исследований уточняют наши предположения о социально-психологических факторах и механизмах, лежащих в основе формирования образа коллективного будущего.

Во-первых, образ коллективного будущего связан с рядом личностных характеристик: характеристиками временной перспективы, ценностями (гедонизм, доброжелательность, универсализм, социальный порядок, самостоятельность, достижения), а также с представлениями личности о мире. Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что на индивидуальном уровне социально-психологического анализа важнейшим фактором формирования образа будущего являются просоциальные, интегративные установки – доброжелательность, толерантность, позитивное отношение к миру, убеждение в его неслучайности и в осмысленности событий – позволяют людям задумываться об отдаленном коллективном будущем и оптимистически его оценивать.

Выявлена связь представлений о будущем с характеристиками индивидуальной временной перспективы: отдаленность принимаемых во внимание событий будущего России прямо связана с ориентацией на будущее, с протяженностью временной перспективы и со способностью к прогнозированию, но обратно связана с выра-

женностью ориентации на прошлое и фаталистическое настоящее. Чем позитивнее респонденты оценивают прошлое России и чем чаще они его обсуждают в повседневных разговорах, тем менее они склонны связывать себя с ее будущим. По-видимому, ориентация на коллективное прошлое служит защитным механизмом, оберегающим от негативных трансформаций позитивную групповую идентичность в ситуации неопределенности будущего.

Как показало исследование, чем более отдаленное будущее оценивается респондентами, тем более оптимистичны их прогнозы. Таким образом, защищать позитивную групповую идентичность могут не только представления о прошлом, но и образ отдаленного будущего.

Во-вторых, обнаружена связь образа будущего у россиян с характеристиками их социальной идентичности. В частности, отдаленность принимаемых во внимание событий будущего России прямо связана с ориентацией на «людей моего достатка» и «людей моей профессии». То есть трудовая деятельность и в широком смысле – экономическая активность расширяют социальный контекст будущего, заставляют учитывать макросоциальные и макроэкономические факторы при прогнозировании своей жизни и жизни своей группы. Кроме того, чем более позитивно респонденты оценивают свою принадлежность к социальной группе (валентность групповой идентичности), тем больше они идентифицируют себя с ее будущим, более считают его замыслим от своих личных усилий и более оптимистично его оценивают. Позитивная оценка своей группы переносится членами группы на коллективное будущее: чем сильнее идентификация с россиянами, тем менее значимыми оказываются такие ключевые экономические тревоги, как снижение темпов экономического развития и рост безработицы. По-видимому, сильная идентификация с группой способна блокировать реалистичную оценку экономических рисков, повышает подверженность эффекту и сверхоптимизма. Вместе с тем, можно предположить, что сильная гражданская идентичность повышает оптимизм в отношении будущего и тем самым способна стимулировать экономическую активность – предпринимательство и потребление.

В-третьих, степень внимания членов группы к долгосрочному совместному будущему подкрепляется уровнем доверия к социальным институтам и сложившимися в культуре представлениями о предсказуемости и управляемости будущего. Построенная эмпирическая типология отношения членов группы к коллективному прошлому, настоящему и будущему позволяет сделать вывод о том, что позитив-

тивная оценка коллективного будущего тесно связана с уровнем социального доверия и с просоциальными ценностями (добродетельность, конформность, универсализм).

По-видимому, именно низким уровнем институционального доверия объясняется тот факт, что образ будущего у опрошенных нами россиян носит ярко выраженный краткосрочный характер: горизонт планирования своей жизни не превышает 3–5 лет, а в будущем России большинство заглядывает не далее, чем на 5–10 лет.

При этом наиболее распространенными тревогами по поводу будущего России являются следующие ожидания: застой во всех сферах жизни; революции и распада России как единого государства; политических репрессий и дальнейшего роста коррупции в стране; экономических трудностей, в том числе экономического кризиса, падения цен на нефть, роса разрыва в доходах, обнищания населения и т. п.; войны с другими странами, в том числе с использованием оружия массового поражения. Наиболее личными экономическими тревогами оказались рост цен и безработица, а также замораживание зарплатных плат и снижение темпов экономического роста. Среди надежд, связываемых с будущим страны, наибольший вес получили социально-экономические ожидания. Коллективные страхи и надежды различаются по содержанию и, по-видимому, играют разные социально-психологические функции. Опасения носят крайний характер, т. е. включают в себя наименее желательные сценарии развития событий. Надежды, напротив, более консервативны и прагматичны. Страхи выполняют функцию мобилизации коллективных ресурсов и адаптации к изменениям в условиях высокой неопределенности, тогда как надежды выполняют функцию сохранения позитивной идентичности и являются основой для планирования жизнедеятельности.

Глава 9

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ЭМОЦИИ ПРИ ПЕРЕЖИВАНИИ ТРАВМЫ КАК ФАКТОР МАССОВОГО ПОВЕДЕНИЯ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Эмоции играют одну из важнейших ролей в жизни человека, помогая ему поддерживать общение с другими членами сообщества. Эмоциональные состояния могут быть коллективными (массовыми), переживаться людьми совместно. Они могут усиливаться, регулироваться в ходе непосредственного межличностного взаимодействия в группе (в толпе) или через идентификацию личностью себя с групповым образованием, включая образования типа «толпа», или с протестными группами.

Проблема коллективных эмоций, их развития и влияния на общественное сознание населения страны (на массовое сознание и поведение) становится особенно актуальной в современном нестабильном мире. Войны, теракты, политические и экономические кризисы дают почву для появления негативных массовых эмоциональных состояний, что в свою очередь влияет на уровень групповой рефлексивности, на способность людей и общества в целом осознавать коллективные угрозы и конструктивно отвечать на них (Солдатова, Нестик, 2011; Журавлева, Нестик, 2012).

Особенно важным представляется рассмотрение коллективных эмоций в контексте реакции массовых групповых образований (социальных групп) на коллективную травму, которая может провоцировать радикализацию общественных настроений, рост экстремизма и агрессии. Примерами таких событий могут служить теракты и антитеррористические операции (не говоря уже о протестных событиях в Косово, в Бирюлеве и т.д.).

Изучение динамики коллективных эмоциональных состояний, связанных с социальным или с последствиями терактов, может помочь нам понять механизмы формирования коллективного эмоционального климата и поддержки конструктивных способов совладания и совместного ответа на коллективные риски.

В отечественной социальной психологии проблема коллективных эмоций остается малоизученной. В отечественной науке исследуется ряд проблем данной тематики:

- социально-психологический климат (Парыгин, 1981; и др.);
- влияние эмоциональной атмосферы на политические процессы (Урнов, 2008);
- коллективные переживания во время праздников (Воловешова, Борисова, 2012; Тихомирова, 2008);
- коллективные эмоциональные состояния, связанные с оценкой текущего и будущего экономического благополучия (Емельянова, Дробышева, 2013), с прошлым и будущим организации (Нестик, 2014).

В зарубежных исследованиях коллективные эмоции изучаются в связи с их влиянием на ряд групповых феноменов: на эффективность организации (Baron, 2009; Carmeli, 2009), на массовое политическое поведение (Bar-Tal, Halperin, De Rivera, 2007), на процессы групповой идентификации и межгрупповые отношения (Hoffman, 1988; Devos, Silver, 2002; и др.). Исследуется формирование коллективных эмоций (Chmiel et al., 2011; Tenenboim-Weissblatt, Neiger, 2014).

В настоящем параграфе дано определение коллективных эмоций, выделены основные подходы к их изучению, анализируется их связь с формированием коллективной памяти и идентичности, с процессами обладания с коллективной травмой и с последствиями групповых конфликтов. В заключение предложены наиболее перспективные, на наш взгляд, направления исследований в данной области.

Феномен коллективных эмоций: определение и типы

Эмоции в целом имеют социальный характер, их можно рассматривать как реакции на некоторый социальный опыт (Bar-Tal, Halperin, De Rivera, 2007). Коллективные эмоции, в свою очередь, переживаются индивидами в связи с принадлежностью их к определенной социальной группе: подобно социальным представлениям, коллективные эмоции разделяются членами определенного коллектива (Smith, 1993).

Иными словами, коллективные эмоции – это эмоции, которые разделяются значительной частью представителей определенного сообщества (Sherman, Sherman, 2000) и могут возникать у членов группы почти одновременно (Jarymowicz, Bar-Tal, 2006). Более то-

го, само наличие и развитие коллективных эмоций – это то, что выделяет группу и отличает ее от просто собрания отдельных личностей (Barghde, 2002)⁴⁴. Эмоции в обществе существуют прежде всего в виде более или менее устойчивых массовых эмоциональных состояний, являющихся своего рода призмой, смотря через которую члены сообщества интерпретируют то или иное событие и детерминируют массовое поведение.

Коллективные эмоции имеют многообразную феноменологию: это враждебные переживания, эмоции болельщиков, патристические переживания, этнические переживания, религиозные переживания, эстетические переживания, энтузиазм в группе или коллективе, эмоции в игре или состязании, клубные эмоции в фан-сообществах и т. д. (Тихомирова, 2008).

Существует множество разных классификаций и наименований коллективных эмоциональных состояний. На наш взгляд, за основу можно взять классификацию, предложенную М. Яругович и Д. Бар-Талом (Jugowicz, Bar-Tal, 2006).

Во-первых, это эмоциональная культура – стабильная культурная практика, регулирующая проявление эмоциональных состояний и передающаяся через социализацию от одного поколения другому.

Во-вторых, это эмоциональный климат, характеризующий коллектив, эмоциональная ориентация которого на события связана со структурой общества и политическими программами. Эмоциональный климат проявляется в большей или меньшей относительной доступности слов, выражающих эмоции в определенных социальных условиях. Согласно другому определению, эмоциональный климат отражает представления членов сообщества о том, какие эмоции по отношению к текущей ситуации в обществе или к определенному событию испытывает основная масса членов этого сообщества (Kline, 2007). При этом эмоциональный климат – это не столько коллективный опыт переживания одних и тех же событий, сколько «эмоциональный словарь» – доступность, типичность тех или иных эмоций в обществе (Fernandez-Dols et al., 2007).

В-третьих, ряд исследователей выделяют коллективную эмоциональную ориентацию, которая базируется на разделяемой членами группы социальной идентичности и может иметь несколько источников. Она способна формироваться на основе непосредственного опыта членов сообщества, например, появляясь в кризисной, угро-

44. Также эмоции, как правило, возникают в массовых групповых образованиях типа «протестные», «опозиционные» и другие.

жающей членам сообщества, ситуации (война, природная катастрофа, экономическая нестабильность). Кроме того, коллективные эмоциональные ориентации могут передаваться через переживания, вызванные информацией о тех или иных событиях, эмоционально значимых для человека как члена группы.

Например, события 11 сентября 2001 г. в США пробудили целый ряд негативных коллективных эмоциональных ориентаций населения, таких как страх, гнев, ненависть (Bar-Tal, 2003, 2004). При этом коллективная ориентация на страх выражается в переживании постоянной угрозы и является одним из основных психологических факторов, способствующих этому переживанию. Последнее, с одной стороны, может привести к развитию воинских стратегий (и разрешению конфликта), с другой стороны – к новым конфликтам. Наряду с ориентацией на страх, в социальной группе (обществе в целом) нередко существует ориентация на надежду.

В-четвертых, коллективные эмоции можно рассматривать как эмоциональную атмосферу, или коллективное настроение – коллективную эмоциональную реакцию, результат переживания какого-либо значимого для группы события (Fernandez-Dols et al., 2007).

Коллективные эмоциональные состояния могут влиять друг на друга и формироваться целенаправленно (как например, эмоциональное заражение в толпе). Так, теракт оказывает негативное влияние на эмоциональный климат общества. Но общество может преодолеть это негативное влияние и создать позитивный эмоциональный климат на основе чувства коллективной солидарности, выполнения коллективных ритуалов, – например, мирных демонстраций (Bar-Tal, Halperin, De Rivera, 2007). Примером такого коллективного совладания с травмой, меняющего эмоциональное состояние общества, могут служить песни, которые манифестанты пели после теракта Брейвинка перед окнами его тюрьмы. Другой пример – почти миллионная мирная демонстрация после теракта в редакции Charlie Hebdo в 2015 г.

Кроме того, повторное напоминание о травмирующих событиях может вернуть общество в то эмоциональное состояние, в котором оно было во время этих событий. Например, повторное освещение событий в годовщину теракта 11 сентября в США спровоцировало возврат к эмоциональному климату, сформировавшемуся в американском обществе сразу после теракта (Rime, 2007).

Коллективные эмоции играют важную роль в межгрупповых отношениях и оказывают влияние на динамику массовых межгрупповых конфликтов, и, как следствие, – на массовое поведение.

Динамика массовых эмоциональных состояний, вызванных коллективной травмой

Исследователями были выделены четыре вида коллективных эмоциональных состояний, характерных для ситуации конфликта: страх, ненависть, надежда и тревога (Bar-Tal, Halperin, De Rivera, 2007).

Рассматривая культурную травму в социально-психологическом аспекте, Т.П. Емельянова выделяет такие ее факторы, как высокая степень социальной фрустрированности некоторых групп населения и резкие изменения в социальной идентичности, рассматривает коллективный копинг как способ совладения с травмой (Емельянова, 2008). В ходе переживания коллективной травмы возрастает интерес к национальному самосознанию, происходит трансформация культурных ценностей (Рассакина, 2006).

Переживание травмы, такой, например, как террористический акт, может рассматриваться как субъективная оценка риска стать жертвой подобного события. Эмоциональная реакция на травму при этом может быть как осознаваемой, так и неосознаваемой (Тарabrina, Выходец, 2014).

Важно отметить, что массовое травматическое состояние больших групп населения развивается стадийно и возникает на определенном провоцирующем социальном фоне.

Стадии психологической адаптации при эмоциональной групповой травме

Изучая развитие коллективных эмоций в ответ на травмирующее событие, Б. Райм и Д. Пазз выделили три стадии: критическую, стадию плато и стадию адаптации (Raim, Pazz et al., 2010).

Критическая стадия характеризуется высоким уровнем обмена эмоциями, постоянным возвращением к обсуждению произошедшего и выражением солидарности в течение 2–3 недель после травматического события (Pepner, Branaick et al., 2005; Peanebaker, Harber, 2003). Этот период сопровождается интенсивными эмоциональными реакциями и длится около месяца после события.

На стадии плато травмирующее событие обсуждается по-прежнему часто, тогда как интенсивность обмена эмоциями быстро снижается. В ходе этой стадии, длящейся около месяца, общество постепенно освобождается от тревоги и депрессии.

Через два месяца после событий наступает стадия адаптации: случаи открытого проявления солидарности становятся более ред-

ними, уменьшаются спонтанные межличностные контакты и формирование социальных связей на основе обсуждения травмирующих событий (Collins, 2001; Seiner, 2003; Goffman, Pettebaker, 2003).

Травмирующий опыт не всегда сопряжен с негативными последствиями для коллектива. Как оказалось, около 2/3 вторичных жертв указывают на позитивные индивидуальные или общественные изменения как результат пережитой ими коллективной травмы (Nolen-Hoeksema, Davis, 2005).

Ключевую роль в формировании коллективных эмоциональных состояний играет феномен обмена эмоциями. Когда мы испытываем те или иные эмоции, мы обычно сообщаем о них другим людям в течение нескольких последующих часов или дней. Чаще всего мы говорим о своих переживаниях несколько раз и нескольким людям из нашего окружения (Rime et al., 2010), т.е. вслед за индивидуальным переживанием эмоций, как правило, происходит социальный (массовый) обмен ими.

В большинстве случаев люди делятся друг с другом своими переживаниями сразу же после возникновения эмоций (Martinez-Sanchez, Paez et al., 2001). Чем более интенсивен наш эмоциональный опыт, тем чаще, дольше и с большим числом людей мы его разделяем (Rime, 2007). При этом ненависть и страх разделяются с другими чаще, а такие эмоции, как вина и стыд, – реже.

Травмирующие события – стихийные бедствия, крупные катастрофы, теракты, протестные движения и т.п. – вызывают серьезный эмоциональный всплеск в обществе. Это, в свою очередь, ведет к увеличению частоты обмена эмоциями между членами семей, соседями, сотрудниками и пользователями Интернета. Например, события 11 сентября 2001 г. (Нью-Йорк) и 11 марта 2004 г. (Мадрид) вызвали эмоциональное возбуждение и обмен эмоциями у огромного числа жителей. В обоих городах большинство респондентов имели отдельные симптомы стрессовых реакций и более 80% из них говорили с другими о произошедших событиях и своих эмоциях на этот счет (Miguel-Tobal, Martinez-Sanchez, 2004; Schuster et al., 2001; Silver, Holman et al., 2002).

Результаты исследований свидетельствуют о том, что обмен эмоциями влияет на групповую солидарность и сплоченность, а также на коллективную память, тем самым оказывая долгосрочное воздействие на эмоциональный климат в обществе.

С одной стороны, обмен эмоциями обостряет негативные переживания и не дает им притухнуть (De Rivera, Paez, 2007). Он вызывает повторение негативного аффекта, реактивацию негативного

опыта и, следовательно, поддерживает негативную эмоциональную атмосферу. С другой стороны, обмен эмоциями является важным предиктором социальной интеграции и восстановления позитивного эмоционального климата (Rime, Paez et al., 2010). Чем больше мы разделяем свои переживания с другими людьми, тем более вероятно, что мы почувствуем социальную интеграцию и позитивные изменения в эмоциональном климате (De Rivera, Paez, 2007). Обмен эмоциями практически сразу же вызывает позитивные последствия в межличностных отношениях: чувство близости, эмпатию, социальную поддержку, аффилиацию (Rime, 2009). Он облегчает конструирование членами группы позитивной идентичности, восстановление позитивного отношения к своей группе и миру после коллективной травмы, способствует удовлетворению потребности в позитивных смыслах, повышению индивидуальной и групповой самооценки, повышает качество управления экзистенциальной тревогой (Pruksasupakul, Solomon, Grossberg, 2002). Обмен эмоциями также облегчает формирование коллективной памяти – общей, разделяемой членами группы картины прошлого (Barber, Mather, 2012).

Известно, что посттравматический рост, т.е. переживаемые позитивные изменения в результате столкновения со сложными жизненными кризисами, прямо связан с уровнем травматичности события, с копингом через обращение за поддержкой к другим людям, с позитивной переоценкой произошедшего, полученной в результате социальной поддержки (Helgeson, Reynolds, Tomich, 2006; Pratt, Pietrantoni, 2007). По-видимому, обмен эмоциями облегчает получение социальной поддержки, которая, в свою очередь, способствует переосмыслению произошедших событий. Таким образом, сам по себе обмен эмоциями не позволяет избежать посттравматического синдрома, если не сопровождается систематической когнитивной переработкой травмирующего опыта. Тем не менее, он вносит существенный вклад в укрепление групповой сплоченности и в реконструирование позитивного образа Мы (Rime, Paez et al., 2010).

Важным каналом распространения эмоций за пределы межличностного общения являются СМИ (Jagutowicz, Bao-Tai, 2006). Примером могут служить вторичные жертвы, поддающиеся панике после просмотра телевизионных новостей (Тарабрина, 2009). Даже самое существенное по своим последствиям событие быстро забывается обществом, если оно редко обсуждается в публичном пространстве. Память общества сконцентрирована на наиболее освещенных СМИ и заметных событиях (Zerubavel, 1995). Конструирование коллек-

тивной памяти и создание новостей являются процессами, в основе которых лежат сложные социально-психологические механизмы. Например, журналисты, опираясь на «рамки социальной памяти», выбирают для освещения те события, которые приобретают в этих рамках особый смысл (Zandberg, Meyer, Neiger, 2012). И это все выкладывается в удобную для восприятия аудиторией мультимедийную форму, в визуальные образы, усиливающие эмоциональный эффект. Журналисты, таким образом, становятся агентами коллективной памяти и коллективных эмоций.

Коллективные эмоции и групповая идентичность: психологические детерминанты

Идентификация индивидов с той или иной группой влияет на их оценку происходящего (Smith, 1993), причем коллективные переживания тревоги, чувство угрозы в ситуации конфликта подстегивают процесс идентификации (Hoffman, 1988).

В условиях высокой неопределенности и рисков групповая идентичность становится жизненно необходимым конструктом, позволяющим нам опираться на коллективную память, адаптироваться к новому за счет поиска аналогий в совместном прошлом.

Обращение к коллективной памяти сопровождается переживаниями, которые могут быть связаны не только с групповыми достижениями, но и с коллективными травмами. Коллективные травмы играют важную роль в становлении групповой идентичности (Neal, 1998).

Т. Девос с коллегами предложили теорию междугрупповых эмоций, основанных на социальной идентичности членов сообщества (Devos, Silver, 2002). Согласно их концепции, отождествляя себя с определенной группой, мы переживаем значимые для нас события так, как если бы мы сами были их участниками. Такие эмоции, «присваиваемые» личностью через групповую идентификацию, играют важную роль в регулировании междугрупповых отношений. Характеристики групповой идентичности могут влиять на междугрупповое сравнение, затрагивая не только когнитивные оценки, но и типы аффективных реакций в отношении другой группы (Karrepa, Yzerbyt, 2012).

Переживания коллективной массовой угрозы – вызовов военного, политического, экономического, культурного или экологического характера – усиливают групповую идентификацию, что в свою очередь может затруднять конструктивный поиск выхода из сложившейся ситуации. Эта динамика массовых состояний и настро-

свой населения страны (включая поведение) при возникновении общей угрозы социуму в социальной психологии хорошо известна.

Эксперименты М. Ван Зомерена с коллегами показывают, что высокая значимость групповой идентичности провоцирует агрессивное аффективное совладание с критической ситуацией, члены группы мобилизуются для коллективных действий через чувство группового гнева или тревоги (Van Zomeren et al., 2008). Проблемно-фокусированный когнитив подразумевает продумывание шагов по целенаправленному изменению реальности, взвешивание альтернатив и выбор оптимального способа действий. Иными словами, повышение значимости групповой идентичности перед лицом коллективных рисков затрудняет рефлексия, оценку инструментальной полезности действий и облегчает аффективное реагирование на ситуацию.

***

Подводя итоги проведенного анализа, можно сделать вывод о том, что проблема коллективных эмоций приобретает все большую актуальность и привлекает все большее внимание социальных психологов из разных областей – организационной, политической психологии, макропсихологии, медиапсихологии, психологии межкугровых отношений.

Данные эмпирических исследований позволяют с уверенностью говорить о том, что коллективные эмоции тесно связаны с механизмами социального познания, групповой идентификации, формирования коллективной памяти и образа будущего. Они играют важную роль в межкугровых отношениях, при урегулировании межкугровых конфликтов и в совладании с последствиями массовых травмирующих событий.

Намечая перспективы дальнейших исследований, хотелось бы отметить несколько проблем, требующих более пристального внимания социальных психологов.

Во-первых, это проблема определения и классификации групповых эмоциональных состояний. До сих пор нет ясности в том, все ли эмоции, испытываемые людьми на индивидуальном уровне, могут приобретать коллективный характер. Требуется уточнения отличия групповых эмоций от других групповых феноменов, имеющих аффективную составляющую, – коллективных представлений, межкугровых стереотипов, социальных установок. Отдельным и важным вопросом в этой связи является разграничение понятий эмоциональной атмосферы, эмоционального климата и эмоциональной культуры группы и общества целом.

Во-вторых, недостаточно изучены остаются механизмы превращения эмоций из индивидуальных в коллективные, а также связанная с этим проблема осознанного или неосознанного обмена эмоциями. По-видимому, обмен эмоциями между людьми может осознаться, а в некоторых случаях даже осуществляться целенаправленно, поскольку связан с дискурсивными практиками и с передачей информации в межличностном общении. Напротив, процесс эмоционального заражения, практически не рассматриваемый в современных исследованиях, меньше поддается осознанию и контролю. Мы все еще мало знаем об условиях возникновения и динамике обмена эмоциями и эмоционального заражения в малых и больших группах.

В-третьих, требует дальнейшего изучения формирование коллективных эмоций в сети Интернет, в онлайн коммуникациях. Необходимость таких исследований объясняется растущей ролью онлайн-сообщества в повседневной жизни за пределами сети. Социальные сети все больше влияют на принятие решений, на эмоциональную атмосферу в семье и на работе, на историческую и коллективную память и т. д.). Они играют решающую роль в формировании общественных движений и в политических событиях (достаточно вспомнить, например, их роль в революциях «арабской весны»). До сих пор внимание исследователей в этой области было сосредоточено преимущественно на когнитивных феноменах – социальных установках и представлениях, тогда как коллективные эмоции интернет-пользователей оставались в тени. Кроме того, постепенный переход от традиционных СМИ к электронным и мультимедийным, превращение социальных сетей в агрегаторы новостного и телевизионного контента повышает интерактивность и способность медиа влиять на коллективные эмоциональные состояния.

В-четвертых, все еще мало изученной остается роль коллективных эмоций в экономической психологии. Между тем, в сетевую эпоху динамика коллективных эмоциональных состояний существенно влияет на поведение потребителей, на инвестиционную и предпринимательскую активность.

Наконец, требует дальнейших исследований проблема управления коллективными эмоциональными состояниями.

ГЛАВА 10

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ КАК МИШЕНЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ БОРЬБЕ

В эпоху информационных войн и экономики знаний одним из наиболее эффективных инструментов воздействия на противника является целенаправленное комплектирование представлений социальной группы (и населения страны в целом) о прошлом и будущем (см.: Соснин, 2012, с. 154–184).

Отношение к своему прошлому и оценка будущего в значительной степени определяют способность общества и отдельных его представителей справиться с возникшими в настоящем экономическими, социально-политическими и бытовыми трудностями и проблемами.

Активное воздействие противника на социальную память и видение будущего как малых групп (например, управленческих и проектных команд), так и крупных социальных групп (например, этно-религиозных, социально-политических, социально-экономических) может ослабить жизнестойкость, надежность, адаптивность общества и даже подорвать политическую ситуацию в стране (Журавлев, 1983; Совместная деятельность: методология..., 1997, 1998; Совместная деятельность в условиях..., 1999; Журавлев, 2000; Психология..., 2001; Берг, 2009; Купрейченко, Журавлев, 2011а; Журавлев, Нестик, Соснин, 2012; Журавлев, Юревич, 2014).

Рассмотрим историю изучения социальной памяти, ее основные функции и механизмы, а также определим возможные пути ее искусственной трансформации.

Понятие коллективной памяти впервые было использовано Г. фон Гофмансталем в 1902 г., а современный его смысл был определен французским социологом М. Хальбваксом в 1925 г. в его работе «Социальные рамки памяти».

Тогда же данный феномен начинает исследоваться историками, сначала М. Блоком в его работах по истории феодального об-

щества, а позднее и французской исторической школой «Анналов». В 1930-е годы социальная память привлекает к себе внимание теоретиков культуры Э. Варбурга и В. Беньямина, показывающих роль произведений искусства и предметов повседневности в формировании представлений общества о собственном прошлом и будущем.

Ф. Бартлетт считается первым психологом, показавшим роль групповой динамики в функционировании индивидуальной памяти. Еще ранее на роль социальных факторов в развитии памяти указывали П. Жане, Г. Зиммель, Ч. Кули и Дж. Мид, а у нас в стране – Л. С. Выготский и А. Р. Лурия. Культурный антрополог Э. Эванс-Притчард ввел понятие «структурная амнезия», изучая механизмы формирования коллективной памяти. Вместе с тем следует заметить, что феномен социальной памяти оставался практически незамеченным в классической социологии и социальной психологии первых двух третей XX в.: Э. Дюркгейм, М. Вебер, а также марксистская традиция рассматривали его как характерный исключительный для традиционных обществ. Возможно, этот факт объясняется общим для того времени заблуждением, согласно которому одной из ключевых черт современности является освобождение от традиции и разрыв с прошлым. С 1980-х годов интерес исследователей к проблеме социальной памяти неуклонно растет⁴⁵.

Особое внимание исследователи стали обращать на связь «прочтения» истории и политической власти, т. е. на то, каким образом прошлое становится инструментом легитимации настоящего и будущего в руках политических элит (Olick, Robbins, 1998). Например, представители школы «Анналов» Ф. Арьес и М. Агилон обращаются к истории манипуляции массовым воображением, а Э. Хобсбаум в своей работе «Массовое производство традиций» анализирует механизмы конструирования традиции в целях удержания политической власти (Nohrbaut, 1983). Наконец, общей чертой современных исследований памяти в психологии становится отказ от ее индивидуалистической фрейдистской трактовки и признание роли социального контекста, на которой ранее настаивал М. Хальбвакс.

Можно выделить несколько функций социальной памяти. Это, по Ф. Бартлетту, выравнивание индивидуальных воспоминаний, их подчасивание единой логикой; акцентуация, т. е. подчеркивание

45 Столкновение с проблемами поликультурного общества, кризис демократических ценностей и снижение доверия к институту президентства в Европе, крах социалистических режимов – все это ставило под вопрос привычные представления людей о единой линейной истории человечества (о историзмах).

определенных эпизодов в прошлом, значимых для настоящего; ассимиляция различных событий, историй и рассказов в единое целое; конвенционализация, т.е. реконструирование прошлого в соответствии с требованиями настоящего. Еще Э. Дюркгейм, говоря о коммеморативных обрядах в традиционных обществах, указывал на их групповую, сплавляющую, интегрирующую функцию. Позднее эту же идею развивал его ученик М. Хальбвакс. При этом память выполняет функцию поддержания политической социальной идентичности, высветляя те эпизоды, которые подкрепляют положительную самооценку представителей группы.

Напротив, негативные для группы эпизоды могут забываться, замалчиваться. С этой функцией связана и другая – соотнесения с общественной, культурной трамвой (Reppelbaker, Balaski, 1997; Емельянова, 2007). Таким образом, пожалуй, наиболее важная функция социальной памяти – это адаптация к моменту, к социальным и экономическим изменениям.

Важную роль в формировании коллективной памяти группы играет ее лидер. Так, например, в исследованиях проектных команд П. Томк и Дж. Пинто было обнаружено, что лидеры успешных проектов характеризуются несколькими важными компетенциями в отношении работы с представлениями о прошлом и будущем:

- 1) **искривление времени** – способность приближать прошлое и будущее к субъективному настоящему команды и высших заинтересованных сторон проекта;
- 2) **формирование образа будущего** – способность постоянно удерживать и корректировать в воображении картину конечного результата проекта, создавать будущее в воображении команды;
- 3) **способность дробить будущее** проекта на мелкие, связанные друг с другом, более управляемые части;
- 4) **полнотренированность** – способность одновременно думать о разных делах, отслеживать параллельно идущие процессы, увязывать друг с другом разные по масштабу циклы, различные их стадии;
- 5) **интуитивное предвидение будущего**, с опорой на отрефлексированный опыт прошлого;
- 6) **подытоживание прошлого** – способность резюмировать и оценивать сделанное командой, выхватывать из истории проекта возможности для будущего.

Кроме того, лидер поддерживает свое влияние на последователей через символическое конструирование времени, приоритетное право на репрезентацию прошлого, его интерпретацию и определение

исторической истинности. Именно поэтому полная централизация власти лидером требует убежденности подданных в ее вневременности (ср.: «вождь всех времен и народов»). Дискурс власти связывает настоящее с отдаленным, мифологизированным прошлым, а обладатели власти либо сами превращаются в сакральные фигуры первопредков, либо рассматриваются как их присмнники (фигуры Мао Дзедуня, Ф. Кастро).

По мнению С. Люкса, «высшая и наиболее коварная форма осуществления власти – это предотвращение возможного недовольства людей путем формирования у них таких восприятий и предпочтений, которые обеспечивали бы принятие людьми своих ролей в существующем порядке... в силу того, что они не видят альтернативы этому порядку, или потому, что считают его естественным и неизменным, или же божественно определенным и выгодным» (Lukes, 1974, p. 24; цит. по: Ледаев, 2000, с. 37).

Социальная память передается через так называемые «мнемонические сообщества» (Э. Зегубавел): семью, организацию, этнос, нацию. Вопреки сложившимся представлениям, можно с уверенностью утверждать, что основную роль в передаче социальной памяти играют не монументальные изображения и скульптуры, не памятники и музеи, а рассказывание историй старшим поколением младшим в семье, совместное отмечание исторических праздников (Zegabavel, 1995).

Напротив, монументализация прошлого в памятниках может служить своего рода способом освобождения от прошлого, формой расставания с ним. Не случайно М. Хальбвакс считал историографию «мертвой памятью» (Halbwachs, 1950), а М. Адорно проводил параллель между музеем и мавзолеем.

Таким образом, целенаправленная трансформация социальной памяти является наиболее действенной, если осуществляется не через научные монографии и памятники, а через рассказы об истории, через повседневное обсуждение новостей, мнений и т.д. Известно, что лучше всего запоминаются исторические события в возрасте от 12 до 25 лет, когда формируется идентичность личности и когда исторические переживания и впечатления еще не с чем сравнить. Именно в этом возрасте личность наиболее восприимчива к манипуляциям историческим прошлым и к целенаправленно формируемой информации о политических событиях настоящего.

Циклы социальной памяти соответствуют циклам смены поколений: каждые 20–30 лет общество оглядывается назад и заново переосмысливает прошлое (Pennabaker, Banasik et al., 2005). То есть

картина прошлого, сформированная в представлении молодежи сегодня, имеет шансы быть легитимизированной и стать общепризнанной через 25 лет.

Можно выделить несколько способов целенаправленного воздействия на коллективную память с целью ослабления протекания и информационной войны.

Во-первых, это сокращение временной перспективы, ее сужение до настоящего и ближайшего прошлого.

Еще К. Левин в 1942 г. обратил внимание на то, что социальная группа, не помнящая свое прошлое и не поддерживающая память об отдаленных позитивных исторических событиях, более подвержена пропаганде врага и теряет способность к выживанию в трудных условиях. А наш гениальный предок А. С. Пушкин выразил эту мысль еще проще: «Народ, не знающий своего прошлого, не имеет права на будущее».

Добиться сужения временного горизонта можно через следующие технологии:

- интенсивное распространение информации об эмоционально значимых для россиян событиях недавнего прошлого;
- ограничение доступа к источникам информации об отдаленном историческом прошлом;
- девальвация ценности прошлого для выживания в новых условиях, демонстрация принципиальной несостоятельности исторического опыта и реалий сегодняшнего дня (например, подчеркивание различий между рецессией 1929–1932 гг. и мировой рецессией 2008–2010 гг.);
- введение цензуры в контролируемых СМИ на проведение исторических параллелей между сегодняшними трудностями и трудностями, успешно преодоленными в прошлом.

Во-вторых, это формирование в массовом сознании отрицательного образа истории нации или отдельной социальной группы. Исследования в области психологии времени свидетельствуют о том, что негативное отношение личности к своему прошлому снижает ее адаптивность к изменениям, способность к успешному совладанию с кризисом. Негативное отношение к своему прошлому тесно связано с такими психологическими явлениями, как депрессия, тревога, низкая самооценка, агрессия и отсутствие эмоциональной стабильности, общая неудовлетворенность жизненными обстоятельствами в настоящем, проблемы в межличностных отношениях, склонность к азартным играм (Zimbardo, 2008; Сырцова, 2008). На групповом

уровне негативное отношение к своему коллективному прошлому может провоцировать кризис идентичности, облегчать распространение социальных страхов, ксенофобии, анимия и приводить к противоправным массовым выступлениям людей в оппозиционных движениях.

Сформировать негативную оценку коллективного прошлого у людей можно через ряд технологий:

- распространение негативной, порочащей информации об исторических фигурах, служащих символом национальной гордости;
- активное распространение через подконтрольные издательства, СМИ и в Интернете мнения о том, что история страны – это история зла, построенная на крови, и т.п.;
- ограничение доступа к информации о позитивных событиях национального прошлого;
- популяризацию идеи о том, что на народе или на отдельной социальной группе, представители которой проживают в стране, лежит непростительный грех, проклятие, позорная вина, и т.д.

В-третьих, это искажение прошлого для легитимизации тех или иных изменений в настоящем и будущем. Необходимость сохранения позитивной идентичности подталкивает социальные группы к формированию тех представлений о прошлом, которые поддерживают положительную самооценку. Например, один и тот же факт из истории вооруженного конфликта может освещаться совершенно по-разному в школьных учебниках истории в зависимости от того, в какой стране-участнице конфликта они написаны. При столкновении с «чужими» даже совсем недавно сформировавшаяся группа создает свою положительную историю, объединяющий ее нарратив о прошлом и будущем (Neal, 1998).

Одним из примеров перестроения представлений о прошлом для восстановления положительной оценки своей группы служит «переписывание» своей истории грузинами. В 1795 г. произошло кровопролитное опустошительное нашествие Ага-Магомет-Шаха, во время которого столица Грузии была завоевана и сожжена. А уже через несколько лет на улицах сожженного Тбилиси, освобожденного от завоевателей, во время карнавала разыгрывался традиционный сюжет, в котором враг оказывался побежденным. Иллюзия победы, разыгранная в сюжете, свидетельствует о том, что национальное самосознание нередко искажает прошлое для формирования национальной гордости, для поддержания веры в жизнеспособность

группы. У такого искажения прошлого может не быть авторства, оно происходит в известной мере спонтанно.

В то же время известно, что та или иная трактовка прошлого, воображаемая традиция издавна являются средствами сакрализации и легитимизации власти, т. е. искажение прошлого может быть целенаправленным проектом, у которого есть заказчики и бюджет. Например, в европейских национальных государствах с конца XIX в. политические элиты активно формировали через газеты представление о преемственности истории своих наций, о providence, ведущем нацию в будущее, о великом национальном предназначении и т. д. Эти усилия призваны были компенсировать размывание национального единства в обострившихся внутригосударственных политических конфликтах и продемонстрировать роль элиты в истории нации (Ноббаум, 1983).

Для обоснования привлекательности той или иной политической или экономической идеи, которая выгодна противнику, могут быть предприняты попытки изменить картину прошлого в массовом сознании через ряд технологий:

- организацию псевдонаучной конференции, посвященной определенным эпизодам в национальной или мировой истории, с назначением заранее произнесенных докладчиков и последующим информированием общественности о якобы подтвержденных участниками новых исторических фактах или выводах;
- выпуск книг, статей, теле- и радиопрограмм, в которых будет обосновываться новая точка зрения на события прошлого, порочащая историю страны;
- проведение параллелей между событиями, социальными явлениями настоящего и теми специально отобранными историческими фактами, которые позволяют обосновать целесообразность (или оправданность) действий той или иной политической группы, и т. д.

В целом борьба за сознание и поведение людей, за их коллективную память является мишенью психологического воздействия в глобальной информационной войне геополитических противников. И государственным структурам в этой борьбе необходимо соответствовать вызовам истории и организовывать адекватное противодействие для сохранения стран, в том числе и России как суверенного субъекта исторического процесса.

Раздел 4

ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ

ГЛАВА 11

ПАТРИОТИЗМ В СТРУКТУРЕ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ

Понятие патриотизма

Проблема патриотизма, точнее, комплекс связанных с ним проблем, все более явно попадает в нашей стране в фокус общественного сознания, что связано и с традиционно большой значимостью патриотизма для нашего общества, и с попытками ее отрицания pseudoлиберальной идеологией 1990-х годов, и с острой потребностью в общенациональной идее, и с обострением отношений нашей страны с Западом, и с очевидными недостатками современной отечественной системы воспитания, и с другими подобными факторами. Исследователи отмечают, что важнейшей проблемой духовной жизни нашей страны является сейчас возрождение ценностей и идей, среди которых главной была и остается идея патриотизма. В наше время, когда происходят изменения практически во всех сферах социально-экономической, политической и духовной жизнедеятельности, только она, став объединяющей силой, может способствовать возрождению национальных ценностей и традиций российского общества, выходу нашей страны из состояния затянувшегося поиска основ своего существования (Патриотизм современной российской молодежи..., 2013). Подчеркивается, что «патриотический потенциал – это фактор жизнеспособности индивида, социальной группы и общества» (там же, с. 49), что «патриотизм выступает в качестве одного из факторов развития общества, атрибутов его жизнеспособности» (Патриотизм как фактор..., 2015, с. 107). И действительно, как свидетельствует история, он позволяет выживать народам и государствам в самые критические периоды их истории, а гибель империй обычно начинается с ослабления патриотизма их граждан. Популяризация патриотических настроений является для государства объективной потребностью на пути укрепле-

жизни национального единства и безопасности в полиэтническом и полирелигиозном пространстве (Зверев, 2015), т.е. патриотизм рассматривается как альтернатива межнациональной и межрелигиозной розни. Любовь к общему Отечеству становится залогом взаимной терпимости, уважения и мирного сосуществования, служит препятствием для формирования экстремистских настроений, шовинизма, утверждения национальной исключительности (там же). Становится все более очевидным, что только высокая патриотическая идея, идея государственности, и есть тот каркас, то основание, на котором может выстраиваться сплоченность нашего общества, наращиваться потенциал его возрождения и устойчивого развития (Патриотизм как фактор..., 2015).

В настоящее время патриотизм является самым активно развивающимся направлением общественной мысли (Зверев, 2015). При этом отчетливо проявляется тот факт, что патриотизм, при всей эмоциональности и публицистичности связанных с ним ассоциаций, может и должен быть объектом научного, причем междисциплинарного, изучения, в системе которого видная роль должна принадлежать и психологической науке (Кольцова, Соснин, 2005; Соснин, 2010; Патриотизм современной российской молодежи..., 2013). Трактовка же патриотизма в рамках обыденного сознания, перенос в науку закрепленных за этим понятием бытовых и идеологических ассоциаций препятствует собственно научному изучению этого очень непростого и неоднозначного явления. В результате отчетливо обозначается потребность в собственно научном анализе патриотизма.

Вместе с тем отмечается, что «патриотизм – слово, вызывающее в целом позитивные эмоции у большинства россиян, но „давящее“ и не всегда правильно понимаемое» (Патриотизм современной российской молодежи..., 2013). В частности, пустые патетические воззвания о любви к Родине и о величии русского народа вряд ли можно принимать как должное проявление патриотизма (там же). Очевидно, подобные вербальные демонстрации патриотизма должны сопровождаться и соответствующим поведением. Подчеркивается также, что патриотизм, единый по своей сущности, в то же время многообразен в своем проявлении и осуществлении (Патриотизм как фактор..., 2015), следовательно, можно сделать вывод о спектральности, значительном разбросе точек зрения в отношении данного феномена. Ученые отмечают, что все большее распространение приобретает взгляд на патриотизм как на важнейшую ценность, интегрирующую не только социальный, но и духовный,

нравственный, культурный, исторический и другие компоненты (там же). При этом «до сих пор не определено конкретное содержание патриотизма как ценности, не исследована ее взаимосвязь с другими близкими ей ценностями, явно недостаточное внимание уделяется изучению реального проявления патриотизма в системе взглядов, позиций, ценностных ориентаций, и особенно в процессе социализации и деятельностной реализации личности, социальной группы в условиях современной России» (там же, с. 102), а одним из шагов на пути к решению проблемы самоидентификации российского социума должно стать обсуждение вопроса о сути патриотизма, о его соотношении с национализмом, шовинизмом, интернационализмом и космополитизмом (там же). Таким образом, эта проблема, при всей ее важности для общества и для самых разных научных дисциплин, находится лишь на первых стадиях ее научной проработанности. И, что особенно важно отметить, в контексте ее психологического анализа «патриотизм можно определить как сложный, социально-нравственный принцип и морально-психологическое чувство» (там же, с. 145); психологический уровень патриотизма является его основой, фундаментом, от прочности которого зависит возможность возведения теоретической надстройки (там же).

Нет недостатка в определенных патриотизма. Приведем несколько примеров. «В нашем понимании патриотизм – это искренняя и бескорыстная любовь гражданина к своей стране, ее многонациональному народу, уважительное отношение к культуре, традициям и историческому прошлому России. Патриотизм – это последовательная и твердая защита законных интересов и прав всего российского народа и каждого гражданина, национально-государственных интересов нашей страны. Патриотизм – это реальные действия, направленные на достижение благополучия каждого гражданина России и всей страны в целом. Патриотизм – это любовь к Родине, преданность своему Отечеству, стремление служить его интересам и готовность к его защите вплоть до самопожертвования» (Патриотизм современной российской молодежи..., 2013, с. 33).

По мнению В. В. Путина, «настоящий патриотизм» – это «глубокое осознание личной причастности к судьбе страны, гражданская ответственность и стремление посвятить России, своим согражданам свой талант, готовность всегда быть со своей Родиной: и в минуты торжества, и в периоды испытаний и невзгод» (там же, с. 107).

Д. А. Медведев называет патриотизм одной из пяти главных ценностей российского народа. По его мнению, это «вера в Россию, глу-

бокая привязанность к родному краю, к нашей великой культуре» (Послание Президента..., 2008).

В «Концепции патриотического воспитания граждан Российской Федерации» патриотизм определяется как «любовь к Родине, преданность своему Отечеству, стремление служить его интересам и готовность, вплоть до самопожертвования, к его защите» (Патриотизм как фактор..., 2015, с. 20–21).

Исследователи патриотизма отмечают, что «такие характеристики, как верность своей стране, уважение к ее истории и традициям, внимание к достижениям народов в прошлом и настоящем составляют ядро государственного понимания патриотизма» (Зверев, 2015, с. 69).

По словам патриарха Кирилла, ядро истинного патриотизма – «стремление приносить пользу не только себе лично, но и содействовать благу других и, в первую очередь, благу своего Отечества» (Зверев, 2015, с. 69). Важными чертами истинного патриотизма он также считает жертвенность, искреннюю веру, самоотверженное служение Богу, Отечеству и ближним (там же). В Основных социальных концепциях Русской Православной Церкви, утвержденных на состоявшемся в 2000 г. в Москве Архиерейском соборе, перечисляются конкретные формы «выражения патриотизма: защита Отечества от внешнего врага, труд на благо Отчизны, забота об устройстве народной жизни, в том числе путем участия в делах государственного управления, сохранение и развитие национальной культуры, народного самосознания (там же). Выделяются и такие первоочередные составляющие патриотизма, как любовь к Родине, готовность пожертвовать во имя ее блага собственными интересами, уважение и почитание истории своей страны (там же).

В Википедии патриотизм определяется как «нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к Отечеству и готовность подчинить его интересам свои частные интересы. Патриотизм предполагает гордость достижениями и культурой своей Родины, желание сохранить ее характер и культурные особенности и идентификация себя (особое эмоциональное переживание своей принадлежности к стране и своему гражданству, языку, традициям) с другими членами народа, стремление защищать интересы Родины и своего народа» (Патриотизм, 2016).

Подчеркнем в данной связи, что привычное в быту понимание патриотизма как любви к Родине является явно недостаточным. Он включает также ряд других компонентов, в первую очередь, поведенческий – готовность действовать на благо Родины даже в ущерб

своими личными интересам, т.е. своего рода патриотический альтруизм, причем не только абстрактную готовность совершать соответствующие действия, но их реальное совершение: «Истинный патриотизм – это любовь к Родине в действии» (Патриотизм как фактор..., 2015, с. 100).

Возможно, различные компоненты патриотизма можно свести к одному – преданности человека своей Родине, но в целях аналитического изучения целесообразно не укрупнять, а, наоборот, дифференцировать это понятие. В качестве основных составляющих «ядра» патриотизма, на которые накладываются его многочисленные компоненты, можно выделить: 1) чувство любви к Родине, 2) готовность приносить личные интересы в жертву общественным, 3) соответствующее поведение, 4) идентификацию со своей страной, ее историей и ее народом (чувство «это моя страна, моя история и мой народ»).

Компоненты патриотизма

Если судить по приведенным выше определениям, патриотизм – многосоставное понятие. Это ставит новые вопросы: считать ли патриотом только человека, у которого присутствуют все основные компоненты патриотизма или же достаточно какого-либо одного (или нескольких) из них? Как быть в тех случаях, когда различные составляющие патриотизма расходятся друг с другом?

За многосоставными понятиями патриотизма стоит и многосоставное явление. Отмечается, что «патриотизм – многогранное и многоаспектное явление, представляющее сложный комплекс свойств и характеристик, по-разному проявляющихся на различных уровнях социальной системы» (Патриотизм как фактор..., 2015, с. 60). В частности, в психологической науке оно же может быть описано какой-либо одной психологической категорией, а предполагает комплекс таких категорий, как чувства, установки, переживания, отношения, идентификация, поведение и др.⁴⁶ Вместе с тем,

46. Отмечается, например, что в чувстве патриотизма находит выражение «широкий спектр потребностей, интересов, идеалов, вкусов, а также черт и особенностей психологического склада людей, их ментальности и смыслово-ценностных ориентаций, – например, установки подлинного коллективизма, трудолюбия и трудовой самоотдачи, здорового конформизма и толерантности, чести, достоинства и служения долгу... В состоянии патриотического сознания без труда вычлениются базовые общественно-психологические состояния, характерные для конкретной национально-культурной общности людей, их доминантные чувст-

подобно установкам, оно может быть описано на тех же, что и установки, уровнях – когнитивном, эмоциональном и поведенческом. В. А. Кольцова и В. А. Соснин подчеркивают, что и воспитание патриотизма включает когнитивный (знания), эмоциональный (чувства) и поведенческий (готовность к действию) компоненты (Кольцова, Соснин, 2005, с. 89).

Вызывают вопросы и отдельные составляющие патриотизма. Вроде бы очевидное понятие «Отечество» становится непростым в эпоху интенсивных миграций населения, появления немалого количества личностей, которые считают себя «гражданами вселенной» (такое самосознание было характерно, например, для К. Маркса), и других подобных факторов. В связи с этим новую остроту приобретает вопрос о возможности эмигрантского патриотизма.

Понятие любви к Отечеству является очень сложным и неоднозначным. В психологических текстах любовь определяется, например, как «высокая степень эмоционально положительного отношения, выделяющего его объект среди других и помещающего его в центр жизненных потребностей и интересов субъекта (любовь к матери, детям, родным, музыке и т.д.)». При этом отмечается, что «в качестве родового понятия любовь охватывает достаточно широкий круг эмоциональных явлений, различающихся глубиной, силой, предметной направленностью и др., – от сравнительно слабо выраженных одобрительных отношений до целиком захватывающих человека переживаний, достигающих силы страсти» (Общая психология, 2005, с. 138). Любовь – это не чувство, которое либо присутствует в полном объеме, либо полностью отсутствует: возможны и разные виды любви, и ее различная интенсивность. С какой силой надо любить Отечество, чтобы считаться патриотом, и возможны ли разные градации патриотизма в зависимости от этой силы?

Такой компонент патриотизма, как «гордость достижениями и культурой своей Родины», не вызывает возражений (хотя представления о том, что следует считать достижениями, могут сильно различаться), если речь идет о высокой культуре. Но можно ли отказать в статусе патриота человеку, который негативно относится к современной предельно низкой бытовой культуре своей страны (к употреблению ненормативной лексики, пассивам и окуркам в общественных местах)?

ва, эмоции, установка, амбиции и приоритеты, общественные настроения, воинственность и миролюбивость, отношения к природе и наследие прошлого, исторический опыт и связь поколений» (Патриотизм как фактор..., 2013, с. 362–363).

Еще больше осложняется ситуация, когда патриоту предписывается гордиться историей своей Родины. Должен ли он гордиться всей ее историей? Ведь в ней много и такого, чем гордиться трудно.

Например, опрос, проведенный в 1990-е годы в Санкт-Петербурге, показал, что жители этого города гордились 82 и стыдились 92 из предложенных им для оценки событий отечественной истории. Причем положительные чувства преобладали в оценке дореволюционной истории (46 событий, получивших положительную оценку, и 14 событий, оцененных негативно), в то время как советская история значительно реже вызвала чувство гордости (26 событий, вызывающих чувство гордости, и 40 событий, вызывающих чувство стыда). А наибольший «перевес» в сторону негативных оценок порождала наша новейшая история, к которой были отнесены события, совершавшиеся в период перестройки и в наши дни (напомним, что опрос проводился в 1990-е годы). В данном случае только 10 событий вызвали чувство гордости и 38 событий – чувство стыда. Среди событий, вызывавших чувство гордости наших сограждан, явные лидеры (по числу оценок) – Великая Отечественная война и события, связанные с ней, наша военная история в целом, достижения советской науки, включая освоение космоса, Отечественная война 1812 г. Среди событий, вызывавших чувство стыда – период сталинизма, революционная история в целом, включая Октябрьскую революцию, распад СССР, события октября 1993 г., межнациональные конфликты. С чувством гордости петербуржцы вспоминали также «петровские победы», «реформы Петра Великого», «царствование Екатерины Великой», «правление Елизаветы», «сталинскую твердую руку» и др. Противоположные чувства у них вызывали «сталинские репрессии» (не будем забывать о противоречивости российского менталитета и обилии прямо противоположных оценок одним и тем же событиям), «хрущевская кукуруза», «брежневский застой», «царствование Михаила Сергеевича», «елцинский переворот» и т. п. (Банин, 2007, с. 115).

Другой опрос, проведенный в 2011 г., продемонстрировал, что 77% наших сограждан испытывают чувство стыда за современное состояние нашей страны, не признавая тот социально-экономический уклад, который возник в результате реформ 1990-х годов, выражая неудовлетворенность сложившимися «порядком вещей», «правилами игры», «хозяйственным механизмом» и т. д., которые представлялись опрошенным «не только несправедливыми, но и позорными» (Двадцать лет реформ..., 2011, с. 66).

Подчеркнем также в данной связи, что наша оценка исторических событий во многом опосредована нашим знанием истории, а мы

гордимся или стыдимся теми ее фрагментами, которые знаем, что, конечно, во многом предопределено преподаванием истории в отечественной системе образования. Так, например, царь Иоанн III, при котором было ликвидировано татаро-монгольское иго, отвоёвывала значительная часть исконно русских территорий, завоеванных Литвой, сделав новые территориальные приобретения и фактически создав Российское государство (Карамзин, 1993), остается малоизвестной фигурой для наших сограждан, хотя этим периодом нашей истории мы могли бы гордиться. Вообще, не только сформированное личное отношение к истории своего народа, но и знание ее, интерес к ней вполне заслуживают включения в число основных элементов патриотизма. «Огромное значение для формирования патриотического сознания имеет история Отечества, являющаяся необходимым элементом духовно-нравственной природы патриотизма» (Патриотизм как фактор..., 2013, с. 116).

Заслуживает внимания такой упомянутый в Основных социальной концепции Русской православной церкви элемент патриотизма, как уважение и почитание истории своей страны. Уважение к истории предполагает не только ее знание, но и понимание, умение видеть ее фрагменты не в черно-белом свете⁴⁷, выделение даже в негативных событиях положительных сторон, «историческое сострадание» своему народу, идентификация себя с ним. Видимо, такое эмоциональное, вовлеченное восприятие отечественной истории во всех ее светлых и темных сторонах более характерно для истинного патриота, чем идентификация только лишь с народом-победителем и эмоциональное отвержение поражений. А содержащееся в определениях патриотизма упоминание идентификации себя с «другими членами народа» (Патриотизм, 2016), с народом в целом, можно дополнить идентификацией с его историей.

Такой атрибут патриотизма, как желание сохранить самобытность своей Родины, порождает вопрос о том, можно ли считать патриотами радикальных реформаторов, видящих отсталость своей страны и стремящихся решительно изменить ее социально-политическое устройство. Конечно, проще всего отнести к патриотам лишь тех реформаторов, которые осуществляют реформы действительно во благо Родины (а не руководствуются, скажем, какими-либо корыстными целями) и проводят их на фоне бережного отношения к национальной культуре. Но это не всегда получается даже у на-

47 З. В. Сивилич отмечает, что для значительной части наших сограждан характерно «черно-белое» восприятие действительности, жесткое и нетерпимое (Сивилич, 1926, с. 117).

более благонамеренных реформаторов, а, например, реформы Петра I, которому трудно отказать в патриотизме, далеко не всегда были «идеальными» по отношению к населению страны (во время правления этого монарха оно сократилось на треть).

Непросто обстоит дело и с таким часто выделяемым атрибутом патриотизма, как вера в свою страну, в то, что она преодолест все свои основные трудности, в ее замечательное будущее. Подобное чувство – скорее, показатель не патриотизма, а оптимизма. Вполне возможно (и нередко встречается) такое явление, как патриот-пессимист, любящий свою страну, остро переживающий за нее, но не разделяющий оптимистичного образа ее будущего. Можно ли таких людей вычеркивать из числа патриотов?

Естественно, в основе патриотизма лежит образ своей Родины, который у разных людей (в том числе и истинных патриотов) всегда различен. В частности, горячая любовь к Родине может сочетаться с весьма критическим отношением к ней, ее социально-политическому устройству, внешней и внутренней политике и т. п. В таком случае можно говорить о «критическом патриотизме», если, конечно, критическое отношение к своей стране связано с желанием сделать ее лучше, а не, как принято говорить, ее «очернить».

Но, пожалуй, наибольшие сложности возникают в связи с различием когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов патриотизма, как и вообще при разделении трех компонентов социальных установок. Если патриотизм сводится только к своему вербальному компоненту, – например, человек повсеместно говорит о своей любви к Родине, но не переживает за нее, не идентифицирует себя с ней и ведет компрадорский образ жизни (что характерно для многих наших чиновников и политиков и выражается, например, формулой: «да, верую, но Родину люблю»), – то такой «вербальный» (можно его назвать также показным и т. п.) патриотизм вряд ли можно считать истинным. Труднее обстоит дело в тех случаях, когда на вербальном уровне человек проявляет установки, которые выглядят непатриотическими, но героически погибает за Родину на поле боя, или когда то же самое совершает человек, не имеющий выраженного эмоционального отношения к своей Отчизне. В подобных ситуациях, видимо, поведенческий компонент патриотизма «перевешивает» два других, а в экстремальных ситуациях могут проявляться скрытые патриотические установки и настроения, которые не выражены в более спокойных условиях.

При этом с исторической точки зрения поведенческий компонент патриотизма у разных социальных групп может иметь прямо

противоположную направленность. Например, по мнению современных исследователей, патриотизм был свойствен многим представителям как Красной армии, так и Белого движения, и «сегодня, спустя почти век со времени великого раскола России, вряд ли правомерно отказывать в патриотизме тем нашим соотечественникам, которые потерпели поражение в борьбе за ее иное будущее» (Патриотизм как фактор..., 2015, с. 255).

Но и поведенческий компонент патриотизма может не быть решающим, если, например, чувство страха и инстинкт самосохранения перевешивают другие чувства и истинные патриоты бегут с поля боя, что не раз случалось в истории разных стран и народов. Так, вышеупомянутый Иоанн III, по свидетельствам историков, демонстрировал странное, если не сказать трусливое, поведение в преддверии решающей битвы с татаро-монголами (нерешительность, поиск мира с неприятелем, отъезд от войска в Москву, переселение жены в отдаленные северные земли и т. д.), что не мешало ему победить их, не потеряв ни одного воина, и зарекомендовать себя в истории России как истинного патриота. По словам Н. М. Карамзина, «несмотря на благоразумные меры, взятые Иоанном для избавления Государства от злобы Ахматовой, несмотря на бегство неприятеля, на целостность войска и Дерязины, Московитине, веселясь и торжествуя, не были совершенно довольны Государем, ибо думали, что он не имел в сем случае свойственного великим душам мужества и пламенной ревности жертвовать собой за честь, за славу Отечества» (Карамзин, 1993, с. 300). Патриотизм не тождественен героизму, хотя многие герои совершают свои подвиги из патриотических побуждений. Возможен как патриотизм без героизма, так и наоборот, героизм без патриотизма, поскольку героизм может иметь и другие мотивы. Тем не менее, существует тенденция если не к отождествлению, то, по крайней мере, к сближению этих понятий, а, например, погибшим на поле брани часто приписываются патриотические чувства, которые могут и отсутствовать (например, в случае массовой мобилизации).

Из рассмотренных ситуаций возможного расхождения обычно выделяемых признаков патриотизма и из непростого внутреннего характера можно сделать вывод, что в большинстве случаев гораздо проще судить о том, кто является патриотом, если у человека присутствуют все (многие) рассмотренные выше признаки. Но необходимо понимать, что человек может быть патриотом и при отсутствии каких-либо из приведенных выше признаков.

Это дает основания для выделения различных видов патриотизма, среди которых, кроме отмеченных выше, следует упомянуть и те

кне его хорошо известные из истории, как «классовый патриотизм», «шаровокавальный патриотизм», «эмигрантский патриотизм», «диссидентский патриотизм», «компрадорский патриотизм», «узловациональный патриотизм» (в общем, эквивалентный национализму), «государственно-идеологический патриотизм», «локальный патриотизм» (например, патриотизм русских князей, которые героически отстаивали свои восточные, но не желали объединяться против общего врага) и т. п. Естественно, возникает соблазн отказать всем этим разновидностям в статусе истинного патриотизма, объявлять их разновидностями псевдопатриотизма, но с учетом сложности, многосоставности и возможной внутренней противоречивости данного явления, это (как, например, в случае «эмигрантского патриотизма» или «диссидентского патриотизма») не всегда оправдано.

Отметим также, что в современной России сложилась традиция противопоставления патриотизма либерализму, а соответствующие политические ориентации рассматриваются как чуть ли не антиго-ностические. Для этого есть основания. Современные псевдолибералы либо вообще очень агрессивно относятся к понятию «патриотизм» (наиболее ные выражения – «классовый патриотизм» и т. п.), либо трактуют его весьма странным образом, например, считая патриотизмом изменение всех сторон жизни в нашей стране по западным образцам. И вполне закономерно, что в современной России патриоты рассматриваются как антиидеологизм, сложилась дихотомия «либерализм–патриотизм», а при общественном обсуждении любого острого социального вопроса противодействующие стороны группируются вокруг этих полюсов⁴⁸. Вместе с тем следует напомнить, что во времена зарождения российского либерализма подобное противопоставление вообще не имело смысла, поскольку такие признанные российские либералы, как П. Миллюков, Н. Бердяев, П. Струве, одновременно были истинными патриотами, а, например, во время Первой мировой войны были сторонниками ее ведения до победного конца (Циплюк, 2004).

48. Отмечается, что «аналогичным путем пошли и театральные деятели, и писатели России, разделившись на либерально ориентированных и патриотов, в результате чего в каждом из расколовшихся слоев оказались люди, чей вклад в развитие русской литературы несомненен и велик, а противопоставление их в творческом плане неразумно и непродуктивно. Однако их различные мировоззренческие позиции стали весомым аргументом в оправдании своей как творческой, так и гражданской позиции» (Тошкова, 2015, с. 46–47).

Подчеркнем, что подобный образ российского либерализма закрепился и среди его зарубежных последователей. Как отмечают Д. Филд и Е. Ламперт, все русские либералы были государственниками, твердо убежденными в том, что только государственная власть может служить оружием прогресса (Field, 1973; Lampert, 1965).

Эмпирические исследования патриотизма

В условиях достаточно выраженной тенденции к «заблыванию» темы патриотизма, ее предельной идеологизации и обсуждения преимущественно в абстрактной плоскости, остерегаясь интерес представляют эмпирические исследования патриотизма. Отметим сразу же, что к ним надо относиться с большой осторожностью и ввиду идеологизированности данной темы, и потому, что эти исследования выполнялись в годы, предшествующие вхождению Крыма в состав России и другим важным событиям, вызвавшим, по разным оценкам, рост патриотических настроений в нашем обществе. Соответственно, можно предположить, что выявившийся в них уровень патриотизма наших сограждан по сравнению с настоящим временем существенно ниже. Вместе с тем они представляют как минимум исторический интерес, а также важны для выявления взаимосвязей между различными компонентами патриотизма.

По данным «Левада-Центра», в 2009 г. слово «патриотизм» вызывало положительные эмоции у 57% респондентов; 22% испытывали как положительные, так и негативные эмоции, когда в очередной раз слышали с экрана телевизоров или по радио что-либо «про патриотизм» (видимо, потому, что в таких ситуациях к эмоциональным коннотациям данного понятия добавлялись ассоциации, вызываемые нашими СМИ в целом и конкретными политиками); каждый десятый реагировал на него с неодобрением или раздражением; 11% затруднились с ответом (Двадцать лет реформ, 2011).

Согласно тем же данным, 50% наших сограждан видели патриотизм в укреплении семьи и воспитании детей, 47% – в уважении традиций, 30% – в работе с полной отдачей по своей специальности. Гораздо менее значимы для россиян оказались публичные и политические формы патриотизма, такие как голосование на выборах за патриотические партии и политиков соответствующей ориентации, празднование исторических событий и юбилеев, участие в работе патриотических объединений. Здесь проявилась «бытовая привязка» патриотизма – предпочтение форм деятельности, ведущих на пользу нашему обществу, и их приоритет перед «симво-

лическими» формами патриотизма. Причем это было более характерно для граждан с высшим и незавершенным высшим образованием, а обратное – для людей с образованием ниже среднего (там же).

Обращает на себя внимание и тот факт, что 60% респондентов понимали под патриотической политикой «возрождение России как великой державы» и только 35% – «защиту прав и интересов русских как в самой России, так и за ее пределами» (там же). Подчеркнем еще раз, что опрос проводился до вхождения Крыма в состав России, которое сопровождалось масштабной и эффективной кампанией по внедрению второго – «адгосударственного» – понимания патриотизма, предполагающего защиту прав и интересов русских, проживающих в разных странах.

Представляет интерес и результаты опроса, проведенного в 2006 г. Фондом «Общественное мнение» (ФОМ). Отвечая на открытый вопрос: «Какого человека можно назвать патриотом?», 27% ответили, что таковым, по их мнению, является человек, «полностью преданный своей стране», который «болеет за свой народ», «переживает за свою Родину», «человек, любящий свою страну, несмотря на ее недостатки». «Детальный» вариант патриотизма выбрали 9% респондентов, ответив, что патриотом можно считать человека, который делает что-либо полезное для своей страны и ее народа: «приносит пользу народу, Родине», «старается для своего народа», «тот, кто заботится о благополучии страны и о людях». 7% предпочли проиллюстрировать свои представления о патриотах упоминанием конкретных политических и общественных деятелей – от А. Д. Сахарова до В. В. Жириновского, нередко включая в этот ряд и президента России (Бакин, 2007).

Опрошенные говорили и о таких признаках патриота, как готовность к самопожертвованию ради своей страны (6%), участие в сражениях за Родину или несение военной службы (4%), гордость за свою страну (4%), а 3% ответили, что патриотом можно считать того, кто не хочет уезжать из России, очевидно, отказывая в этом статусе эмигрантам.

В данном исследовании респонденты оценивали также значимость ряда критериев патриотизма. Наиболее бесспорным среди них оказались отношение к родной природе: 76% опрошенных заявили, что человек, равнодушный к ней, не может быть истинным патриотом. 70% респондентов сказали, что нельзя считать патриотом человека, не знающего истории своей страны, 69% отказали в чувстве патриотизма тем, кто уклоняется от службы в армии, 56% отрицали патриотизм у тех, кто стремится уехать жить и работать

в другую страну. Иные признаки, такие как участие в выборах, знание гимна своей страны, предпочтение отечественного искусства зарубежному и др., оказались менее значимыми (31–45% ответов). Самых себя сочли патриотами 57% опрошенных, а 30% – не сочли. Чаще прочих считали себя патриотами представители старшего поколения (65%) и люди с высшим образованием (69%). При этом первые более строго, чем в целом респонденты по выборке, относились к обсуждавшимся критериям патриотизма, а вторые – наоборот мягко (Бавин, 2007).

По данным ФОМ, чувство гордости от осознания себя гражданином России в начале 2010-х годов возникало у пятой части (21%) опрошенных, у 36% с этим была связана обида за страну, у 17% осознание себя гражданином России вообще не вызывало никаких чувств (Мытля, Дудченко, Иноземцева, 2013). По данным совместного исследования Института социологии РАН и ИСПИ РАН, 37% респондентов часто и 48% иногда испытывали стыд за нынешнее состояние страны (Двадцать лет реформ, 2011).

В опросах обнаруживались и любопытные феномены, демонстрировавшие специфику российского патриотизма. Например, сравнительное исследование, проведенное в 1990 г., показало, что доля людей, гордившихся гражданством своей страны, у нас была ниже (всего 53%), чем в западноевропейских странах, однако доля готовых сражаться за свою страну – выше, чем в большинстве из них, и выше, чем доля испытывающих чувство гордости (66%) (Рукманинских, Халман, Эстер, 1998), т. е. для наших сограждан было характерным сознание «своей страной же горююсь, но воевать за нее буду», нехарактерное для европейцев.

Вообще опросы предыдущих лет демонстрировали невысокий уровень патриотизма в современной России. Так, в десятке наиболее значимых ценностей отсутствовали такие, которые были бы связаны с общероссийской групповой идентичностью: «Родина», «патриотизм», «национальная культура» и др. (Национальная идея России, 2012). А в одном из исследований выяснилось, что среди качеств, приписываемых респондентами русскому человеку, патриотизм оказался лишь на 8-м месте (по количеству упоминаний), причем его упомянули лишь 9,5% опрошенных (Снигирев, 1996). Оценки более позднего времени тоже сходились к констатации «депатриотизации сознания наших сограждан» (Патриотизм как фактор..., 2015, с. 52), «затянувшегося дузового кризиса, поражающего общество, одним из проявлений которого стало значительное снижение уровня патриотического сознания россиян» (там же, с. 160). Симптома-

точно и то, что в современной Конституции РФ термины «патриот» и «патриотизм» вообще отсутствуют, а понятие «Родина» встречается лишь один раз (Национальная идея России, 2012). В то же время трудно не согласиться с тем, что «патриотические чувства есть у большинства людей, и это подтверждают многочисленные социологические опросы» (Патриотизм как фактор..., 2015, с. 27).

Показательным феноменом является и «социальное расхождение» патриотических чувств. Так, в начале 2000-х годов патриотические суждения поддерживали 51,5% бедных россиян (что, впрочем, тоже немного) и лишь 22,4% богатых (Россия – новая социальная реальность..., 2004).

Однако с начала 2014 г. ситуация существенно изменилась: «в последние годы мы наблюдаем всплеск патриотических настроений» (Патриотизм как фактор..., 2015, с. 345). Согласно опросам «Левада-Центра», во время зимних Олимпийских игр в Сочи 81% россиян отметили подъем патриотических чувств. Катализатором второй волны патриотизма стало вхождение Крыма в состав Российской Федерации. У 88% респондентов это событие вызвало положительные эмоции – одобрение, гордость за страну, чувство торжества справедливости, радость. Однако, по мнению экспертов, «патриотический эмоциональный всплеск», вероятнее всего, продлится недолго: для долгосрочного эффекта нужны успехи внутри страны, – в частности, в социальной и экономической сферах (Подмена понятий..., 2014).

Еще ранее, в феврале 2014 г., эксперты Института современной России при содействии социологов «Левада-Центра» провели опрос, направленный на выяснение того, как россияне понимают патриотизм. Согласно его результатам, большинство считает, что в основе патриотизма лежит любовь к своей стране. Именно так 68% россиян ответили на вопрос «Что, по вашему мнению, значит быть патриотом?». По мнению 27% опрошенных, «быть патриотом» означает работу (действие) во благо страны, 22% респондентов отметили, что патриот должен стремиться к изменению положения дел в стране для того, чтобы обеспечить ей достойное будущее. Несколько чаще выбирали эти два последние варианта ответа респонденты с высшим образованием. Молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет в большинстве случаев видят суть патриотизма в любви к стране и не связывают его с проявлением активной позиции: лишь для 19% молодежи патриотизм означает работу во благо страны, а для 18% – стремление к изменению положения дел в стране. Исследование показало, что в целом, по сравнению с 2000 г., когда был проведен

аналогичный опрос, представления россиян о патриотизме практически не изменились. Однако количество респондентов, отметивших, что понятие патриотизма включает работу во благо страны, уменьшилось на 8% и на 6% сократилось число россиян, связывающих патриотизм с необходимостью защиты страны от любых нападок и обидений (Подмена понятий..., 2014).

Опрос показал также, что для подавляющего большинства россиян (84%) патриотизм означает «глубоко личное чувство», при этом, во мнение опрошенных, каждый человек сам должен определять, что патриотично, а что нет, и только 9% опрошенных считают, что определение патриотизма находится в руках государства. Впрочем, респонденты в возрасте от 55 лет и пенсионеры несколько чаще отмечали, что государство должно определять, что патриотично, а что нет.

По мнению значительного количества опрошенных, патриотизм далеко не всегда означает поддержку власти. С высказыванием о том, что «Патриот должен поддерживать власть, какой бы она ни была», в той или иной степени согласились чуть более 23%, а 82% не согласился с высказыванием о том, что критикующие действующий режим не являются настоящими патриотами.

Ответы респондентов были соотносены и с пониманием патриотизма как чувства гордости за свою страну. Как показала опрос, многие россияне гордятся природными богатствами России (38,5%), ее историей (37,8%), спортивными достижениями (28,9%), культурой (28,5%), размерами страны (28%). Гораздо меньшее количество наших сограждан испытывает чувство гордости за достижения страны в социальной и экономической сфере: лишь 2% опрошенных отметили, что гордятся системой здравоохранения, 3,2% гордятся системой образования, 3,4% – экономическими успехами и (еще один тревожный показатель) только 7,9% россиян гордятся своими согражданными.

Среди существующих интерпретаций данного исследования отметим, в связи со сказанным выше о возможности различных форм патриотизма, что «патриотизм в России принимает различные формы», а также то, что «большинство россиян считают, что патриотизм – это глубоко личное чувство, не поддающееся системному регулированию сверху».

В преддверии Дня России – 11 июня 2014 г. – ВЦИОМ представил данные еще одного опроса – о том, какие чувства россияне испытывают в своей стране, кого считают патриотами, а кого – нет (Что значит «быть патриотом», 2014). Отвечая на вопрос о том, кто не ав-

является патриотом, большинство респондентов – 84% – сообщали, что прежде всего это человек, не чувствующий любви к России. Две трети опрошенных – 68% – полагают, что патриотом не может быть тот, кто хочет переехать в другую страну. Еще 66% россиян считают главным проявлением непатриотических чувств уклонение от службы в армии. 66% уверены, что истинный патриот никогда не будет давать или брать взятки, 63% – что он не будет уклоняться от уплаты налогов. Для 65% опрошенных главным признаком, отличающим истинного патриота, является знание государственной символики России. 53% респондентов считают, что патриотом не может быть человек, имеющий счета за границей, 52% – что им не может быть человек, работающий в некоммерческой организации, которая финансируется из-за рубежа. Для 51% опрошенных показателем отсутствия патриотизма является отказ от участия в выборах, тогда как 40% участников опроса с этим не согласились. 47% респондентов полагают, что гражданин, публично высказывающий мнение, противоположное государственной позиции, не является патриотом, а 44% убеждены, что он все же может искренне любить свою страну и быть ей преданным. Мнения респондентов о том, как охарактеризовать человека, имеющего двойное гражданство, также разделились: 48% думают, что его можно назвать патриотом, а 43% с этим в корне не согласны. По мнению 62% опрошенных, желание вступить в брак с иностранцем не означает, что человек не может питать патриотических чувств к своей стране, а не согласны с этим 30% респондентов. 65% опрошенных также не видят препятствий для того, чтобы назвать патриотом человека, работающего в иностранной фирме, с чем не согласны 29% участников опроса.

Рассмотренные результаты эмпирических исследований патриотизма позволяют сделать ряд общих выводов относительно природы этого феномена и его восприятия нашими согражданами.

Они в целом подтверждают адекватность приведенных выше определений патриотизма, – в частности, чувства любви к Родине как его основы, – и демонстрируют, что восприятие патриотизма гражданами, в общем, строится в русле существующих определений, хотя в различных ситуациях на первый план выходит разные его компоненты. Вместе с тем эмпирические исследования дают основания для некоторых уточнений.

Для граждан особенно существен поведенческий компонент патриотизма: патриотическое поведение для них имеет куда большее значение, чем патриотические речи и заявления. При этом для мно-

гих из них важны и такие «поведенческие» проявления патриотизма, как воздержание от дачи взяток, исправная уплата налогов и отсутствие эмиграционных намерений.

Достаточно выраженной является «локальная привязка» патриотизма в виде соответствующего отношения не только к своей Родине, но и к своей семье, детям, к своей профессии и т.д. Как отмечают социологи, «сегодня самоидентификация в кругу близких на порядок выше идентификации с большими социальными общностями... Самоопределение „мы – это моя близкая, и ни государству, ни другим до нас нет дела“ доминирует в нынешнем российском обществе» (Симонов, 2013, с. 62).

В восприятии россиян патриотизм включает не только социальный, но и «физический» компонент – в виде любви к родной природе, бережного отношения к ней. В данной связи возникает вопрос, возможно ли считать патриотами тех наших многочисленных сограждан, которые выбрасывают мусор где попало, превращают окружающую их природную среду в помойку и ведут себя на родной земле так, как будто она им чужая.

Патриотическое отношение к нашей стране часто сочетается с критическим отношением к ней и с острой неудовлетворенностью ее нынешним состоянием. Эмпирически подтверждается распространённость «критического патриотизма»: «Истинное отношение патриота к своему Отечеству характеризуется как конструктивно-критическое и творчески созидательное» (Патриотизм как фактор..., 2015, с. 103–104).

Такой атрибут патриотизма, как чувство гордости за страну, не носит «тотального» характера и очень избирательно проявляется в отношении различных составляющих состояния страны и различных фрагментов ее истории. Это делает данный компонент патриотизма очень неопределённым и нуждающимся в уточнениях в каждом конкретном случае.

Подтверждается необходимость выделения различных видов патриотизма. Также, при сохранении общего ядра и таких компонентов, как, например, любовь к Родине, обнаруживается большое количество его индивидуальных пониманий. Констатируется и то, что «патриотизм в России принимает различные формы» (там же, с. 348).

Существует большой разброс мнений в отношении частных признаков патриотизма (или его отсутствия), таких как двойное гражданство, работа в иностранной форме, готовность вступить в брак с иностранцем и т. п. Может возникнуть намерение вообще исключать подобные обстоятельства из числа признаков патриотизма, од-

такое большое количество респондентов, придающих им значение в данном качестве, не позволяет этого сделать.

Достаточно заметное место в феноменальном поле наших сограждан наряду с понятием патриотизма занимает и понятие непатриотизма⁴⁹: оценка патриотизма нередко дается от противного. Как обычно бывает в подобных случаях в психологии, здесь трудно судить о том, является ли патриотизм и непатриотизм полюсами единой шкалы, как и о том, определяет ли непатриотизм лишь отсутствие качества, свойственных патриотам, или же предполагает наличие каких-то особых «непатриотических» качеств.

Результаты эмпирических исследований также демонстрируют, что, несмотря на «спонтанный рост патриотизма» в результате таких событий, как вхождение Крыма в состав Российской Федерации или успешное выступление россиян на Олимпиаде в Сочи, необходимы целенаправленные меры по повышению уровня патриотизма в нашем обществе. Тем более что, как отмечают исследователи, «многие молодые люди понимают необходимость патриотизма, но патриотизмом становиться не спешат» (Патриотизм как фактор..., 2015, с. 146).

Возрождение патриотизма

Регулярно отмечается, что одним из главных ресурсов возрождения патриотизма в нашем обществе является система образования, поскольку «образовательная сфера относится к числу ведущих, определяющих институтов воспитания» (Патриотизм современной молодежи..., 2013, с. 80). Констатируется и ее крайне неудовлетворительное состояние в этом плане вследствие пережитых ею псевдолиберальных реформ, «отстранения школы от воспитательной функции» (там же, с. 81), «отрыва воспитания от обучения, подхода к ним как к двум параллельным процессам, взгляда на воспитание как на сопутствующую учению второстепенную деятельность» (с. 90). Трудно не согласиться и с тем, что «разрушение советской системы патриотического воспитания молодежи произошло практически без вытеснения, замены ее новой системой, в связи с чем российское государственное здание лишилось важнейшей опоры – фундамента. Перестройка этого здания, дальнейшее осуществление реформ вряд ли возможны, если система образования, культуры,

49 Иногда в качестве антипода патриотизма рассматривается «национальный шкватизм» (Патриотизм как фактор..., 2015, с. 65).

формирования и развития молодого поколения россиян будет лишена столь необходимого им компонента, как патриотизм» (Патриотизм как фактор..., 2015, с. 85).

Вместе с тем справедливо отмечается, что «процесс воспитания патриота – процесс непрерывный» (там же, с. 156) и не должен заканчиваться в школе. В частности, предлагается дополнить перечень принципов государственной службы принципом патриотизма (с. 140). Выделяются и три основных компонента патриотического образования: патриотические знания, патриотические навыки и патриотическое действие (с. 153). Как препятствия воспитанию патриотизма обозначены: отсутствие общенациональной идеи и декларативный характер патриотического воспитания; антипатриотичность СМИ; отсутствие эффективных мотиваций к патриотическому поведению (с. 163). Большие надежды возлагаются на Государственную программу развития патриотизма и другие подобные меры. Очень хотелось бы, чтобы эти надежды оправдались.

ГЛАВА 12

ПРОБЛЕМА СПРАВЕДЛИВОСТИ В ОСНОВЕ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ

Психологические теории справедливости

Категория справедливости является одним из понятий психологической науки, которые родились за ее пределами – в социальной практике и обобщающих социально-философских и социологических теориях, – но в контексте психологической разработки были наполненными достаточно специфическим содержанием, прочно утвердившись в качестве собственно психологических.

Психологические теории справедливости стали одними из наиболее влиятельных в социальной психологии, стимулирован большое количество эмпирических исследований и попыток решения разнообразных социальных проблем с позиций психологической науки. Соответствующие подходы обрели большую популярность и в отечественной психологии, где им было посвящено немалое количество научных трудов.

Вместе с тем, на фоне проработанности категории справедливости в мировой психологии и в посвященных ей отечественных психологических исследованиях, удивляет явный дефицит попыток проанализировать на данной основе состояние современного российского общества, для которого эта проблема стала одной из ключевых⁵⁰.

Не рассматривая в данном контексте разнообразные теории справедливости и новые тенденции в психологическом изучении этой проблематики, отметим, что, пожалуй, наибольшую извест-

⁵⁰ При этом, видимо, коренится в традиционном стремлении отечественной психологической науки избегать рассмотрения изучаемых ею проблем в идеологическом и макропсихологическом контексте, а также в достаточной новизне для нее макросоциологического подхода (Юренич, 2014), направленного на психологический анализ глобальных социальных проблем.

ность среди них приобрели теория Дж. Адамса и представлений о справедливом взаимодействии, сформулированное Дж. Хомансом. Согласно данному представлению, взаимодействие справедливо в том случае, когда вознаграждения, получаемые участниками, пропорциональны их вкладам (Homan, 1961). Это понимание справедливости было распространено на различные типы взаимоотношений – от отношений между супругами до отношений между государствами. Хотя в дальнейшем были выделены и другие виды справедливости, сформулированное Хомансом представление до сих пор не утратило актуальности.

Аналогичным образом и в теории Адамса ситуация воспринимается как несправедливая, если вклады участников непропорциональны полученным ими результатам. При этом вклады и результаты понимаются широко: чем больше усилий, материальных ресурсов и иных средств привлекает человек для достижения некоего результата, тем существенно должен быть результат (Adams, 1963). Если же пропорциональность вкладов и результатов нарушается – один участник взаимодействия вкладывает меньше, а получает больше другого, – то другой участник воспринимает ситуацию как несправедливую и прилагает усилия к восстановлению справедливости. Чем больше воспринимаемая несправедливость, являющаяся функцией диспропорциональности вкладов и результатов, тем выше мотивация к восстановлению справедливости и, соответственно, тем более активно поведение участника, стремящегося к восстановлению справедливого баланса. Этот механизм проецируется Адамсом на более широкий класс социальных ситуаций, где может и не быть ярко выраженных взаимодействующих диад. Любой человек, согласно концепции Адамса, имеет чувство справедливости и ее нарушений, участвующее в оценке всех отношений, в которые он вступает.

Более поздние версии теории справедливости основаны на ряде постулатов, некоторые из которых заслуживают особого внимания, будучи особо актуальными для осмысления ситуации, сложившейся в современной России. Один постулат этой теории состоит в том, что группы увеличивают «коллективные выигрыши», т.е. свою эффективность, добиваясь от входящих в их состав индивидов соблюдения справедливых отношений. Индивиды, поддерживающие справедливые отношения, позитивно санкционируются группой, а нарушающие справедливые отношения, – негативно. Второй, третий и четвертый постулаты сводятся к тому, что индивиды, обнаруживая свое участие в несправедливых отношениях, испытывают

чувство дискомфорта. Чем более несправедливыми представляются им отношения, тем сильнее это чувство и тем интенсивнее попытки восстановления справедливости.

Проблема справедливости тесно связана с целым рядом других психологических проблем, например, с проблемой удовлетворенности жизнью и субъективного благополучия. «Для удовлетворенности жизнью человеку необходимо в том числе и осознание того, что блага в обществе распределяются справедливо» (Хашченко, 2012, с. 125). В структуре же субъективного экономического благополучия (СЭБ) в числе основных элементов выделяются воспринимаемая справедливость или несправедливость в распределении доходов и ожидания относительно его изменения в будущем (Simpfel, 1974). К снижению СЭБ приводят также конкретные виды несправедливости, – например, рассогласование между затраченными усилиями и полученным доходом, между доходом и несправедливыми налогами и т. д., да и вообще «категория экономического благополучия несет в себе этическую оценку с точки зрения справедливости, равенства (или неравенства)» и т. п. (Хашченко, 2012, с. 56–57).

Проблема справедливости в современной России: психологические параметры

Основные утверждения теорий справедливости применимы и к современной России, граждане которой, как свидетельствуют различные исследования, придают справедливости большое значение, считают ее отсутствием одной из наиболее острых проблем своей страны, а происходящее воспринимают в соответствии с ее ключевыми принципами (Левашов, 2007; и др.). При этом достаточно широко распространено мнение о том, что обостренная чувствительность к нарушению справедливости является одним из атрибутов российского менталитета, для которого характерен приоритет «уравнительной» справедливости⁵¹.

Ведущие отечественные социологи констатируют, что «В ходе всесоюзных и всероссийских опросов 1990 г., когда страна только начинала переходить к рыночным отношениям, и в настоящее время получены оценки, свидетельствующие об ухудшении ситуации

51. Отмечается, в частности, что в нашей стране «менталитет значительной части населения сформировался под влиянием советского уравнительно-распределительного механизма» (Толерантность..., 2011), к чему можно было бы добавить влияние и досоветских традиций русской общины, и т. п.

в области социальной справедливости» (Институциональная экономика..., 2013, с. 682).

При этом социологи отмечают, что, по данным 2012 г., социальное положение и престиж человека в нашей стране «определяются владением капиталом, властью и доступом к ней, социальным статусом человека и его семьи, а не личными качествами и возможностями (там же), что находится в явном противоречии с основной «формулой» справедливости. А исследования результатов приватизации в конкретных областях промышленности свидетельствуют, например, о том, что «политика, проводимая собственниками металлургических корпораций России, ни в коей мере не способствует решению проблем национального и регионального развития, является источником напряженности в обществе, не обеспечивает реализации принципов социальной справедливости. Сложившиеся механизмы преимущественного удовлетворения частных интересов в рассматриваемой отрасли промышленности – лишь ветвь выросшего в России дерева, которое паразитирует на ресурсах страны, ограничивает возможности наращивания инвестиций, роста благосостояния большинства граждан» (Ильин, 2013, с. 584). Отмечается, что «большая эффективность» частной собственности в этих отраслях ощущается лишь в виде аварий на приватизированных предприятиях, уносящих большое количество человеческих жизней, в отсутствии какой-либо заботы новых владельцев об охране труда и в постоянном росте тарифов. Опросы второй половины 2000-х годов показали, что чувство несправедливости и стыд за происходящее в стране испытывают более 70% молодежи в возрасте до 30 лет и еще больший процент представителей более старших возрастных групп (Российская идентичность, 2007).

Таким образом, «историчные» результаты приватизации лишь усугубляют ту вопиющую несправедливость и неэффективность, которые были заложены ее «первичными» результатами. Симптоматично и то, что в обсужденных результатах приватизации на телевидении даже сторонники сохранения сложившегося статус-кво признают ее несправедливый и откровенно грабительский характер, хотя и выступают против пересмотра ее итогов, поскольку такой пересмотр чреват гражданской войной и другими социальными катаклизмами³².

32. В связи с подобными опасениями отметим, что, как демонстрирует история человечества, гражданские войны возникают при примерно количественном равенстве противостоящих сторон, но не тогда, когда интересы ничтожной части населения противостоят интересам большинства.

Опрос, проведенный в 1996 г., показал: абсолютное большинство (92%) наших сограждан убеждены: «...современное российское общество устроено так, что простые люди не получают справедливой доли общенародного богатства».

Эта несправедливость связывается в массовом сознании с итогами приватизации, которые, по мнению ¼ опрошенных, являются «грабежом трудового народа», а девять из десяти взрослых жителей страны считают, что основные отрасли промышленности, транспорт, связь должны быть собственностью государства, принадлежать всему народу, а не «группе людей», которой даются очень негативные характеристики (Рукавишников и др., 2003).

Предпринимавшие нашими позадوليбералами попытки «моральной легализации» оправдания сложившегося статус-кво с помощью утверждений о том, что первоначальный капитал всегда формируется такими способами, что возвышение новых богатых «справедливо», поскольку они «много трудились», – это попытка объявить справедливым принцип пропорциональности вложений и вознаграждений (например, таким способом, как это делают «трудолюбивые» создатели финансовых пирамид). В подобных случаях возникает диссонанс с массовыми представлениями людей о труде как о главной для общества деятельности, что лишь обостряет восприятие несправедливости ввиду явного несоответствия ее ключевым принципам.

Поэтому закономерны и характерны для отечественных позадوليбералов попытки общей дискредитации справедливости как одного из основополагающих принципов построения социальных отношений путем либо утверждения ее «мифического» характера (мол, реальная жизнь всегда устроена несправедливо), либо противопоставления ей экономической эффективности, которая якобы неизбежно предполагает несправедливость.

Как пишет С. Г. Кара-Мурза, «политики и демагоги решают эту проблему путем примитивизации и дискредитации неудобных для них ценностей (так, в дискурсе реформаторов были репрессированы ценности равенства и справедливости в пользу эффективности)» (Кара-Мурза, 2013, с. 128).

При этом наличие очевидное противоречие описанным теориям справедливости, согласно которым, во-первых, хотя справедливость соблюдается не всегда, но люди, как правило, стремятся к соблюдению ее базовых принципов, а в случаях ее нарушения испытывают психоэмоциональный дискомфорт; во-вторых, она важна не только сама по себе, но и служит одним из условий эффективности, в том числе экономической; в-третьих, нарушение справедливости име-

ет множество негативных социальных и психологических последствий, в конечном счете приводящих к снижению эффективности.

Согласно результатам одного из опросов, направленных на выявление отношения наших сограждан к их очень богатым соотечественникам, 29% опрошенных ответили, что уважают их, «но только в том случае, если богатство получено честным путем», 21% – что не уважают, «так как в России нельзя получить большое богатство без обмана, мошенничества, присвоения общественного добра», а 24% считают, что «обязательно надо в судебном порядке рассмотреть деятельность всех российских миллионеров на предмет того, какими способом они разбогатели (Соколов, 2003). «Только богатство, направленное на создание чего-то нового, способное помочь людям, воспринимается с нравственных позиций как приносящее благо и пользу» (Хадченко, 2012, с. 57).

Симптоматично и заметное расхождение отношения в нашем обществе к таким зарубежным персонализированным символам богатства, как Б. Гейтс, разбогатевшим благодаря своим талантам и социально полезной деятельности, и к отечественным «сырьевым» олигархам, доходы которых воспринимаются как паразитические в своей основе. В целом же «анализ исследований российских ученых показывает, что пренебрежение, особенно демонстративное, нравственными нормами в экономической сфере обостряет проблему социальной справедливости, формирует негативное отношение к богатым среди различных по своему социальному составу групп населения, порождает стремление к равенству доходов» (там же, с. 58).

Опросы экспертов демонстрируют, что они в целом разделяют отношение к приватизации, характерное для основной части российского населения: по мнению 93% из них, на практике приватизация развивалась совершенно по другому сценарию, нежели предполагавшийся ее продекларированными целями, а 67% полагают, что государственная собственность была распределена в интересах узкого круга лиц и подавляющее большинство россиян оказались обманутыми.

Показательно и то, что наше государство получило от ваучерной приватизации 9 млрд долларов, в то время как, скажем, Болгария – 90 млрд (Институциональная экономика..., 2013). При этом, по общему признанию, класс «эффективных собственников» в результате отечественной приватизации так и не сформировался. Вспомним, что «на заре рыночных реформ в нашей стране считалось, что передача бывших государственных предприятий в руки эффективных собственников, которые будут буквально охотиться за технически-

ми нововведениями, приведет к масштабному выскрепанию передовых разработок, производству новой продукции и модернизация экономики в целом» (Даварсоя, 2014, с. 291). Эти ожидания не оправдались.

В том, что нынешние хозяева крупной частной собственности в большинстве своем владеют ею не по праву, убеждены 77% наших сограждан. Попытки же активных участников приватизации, таких как А. Чубайс, «запутать» население тем, что пересмотр итогов приватизации чреват их лишением такой собственности, как квартиры, дачи и т.д., выглядит рассчитанными на полное невежество населения, неспособного различить разные виды собственности. Явно доминирует и представление о незаконности приватизации (там же), актуализирующее еще одно представление о справедливости – как о соответствии закону (Гужевич, 2011; Соскина, 2006).

Подобная ситуация сформировала соответствующие ожидания наших сограждан: «Нет в обществе убежденности, что удвоение ВВП, возмне проскочат как-то скажутся на положении мало- и среднеобеспеченных граждан, скорее, существуют ожидания, что они увеличат доходы „сверхбогатых“, приближенных к власти» (Толерантность..., 2011, с. 178). И неудивительно, что, по данным социологических опросов, в 2009–2010 гг. негативные оценки социальному состоянию нашей страны давали 81–82% ее граждан, что трактуется как приближение к критическому рубежу, за которым начинается «распад социальной ткани» общества (Модернизация российского образования..., 2010).

В целом же можно констатировать, что для современной России характерен целый ряд нарушений справедливости:

- чрезмерные, «нецивилизованные» различия в доходах и уровне жизни богатых и бедных;
- несправедливые контрасты в уровне жизни⁵³: в центре, в первую очередь в двух «столицах», и в регионах, в регионах «нефтяных» – и в бедных сырьевыми ресурсами, а также в крупных и мелких городах, в городе и деревне и т.п., – в результате чего, в частности, «накаплился и продолжает накапливаться пласт мощного соци-

53. Так, например, в докризисном 2008 г. средний ВВП на душу населения по нашей стране в целом составлял 16092 доллара, при этом в Москве он был 37987 долларов, в нефтяной Тюмени – 49433 доллара, в республике Тыва – 3385 долларов, а в Ингушетии – 2882 доллара (Доклад о развитии человеческого потенциала..., 2013). По данным Министерства регионального развития Российской Федерации, число зон «экономического упадка» в нашей стране достигает 325, при этом в них проживает 25% населения (Зубаревич, 2010).

ального недовольства в отношении Центра со стороны регионов России» (Хащенко, 2012, с. 72), чреватый дезинтеграцией, если не распадом, страны;

- несправедливость в соотношении уровня доходов «новых богатых» со степенью социальной полезности их труда и стандартными для нашего общества способами обретения богатства, вынуждающими воспринимать его как паразитическое;
- несправедливое и специфическое для современной России соотношение образования и уровня доходов;
- принадлежность к бедным таким социальным слоям, как инноваторы, которые своим долгим трудом явно заслужили себе намного лучшую жизнь.

Можно описать и другие виды несправедливости в современной России, даже неполный перечень которых оказался бы очень длинным. При этом отмечается, что «после начального бурного социального перемешивания общественных слоев в 1990-е годы произошло резкое (вопреки, даже слишком резкое) уменьшение вертикальной мобильности и сформировалась ориентация на извлечение ренты из достигнутого положения» (там же, с. 176), т. е. происходит консервация несправедливой социальной структуры.

Психологические последствия несправедливости

В докладе Всемирного банка с симптоматичным названием «Справедливость и развитие» констатируется: «При высоком уровне экономического неравенства экономические институты и социальные условия обычно систематически действуют в интересах более влиятельных групп. Такие несправедливые институты способны приводить к экономическим потерям» (цит. по: Шевиков, 2011, с. 20). Ведущие отечественные экономисты подчеркивают, что «все экономические кризисы связаны с нарушением справедливости, с неправильным распределением доходов» (Институциональная экономика, 2013, с. 681). При этом, как отмечают уже психологи, «если жители с ожесточением воспринимают любые проявления неравенства, то даже низкие их значения могут представлять серьезную опасность» (Хащенко, 2012, с. 128).

Другими словами, происходит обострение отношений в нашем обществе (которые раньше было принято называть классовыми), со всеми вытекающими отсюда хорошо известными из истории нашей страны последствиями, а также растет недоверие населения

и власти, которая, несмотря на всю ее популистскую фразеологию, воспринимается как ответственная за существующее положение дел и, под прикрытием этой фразеологии, выражающая интересы не всего общества, а лишь «новых богатых». В этих условиях украинские «майданы» легко могут стать и нашей российской реальностью, а «марши несогласных», сейчас объединяющие в основном вполне состоятельных граждан, имеют все шансы существенно расширить свою социальную базу. Рост социальной напряженности из-за чувства несправедливости констатируют и психологи, отмечая при этом, что «оба аспекта связаны между собой и переводят друг в друга» (Хазенко, 2012, с. 127).

Отметим и то, что одним из главных векторов дальнейшего развития теории справедливости стало выделение и изучение различных видов справедливости – распределительной, процедурной, межличностной, информационной и др. (Орлов, 1981; Гулянич, 2011; и др.). В частности, Дж. Хоманс еще в пору закладывания общих оснований этих теорий различал справедливость процедуры и справедливость результата (Homan, 1961). Под справедливостью результата он понимал описанную выше пропорциональность вкладов и результатов, под справедливостью процедуры – равенство возможностей участия во взаимодействии, подчеркивая, что в современном обществе оно обеспечивается законом. Исследования продемонстрировали, что люди, как правило, не придерживаются какой-либо одной модели справедливости, а в разных ситуациях под воздействием различных факторов предпочитают разные модели.

Результатом подобных исследований явилось представление о том, что, хотя чувство справедливости свойственно всем людям и оказывает большое влияние на их поведение, предпочитаемое показание справедливости зависит от ситуации и индивидуальных особенностей человека. Вместе с тем в этих моделях сохраняются и базовые принципы справедливости, отказ от которых равносителен отказу от фундаментальных оснований цивилизованного общества.

Таким образом, грубое нарушение основных принципов справедливости в нашем обществе не является абстрактной или только морально-этической проблемой. Отчетливо обозначаются более существенные воздействия этого нарушения на современную Россию. К их числу принадлежат: чрезмерное расслоение нашего общества по уровню доходов, высокий уровень бедности (как абсолютной, так и относительной, основанной на социальных сравнениях и самоощущениях граждан), низкое субъективное качество жизни, недовольство и агрессивность, нестабильность социальной струк-

туры общества и представляемая о ее несправедливости, несправедливое отношение к власти, не предпринимающей, по мнению населения, должных мер по восстановлению справедливости, высокая вероятность массовых акций протеста и социальных катаклизмов и др.

Невозможно найти такую глобальную проблему и «социальную болезнь» нашего общества, которая не связана с массовым чувством несправедливости и невозможности изменить существующее положение дел. Соответственно, ни одна из них не может быть удовлетворительно решена без радикальных изменений современного российского общества в направлении восстановления справедливости социальных отношений. Трудно не согласиться с тем, что «это главная ценность многочисленных социальных институтов, таких как религия, право, благотворительность; без опоры на нее невозможно поддерживать социальный порядок, регулировать конфликты, управлять людьми» (Нартен-Бочавер, Астаннина, 2014, с. 16).

В своей предвыборной речи В. В. Путин утверждал, что «общество будет успешным, только когда у наших граждан не будет сомнений в его справедливости» (Известия, 2012). В этой связи предлагаются различные способы повышения уровня справедливости нашего общества: от прогрессивной шкалы налогообложения и введения налога на роскошь до таких более частных мер, как «бюджетный федерализм», способный устранить внешнюю диспропорцию в распределении ресурсов, переход от поддержки отдельных категорий населения к поддержке домохозяйств и к адресной поддержке социально уязвимых групп и т. п. Разработка и реализация подобных мер являются стержневым компонентом социальной политики, а вопрос о том, насколько справедливым будет наше общество, эквивалентен вопросу о том, насколько благополучным оно будет и как это будет отражаться на массовом сознании и поведении людей.

ГЛАВА 13

МЕСТО СЕМЬИ В СТРУКТУРЕ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ

Несмотря на сложные социально-экономические преобразования в обществе и различные обстоятельства индивидуального жизненного пути, 81% россиян считают себя счастливыми. Основой счастья для них выступают семья (20%), дети (20%), хорошая работа (14%), здоровье (13%) и благоволение (13%) свое и близких людей (Индекс счастья..., 2016).

Сравнение главных жизненных целей, которые ставили перед собой россияне в 1989 и 2014 гг., показало, что, как и 25 лет назад, главным в жизни люди считают семью и воспитание детей (Пресс-выпуск..., 2014). Таким образом, на протяжении десятилетий подавляющее большинство людей видит главной задачей своей жизни создание и сохранение благополучной семьи (94%), воспитание детей и обеспечение им достойного будущего (95%) (там же).

Семья – первая в жизни человека социальная общность (группа), благодаря которой он приобретает к ценностям культуры, осваивает первые социальные роли, приобретает опыт общественного поведения. Проблемы семьи и семейных отношений были актуальны во все времена, интерес к ним не уменьшается и в наши дни. Более того, кризисное состояние современной семьи привлекает к данной проблеме внимание все большего числа исследователей, и тому есть причины.

Семья оказывает благоприятное влияние на самочувствие человека. Еще в начале прошлого века (1912 г.) русский классик медицинской демографии С. А. Новосельский, исследуя влияние семьи на здоровье человека, показал, что смертность холостых в Петербурге во всех возрастных группах резко (в два раза) превышала смертность женатых, среди вдовцов также отмечалась более высокая смертность. У женщин в возрасте 30–60 лет, состоящих в браке, смертность ниже, чем у незамужних женщин того же возраста (Бо-

риса, Синельников, 1995). По данным демографического департамента ООН, во всем мире холостые, вдовцы и разведенные живут меньше, чем их женатые ровесники. К примеру, в Японии смертность среди холостых мужчин в возрасте 35–44 года в 4,3 раза выше, чем среди женатых. Среди вдовцов показатель смертности выше в 3,9 раза, а среди разведенных мужчин эта цифра увеличивается до 5,1 (Фролькис, 1988).

Современные исследования говорят о том, что большинство людей, состоящих в браке, чувствуют себя счастливее и здоровее, чем те, кто этого лишены (Майерс, 2007).

Как упоминается в современной литературе о семье, в возрастном диапазоне от 25 до 64 лет одинокие (холостые и разведенные) мужчины в два раза чаще, чем семейные, заканчивают жизнь самоубийством, в 3,3 раза чаще умирают от цирроза печени и туберкулеза (Preventing suicide..., 2014; Статистика suicides, 2016). Таким образом, жизнь за пределами семьи достаточно высока – она становится фактором риска возникновения серьезных заболеваний и даже преждевременной смерти.

У проблемы существует и другой аспект. Сотрудники Университета Стафо опубликовали весьма показательные результаты проведенного ими исследования. Согласно его результатам, люди, вступающие в брак, начинают богатеть в два раза быстрее своих одиноких или разведенных сверстников. Причем разрыв в итоге лишает человека около двух третей того, что он успел накопить совместно с партнером. В ходе статистических опросов был изучен имущественный статус более чем девяти тысяч человек в период с 1985 по 2000 гг. Выяснилось, что, на момент последнего сбора информации, женатые (или замужние) респонденты успели накопить на 93% больше, чем одинокие. Приводятся несколько причин этого: вступая в брак, люди становятся более продуктивными с экономической позиции; семейные люди вынуждены работать больше, больше сил вкладывать в карьеру и больше зарабатывать, так как они инвестируют в нечто большее, чем в самого себя, – они создают условия для всей семьи (Семейные люди..., 2006).

Таким образом, создание семьи является, с психологической точки зрения, решением проблем долголетия, счастья и удовлетворенности человека жизнью.

Семья несет и большую общественную нагрузку. В частности, велико демографическое значение семьи как института воспроизводства населения, специфической функцией которого является рождение и воспитание детей. Семья – важнейший агент социализации лич-

ности, основной носитель культурных ценностей, норм и образца поведения, передающихся из поколения в поколение (Макропсихология..., 2009; Гребенников, 1991; Китова, Балова, 2011; Психологические проблемы семьи..., 2012). Не менее значима в общественном развитии и роль семейной экономики, поскольку динамика ее основных показателей (уровень доходов, их дифференциация, структура бюджета) становится важнейшим фактором эффективности экономического развития любого государства.

Исследованиями проблем семьи активно занимаются специалисты различных отраслей знаний: философы, социологи, этнографы, историки, юристы, демографы, экономисты, психологи, педагоги, медики и др. Каждая из представленных наук, изучая семейные проблемы, дает свое определение семьи, ставит специфические цели и задачи в исследовании ее сущностных, структурных и содержательных характеристик и особенностей развития (Психологические проблемы..., 2012).

Как единица общественной структуры семья стала центром внимания исследователей различных дисциплин достаточно давно. Рассматриваемые в многочисленных публикациях (и научных, и популярных) проблемы семьи часто носят междисциплинарный характер. В частности, И. Най и Л. Бернардо выделили одиннадцать самостоятельных подходов к изучению семьи, каждый из которых характеризуется своими методами исследования, концептуальными представлениями, изучаемыми феноменами (Китова, Балова, 2011). Например, при социологическом подходе факт юридической сохранности семьи является достаточным основанием для признания успешности брака, хотя этот факт никак не отражает качественных характеристик семейных отношений, которые выступают объектом исследования психологической науки.

В многочисленных психологических исследованиях, ориентированных на выявление наиболее полной картины благополучной семейной жизни, тонкостей самочувствия человека в семье и его отношения к собственному браку, активно изучаются самые разнообразные проблемы:

- предпосылки и условия возникновения брачно-супружеских отношений (М. А. Абалакина, В. С. Агеев, К. Виттакер, В. Н. Дружинин, Е. М. Ермолаева, С. В. Ковалев, Е. П. Красовский);
- ценностные ориентации на создание и сохранение семьи (Л. Ф. Бурачук, С. Н. Голд, М. А. Дмитриева, А. К. Дмитриенко, А. Ф. Копьев, Л. А. Коростылева, Ю. В. Курбаткина и др.);

- особенности межличностного взаимодействия на протяжении всего цикла супружеских отношений (Ю. Е. Алешина, Т. В. Андреева, А. Варга, А. Н. Волкова, Л. Я. Голман) и их влияние на личностное развитие супругов (Л. А. Коростылева и др.);
- анализ феминизации семьи, дружбы, любви, проблем взаимодействия и взаимоотношений в семье (В. В. Бодрова, А. К. Дмитриенко, О. Э. Зуськова, В. П. Левкович, М. В. Лысогорская, М. С. Мацковский);
- исследования любви и любовных взаимоотношений (А. Арон, М. Барнес, Г. Бреслава, Э. Бутрийд, К. Дайон, Дж. Ли, Д. Педерсон, А. В. Погодина, В. А. Полухаров, Э. Рабин, М. И. Розенова);
- причины и специфика дисгармоний в браке (С. Т. Агарков, Н. В. Гаврилова, Е. И. Гилагина, Л. Я. Голман, Р. Крафт-Эбинг, Т. Л. Крюкова, Е. В. Куфтяк, М. В. Саворонская);
- изменения супружеских отношений при рождении в семье детей (Н. Н. Авдеева, Н. А. Хаймовская);
- причины конфликтов и разводов (Ю. Е. Алешина, К. Дэвис, О. Э. Зуськова, В. П. Левкович);
- удовлетворенность браком (Ю. Е. Алешина, Л. Я. Голман, Е. М. Дубовская);
- экономическая социализация и формирование ценностных ориентаций детей в семье, психологические проблемы семьи в мегаполисе (Т. В. Дробышева, А. Л. Журавлев, Н. А. Журавлева, Е. В. Козлова, А. Б. Фенько);
- совокупность экономических факторов, оказывающих влияние на развитие семьи и семейных отношений (Д. М. Агирбова, Д. Ю. Балова, Д. А. Китова, А. К. Кубанова, С. Т. Хатуева);
- влияние социально-экономических факторов на качество жизни семьи (на основе анализа статистических данных) (С. А. Айвазян, В. Н. Бобков, Е. В. Мочанова, В. С. Мхитарян, Н. М. Римжановская).

Серьезные усилия психологов направлены на создание методического инструментария анализа супружеских отношений (Ю. Е. Алешина, А. А. Водалев, Л. Я. Голман, Е. М. Дубовская, А. А. Кроуля, Н. Г. Марковская, А. В. Мыталь, Н. Н. Обохов, В. В. Столин, Е. А. Хорошилова).

Для определения концепции жизненных ориентаций человека, приемлемых для практического использования, целесообразно рассмотреть прикладные концепции анализа, которые «отвечают на вопрос об основных жизненных ориентациях человека, определяющих смысл его жизни» (Грачев, 2008, с. 290). В частности, А. А. Грачев рассматривает три основные стратегии жизненных ориентаций человека: ориентация на удовольствие (дефицитарная), на самореа-

лизацию и духовное развитие. В русле нашего исследования (выявления места семьи в структуре жизненных ориентаций личности) наибольший интерес представляет целостная концепция самореализации личности, анализ которой предполагает, в первую очередь, обращение к жизненным целям и смыслам жизнедеятельности человека (А. Маслоу, К. Роджерс, В. Франкл). Обращение к данным категориям (смысл и цели жизнедеятельности) позволяет выявить не только структуру и направленность жизненных ориентаций человека, но и дифференцировать, а впоследствии и проанализировать, место и значимость в них семьи.

Основанным подробнее на данных категориях. В психологии, как отечественной, так и зарубежной, категория «смысл» по-разному рассматривается в рамках отдельных научных школ – как сущность объектов, жизненная задача или цель. Если в зарубежной психологии преобладают исследования смысловых-жизненной проблематики, то в отечественной науке уклон по большей части делается на изучение смысла как единицы сознания, деятельности, личности. В соответствии с задачами нашего исследования, категория «смысл» предстает в виде смысла жизни и охватывает весь спектр проблем жизнедеятельности человека, актуализирующихся в его сознании как смысловых-жизненные ориентиры.

Несмотря на некоторый разброс мнений относительно феномена смысла, практически все исследователи этой проблемы определяют его через отношение, которое строится на сложной системе связей, обуславливающих особенности субъективных отношений к действительности. Таким образом, смысл выражается в отношении к элементам действительности, представляемым в структурах сознания. Соответственно, смысл отражает системность личности как феномен. «Для того, чтобы понять феномен функционирования личности в различных жизненных ситуациях, необходимо рассматривать смысл как систему, обеспечивающую функционирование самой личности. Более того, многогранность смысла позволяет говорить о его уровневой организации и соответственно о системе личностных смыслов» (Серый, 2004, с. 48).

Обратимся к следующей анализируемой нами категория – цели жизнедеятельности. В структуре жизнедеятельности личности цель выполняет многочисленные функции (Китова, Шаков, 2007; Китова, Еалова, 2011), в частности:

- цель тесно связана с прогнозированием наиболее вероятного результата деятельности, поэтому ее постановка предполагает глубокое осмысливание актуализированной потребности, усло-

- ний ее удовлетворения, вероятных результатов деятельности и ее побочных, незапланированных последствий;
- цель выполняет и функцию проектирования деятельности, ибо выбрать четкую цель – значит определять основное направление и содержание предстоящей жизнедеятельности: вся социальная активность личности как бы «канализуется» на цель, организуется и систематизируется целью, что и определяет целостность жизнедеятельности человека;
  - цель выполняет и мотивационные функции: чем привлекательнее она для личности, тем настойчивей человек стремится к ней (и чем ближе к поставленной цели подходит деятельность, тем сильнее возрастает мотивационное значение цели).

Как известно, для удовлетворения одной и той же потребности формируется и реализуется множество целей, связанных друг с другом. Положительный эффект деятельности возможен только в том случае, если эти цели поддерживают друг друга, образуя иерархически совмещенную систему. Для этого они должны быть согласованными между собой: логически следовать друг за другом во времени, не противоречить одна другой, опираться в реализации на предыдущие, уже достигнутые.

Для выявления жизненных целей нами применялись беседы и наблюдения. При предварительном анализе проблемы обсуждались следующие вопросы: в чем секрет успеха самореализации человека; почему за один и тот же период времени люди добиваются различных результатов; как взаимосвязаны успех и правильная постановка жизненных целей. Чтобы выявить личностные представления о смысле жизни, нами использовалась методика незавершенных предложений. Respondентам предлагалось продолжить фразу: «Смысл жизни для меня – это...». Все задания выполнялись в письменной форме.

Для решения поставленных исследовательских задач нами были также использованы диагностические («Целевые ориентации личности», авторы – Т. и Дж. Парзэл) и оценочные методики (метод незавершенных предложений, метод экспертных оценок), произведена количественная и качественная обработка эмпирических данных.

База эмпирического исследования представлена студентами третьих и четвертых курсов экономического и юридического факультетов. Всего в исследовании приняли участие 427 человек. Исследования проведено в 2007–2011 гг.

Выявленные посредством контент-анализа представления молодых людей о смысле жизни по своему содержанию дифференциро-

ваны нами на следующие группы: гедонистические, предпринимательские, социально ориентированные, семейно-ориентированные, общественно значимые, прагматические, добродетельные (Китова, Шаков, 2007; Китова, Балова, 2011).

Гедонистический смысл жизни – позиция, при которой высшим стремлением человека и критерием его поведения выступает потребность в получении удовольствия и наслаждения. Ряд опрошенных студентов полагает, что смыслом жизни является возможность «жить в свое удовольствие», «наслаждаться жизнью», «брать от жизни все, что можно устять взять», «веселиться, хорошо проводить время». Между тем, как отмечает В. Франкл, «у человека, который есобо добивается наслаждений и развлечений, оказывается в конечном счете фрустрировано его стремление к смыслу...».

Предпринимательский смысл – непрерывное и целое устремление личности на сбережение и преумножение наличных активов (личностных, временных, финансовых, материальных и т.д.). «Смысл жизни, на мой взгляд, – это преумножение собственности»; «Смысл жизни в моем понимании – это умножение собственности и продолжение рода, т. е. для начала надо умножить собственность, чтобы обеспечить своих будущих детей и жить для детей»; «После окончания института хочу серьезно заняться бизнесом». Таковы позиции многих опрошенных.

Семейно ориентированный смысл – личностная позиция превосходства значимости частной жизни над общественной. «Жизнь заключается в том, что ты живешь для своей семьи. Так думаю не только я, так считает все человечество, потому что такова природа человека», – пишет один из респондентов. Этот аспект смысла жизни в разных редакциях отмечается у многих опрошенных.

Социально-ориентированный смысл – позиция, ориентированная на утверждение своей социальной полезности и значимости (личностной, профессиональной, общественной и т.д.). Типичные варианты: «Любой человек хочет, чтобы его уважали, любили, ценили и равнялись на него»; «Главное – стать хорошим человеком, чтобы другим людям и родственникам не пришлось огорчаться за тебя»; «Быть человеком по отношению ко всем, а все другое – деньги, слава и все другое – презаблю»; «После смерти о человеке будут судить по тому, кем он был по отношению к другим»; «Прожить жизнь так, чтобы люди говорили после моей смерти: да, мы знали его, это был хороший человек».

Прагматический смысл – позиция, проявляющаяся в оценке и учете фактических условий действительности с целью их исполь-

зования для разрешения жизненных ситуаций и проблем: «Быть здоровым и дожить до глубокой старости»; «Добиться успехов в своем деле, стать хорошим профессионалом на работе»; «Иметь хороших друзей, чтобы они помогли в трудную минуту». Одной из наиболее наглядных примеров заключается в следующем суждении: «В понимании смысла жизни я включаю такие вещи, как достижение своих целей, благополучие в личной жизни и хороший заработок, которого хватило бы на всю жизнь».

Добродетельный смысл – позиция, при которой смысл жизни ориентирован не столько на себя, сколько на оказание помощи другим людям (родителям, братьям и сестрам, родным и близким).

Общественно значимый смысл, который увязывает личностные намерения с социально-экономической ситуацией в стране, обнаруживает понимание обусловленности смысла жизни состоянием общества. Типичные варианты ответов: «Жизнь нужно прожить так, чтобы человечество получило от этого пользу»; «Получить хорошую профессию и помочь республике в достижении экономического благополучия».

Общий вывод, сделанный по результатам анализа ответов респондентов, можно представить следующими позициями: многие молодые люди не имеют четкого представления ни о том, что такое смысл жизни как философская категория, ни о смысле собственной жизни. На наш взгляд, это связано с отсутствием в общественном мнении молодежи общенациональной идеи, вокруг которой могли бы возникать частные позиции, близкие по своим психологическим функциям. Такая ситуация оказывает негативное влияние на социализацию молодежи: в определении смысла жизни молодые люди предоставлены сами себе и блуждают в поисках ответа на вечный вопрос, испытывают «экзистенциальный вакуум» (Э. Фромм), а потому весьма податливы на стороннее (внешнее) влияние.

Понимание смысла жизнедеятельности, его глубокое осознание личностью свидетельствует об уровне осмысленности и обдуманности целей, к которым она стремится. Чувство бессмысленности очень распространено среди молодых людей, оно может приводить к различным негативным последствиям. По данным, которые приводит Э. Фромм, в причинах смерти американских студентов второе место после дорожно-транспортных происшествий занимают самоубийства, причем попыток самоубийства в 15 раз больше, чем свершившихся самоубийств. Кроме того, автор утверждает и следующую позицию: «...если у человека нет смысла жизни, осуществление которого сделало бы его счастливым, он пытается добиться ощущения

счастья в обход осуществления смысла, в частности, с помощью химических препаратов» (Франкл, 1989, с. 39).

Для выявления жизненных целей студентов в опросном листе им предлагалось записать все свои цели без каких-либо ограничений – от самых фантастических до мелких, обыденных. Результаты должны были показать, насколько широк диапазон целей респондентов. Затем им было предложено путем «мозгового штурма» исключить из списка цели, противоречащие друг другу (когда достижение одной цели могло помешать продвижению к другой), чтобы тем самым составить план необходимых целей, что позволит максимально задействовать ресурсы личности для их реализации.

Количество обозначенных целей не ограничивалось, как и направленность целевых установок: студенты указывали все цели, которые считали значимыми. Для последующего анализа эти целевые установки классифицировались по группам, на основе которых была определена структура жизненного пространства: именно в его границах у респондентов происходит концентрация жизненных целей.

Диапазон жизненных целей студентов достаточно широк и разнообразен и включает в себя следующие субъективно значимые позиции: личностные (самосовершенствование, саморазвитие, самообразование); социальные (профессиональная и межличностная самореализация); отношенческие (друзья, родители); экономические (материальное благополучие, место и условия проживания); семейно ориентированные, здоровьесберегающие, досуговые. Общая картина полученной при этом информации о целевых ориентациях студентов (N = 427 чел.) в частной жизни представлена в таблице 15.

Таблица 15
Целевые ориентации студентов

Целевые ориентации	Количество полученных ответов, абс.		
	Юноши	Девушки	Всего
Экономические	967	774	1681
Личностные	967	897	1464
Семейно ориентированные	286	529	815
Социальные	419	213	632
Досуговые	273	53	326
Отношенческие	75	118	193
Здоровьесберегающие	51	94	145

Обращает на себя внимание то, что практически все цели респондентов содержат в себе *экономический контекст*. Девушки мечтают не просто выйти замуж и родить детей, а выйти замуж за богатого, а детям своим желают ни в чем не нуждаться. Стремление успешно закончить институт непременно связано с перспективой устройства на высокооплачиваемую работу. Забота о родителях включает в себя прежде всего обеспечение их безбедной старости. Альтруистические планы предполагают материальную помощь социально уязвимым слоям населения (сиротам, малолетним преступникам, пенсионерам, многодетным и т.д.).

Для анализа ситуации из всех выявленных представлений студентов мы выделяли те, которые содержат указания на цели сугубо экономического характера: высокооплачиваемая работа, успешный бизнес, успешная карьера, материальный достаток семьи. Оказалось, что данные представления в свою очередь содержат *неэкономический* аспект. Например, утверждается, что работа приносит не только (а иногда и не столько) деньги, но и моральное удовлетворение. Первоосновой бизнеса на практике часто является не столько шогоня за финансами, сколько такие мотивы, как самореализация, самоутверждение, нежелание подчиняться другим людям и т.д. Тем не менее все равно наиболее значимо как для юношей, так и для девушек желание улучшить свое материальное положение: «материально ни от кого не зависеть» (от родителей, мужа и т.д.); «купить дом» (машину, квартиру, компьютер, сотовый телефон и т.д.); «стать богатым человеком»; «иметь возможность посещать элитные заведения» (клубы, бассейны, казино, тренажерные залы, косметические салоны и т.д.); «денег, денег, и побольше...». Целевые представления такого рода выражают 57,2% юношей и 62,3% девушек. Более высокий показатель среди девушек можно объяснить тем, что традиционно женщины беспокоятся не только о себе и своем будущем, но и о детях и их дальнейшей судьбе, что, естественно, требует дополнительных затрат. При анализе представлений о возможных источниках будущих доходов, с которыми студенты связывают свое материальное благополучие, обнаружилось, что на поиск высокооплачиваемой работы устремлены 58,0% юношей и лишь 33,6% девушек; на удачу в бизнесе рассчитывают 21,3% студентов и лишь 16,4% студенток. В целом складывается картина, что юноши намерены работать, чтобы зарабатывать, а девушки более склонны мечтать о деньгах, чем их реально зарабатывать. Очевидно, что в их представлениях присутствует расчет на мужчин как на потенциальных добытчиков материальных благ (Жи-

това, Шахова, 2007; Кислова, Агирбаева и др., 2010; Кислова, Балова, 2011).

Проранжировав представления респондентов о целях частной жизни по личностной значимости, мы получили информацию о структуре целевых предпочтений респондентов (см. таблицу 16). Независимо от гендерных особенностей все респонденты в наибольшей степени ориентированы на достижение экономического благополучия. Второе место в представлениях и юношей, и девушек занимают личностно ориентированные цели (самосовершенствование, образование, коррекция характера и поведения и т.д.), что можно объяснить возрастными особенностями молодых людей. На третьем месте в представлениях юношей – социальные цели (профессиональная самореализация, обеспечение лидерских позиций, достижение социального признания и т.д.), у девушек – семья. Таким образом, в юношеском возрасте ведущие целевые ориентации представляются следующим образом: 1 – достижение экономического благополучия; 2 – личностное становление и самосовершенствование; 3 – социально значимые достижения (у юношей) и создание и сохранение семьи (у девушек).

Таблица 16
Результаты ранжирования
целевых предпочтений студентов

Целевые ориентации частной жизни	Ранговое место		
	Юноши	Девушки	Общий ранг
Экономические	1	1	1
Личностные	2	2	2
Семейно ориентированные	4	3	3
Общественные	3	4	4
Дружеские	5	7	5
Отношенческие	6	5	6
Здоровьесберегающие	7	6	7

Анализ временного континуума целевых ориентаций позволяет установить, каким образом распределены во времени многообразные представления студентов о целях частной жизни: какие из них они реализуют сегодня, что намерены реализовать в будущем и какие связи обнаруживаются между ними.

Таблица 17

Распределение целевых ориентаций респондентов во времени

Целевые ориентации частной жизни	Доля намеченных целей (в %)		
	Юноши	Девушки	Всего
Краткосрочные	17,2	12,6	14,9
Среднесрочные	20,7	31,3	26,0
Долгосрочные	62,1	56,1	59,1
Итого	100	100	100

Как видно из таблицы 17, целевые ориентации по трем временным периодам у всех студентов распределены по сходному принципу: в ближайший год предполагается реализовать наименьшую часть целей, далее процент целевых ориентаций и фактические уровни их исполнения возрастают. При этом выявляется гендерная специфика: по сравнению с девушками, юноши имеют больший объем краткосрочных целей. Обращает на себя внимание тот факт, что на стратегический уровень (отдаленную перспективу) студенты (как юноши, так и девушки) откладывают достижение более 50% своих целей. Такая тенденция приводит к избыточному сосредоточению целей, отодвигаемых в будущее, и таит в себе опасность срыва многих из них.

Дополнительные беседы позволили назвать по крайней мере два типа причин, по которым студенты откладывают реализацию некоторых целей на будущее. Первая из них – общепсихологическая: среднестатистический человек не склонен заглядывать далеко вперед, прежде всего уделяя внимание реализации тех целей, которые представляются наиболее сложными из-за повышенного эмоционального переживания актуальной потребности их достижения. Как показывают беседы с респондентами, мотивы переноса срока реализации целей разнообразны, но определяющим является неумение выстраивать многообразные цели во времени, в определенном логически оправданном порядке. Вторая причина откладывания реализации целей – психологические трудности, связанные с необходимостью переключаться на новые цели по мере их осознания. Всякое нововведение в привычную жизнедеятельность человека, независимо от объективной пользы и своевременности для него, ломает сложившийся уклад жизни и сталкивается с защитными механизмами психики, оказывающими ему противодействие. Это требует соответствующей психологической помощи, ориентированной

на преодоление сопротивлений защитных механизмов и запуск новой цели. Оказание такой помощи – психологически трудная задача, которая требует сложной внутренней перестройки психологических ориентиров жизнедеятельности личности и не всегда может быть ему посильна без посторонней помощи.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Жизненные ориентации студентов, считываемые через смыслы и цели жизни, являются результатом поиска ответа на экзистенциальные вопросы, которые касаются выбора пути вариантов жизни, личностного и профессионального самоопределения, необходимости создания семьи, поиска референтного круга общения, а также связаны с проблемами сохранения здоровья. Данные ориентации определяют направленность сознания, векторы жизненной активности, интересы, эмоции и чувства личности, которые, в свою очередь, формируют смыслообразующие мотивы жизнедеятельности молодежи.
2. Диапазон жизненных целей студентов достаточно широк и разнообразен и включает в себя следующие цели: *личностные* – самосовершенствование, саморазвитие, самообразование; *социальные* – профессиональная и межличностная самореализация; *отношенческие* – друзья, родители; *материальные* – материальное благополучие, место и условия проживания; *семейно ориентированные* – создание семьи, рождение и воспитание детей; *здоровьесберегающие* – профилактика и поддержание здоровья, здоровый образ жизни; *досуговые* – отдых, развлечения, туризм. Ведущее место в целевых ориентациях студентов занимают проблемы самосовершенствования, затем следуют экономико-ориентированные цели, далее – цели, связанные с созданием и сохранением семьи.
3. В жизненных ориентациях студентов обнаруживаются следующие группы смыслов (в структуре которых ценность семьи для студентов не вызывает сомнений): *гедонистический* – высшим стремлением личности и критерием ее поведения выступает потребность в получении удовольствия и наслаждения; *предпринимательский* – непрерывное и цельное устремление позиций личности на сборочные и преумножение активов; *семейно ориентированный* – личностная позиция превосходства значимости частной жизни над приоритетами общественной; *социально ориентированный* – позиция, ориентированная на утверждение своей социальной значимости; *приматический*

кий – позиция, проявляющаяся в оценке и учете фактических условий действительности для разрешения жизненных проблем; добродетельный – позиция, ориентированная на оказание помощи родным и близким; общественно значимый – личностные намерения увязаны с социально-экономической ситуацией в стране.

4. Жизненные ориентации юношей и девушек характеризуются психологическими особенностями, отражающими гендерную специфику. В частности, у юношей доминируют цели социальной и экономической самореализации, а у девушек – цели, ориентированные на личностную самореализацию и формирование аттрактивных и фасилизирующих отношений с окружающими. Вместе с тем жизненные ориентации, связанные с созданием и сохранением семьи, одинаково значимы как для юношей, так и для девушек.
5. В качестве обобщающего вывода можно отметить следующий: семья как социальный институт общества и личностно значимая ценность занимает одну из ведущих позиций в структуре жизненных ориентаций студентов. Результаты исследования позволяют утверждать, что тревожные изменения, которые претерпевает в последние десятилетия институт брака в России (падение рождаемости, увеличение количества разводов, снижение ценности семейных отношений, рост детской беспризорности и некоторые другие), связаны не столько с ценностно-мотивационными особенностями психологии современной молодежи, сколько с иными – психологическими и, возможно, социальными – проблемами.

Для выявления причин таких тревожных тенденций следует продолжить изученный поиск системы факторов, лежащих в основе представлений молодежи о семье и об условиях благополучия семьи. Так, для определения факторов, разрушающих семейное благополучие в реальной жизни, целесообразно рассмотреть представления молодежи об условиях вступления в брак; о продолжительности предбрачных ухаживаний; об особенностях выбора брачного партнера; об экономических условиях благополучия семьи; о специфике распределения функций в семье; о предполагаемых выгодах и потерях при вступлении в брак и т.д.

ГЛАВА 14

ЧУВСТВО СОБСТВЕННОСТИ В СТРУКТУРЕ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ

Переход российского общества к рыночным отношениям был ознаменован многочисленными инновациями в сфере социально-экономического устройства. Наиболее ярко происходящие изменения были детерминированы изменениями в отношениях собственности. Одно из главных требований рыночной экономики заключается в том, что каждый участник хозяйственной деятельности должен обладать собственностью, которая является инструментом получения прибыли.

Собственность – категория общенаучная, а потому является предметом исследования многих научных направлений. Трудно назвать отрасль знания, которая в той или иной форме не затрагивала бы отношения собственности.

В философии собственность рассматривается как «исторически определенный способ присвоения людьми предметов производственного и непроизводственного потребления. Собственность всегда связана с вещью (объектом присвоения), но она не сама вещь, а отношение между людьми по поводу вещи» (Советская энциклопедия, 1983, с. 619). Она пронизывает все другие общественные отношения (производственные, распределения, обмена, потребления), определяет их функциональные особенности; является условием производства; выполняет функцию общественного способа присвоения вещей; составляет сущность всей совокупности производственных отношений; представляет собой общественный способ соединения работника со средствами производства.

Социологи исходят из того, что собственность является определяющим элементом производственных отношений и выступает в качестве «одного из важнейших социальных институтов» (Краткий словарь по социологии, 1989, с. 309). При этом частная собственность рассматривается как причина имущественного расколо-

ния общества, раскола ее на два враждебных класса, эксплуатации человека человеком. В современных изданиях «эксплуататорская сущность» частной собственности смягчается.

Если философы и социологи понятие «собственность» связывают с отношениями между людьми по поводу вещей, то в экономическом словаре подчеркивается несколько иной аспект данной категории. Экономисты определяют собственность как отношение человека к вещи, т. е. акцентируют внимание на факте принадлежности вещи человеку, исключая психологические «особенности взаимоотношения между людьми, возникающие по поводу собственности. «Собственность – принадлежность вещей, материальных и духовных ценностей определенным лицам, юридическое право на такую принадлежность и экономические отношения между людьми по поводу принадлежности, раздела, передела *объектов собственности*» (Современный экономический словарь, 2001, с. 367).

В юридической науке отношения собственности трактуются, как и в экономической, без учета возникающих между людьми психологических взаимоотношений по данному поводу, но при этом делается акцент на ограничения экономически значимых манипуляций, которым человек-собственник подвергает объекты собственности. «Собственность, – гласит юридический энциклопедический словарь, – принадлежность средств и продуктов производства определенным лицам – индивидам или коллективам – в определенных исторических условиях, отражающих конкретный тип отношений собственности. Право собственности субъектов на определенное имущество сводится к трем правомочиям: владению, пользованию и распоряжению» (Юридический энциклопедический словарь, с. 369).

Исторический анализ проблем собственности

Давно известно, что у некоторых первобытных людей личная собственность считалась неприкосновенной, вследствие чего после смерти человека никто не смел забирать его вещи. Его имущество, орудия труда, домашние животные (живогда и домочадцы) – все подвергалось захоронению вместе с покойником: предполагалось, что все эти вещи необходимы и в загробной жизни.

Во все времена лишение собственности или волевое (насильственное) ограничение ее владения ею травмировало психику личности, а наличие собственности, наоборот, благоприятно влияло на нее. Примеры поведения этого феномена можно проследить уже в законодотворчестве античных правителей, наделявших правом участ-

новать и выборах и защищать отечество лишь тех классов общества, у которых была собственность. Такая постановка вопроса – это психологически продуманная разумная мера, которая укрепляла демократию, делала ее более стабильной, войско – храбрим, а общество – более устойчивым, поскольку человек, имеющий собственность, как правило, меньше склонен ввязываться в разлитного рода авантюры.

В хозяйственной практике Россия достаточно длительный период психологически позиционировалась, основываясь на проблемах собственности, не получая должного объяснения. Этот момент обуславливался двумя основными причинами: во-первых, до середины XIX в. в стране в основном господствовали помещики, предопределяя «крепостную» психологию крестьян, а во-вторых, многие отношения российских крестьян на земле регулировала крестьянская община, а связи с такой ситуацией частная собственность на землю отрицалась. Массовому экономическому субъекту, каковыми являлись сельские производители, было не до тонкостей философского понимания значения частной собственности.

В частности, В. О. Ключевский писал, что в течение «большой исторической длительности» русские крестьяне воспринимали собственность не как капитал, приносящий доход или прибыль, а как средство пропитания и исполнения перед государством (или барином) тягла (податности), и поэтому собственность и собственности как не воспринимала должным образом. Стремление к ней и пользование собственностью считалось «от лукавого» и подчас вызывало зависть, заглаживанию через взбор и даже ненависть (Ключевский, 1993). «В России, – считал В. Розанов, – вся собственность выросла из „выпросил“, или „подарил“, или кого-нибудь „обобрал“. Труды собственного очень мало, и от этого она не крепка и не уважается» (Розанов, 2009). Естественно, подобное отношение к собственности зачастую не актуализировало в сознании людей такие смысловые потенциалы собственности, как хозяйственная предприимчивость, политическая солидарность, трудовая этика, желание проявить себя и т. п.

После отмены крепостного права, к 1913–1914 гг., Россия достигает экономического расцвета благодаря массовому вовлечению населения в хозяйственную самостоятельность. Как отмечают многочисленные исследователи истории предпринимательства (Н. В. Бондаренко, Ю. П. Ветров, С. А. Гуськова, Е. В. Илларионова, Р. Х. Токов, И. Р. Федорова, А. И. Шумилов, А. С. Фомина, С. И. Федосова), в начале XX в. по темпам роста промышленной продукции

и производительности труда Россия опередила быстро развивающиеся США и вышла на первое место в мире. Благодаря высоким темпам роста (около 9% в год) промышленность совершила необычайно резкий скачок вперед: объем производства возрос в 10–12 раз, выплавка стали увеличилась в 2234 (!) раза, добыча нефти – в 1469 раз, угля – в 694 раза, производство продукции машиностроения и металлообработки – в 44 раза, продукция химической промышленности – в 48 раз. Торговля и общественное питание стали лучшими в мире. Таким образом, накануне событий 1917 г. Россия органически вошла в европейскую хозяйственную систему. Произошло и психологическое перевоплощение уважительного отношения к собственности (Бондаренко и др., 2001).

Советская власть в экономическом строительстве игнорировала чувство собственности, а в качестве движущей силы высокопроизводительного труда рассматривало главным образом идеологические мотивы – преданность коммунистическим идеалам, любовь к родине, трудолюбие, не связанные с материальными условиями жизни самого работника.

В 1990 г. частная собственность в России вновь была официально возвращена в экономику, но к тому времени процесс ее уничтожения практически завершился. Население научилось обходиться самыми минимальными материальными благами: коммунисты, можно сказать, почти добились «формирования нового человека», не нуждающегося в экономической свободе, готового вечно быть слугой государства. Этот «новый человек» с порога отвергал рыночную экономику, которая неожиданно «обрушилась» на него в 1992 г.

Обобщая исторический анализ, можно отметить, что восстановление института частной собственности в начале 1990-х годов оказалось полной неожиданностью для большинства граждан, утративших рыночные характеристики личности, вызвало сильнейший психологический шок и растерянность. Полная неготовность к рыночным отношениям, детерминированным отношениями собственности, повлекла за собой массовое обещание основной части населения. Оказалось, чтобы успешно освоить рыночные отношения и в этих условиях суметь материально обеспечивать свою жизнь, недостаточно быть специалистом – инженером, врачом, педагогом. Необходимо еще и овладеть искусством и наукой успешного освоения ближайшей социально-экономической среды, научиться преобразовывать эту среду в комфортную среду обитания и обеспечить себе достаточный для этого материальный достаток. Чтобы справиться с этой задачей, человеку надо непрерывно отслеживать процесс

своего вхождения в рыночные отношения и их освоения, что требует формирования у населения психологической готовности к рынку. Психологическая готовность личности к рыночным взаимоотношениям предполагает адаптацию к условиям рыночной среды, и первоосновой такой адаптации служит здоровое чувство собственности. Но его никакими искусственными методами невозможно сформировать, если личность непосредственно, реально, на практике, не владеет, не пользуется и не распоряжается объектом собственности.

Успешно сформированное чувство собственности включает в себя «удовольствие обладания», отличающееся от обычного удовольствия, вызываемого удовлетворением разнообразных потребностей по Маслоу. «Существует наслаждение собственностью из-за пристрастия, которое она дает», – пишет А. Маршалл в цитированной выше работе (Маршалл, 1993, с. 187). Чувство собственности является самым могущественным мотивом (после стремления к сохранению жизни), регулирующим поведение человека; это та «магическая сила», которая превращает «песок в золото». Оно осознается человеком как ощущение независимости от окружающего мира, как нравственная и деловая автономия личности.

Чувство собственности в то же время означает власть над самими собой и другими людьми, защищенность от превратностей судьбы. Оно связано с повышением статуса и привлекательным имиджем, вызывающим у окружающих противоречивые чувства – от зависти до ненависти.

Формирование здорового чувства собственности (которое включает в себя ответственное отношение к своей и уважительное – к чужой собственности) у подрастающего поколения – задача общегосударственная, от успеха решения которой во многом зависит процветание экономики страны и повышение уровня жизни населения. Здоровое чувство собственности является необходимым условием психологической готовности личности к экономической деятельности в условиях рыночных отношений.

Проблемы собственности в предметном поле психологических исследований

Особенно глубокие размышления о проблемах собственности принадлежат И. А. Ильину. Он весьма содержательно охарактеризовал значимость частной собственности в философском, социальном и психологическом аспектах. По его мнению, частная собственность:

- соответствует индивидуальному способу бытия, данному человеку от природы, является продуктом инстинктивной и духовной жизни человека, удовлетворяя его естественному праву на самодеятельность и самостоятельность;
- вызывает в человеке инстинктивное побуждение к труду и усиливает духовные мотивы для напряженного труда, развивает хозяйственную инициативу, предполагает предпринимчивость и личную ответственность, чем укрепляет характер человека;
- дает собственнику чувство уверенности в себе и своем будущем, вызывает доверие к другим людям, к вещам и к земле, пробуждает желание вложить свой труд в хозяйственный процесс;
- приучает человека к творчеству, прививает любовь к труду и земле, а как следствие, к своему очагу и Родине. Она является гарантом оседлости личности, без чего невозможна культура. Она объединяет числов семья, вовлекая ее в общую деятельность по сохранению и умножению собственности;
- пробуждает и воспитывает в человеке правосознание, приучает его строго различать «мое» и «чужое», вынуждает к правовой взаимности и к уважению чужих полномочий, возращая в нем верное чувство гражданского порядка и гражданской самостоятельности, верный подход к политической свободе;
- наконец, воспитывает человека в духе хозяйственной солидарности, не нарушающей хозяйственную свободу, ибо каждый собственник, богатая, обогащает и свое окружение, и само народное хозяйство;
- конкуренция собственников ведет не только к борьбе, но и к творческому напряжению сил, необходимому для процветания народного хозяйства;
- путь к организации мирового хозяйства идет не через интернационально-коммунистическое порабощение, а через сознание и укрепление той солидарности, которая вырастает из частного хозяйства (Ильин, 2006).

Таким образом, И. А. Ильин раскрывает и обосновывает духовный смысл частной собственности, в то же время позволяя проследить и ее тонкий психологический смысл. В частности, можно выделить следующие психологические аспекты обладания собственностью: способствует самодеятельности и самостоятельности; укрепляет характер; дает чувство уверенности в себе и своем будущем; формирует доверие к другим людям; пробуждает желание трудиться; приучает человека к творчеству; прививает любовь к труду; объ-

единяет чужую семью; воспитывает в человеке правосознание, вынуждая к правовой ответственности и к уважению чужих полномочий; вырабатывает чувство гражданского порядка и гражданской самостоятельности; развивает стремление к политической свободе; воспитывает человека в духе общественной солидарности.

В свою очередь, В. Соловьев, говоря о междисциплинарном статусе категории «собственность», еще в XIX в. писал: «Все острые вопросы экономической жизни тесно связаны с понятием собственности, которое, однако, само по себе принадлежит к области права, нравственности и психологии, нежели к области отношений хозяйственных. Уже это обстоятельство ясно показывает, как ошибочно стремление обособить экономические явления в совершенно самостоятельную и себе достоящую сферу» (Соловьев, 1988, с. 429).

Западные исследователи, анализируя экономическое явление, по традиции не упускают от рассмотрения его субъективных аспектов. Такой подход характерен и для анализа собственности. Так, Х. Ламберт рассматривает различные аспекты собственности как с экономической, так и с психологической позиций.

К экономическим автор относит следующие функции:

- повышение благосостояния, обеспеченности, свободы и независимости: поскольку собственность обладает экономической ценностью и может давать доход (например, проценты с вложенного капитала и квартплата за жильца), она способствует повышению экономического благосостояния и одновременно экономической независимости собственника; в то же время она повышает и экономическую защищенность, потому что существует возможность использовать в трудной ситуации ту стоимость, которая заключена в данной собственности;
- сохранение стоимости и стимулирование повышения производительности (стимулирующая функция);
- обеспечение конкуренции и прогресса. Эффективная конкуренция предполагает, что производственные факторы (земля, труд и капитал) используются в комбинациях, обеспечивающих максимальную экономическую отдачу. Это означает, что, например, для расширения машинного парка или для освоения новой производственной техники должны являться средства производства или, если определенный вид производства с экономической точки зрения не является целесообразным, земля и капитал могут быть использованы иначе, чем прежде.

К психологическим же функциям автор относит следующие:

- заинтересованность собственников в том, чтобы сохранить и приумножить стоимость, заключенную в собственности (именно такое отношение к собственности побуждает их к тому, чтобы бережно относиться к ней, рационально, рентабельно использовать ее);
- сохранение и приумножение экономических ценностей, способствование принятию тщательно взвешенных решений и стимулирование экономической заинтересованности;
- формирование ответственного отношения к своей собственности и уважительного отношения к чужой;
- формирование стремления к политической свободе, так как покупка и продажа земли и имущества должны быть свободными, т. е. осуществляться без предварительного разрешения государства. В противном случае фирмы не могут вступать в конкуренцию друг с другом. В этой связи в мировой практике существует закономерность, когда технический прогресс в обществах, основывающихся на частной собственности на средства производства, значительно выше, чем при экономическом порядке, основывающемся на государственной или обобщественной собственности.

Уже из краткого анализа рассмотренных функций собственности ее всей очевидностью вытекает их психологизированная сущность. Среди психологических функций собственности можно выделить такие, как стремление к свободе действий и саморазвитию, направленность на справедливую конкуренцию, заинтересованность в приумножении собственности и бережном отношении к ней, усиление творческой напряженности, уважение к другим, формирование и поддержание социально-экономической активности, укрепление социальной солидарности и т. п.

Тем не менее, отечественная психологическая наука до недавнего времени была вынуждена обходить вниманием проблемы собственности. Категория «собственность» в психологических словарях стала упоминаться лишь с 1990 г. (во втором издании словаря под общей редакцией А. И. Петровского и М. Г. Ярошевского), да и то только в тексте статьи «экономическая психология», не выделяясь отдельной статьей.

Психологического понятия «собственность» до сих пор мы не нашли ни в одном психологическом словаре или справочнике (Крысько, 2001; Немов, 2007; Зваченко, 2009; и др.).

Тем не менее, некоторые психологические аспекты собственности, конечно же, находили свое отражение в трудах советских ис-

следователей, которые понимали неизбежность изучения категории «собственность» при анализе психологического мира человека как идеального продолжения личности в вещах или ее перенесения на вещи. Особенно отчетливо этот момент проявляется в так называемой интеллектуальной собственности, которая есть прежде всего произведение человеческого разума, проявление уникальных способностей индивида, продукт его самовыражения и самоактуализации. Так, С. Л. Рубинштейн писал: «В известном смысле и мы можем, конечно, сказать, что трудно провести грань между тем, что человек называет *самим собой*, и *чем-то* из того, что он считает своим. То, что человек считает своим, в значительной мере определяет и то, чем он сам является» (Рубинштейн, 1957, с. 243).

В зарубежных психологических исследованиях отправная точка анализа проблем становления чувства собственности и отношения к атрибутам собственности введена З. Фрейдом и указывает на детский возраст (см., в частности, аналитно-эротическая фаза развития). Автор концепции психоанализа обнаружил, что этот этап нередко продолжает доминировать при дальнейшем становлении личности, что ведет к развитию эгоистичного характера. В свойствах такого характера наблюдаются направленность жизненной энергии в основном на владение, сбережение и накопление (денег и вещей, чувств, местов, слов), и на развитие собственнических качеств личности (накопительства, скупости), сочетающихся с такими чертами, как любовь к порядку, пунктуальность, упрямство и упрямство.

Если обратиться к уже прозвучавшему общезначимому определению собственности и рассматривать его в соотношении с философскими позициями, высказанными В. Соловьевым, то психологическая насыщенность проблемы очевидна: «Собственность представляет собой отношение человека к вещи и человека к человеку в процессе отношения к вещи» (Соловьев, 1988, с. 232). Как бы там ни было, отношение человека к вещи затрагивается даже в общей психологии (тема «Свойства характера»), а отношения человека к человеку (хотя и без явного опосредования вещью или собственностью) – традиционная проблема и общей, и социальной психологии. В частности, А. Ф. Лазурский в программе исследования отношений человека к внешней среде выделял «отношение к материальному обеспечению и собственности» и рассматривал отношение к собственности по следующим параметрам: наличие или отсутствие интереса к собственности, степень его интенсивности («дорожит», «равнодушен», «желает вызвать зависть» и т. п.); формы интереса к собственности (любовь к денежному капиталу

или к определенному имуществу и т.п.); сознательность в отношении к собственности; широта интереса к собственности и т.п. (Лазурский, 1917, с. 256–257).

Размышления А. Ф. Лазурского наводят на мысль о необходимости увязывания отношения к собственности с определенными параметрами структуры личности. А. Д. Карнышев с соавт. отмечают: «На наш взгляд, нельзя говорить об отношении личности к собственности вообще, в целом, а надо видеть то конкретное, что привносит собственность в те или другие характеристики человека, в свою очередь предопределяя специфику отношения к реальным атрибутам собственности и к окружающему миру. Например, во всем мире подмечен феномен „дуворица“ (новый богач) – человека, на которого неожиданно и зачастую вне его трудовых заслуг „свалилось“ богатство. Этот феномен в современной России получал название „новые русские“. Неожиданное богатство вызвало у них заметный рост самооценки, личностных амбиций и притязаний, что сразу же сказалось в контактах многих из них с окружающими людьми: возмещение себе подобными и пренебрежение неудачниками. Причем „всплеск“ самооценки и заносчивости у таких „частичкиников“ зачастую не только не сопровождается личностным ростом, но нередко сочетается с определенной нравственной деградацией: пьяные кулаки и дебоши, ничем не обоснованные и даже не спровоцированные бахвальство и кураж» (Карнышев, Бурменко, Иванова, 2006, с. 165).

Психологи изучали также и влияние собственности на модификацию мотивов жизни и деятельности человека: разбогатевший человек нередко одержим стремлением все более и более изолироваться от людей, не делиться с ними деньгами и имуществом и т. п. Все это говорит о подверженности изменению разных компонентов, особенностей личности под влиянием собственности (там же).

Несмотря на некоторые частные наработки, психологическая составляющая категории «собственность» в отечественной психологии пока еще не привлекла должного внимания исследователей, что связано, с одной стороны, с традицией умалчивать об индивидуальных аспектах собственности, с другой – с отсутствием комплексной подготовки экономистов (ученых и практиков) по психологическим проблемам экономики.

Отсутствие теоретических положений, анализирующих взаимосвязь между собственностью и структурными характеристиками личности и их взаимовлияние, Карнышев с соавт. объясняют тремя основными причинами: полуофициальное табу на участие психологов в экономических исследованиях (отрицание значимой роли

субъективного фактора в экономику); неподготовленность (до недавних времен) отечественных экономистов по психологическим вопросам; имеющиеся общие тенденции не рассматривать сложные социально-экономические явления в их соотносительности с конкретными личностными параметрами (легче говорить о влиянии собственных инстинктов на нравственные качества, чем искать и находить их влияние на фундаментальные подструктуры личности).

Своеобразие отношений собственности заключается в том, что она является одновременно простыми и исключительно сложными, как утверждают авторы (там же). Простыми – потому что любой человек ежедневно с нами сталкивается и вырабатывает, хотя часто и интуитивно, определенное представление об их сути. Сложными же они являются из-за чрезвычайно многогранного содержания, за которым скрывается колоссальное разнообразие взаимоотношений между людьми по поводу собственности, а также по поводу роли этих отношений в функционировании и эволюции человеческого общества. Именно в трактовке собственности переплетаются многие теоретические и практические вопросы жизнедеятельности всего общества, хозяйственных субъектов и каждого человека.

Коллектив авторов рассматриваемой книги предпринял одну из первых в России попыток объединить возможности психологической и экономической наук для анализа собственности: ее содержания, видов, функций и роли в обществе. В своей работе «Собственности: психолого-экономический анализ» они отмечают, что «собственность – сложное явление, имеющее отношение ко всем аспектам жизнедеятельности человека и общества, это многоуровневый феномен, рассматривать который можно на мета-, макро-, мезо- и микроуровнях, в силу чего и сама проблема экономической психологии собственности многоаспектна и многозначна. Она приложима к широкому спектру проблем поведения рыночных субъектов – производителей и потребителей: с одной стороны, к образу мыслей бизнесмена и развитию деловой активности, с другой – к восприятию, реакции, принимаемым потребителями решениям» (там же, с. 10).

Заслуживающий внимания обзор психологической литературы произведен и А. И. Китовым, который проанализировал место категории «собственность» в отечественной экономической психологии (Китов, 2004). Автор повествует, что впервые в учебниках и учебных пособиях для высшей школы разделы, затрагивающие психологическую проблематику собственности, появились в 2000 году. В учебнике психологии, подготовленном коллективом авторов

под редакцией профессора А. А. Крылова, имеется глава «Человек в экономике», включающая следующие вопросы: человек – хозяйствующий субъект; экономическое сознание и экономическое поведение; психология предпринимательства; психология денег; экономико-психологическая адаптация (Грищенко, 2000, с. 547–562). Тем не менее, категорию «собственность» авторы прямо не рассматривают, хотя косвенно ее затрагивают в тексте всех параграфов анализируемой главы.

Следующим объектом анализа А. И. Китова выступает учебник психологии для экономических вузов, подготовленный коллективом авторов под руководством В. И. Дружинина (Дружинин, 2000). В нем под рубрикой «экономическая психология» содержатся четыре главы: «Введение в экономическую психологию», «Психология принятия решений», «Психология предпринимательства» и «Психология рекламы». Надо признать, что учебник этот представляет собой в целом крупный шаг в развитии экономической психологии, но в нем категория «собственность» тоже не рассматривается. Даже в обстоятельном словаре, который дан в учебнике (там же, с. 634–645), определения этого понятия нет. То же самое относится и к учебному пособию О. С. Дейвски «Экономическая психология»: хотя автор в аннотации декларирует, что в нем рассматриваются «отношения человека к вещи» (с. 2), но категория собственности не только не обсуждается, но даже не включена в глоссарий (Дейвски, 2000).

Отношения собственности анализирует В. Д. Попов в докладе «Психологические проблемы управления (трансформации) отношений собственности», с которым он выступил на Всероссийской научно-практической конференции РПО, проходившей в г. Калуге 3–5 августа 2000 г. Попов справедливо замечает, что для понимания сущности категории «собственность» экономического и юридического подходов недостаточно: нужен еще экономико-психологический (Попов, 2002). Однако о психологической сущности собственности как социально-экономической реальности он фактически речи не ведет.

На этой конференции проблемы собственности были представлены широко. Из наиболее близких к обсуждаемой нами теме можно назвать доклад А. Д. Карнышева «Собственность как исходное, первое и главное понятие экономической психологии» (Карнышев, 2002). По его мнению, собственность – это идеальное продолжение личности во внешней среде, с чем нельзя не согласиться. Представляется заслуживающей внимания идея ученого о шести «П»: потребитель, производитель, предприниматель, продавец, покупатель,

плательщик налогов. «Каждый человек, – считает он, – в своей экономической жизнедеятельности проявляет себя в большинстве названных ипостасей, именно в их лице он взаимодействует с другими индивидами, выполняющими аналогичные или «дарные» роли... В большинстве случаев – это опосредованные собственностью отношения» (там же, с. 22).

На той же конференции был представлен доклад Л. В. Шулыгина «Собственности: экономический и психологические аспекты». Автор в нем предпринимает попытку дать психологическое определение собственности как «субъективно-объективного отношения собственников и не собственников по поводу присвоения ограниченных ресурсов производства и потребления» (Шулыгин, 2002, с. 63). Далее автор утверждает, что «собственность является базой для побуждений, проявления экономических интересов и мотивов деятельности» (с. 63). Эти утверждения являются «уязвимыми», но в целом доклад содержательный и анализирует проблему по существу.

В анализируемых источниках не сказано о многих психологических новообразованиях, связанных с чувством собственности, – в частности, о чувстве свободы, которое может вызывать обладание собственностью. Речь идет не о свободе вообще, о свободе без ограничений, а о *свободе распоряжаться своей собственностью*, в какой бы форме она ни была – собственное время, собственная жизнь, собственное имущество и т.д. При этом важно различать две ипостаси свободы – объективную и субъективную. Первая – в отсутствии внешних препятствий для распоряжений собственностью, вторая – в осознании чувства свободы, в уверенности в том, что «мое» при всех обстоятельствах остается моим, никто на него не покушается. «Собственность – это свобода, спустившаяся на землю. Ничто не укрепляет в такой мире сознание личной свободы, как это наиболее полное из прав на вещь, результат труда, услуги. Далее, для укрепления личной свободы требуется свобода труда. Каждый выбирает себе занятие по своему усмотрению. Кто работает на себя, тот может работать где хочет и сколько хочет. Наконец, свобода договора практически вытекает из собственности и свободы распоряжения личным трудом. Договор есть одна из форм распоряжения имуществом и собой: он связанность обстоятельствами материального и личного характера» (Бондаренко и др., 2001, с. 112).

На современном этапе развития отечественной психологической науки достаточно подробно проблемы собственности разработал А. Д. Карнышев, который отмечает, что психологический аспект собственности отражает наличие или отсутствие у человека чувства

зависимы по отношению к объектам собственности, т. е. отношение к ним как к «своему» или «чужому». Правомерно мнение, что собственность не является чем-то внешним по отношению к человеку: это свойство развивающейся личности и общества.

Инстинкт собственности – один из важнейших у человека. Собственность постоянно находится в движении, изменяются отношения собственности, но при этом глубинная сущность ее постоянна и связана с процессом отчуждения/присвоения ограниченных благ, причем отдельно взятая составляющая этой «связки» не может раскрыть сущности отношений собственности.

Карпюшин, анализируя природно-биологические истоки собственности, отмечает, что инстинкт собственности проявляется с раннего детского возраста и является одним из самых ярких инстинктов детей: из-за отношений собственности ребенку приходится вступать в конфликты с другими детьми и взрослыми. Этот факт отмечает в своих трудах и известный детский врач Б. Спок: «Ребенок может стать добрым, щеждным, но если у него силен этот инстинкт собственности, он не может не отнимать у других и не отстаивать то, что считает своим. Не сумев удержать собственность, он испытывает страшное горе. Взрослым такой ребенок кажется жадным, упрямым, его ругают, часто помогают чужому малышу забрать у него свою игрушку – и еще более увеличивают его горе» (Спок, 2007, с. 125). Б. Спок, анализируя эту проблему, призывает родителей с пониманием относиться к жадности, проявляемой ребенком, чтобы он смог перерасти эту проблему и у него развилось здоровое чувство собственности.

Факт принадлежности объекта собственности субъекту порождает множество различных позиций даже у взрослого человека. Взаимоотношения людей по поводу собственности в повседневной жизни измеряются шкалами типа: «мое – не мое»; «мое – твоё»; «мое – чужое»; «мое – наше»; «мое – ваше» и т. д. Шкалы эти фиксируют различные позиции личности в системе отношений собственности. «Мое» означает, что человек является единоличным собственником чего-то, а «не мое» – все, что остается за пределами массива вещей, принадлежащих личности на правах собственника. Позиция «мое» усваивается человеком чуть ли не с молоком матери. Конечно, «сила привязанности» к отдельным вещам у разных людей различна, но «мое» – это всегда наиболее сильно эмоционально окрашенная часть мира вещей. Труднее усваивается позиция «не мое». Происходит это путем сознательного, хотя и беззастенчивого процесса мысленного отказа от всего того, что «не мое». Способность человека четко различать эти две по-

личности и его готовность действовать сообразно с ними в повседневной жизни представляет собой базовую основу для всей системы отношений собственности, в которые включена личность.

Шкала «мое–твое» измеряет более сложную реальность. Тут известен другой собственник, к которому первый относится определенным образом и соответственно строит свое отношение к его собственности (х «твое»).

Особая позиция формируется по шкале «мое–ничье», когда человек понимает, что вещь не имеет собственника. Такое умонастроение многих браконьеров: они считают, что дикие животные, на которых охотятся, не принадлежат никому конкретно, хотя формально известно, что их хозяин – государство.

Еще более сложная психологическая (а одновременно экономическая и правовая) ситуация возникает по шкале «мое–наше». Измерить собственно «мое» в «нашем» в высшей степени трудно. Поэтому, к примеру, процесс превращения «моего» в «наше» в ходе коллективизации в сельском хозяйстве России был осуществлен насильственно и формально: крестьяне насильно лишались «моего», но так и не осознали и не признали общее владение «нашим». То же самое имело место в период массовой приватизации, когда так и не ставшую за годы советской власти «нашей» государственную собственность пытались без осложнений сделать «моем» в акционерных обществах. Не помогло и денежное участие, при котором акции (или земельные пак) формально обозначены и персонализированы. Основная масса населения оказалась психологически неготовой к владению и распоряжению собственностью.

Обращение к чувству собственности, проявляемому в детском возрасте, можно найти в исследованиях Д. А. Китовой и Р. Х. Токова: «Повседневные наблюдения показывают, что из множества качеств растущего человека, которые затем созревают и определяют его жизненный путь, едва ли не раньше всех других обнаруживаются те, которые имеют определенные отношения к экономической жизни. Наиболее фундаментальное из них – отношение к собственности – дает о себе знать в раннем возрасте. Ребенок без особого участия родителей, без их старания, спонтанно проявляет зачатки чувства собственности почти на первом году жизни. Переживая, стоящие за словом „мой“ („мое“, „моя“), беспокойства младенца, во крайней мере, к тому времени, когда он начинает говорить» (Китова, Токов, 2013, с. 37).

Авторы анализируют некоторые аспекты чувства собственности в онтогенезе. Все дети переживают это чувство, однако с различ-

ной глубинкой и силой привязанности. Это дает основание предполагать, что чувство собственности может опираться на различные анатомо-физиологические «базы» мозга, т. е. быть врожденным, передаваемым по наследству.

Чувство собственности в раннем детстве оказывается односторонним. Ребенок еще не отличает четко «мое» от «чужого». Ему трудно понять, почему нечто принадлежит другому, а не ему самому. Поэтому нужно обращать особое внимание на осознание ребенком факта, что между «моим» и «чужим» есть принципиальная разница: «моим» можно распоряжаться по своему усмотрению, а на «чужое» нельзя претендовать без ведома хозяина.

Когда появится чувство «чужого», нужно приучать ребенка к тому, чтобы он был способен отдавать нечто свое другому, делиться. После усвоения этого умения можно переходить к элементарным операциям обмена.

Пониманию обмениваемых вещей не могут быть равноценными в экономическом смысле. Ценность обмениваемых вещей среди детей носит часто эмоциональный характер: ребенок может обменять дорогостоящий велосипед на дешевую, но яркую игрушку, которую он увидел впервые. Приучение к экономически равноценному обмену происходит весьма трудно: даже не у всех взрослых способность к этому развита достаточно высоко. Причина не только в трудностях оценки: цена вещи в житейской практике определяется не стоимостью, затраченной на ее производство, как считал К. Маркс, а главным образом остротой потребности личности в этой вещи. Это маскирует экономическую ценность эмоциональным отношением к вещи.

В отношениях собственности важную роль играет освоение детьми функций денег. По мнению отечественных и зарубежных ученых этого следует добиться в дошкольном возрасте – к 3–6 годам. Особое внимание при этом обращает на то, чтобы связать в сознании детей деньги с той или иной формой общественно полезной социальной активности. Это помогает детям осознать, что деньги нужно зарабатывать, даром их нельзя получить.

Однако приходится констатировать, что редко российская семья способствует развитию чувства собственности у своих детей, компетентного отношения к материальным ценностям. Так, по данным ВЦИОМ, на вопрос «Сообщаете ли вы детям размер семейного бюджета?» 63% родителей ответили «нет», а 37% – «да». На другой вопрос – «Советуетесь ли с детьми, как расходовать зарплату?» – 25% сказали «иногда», 19% – «да», и 56% – «нет» (АнФ, 2004).

Собственность не только вызывает к жизни субъективные переживания, но и влияет на поведение личности. В частности, обмен, накопление, траты – это, по сути, внешние проявления внутренних психических процессов. Джон Менард Кейнс, исследовавший взаимосвязь потребления и накопления, считает, что существует восемь субъективных причин, которые «побуждают людей воздерживаться от расходования получаемого ими дохода» (Кейнс, 1993, с. 220), в их числе:

- стремление образовать резерв на случай непредвиденных обстоятельств;
- стремление делать целые сбережения для финансового обеспечения будущих событий в предвидении того, что прогнозируемых на то время доходов будет недостаточно (например, на старость, образование детей и др.);
- стремление ограничить немедленное потребление из-за предпочтительности большего реального потребления в будущем;
- стремление к накоплению под влиянием подсознательного желания человека видеть в будущем постепенное повышение своего жизненного уровня;
- стремление наслаждаться чувством независимости из-за возможности принимать самостоятельные решения, даже если каки-либо особые дополнительные расходы в будущем не предвидятся;
- стремление обеспечить себе свободу маневра, позволяющую осуществлять выгодные коммерческие операции в будущем;
- стремление оставить наследникам состояние;
- стремление удовлетворить чувство скупости, реализовать ни на чем не основанное, но стойкое предубеждение против самого акта расходования денег.

Вещная и социальная среда в структуре чувства собственности

Мир вещей, образующих среду обитания личности, весьма многообразен. Его изучение психологами только начинается в русле нового направления, обозначенного термином «психология среды» (см.: Личность..., 2000, с. 232). Среда как объективная реальность включает в себя четыре элемента: природу, людей, рукотворные вещи и умотворные идеи. Человек, входя с ними во взаимодействие, в той или иной форме потребляет их, т.е. использует для удовле-

творения своих потребностей. Но для этого сначала нужно «присвоить» их в самом шаровом смысле слова, т. е. получить к ним доступ, вступить во взаимодействие, а если удастся – сделать своей принадлежностью, стать их собственником.

По отношению к неживой природе это значит получить возможность наблюдать ее, наслаждаться ее красотами и таким образом удовлетворить эстетические потребности. Можно присваивать фрагменты природы не только в пассивной, но и активной форме (к примеру, путем восхождения на Эверест). Но можно «существовать в более тесную связь – превратить участок природы в свою собственность. Это возможно сделать и с живой природой с той лишь разницей, что в этом случае объект собственности сам вступает во взаимодействие с субъектом в качестве активного субъекта. Например, моя собака не «мояча принадлежит» мне: я тоже принадлежу ей. Получителен в этом отношении случай, описанный российским юристом Л. И. Петражициным, о собственнике зоопарка, который попал в клетку к дикому тигру, купленному им и ставшим его собственностью (Петражицкий, 1909). Кто в таком случае собственник: хозяин зоопарка или тигр?

В контексте отношений собственности и человека представляют интерес не только современные формы работорговли. Как толковать в этом смысле родственные связи людей? Словосочетание «МОЯ падкая» прозрачно: оно фиксирует факт принадлежности лично мне этого падкая в качестве объекта моей собственности. Более или менее понятно, о чем идет речь, и когда говорят «мой котенок». Но что означает «мой дедушка», «моя мама», «мой племянник», если имеется в виду личность в системе отношений собственности? Исследователи установили 14–23 синдромов, важных для удовлетворения потребности в регулярном дружеском общении, поддержке или чувстве принадлежности, – пишет Барри Уэлман, профессор Центра изучения городских общностей Торонтского университета в Канаде. – Эти активные связи дают людям большую часть их взаимной поддержки и партнерства» (Уэлман, 2000, с. 86).

Уэлман рассматривает взаимоотношения с родственниками и друзьями как один из трех основных путей доступа большинства людей к ресурсам; другие два – рыночный обмен объектами собственности и институционализированные возможности типа прав гражданства, организационных возможностей и благотворительности. «Хотя ученые только начали подсчитывать расходы и доходы взаимоотношений в сетях связи, сети явно вносят важный вклад и являются ресурсами, позволяющими людям идти по жизни, преодолевать

постоянные стрессы, не надеясь на государственные, общественные институты» (там же, с. 87). Как полагает Уэллман, взаимоотношения с прямыми родственниками надежно обеспечивают услуги, эмоциональную и финансовую поддержку в пределах этих связей. Их значение для жизнедеятельности людей трудно переоценить. Об этом свидетельствуют хотя бы жестокие переделы собственности между родственниками, а также скандалы, сопровождающие бракоразводные процессы.

Система отношений собственности, как она представлена реальном мире, является объектом исследования по крайней мере трех наук – экономической, юридической и психологической. Предметом же психологического исследования можно рассматривать психическое отражение (процесса и результата) отношений собственности человеком.

В каком виде они представлены в психике? Можно только сказать, что представительство отношений собственности в психике не является копией системы, т. е. между внешней, объективной картинкой и ее идеальным представителем нет отношений взаимнооднозначного соответствия и подобия.

Для изучения психологической сущности отношений собственности определенный интерес представляет психологическая теория права, которая в начале прошлого века развивалась русским правоведом Л. И. Петражицким (Петражицкий, 1909). По его мнению, собственность не есть явление лишь внешнего, объективного мира. Автор определяет ее в одном из значений как «психическое эмоционально-интеллектуальное явление, которое существует в психике того, кто приписывает себе и другому право собственности» (там же, с. 33).

Петражицкий акцентирует также психические состояния человека, который приписывает другому право собственности. Такой человек считает себя (и других) обязанным терпеть любое отношение к вещи, всякое воздействие на нее, в том числе употребление и злоупотребление со стороны этого другого, и самому воздерживаться от всякого воздействия на вещь без дозволения собственника; причем все это переживается таким образом, что внутреннее согласие на предоставление другому права пользования и свободы от вмешательства со стороны других осознается как нечто безоговорочно причитающееся собственнику.

Легко заметить, что столь «абсолютной собственности», вообще предоставленной исключительно усмотрению личности без права общества и государства корректировать владение, использо-

вание и распоряжение объектами собственности, нет и не может быть. Даже Великая французская революция 1889 г., объявлявшая собственность священной и неприкосновенной, все же нашла возможным реквизировать имущество эмигрантов; правда, при этом было установлено, что вернувшимся во Францию собственникам их имущество будет возвращено (Всемирная история..., 1960, с. 29–31). Возможно, учитывая переальность «абсолютной собственности», Конституция России, принятая 12 декабря 1993 г., отказалась от притязаний на «священность и неприкосновенность» и объявила, что государство «защищает собственность», но может вмешиваться в право собственности, корректировать его по суду. В результате экономическая свобода граждан, являющаяся необходимым условием полномочного владения, пользования и распоряжения собственностью, была существенно ограничена.

Психологическая сущность чувства собственности

Как ни спорно толкование собственности в психологической теории права, в ней немало значимых соображений относительно психологической сущности рассматриваемой нами категории. В частности, заслуживает внимания «психическое эмоционально-интеллектуальное влияние» как идеальное представительство отношений собственности в сознании собственника и другого человека, обязанного «терпеть» волюне обращение каждого из окружающих с принадлежащим им имуществом. Эмоционально-интеллектуальное новосоздание в психике, о сущности, содержании и структуре которого мы пока мало что знаем, обозначим рабочим термином «чувство собственности». Оно представляет собой органическое единство когнитивных, эмоциональных и волевых паттернов, регулирующих поведение и деятельность личности во всех случаях, когда экономический фактор приобретает сколько-нибудь заметную значимость.

Когнитивное слагаемое чувства собственности «ответственно» за познание причинно-следственных связей, под воздействием которых некоторая вещь становится собственностью личности, и за формулирование аргументов, убеждающих саму личность и окружающих людей в том, что процесс присвоения, осуществленный личностью, укладывается в общепринятые (правовые и нравственные) нормы.

Эмоциональное слагаемое чувства собственности придает присвоенному объекту особо притягательную силу, окрашивает его сложнейшим комплексом разнообразных чувств. В отличие от ко-

гнетивного слагаемого, которое опирается на логическое объяснение и обоснование характера причинно-следственных связей между личностью и объектом собственности, эмоциональное слагаемое весьма многозначно. Оно включает в себя такие полярно противоположные по своей модальности чувства, как радостное волнение за успешное присвоение и подсознательный страх утраты. О том, какой силой может достигать эмоциональное слагаемое чувства собственности, свидетельствует замечание К. Маркса о том, что материал, с которым имеет дело политическая экономия, вызывает на арену борьбы «самые неизменные и самые отвратительные страсти человеческой души – фурри частного капитала» (Маркс, Энгельс, 1955, с. 517).

Волное слагаемое чувства собственности придает личности напористость, доходящую до агрессивности в ходе обретения, сохранения, умножения и защиты собственности. Собственник, не обладающий достаточно сильной волей, необходимым когнитивным и эмоциональным потенциалом, не может удержать в своей власти принадлежащее ему имущество, быстро его утрачивает.

Экономическая продуктивность чувства собственности определяется целым рядом факторов. Важнейший из них – полнота власти личности над имуществом, составляющим его собственность. Она может ограничиваться различными способами – природно-климатическими условиями, государством, сосуществованием, коэволюциями, криминальными структурами. Экономическая продуктивность собственности коррелирует с уровнем экономической свободы.

Еще один фактор – это аренда, в течение которого имущество будет находиться во власти личности. «Магическая сила собственности», как говорили классики зарубежной политэкономии, проявляется в наибольшей мере тогда, когда право собственности во времени не ограничено. Идеальное условие – вечное владение, или хотя бы аренда, сопоставляемая во времени с продолжительностью жизни человека, если при этом условия аренды остаются постоянными и не могут измениться по произволу собственника. Если к тому же аренда может передаваться по наследству, то такая ситуация психологически (и экономически) почти тождественна вечному владению. «Арендатор, являющийся наследственным или пожизненным держателем своей земли и уплачивающий за нее твердую сумму, в сущности, является собственником земли», – считает английский экономист Дж. С. Миль, концепция которого является одним из источников марксизма (Миль, 1980, с. 447). Вечное владение выполняет мотивационную функцию: «То, что придавало человеку сме-

калку и упорство в труде, что заставляет его направлять все свои усилия к цели, полезной для человеческого рода, была мысль о вечном пользовании» (там же, с. 379).

«Несобственники» в системе отношений собственности

В системе отношений собственности наряду с собственниками функционирует большая группа людей, которые не являются собственниками, но специфическим образом причастны к чужой собственности. В первую очередь это относится к государственным служащим, имеющим право контроля чужой собственности. В их деятельности необходимо различать нормальное поведение, установленное законом, и пристрастное поведение, граничащее с коррупцией. Так, собственность малых предприятий могут контролировать около 40 государственных инстанций. Представители этих инстанций нередко считают для себя возможным притязать на чужую собственность, рассчитывать на получение какой-то доли имущества, ценностей в свое владение, использование и распоряжение на основании того, что в силу своего служебного положения обладают возможностью препятствовать или помогать деятельности собственника.

Коррупция в России (и не только в ней) имеет глубокие корни, которые мало изучены (Социально-психологические исследования..., 2016), а потому не поддается позитивному влиянию. Напротив, коррупция со временем усиливается. Как показывают материалы исследования, опубликованные в «Комсомольской правде» от 7 мая 2003 г. под рубрикой «Портрет явления: российская коррупция», размеры чиновничьих поборов за последние 150 лет все время повышались. Так, если в 1853 г. губернский прокурор, соответствующий ныне прокурору области, при зарплате примерно в 25 тысяч современных рублей получал в качестве взятки от состоятельного князя Голицына «всего» 90 тысяч в год, современный российский прокурор за одно дело, решенное в пользу взяточдателя, берет от 20 тысяч долларов (!) и выше. Начальник отделения милиции берет от 50 тысяч рублей, а эквивалентный ему квартальный надзиратель в 1853 г. получал от князя Голицына около 20 тысяч рублей. Словом, прогресса в борьбе с коррупцией чиновников до сих пор нет.

Причастными к чужой собственности считают себя не только чиновники. Есть еще и другие группы людей, склонные к притязанию на чужую собственность. Таковыми могут выступать друзья и родственники, которые почему-то полагают, что наиболее удачливые собственники из числа близких людей обязаны делиться

с ними своим добром. Если у чиновников поборы являются взятками за услуги, то родственники, например, ожидают материальной помощи без оказания каких-либо услуг. Психологическая природа этого явления, которое можно обозначить как склонность к козливенчеству, тоже мало изучена.

Не исследована и природа еще одной формы проявления козливенческих настроений, которая присуща многим бедным, считающим, что богатые в силу своего положения обязаны помогать им, делиться с ними важным добром, хотя для этого трудно найти логическое основание. Усилению таких настроений среди бедноты способствовала марксистская концепция подмены «делового обоюдного выгодного партнерства» работодателя и работника тезисом «эксплуатация человека человеком», определения собственности работодателя как результат присвоения им плодов труда работников.

В повседневной жизни существует и такая форма притязаний на чужую собственность, как попрошайничество. При этом далеко не всегда такая позиция занимает от большой нужды и бессмысленности. Даже во взаимоотношениях состоятельных людей наблюдаются случаи безвозмездного вымогательства и неравноценного обмена, представляющие по существу попрошайничество.

Особую разновидность притязаний на чужую собственность составляют притязания, свойственные лицам, совершающим корыстные преступления. Неразборчивость в способах присвоения чужой собственности, присущая поведению лиц, склонных к экономическим преступлениям, хотя и исследуется давным-давно, но еще не нашла сколько-нибудь приемлемого объяснения. Почему в идентичных условиях один человек идет на экономическое преступление, а другой, столь же обеспеченный материально, как и первый, находит в себе силы воздержаться от соблазна, – на этот вопрос наука еще не смогла ответить.

Итак, как видим, в систему отношений собственности входят не только собственники, но и множество людей, каким-то образом причастных к ней, которые могут рассматриваться как квазисобственники: она, не будучи объективно-собственными, субъективно претендует на чужую собственность, убежденные в том, что их притязания на собственность другого имеют те или иные основания.

***

Выяснение содержания многочисленных психологических реалий, связанных с психологическими характеристиками собственности, поможет разобраться в многочисленных вопросах, связанных с мас-

совым сознанием и поведением, как на теоретическом, так и на практическом уровнях. В частности, современная психологическая наука не имеет ответов на многочисленные вопросы о восприятии собственности и отношении к ней, с мотивационными и поведенческими характеристиками, обусловленными чувством собственности или желанием приобрести собственность, и пр. Было бы хорошо получить ответы на многочисленные вопросы:

- почему человек стремится к приобретению собственности и что лежит в основе этого стремления, каковы его мотивы, побуждения и стимулы;
- какие социальные типы собственников можно выделить в зависимости от психологических особенностей (например, уровня самооценки личности);
- какие существуют модусы отношения человека к общественной собственности, какие переживания вызывают процессы приватизации в России;
- как человек воспринимает необходимость расстаться с частью своей собственности и каковы переживания, связанные с различной природой лишения собственности (кража, воровство, налоговые выплаты, инфляция, рост цен и т. п.).

Ответ на каждый из приведенных выше вопросов имеет свои варианты в зависимости от социальных и личностных особенностей человека и условий социальной среды. Данные варианты будут специфичными и в то же время сходными в определенный исторический период, в той или иной местности, в конкретном социальном слое, этнической общности, статусно-профессиональной или возрастной группе, что переводит проблему в поле исследований массового сознания и поведения. Эти основания не могут создать серьезную базовую основу для исследования макропсихологической системы отношений собственности, позволят осознать значение собственности как источника разлтия отношений между людьми и странами, а в психологическом плане – важного элемента массового сознания и поведения.

Раздел 5

МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ОБЩЕСТВА

Глава 15

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ И ГОТОВНОСТЬ К ЕГО ПРИМЕНЕНИЮ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

При современном состоянии международных отношений оружие массового уничтожения находится под контролем государства, и вероятность его целенаправленного применения невелика. Как показывает исторический анализ, благодаря усилению государства, развитию институтов международных отношений и росту экономической взаимозависимости, за последние 200 лет войны стали менее кровавыми и менее выгодными. Даже с учетом катастрофических потерь во время Первой и Второй мировых войн ситуация не идет ни в какое сравнение с более кровавыми эпохами, особенно с эпохой палеолита (Назаретян, 2001; Гил, 2013).

Безусловно, ядерное сдерживание до сих пор играет свою роль в предотвращении Третьей мировой войны. Однако история Карибского кризиса и Вьетнамской войны показывает, что ядерное устрашение работает далеко не всегда (Rühle, 2015). В условиях сетцентрической, дистанционной высокоточной войны в качестве инструментов устрашения все чаще используются неядерные виды оружия в сочетании с ядерными. Маломощные тактические ядерные заряды утратили роль орудия устрашения, но сохранили роль символа помощи союзникам и защиты от возможных агрессоров (Suchy, Thuerig, 2014). Поэтому, несмотря на фатальность последствий ядерной войны, возможность использования ядерного арсенала по-прежнему активно эксплуатируется некоторыми государствами. Современные военные доктрины строятся на стратегическом сдерживании возможностью превентивного удара при провокации внутреннего вооруженного конфликта и риске распада государства, в котором ядерные и обычные вооружения используются как элементы единой системы (Полетаев, Алферов, 2015).

Все это позволяет сделать вывод о том, что преследование радикальных целей уничтожения противника в ядерной войне малове-

роитию, однако растет вероятность затягивания в ядерную войну через применение неядерного оружия. Иными словами, тактические решения, каждое из которых само по себе воспринимается властью как адекватный ответ на провокации, могут привести к фатальным ошибкам.

Реальные глобальные риски, связанные с ядерным оружием, усиливаются двумя процессами: во-первых, распространением ядерного оружия на фоне роста его технической доступности, а во-вторых, участвующей демонстрацией отдельными государствами своей готовности использовать это оружие. Испытания перспективных вооружений, действия по поддержанию готовности сил и средств к применению напоминают «танцы на краю пропасти» и постоянно испытывают запас прочности технических и человеческих систем безопасности. Следствием обоих процессов становится рост вероятности непреднамеренного срабатывания ядерных установок, попадания их в руки слабых, нестабильных государств, к террористическим организациям и т. п. Необходимые действия в случае ядерного взрыва обсуждаются сегодня всерьез, так как вероятность подобных событий растет (Davis, 2014).

Ниже мы рассмотрим некоторые из психологических механизмов, влияющих на эти два процесса. Незнание или игнорирование таких механизмов при принятии внешнеполитических решений чревато фатальными ошибками. Данная работа продолжает и развивает ранее выполненный сотрудниками Института психологии РАН анализ социально-психологических аспектов изучения ядерного сдерживания и стратегической стабильности (Нестик, Журавлев, Соснин, 2011, 2012; и др.).

Психологические механизмы, лежащие в основе распространения ядерного оружия

Несомненно, существуют объективные факторы распространения ядерного оружия в условиях происходящих сегодня изменений архитектуры международных отношений: волиция ядерных стран-соседей, роста нестабильности в регионах, имеющегося у стран научно-технического и ресурсного потенциала и увеличения доступности ядерных технологий, степени интегрированности стран в мировую экономику, затрудненности контроля за соблюдением Договора о нераспространении ядерного оружия подписавшими его неядерными странами, а также приостановки ядерного разоружения (Тарасов, 2013). Наряду с этими политическими и экономи-

ческими факторами можно выделить несколько психологических механизмов, влияющих на распространение ядерного оружия: защита позитивной идентичности, дилемма безопасности и самореализующиеся пророчества, эффекты фундаментальной ошибки атрибуции и сверхуверенности политического руководства. Возможно действие и целого ряда других социально-психологических механизмов (см.: Психология XXI века; Соснин, Журавлев, Нестик, 2011; Социальная психология, 2002; и др.).

Джозеф Хаймакс хорошо показывает роль механизма поддержания позитивной групповой идентичности в распространении ядерного оружия. Он опирается на пример двух ядерных держав (Франция и Индия) и двух стран, которые могли создать или приобрести ядерное оружие, но отказались от этой возможности (Австралия и Аргентина). К приобретению ядерного оружия склонны политические руководители с особым типом идентичности – оппозиционные лидеры-националисты, которые, приходя к власти, испытывают одновременно и гордость за свою страну, и чувства фрустрации, унижения несправедливым положением страны на мировой арене. Само по себе запугивание ядерной угрозой и ужесточение контроля над распространением ядерного оружия только усиливают недовольство сложившимся положением среди лидеров несдержных государств. Путь к снижению ядерной угрозы лежит не через демонстрацию недоверия и наращивание средств обнаружения, а через дипломатию, поддерживающую чувства национального достоинства у лидеров всех заинтересованных государств (Nuthall, 2006, 2012, 2013).

Любопытно, почему столь немногие государства захотели и смогли реализовать программы по созданию ядерного оружия и почему также программы потребовали гораздо больше времени, чем планировалось. На сегодняшний день 95% государств не имеют ядерного оружия, и вовсе не потому, что не имеют средств к его созданию или приобретению. Одна из причин кроется в том, что лидеры, ослепленные фрустрацией и гордыней, демотивируют ученых и не могут создать для их работы соответствующие условия (Nuthall, 2012).

Мария Рубля на примерах государств, отказавшихся от своих программ по созданию ядерного оружия (Японии, Египта, Ливии, Швеции и Германии), показывает, что поведение национальных политических элит объясняется не столько экономическими и политическими факторами, сколько социально-психологическими: изменением первоначальных представлений под влиянием убеждения со стороны других руководителей; конформностью в отношении

внутренних культурных и международных правил; идентификацией себя с другими государствами и лидерами. При этом каждая страна по-своему конструирует образ ядерного оружия и его роли в своем будущем, проходя несколько стадий: сопоставление выгод и рисков от потери неядерного статуса, изменение предпочтений, смена идентификация (Rublee, 2009).

Характеристики государственной идентичности в международных отношениях не являются постоянными: государственные руководители и дипломаты выбирают идентичности, учитывая расстановку сил на национальной и мировой арене. Так, например, руководители Китая и России вынуждены постоянно разрешать противоречия между образом сильного государства и образом государства, строго следующего международным нормам; английское правительство вынуждено разрешать противоречие между образом государства, ведущего войну с террором, и образом защитника демократических ценностей (Almeida, 2012).

Действительно, формирование международных норм в отношении гонки вооружений поддерживается процессами социальной идентификации и межгруппового сравнения. Оно тесно связано с поведением ядерных стран, выступающих для международного сообщества «ролевыми моделями», или «референтной группой». Тщательное сопоставление данных, полученных в разных науках, указывает на то, что ориентация стран Ядерного клуба на разоружение действительно снижает мотивацию других государств к переходу в статус ядерных держав. Однако, учитывая особенности принятия государственных решений, одного разоружения недостаточно, чтобы остановить распространение ядерного оружия (Клорі, 2012).

Ядерные программы Ирана и Северной Кореи опасны не столько сами по себе – ведь создаваемые ими ядерные заряды во своей мощности не могут идти ни в какое сравнение с оружием ключевых держав ядерного клуба (Нутана, 2013), – но тем, что они провоцируют руководство других неядерных стран к участию в большой игре на фоне все большей технической доступности средств массового уничтожения.

Следует подчеркнуть, что для запуска ядерной программы недостаточно наличия технических возможностей. Действительно, работа над созданием ядерного оружия «облегчается» благодаря помощи со стороны ядерных государств, экспортирующих мирные атомные технологии. Так, США помогали Ирану в 1957–1979 гг. и Индии в 2001–2008 гг., СССР экспортировал ядерные технологии в Ливию в 1975–1986 гг., Франция, Италия и Бразилия – в Ирак с 1975

по 1981 гт. Но военную направленность эти мирные программы приобретают тогда, когда руководство попавших в зависимость стран сталкивается с кризисом в международных отношениях и переживает фрустрацию (Fuhstapa, 2012).

Именно использование чувств уязвленного достоинства, превосходства, недоверия, несправедливости, беспомощности и уязвимости позволяет политическим лидерам оправдать начало военных действий в национальном массовом сознании. Например, именно к этим чувствам апеллировала администрация Дж. Буша, обосновывая необходимость вторжения в Ирак в марте 2003 г. защитой США от террористических атак и ядерного оружия, якобы скрываемого Саддамом Хусейном (Weiner, 2009; Eideison, 2013).

Демонизация противника легко осуществляется не только в массовом сознании, но и в головах политиков, принимающих решения, так как интерпретация сторонами действий друг друга затруднена известной «дилеммой безопасности» (Jervis, 1978; Booth, Wheeler, 2008). Стремясь повысить степень обороноспособности своей страны, руководство принимает решения, которые руководители других стран воспринимают как призывы подготовки к нападению. Так раскручивается спираль эскалации напряженности в международных отношениях. Дилемма безопасности является частным случаем самореализующихся пророчеств: наблюдая за словами и действиями друг друга, стороны находят все больше подтверждающий своим пессимистическим ожиданиям и все больше опираются на них в собственном поведении, подталкивая к приобретению оружия массового уничтожения.

Политикам крайне трудно отличить государство, принимающее защитные меры в навязанной ему ситуации, от государства, стремящегося к экспансии по воле своего лидера. Это может быть связано с фундаментальной ошибкой атрибуции: при объяснении действий личности или группы основное внимание уделяется их внутренним мотивам и чертам, а не особенностям ситуации, в которой те находятся (Ross, Nisbett, 1999). Объективная ситуация в международных отношениях такова, что для обеспечения собственной безопасности государства вынуждены либо вступать в военные альянсы, гарантирующие поддержку более сильных партнеров, либо наращивать собственные вооруженные силы. Однако воспринимаются эти ситуативно обусловленные действия как проявление личностных особенностей лидеров. Парадокс состоит в том, что для большинства дипломатов и государственных руководителей характерна презумпция собственной невинности: не учитывая феномена

фундаментальной атрибутивной ошибки, они знают, что действуют с целью самозащиты и думают, что это известно всем остальным. Классическим примером является ядерная программа руководства Северной Кореи. Эта программа разрабатывается для защиты политического режима, но воспринимается соседями как подготовка к войне и связывается с личностными особенностями авторитарного лидера страны.

Ошибочная интерпретация руководителями стран намерений друг друга приводит к уже обсуждавшемуся нами эффекту *слабых-воющих* пророчеств: чем более жесткие санкции вводит член ядерного клуба против Ирана и Северной Кореи, тем больше они убеждают руководство этих стран в необходимости ядерного арсенала.

Эта спираль взаимного недоверия может раскручиваться и благодаря эффекту *сверхуверенности* личности в своих суждениях и прогнозах (см. также: *Доверие и недоверие...*, 2013). В международных отношениях подобный эффект выражается в стремлении политиков сбросить со счетов точки зрения и факты, противоречащие выбранной позиции, а также в переоценке своей способности выявлять подлинные намерения, скрытые за действиями руководства других государств (Jervis, 1976). Например, И. В. Сталин в 1941 г. закрывал глаза на очевидные факты, ошибочно полагая, что гитлеровская Германия не начнет войну в ближайшее время. Точно так же израильское руководство перед атакой египетских и сирийских войск, совершенной во время праздника Йом-Кипур 6 октября 1973 г., не смогло правильно оценить имеющуюся оперативную информацию, будучи убежденным в слабости арабских государств. И наоборот, сверхуверенные сторонники начала войны могут недооценивать готовность другой стороны к сопротивлению (Lebow, 1981). Ярким примером могут служить решения США о введении вооруженных сил в Афганистан, а также российские военные компании в Чечне.

Сверхуверенность тесно связана с устойчивостью стереотипов и предубеждений. Например, социальные стереотипы политиков Ирана в отношении абсолютной враждебности арабского мира подталкивали их к приобретению и созданию ядерного оружия.

Психологические аспекты демонстрации готовности применить ядерное оружие

Демонстрация руководством какой-либо страны готовности применить ядерное оружие связана с целым рядом психологических факторов – личностных, групповых и межгрупповых.

Среди интраличностных факторов следует выделить мотивационно-когнитивные искажения, а также особенности личности политика, принимающего решения.

Психологическая специфика ядерного противостояния определяется, помимо прочего, высокой замыкаемостью стратегических решений от психологических особенностей небольшого числа лиц. Если вопросы ядерного разоружения и контроля над распространением ядерного оружия находятся под влиянием довольно большого числа политических институтов, то принятие решения о нанесении ядерного удара в кризисной ситуации является прерогативой крайне ограниченной группы людей. Одна из сложностей обеспечения стратегической стабильности (помимо материальной основы ядерного сдерживания) – состоит в том, что люди, формулирующие политические установки... не всегда четко представляют себе и современную оперативно-стратегическую сферу, и военно-технологическую, не имея к тому же „под рукой“ необходимой группы экспертов, ученых соответствующей квалификации» (Ковалкин, 2009, с. 20). Нехватка объективной информации усиливает влияние психологических особенностей ситуации, а также личностных свойств руководителей.

Анализ противоречий в кругах американской политической элиты в 1898–1968 гг. показывает, что политики, характеризующиеся доминантностью в межличностных отношениях, были более склонны к решению политических и международных вопросов силовым путем, а экстраверсия, склонность доверять людям и высокая самооценка связаны с поиском компромиссных решений (Folgeridge, 1978).

Влияние индивидуальных различий в разрешении конфликтов подтверждается и лабораторными экспериментами (Ziegler, Zogiano, 1984). Например, авторитарность лидеров может повышать вероятность использования ядерного оружия, однако, если бы все руководители ядерных держав были авторитарными личностями, эффективность ядерного сдерживания была бы более высокой. Как известно, авторитарная личность отличается высоким этноцентризмом, подверженностью стереотипам и предрассудкам, готовностью подчиняться власти (Адарно, 2001). Экспериментальные исследования Б. Альтмейера, все испытуемые которого характеризовались высоким показателем авторитаризма правого толка, показали, что, играя роль руководителей государств, такие участники придерживались правил «мы не трогаем вас, а вы – нас». Высокие консерватизм и авторитаризм удерживали внимание таких руководителей на проблемах своего государства, при этом их активность

в совместном решении глобальных проблем оказывалась очень слабой. Однако, когда участниками эксперимента стали авторитарные личности с выраженным стремлением к власти, ситуация изменилась: они гораздо более активно вели переговоры друг с другом, однако, стремясь расширить свое влияние, подталкивали мир к ядерной войне (Aitkenuey, 2003).

Помимо устойчивых личностных качеств, на принятие решений о демонстрации готовности применить ядерное оружие влияют закономерности переработки информации и принятых решений в условиях риска. Перед лицом угрозы политические лидеры склонны упрощать ситуацию, используя ложные сравнения (Zirín, 2013). Так, во время вторжения Ирака в Кувейт Буш-старший назвал Саддама Хусейна Гитлером, хотя намерения и возможности этих исторических фигур были несопоставимы; позднее Джон Керри назвал Гитлером Башара Асада; во время президентской гонки Дональд Трамп назвал лидера Северной Кореи сумасшедшим, и т. д.

Еще одной когнитивной ошибкой при демонстрации готовности использовать ядерное оружие может быть метафора «эскалации напряженности», вызывающая в воображении лестницу, по которой стороны в любой момент могут сделать шаг вверх или вниз (Tetlock et al., 1991). Иными словами, политики могут переоценивать свою способность влиять на ситуацию, идя на поводу даже используемых ими в речи метафор. Использование метафор и аналогий не только способствует более глубокому пониманию международных процессов, но и так же часто приводит к ошибочным выводам. Например, принимая решение о вторжении во Вьетнам в 1965–1973 гг., американские руководители опирались на ошибочную аналогию с войной в Корее в 1950–1953 гг. (Khong, 1992).

Эффект недооценки уступок, или реактивной девальвации уступок, наиболее часто проявляется в переговорах: уступка воспринимается как незначительная только потому, что она сделана другой стороной. Получив уступку, переговорщик не готов отвечать на нее равнозначным предложением или добивается от уступившего еще большего (Левацкий и др., 2006). Очевидно, что обмен уступками во время ядерного кризиса может быть блокирован недоверием сторон друг к другу: несопоставимое политиками обесценивание предложений другой стороны может провоцировать их на использование «стратегических жестов» в наде повышения уровня боеготовности ядерных сил («социальных и психоэкономических механизмах рассматриваемых явлений см. также: Доверие и недоверие... 2013; Россия в глобализирующемся мире..., 2007; и др.).

Среди когнитивно-мотивационных искажений большое значение может иметь стремление оправдать свои решения задним числом: даже при наличии очевидных доказательств неизбежности ответного удара решение может быть принято в пользу нападения, так как стремление к самонепротиворечивости искажает восприятие ситуации. Например, наличие ядерного оружия у Великобритании не удержало Аргентину от захвата Фолклендских островов (Lebow, 1985).

Высокий уровень эмоционального возбуждения под влиянием пугающей информации также может быть фактором принятия решения о ядерном ударе (Allan, 1993).

Еще один психологический механизм втягивания в войну связан с особенностями различных фаз принятия решений, описанных Э. Хекшлузоном и П. Голвинцером в «модели Рубикона» (Gellwitzer et al., 1990; Johnson, Tierney, 2011). Если на стадии выработки решения люди склонны к сопоставлению различных альтернатив, то после того, как решение субъективно кажется принятым и «Рубикон перейден», мозг работает в другом, исполнительском, режиме, и чувствительность к новой информации резко снижается. На этой стадии люди гораздо больше подвержены различным когнитивным искажениям, включая «туннельное видение», поддерживающее самонепротиворечивости, иллюзию контроля над ситуацией и сверхубежденность в своей правоте. Мы уже указывали на опасную связь неядерных вооружений и тактического и стратегического ядерного оружия в современных военных концепциях. «Модель Рубикона» позволяет понять, как цепочка тактических решений по использованию конвенциональных средств сдерживания может привести к втягиванию в ядерную войну.

Исследования, опирающиеся на проспективную теорию принятия решений Д. Канемана и А. Тверски и на эффект «рамки», показывают, что перед угрозой потери статуса-кво государственные лидеры склонны принимать более рискованные решения, чем для усиления своих позиций. Так, опасаясь потерять свои позиции на международной арене, Япония нанесла удар по Пера-Харбору, США начали войну в Корее и Вьетнаме, а СССР ввел войска в Афганистан. Политические элиты, переживающие такие опасения, поддерживают сдвиг к рискованным решениям (Taliaferro, 2004; Levy, 2013).

Еще одним фактором, влияющим на принятие решений об использовании оружия массового уничтожения, является нормативный конфликт, когда необходимость следовать международным нормам вступает в конфликт с внутригрупповыми нормами. При-

мером может служить предложение генерала Дж. Маршалла, поданное – лауреата Нобелевской премии, использовать химическое оружие против Японии в 1945 г., чтобы не допустить массовых жертв среди американцев. Таким образом, конфликт норм может провоцировать нарушение табу на применение оружия массового уничтожения (Dolan, 2013).

Среди *аккумулятивных факторов* ключевую роль играют эффекты «группового мышления», впервые обнаруженные в ходе Карибского ядерного кризиса (Janis, 1972). Как оказалось, эксперты с высокими интеллектуальными способностями могут принимать гораздо более рискованное и ошибочное совместное решение по сравнению с решениями, которые они бы приняли порознь. Такие факторы, как директивный стиль руководства, высокая сплоченность и наличие внешней угрозы, подталкивают членов группы к необдуманным и крайне рискованным решениям. Проявлениями эффекта группового мышления являются сверхоптимизм, групповая поляризация, групповое давление, приводящее к недооценке мнений меньшинства, а также феномен *сдвига к риску*. Все эти эффекты хорошо известны в современной психологии (Современная психология..., 1999; Соснин и др., 2011; Социальная психология, 2002; и др.).

Феномен сдвига к риску был впервые обнаружен в 1962 г. Дж. Стоувером. Он предлагал участникам эксперимента сначала зафиксировать свое личное мнение по ряду вопросов, включавших рискованную альтернативу (например, должна ли футбольная команда при равном счете идти на атаку, открывая ворота в последние минуты матча; следует ли вкладывать деньги в опасное дело, сулящее большую и быструю прибыль и т.д.). Оказалось, что в ходе последующего группового обсуждения 12 из 13 групп согласились на более рискованную альтернативу. Более того, после группового обсуждения индивидуальные мнения участников тоже сдвигались в направлении более рискованных вариантов решения (Stoner, 1968).

В ряде исследований было показано, что в ходе групповой дискуссии происходит усиление той позиции, которую – в более мягкой, менее категоричной ее форме – разделяли большинство участников. Таким образом, чем сильнее групповая идентичность участников обсуждения, чем выше их сплоченность, тем больше вероятность поляризации и сдвига к риску (Abrams et al., 1990). Причем «экстремисты», с самого начала занимающие крайнюю точку зрения по отношению к остальным участникам обсуждения, сдвигают ее еще в более крайней позиции. С точки зрения теории самокатегоризации, эффект поляризации объясняется ориентацией участ-

никая дискуссия на прототипический образ своей группы: сдвиг происходит в направлении той точки зрения, которая представляется наиболее ярким маркером принадлежности к данной группе.

Групповое мышление и сдвиг к риску могут приводить к эскалации международных конфликтов (вспомним, например, вступление вооруженных сил Китая в Корею 25 октября 1950 г., решение Белого дома о высадке десанта в заливе Свиней на Кубе 17 апреля 1961 г. и т.д.). Роль внутригрупповых процессов подтверждается при моделировании принятия решений штабом Кеннеди в ходе Карибского кризиса (Zakatos, Noshito, 2006), а также моделировании влияния авторитарных лидеров на гонку вооружений (Altemeyer, 2003).

Ключевыми отличительными признаками принятия решений в кризисной ситуации можно считать угрозу базовым ценностям, дефицит времени и высокую неопределенность (Zigst, 2003).

В ходе внутренних и международных кризисов горизонт планирования политических лидеров сокращается (Hobbi, 1989). В таких условиях непосредственное окружение менее склонно противоречить лидеру и может делать ошибки первых лиц более вероятными. Исследования групповой динамики свидетельствуют о том, что при дефиците времени у членов группы повышается потребность в определенности, простых и окончательных решениях, возрастают групповое давление и конформность. Решение о превентивном ударе рассматривается как дилемма между риском войны сейчас и риском войны в гораздо менее благоприятных условиях позже (Levy, 2013). В целом, высокая ориентация группы на ближайшее будущее, которую можно выразить формулой «сейчас или никогда», приводит к «защориванию группового разума» (Kest, Tinsdale, 2004). В таких условиях группа становится невосприимчивой к экспертным оценкам и прогнозам, расходящимся с уже сложившимися представлениями и мнением лидера.

Иными словами, если решения принимаются в быстро меняющейся ситуации и при высоком риске, их качество зависит от внутригрупповой динамики сильнее, чем от компетентности экспертов или руководителей.

Следует обратить внимание на то, что в основе ядерного противостояния лежит социальное взаимодействие «проактивный-проактивный», редко встречающееся в общественной жизни и малоизученное в социальной психологии.

Как известно, стратегии поведения в конфликте можно классифицировать с помощью пространства из двух шкал: 1) ориентация на собственные интересы и 2) ориентация на интересы партнера

(Prügel, Rubin, 1986). Эта классификация позволяет выделить четыре основных типа взаимодействия: «выигравший–выигравший» (одним из вариантов которого является компромисс путем взаимных уступок), «выигравший–проигравший», «проигравший–выигравший» и «проигравший–проигравший».

В повседневном опыте мирной жизни мы без труда найдем примеры всех стратегий, за исключением последней. Взаимодействие «проигравший–проигравший» возникает в тех исключительных случаях, когда другие варианты невозможны или не оставляют шансов на выживание. История войн, вооруженных столкновений и терактов изобилует примерами добровольного самопожертвования ради нанесения как можно большего урона врагу. Независимо от оценки этих действий, они оказываются весьма эффективным средством устрашения, направленного на снижение устойчивости превосходящего в силе противника.

Однако сценарий «проигравший–проигравший» в ядерном конфликте является крайним, практически не известным истории вариантом стратегий. В войнах с применением обычного оружия героическая гибель имеет глубокий психологический смысл даже в тех случаях, когда идущие на смерть люди не надеются остаться в памяти потомков: они считают, что ценой своей жизни спасают жизни ближних. Иными словами, они вступают во взаимодействие по типу «проигравший–проигравший», представляя долгосрочную стратегию «проигравший–выигравший». В ядерной войне ситуация принципиально иная: здесь гибель одних членов сообщества не спасает остальных от быстрой смерти или долгого и мучительного вымирания.

Включение личности или социальной группы в данный тип взаимодействия влечет за собой два психологических эффекта, противоположных по своим последствиям: расширение диапазона допустимых методов воздействия и одновременно повышение догматизма и приверженности групповым ценностям.

С одной стороны, высокая вероятность необратимых потерь вплоть до физического уничтожения вызывает сужение временной перспективы, когда тщательный анализ долгосрочных последствий принимаемых решений теряет какой-либо практический смысл. Необходимость тотального уничтожения психологически освобождает лиц, принимающих стратегические решения, от необходимости нести ответственность перед обществом и его политической системой, большинство представителей которой обречены на гибель и не смогут воспользоваться какими-либо политическими и правовыми санкциями. Игнорирование групповых норм, а также стрем-

ление опередить противника существенно расширяют диапазон стратегий и тактик взаимодействия, признаваемых допустимыми и оправданными. Иными словами, при наличии высокой вероятности ядерного удара лица и группы, облеченные властью, могут пойти на силовые или дипломатические решения, которые, даже не предполагая использование ядерного оружия, способны спровоцировать другую сторону.

С другой стороны, высокая вероятность личной смерти, как показывают эмпирические исследования, повышает дегматичность личности и ее конформность, стремление следовать социальным нормам (Nashet, 2007). Согласно теории «управления ужасом», к психофизиологическим защитным механизмам, которые запускаются при напоминании о смерти, например, в связи с терактами или другими неконтролируемыми человеческим событиями, относятся стремление повысить свою самооценку, поддержка культурных норм, рост интрагруппового фаворитизма и интергрупповой дискриминация, поиск и подчеркивание позитивной идентичности (Greenberg, 2008). Под влиянием этих психологических эффектов стремление сохранить позитивную социокультурную идентичность и следование той или иной идеологии могут снижать готовность сторон идти на компромиссы и даже подтолкнуть к иррациональным действиям. В частности, защита национальной культуры или религиозных ценностей может стать основанием для применения ядерного оружия против отдельного государства, этнической группы или западной/восточной цивилизации.

Тем не менее, самидентификация с более крупной социальной общностью (например, человечеством), характерная для личности или целенаправленно сформированная, может изменить воздействие перечисленных выше защитных механизмов и способствовать просоциальному поведению в интересах международной безопасности.

Еще одним групповым фактором генки ядерного вооружения оказалась корпоративная культура и групповая сплоченность разработчиков ядерного оружия (Pillay, 1999), а религиозные представления о неизбежности Судного дня, как оказалось, могут влиять на принятие решения о ядерном ударе офицерами стратегических сил (Kistuff, 1992). Убежденность в неизбежности ядерного столкновения может влиять на оценку рисков экспертами и политиками, принимающими решения. Например, Артур Комpton, один из руководителей Манхэттенского проекта, оценил вероятность взрыва атмосферы Земли вследствие ядерных испытаний как один шанс из трех миллионов, по-видимому, назвав цифры, взятые из головы,

так как считал, что из-за гоним вооружений в ходе Второй мировой войны таких испытаний все равно не избежать (Кем, 2004).

К межгрупповым факторам готовности использовать ядерное оружие относятся межгрупповое сравнение, межгрупповые стереотипы и эффекты аутгрупповой дискриминации, проявляющиеся в формировании «образа врага». Роль межгруппового восприятия столь существенна, что некоторые исследователи предлагают описывать ядерное противостояние не как «дилемму заключенного», а как «перцентивную дилемму» (Роуз, 1993).

Первоначально в изучении конфликтов широко использовались теория игр и принцип максимизации полезности, тогда как психологические факторы не принимались во внимание. Среди моделей ядерного противостояния, разработку которых в 1960–1980 гг. финансировали американские военные структуры и администрация НАТО (см. подробнее: Журавлев, Нестик, Соснин, 2011а, б, 2012), наибольшую популярность получила игра «Дилемма заключенного». Применительно к гоним вооружений игра предполагает четыре варианта поведения супердержав: 1) взаимное разоружение обеих сторон, 2) наращивание вооружения России при разоружении США, 3) наращивание вооружения США при разоружении России, 4) взаимное наращивание вооружений. Поведение в данной модели определяется не столько расчетом, сколько представлениями о намерениях другой стороны. С учетом психологии межгрупповых отношений «дилемма заключенного» выглядит как «дилемма восприятия»: 1) обе стороны считают наиболее выгодным взаимное разоружение; 2) они больше всего опасаются разоружиться в тот момент, когда соперник будет вооружаться; 3) обе считают, что другая сторона в любой ситуации предпочтет вооружение разоружению (Роуз, 1993). Таким образом, в условиях конкуренции межгрупповое восприятие искажается социальными стереотипами и этническими предрассудками, которые затрудняют адекватную оценку намерений другой стороны и подталкивают к наращиванию вооружений. При дальнейшей эскалации межгруппового конфликта стороны утрачивают способность замечать позитивные изменения в действиях друг друга. Формируется образ врага, противника превращаются в «ислюдей», по отношению к которым выглядит оправданным использование любых средств уничтожения (Солдатов, 1998; Зинбардо, 2014).

Наконец, социальными, т.е. относящиеся к обществу в целом, факторы готовности к применению ядерного оружия связаны, прежде всего, с давлением со стороны национальных и международ-

ных политических и бюрократических групп интересов, а также с влиянием СМИ и общественного мнения на позицию политиков (Allison, 1971; Fiske et al., 1983). Между тем, общественное мнение в отношении ядерной угрозы легко поддается манипулированию. Иными словами, вероятно ситуация, когда в борьбе за власть оппозиционные или политические лидеры попытаются представить нанесение ядерного удара как вынужденный и относительно безопасный для населения страны выход из сложившегося положения.

Психологической особенностью ядерного противостояния является виртуальность ядерной угрозы: в отсутствие случаев реального применения ядерного оружия – ореол засекреченности вокруг его испытаний, а также затрудненность международного контроля над его созданием и распространением. И хотя скрыть производство ядерного оружия и подлинную мощь зарядов сегодня крайне трудно, оценки масштабов угрозы по-прежнему относительно легко манипулировать. В отличие от войны и вооруженных столкновений с применением конвенционального оружия, ядерная угроза отсутствует в жизненном опыте ныне живущих политических деятелей (за исключением его применения в Хиросиме и Нагасаки).

С одной стороны, неосознаемость ядерного потенциала повышает роль психологических факторов при принятии стратегических решений. С другой, она также открывает возможность для манипулирования массовым сознанием, т. е. для преувеличения или, наоборот, преуменьшения ядерной угрозы, как это было в случае вторжения США в Ирак. Отсутствие ядерной катастрофы в автобиографической и коллективной памяти приводит к тому, что она достраивается воображением по аналогии с другими катастрофами, но с почти локальным характер и имеющими совсем другие последствия. Людям свойственно переоценивать маловероятные риски после того, как они столкнулись с наглядными примерами их последствий, «прочувствовали» их на своем или чужом опыте. Наоборот, гораздо более вероятные риски недооцениваются, если они описываются абстрактными прогнозами (Smith, Leiserowitz, 2014; Weber, 2006).

Одним из факторов, снижающих чувствительность к рискам ядерной войны в массовом сознании, стала индустрия компьютерных игр, позволяющих своим персонажам многократно оживать после смерти, а также основывать воображаемый мир после катастрофы. Заметим, что постапокалиптический шутер *Fallout 4* стал самой популярной игрой в 2015 г., по данным компании Amazon. Чтобы понять масштабы данного явления, достаточно учесть, что только за один месяц продаж *Fallout 4* составило более двух милли-

онов кокий, а в первый день выхода игры в нее одновременно играли более 440 тысяч человек. Игровая культура поддерживает веру в возможность выживания после ядерной войны, «оправдывает» воображаемые катастрофические последствия, истинная реальность которых не доступна опыту ныне живущего человечества.

***

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что глобальные риски, связанные с ядерным оружием, усиливаются его распространением и участвующейся демонстрацией отдельными государствами своей готовности его использовать. Эти два процесса обусловлены не только объективными политическими, экономическими и технологическими факторами, но и целым рядом психологических механизмов. На внутриличностном уровне это авторитарность, этноцентризм, высокий уровень самооценки, а также мотивационно-когнитивные искажения (сверхуверенность, упрощение ситуации, метафора эскалации, реактивная деактивация уступок, «модель Рубикона», эффект «рамки»), эффекты управления ужасом и внутриличностный нормативный конфликт. На уровне межличностных отношений это определенный уровень доверия и некоторые закономерности социального восприятия: дилемма безопасности и фундаментальная ошибка атрибуции, эффекты самореализующихся пророчеств. На уровне группы – эффекты группового мышления, сдвига к риску, роста конформности в условиях дефицита времени. На уровне межгрупповых отношений – аутгрупповая дискриминация, стереотипизация и формирование образа врага. Наконец, на уровне общества в целом – это виртуальность ядерной угрозы, недооценка рисков, которых нет в жизненном опыте, и ложные представления о постапокалиптическом будущем, формируемые индустрией развлечений.

Можно выделить несколько актуальных направлений исследования психологических аспектов стратегической безопасности.

Необходимы социально-психологические технологии повышения коллективной рефлексивности при принятии решений в кризисных ситуациях, характеризующихся угрозой базовым ценностям, дефицитом времени и высокой неопределенностью.

Пристального изучения требуют механизмы групповой рефлексии не только в малых группах, но и в больших социальных группах и сетевых сообществах (Журавлев, Нестян, 2011, 2012; и др.).

Требуется уточнения роль социальной идентичности в принятии решения о приобретении и применении ядерного оружия. Мы все

еще не имеем ясного представления о том, какие психологические факторы позволяют разрешить противоречие между нормами международного сообщества и стремлением действовать в интересах своей социальной группы (политико-экономической, национальной, религиозной и др.). Особенно важным в этой связи представляется изучение предпосылок глобальной идентичности, способности личности отождествлять себя не только со своим этносом и государством, но и со всем человечеством (Нестик, 2015). Речь идет о формировании двойной идентичности, когда личность сохраняет принадлежность и к своей социальной группе, и к обществу в целом. С точки зрения теории самокатегоризации, актуализация альтернативных идентичностей (неэтнических или неполитических) – гражданских, профессиональных, глобальных и т. п. – не только позволяет снизить межгрупповую напряженность (Gaertner, Dovidio, 2000), но и облегчает постановку суперординантных целей, связанных с предотвращением глобальных рисков. Анализ успешно преодолевших антропогенных кризисов показывает, что условием успеха оказывалось расширение групповой идентификации, рост внутреннего разнообразия и формирование ценностей, обеспечивавших межгрупповую интеграцию (Назаретян, 2001).

До сих пор в контексте ядерного сдерживания изучались лишь те личностные характеристики руководителей, которые связаны с политическими ценностями, внутригрупповым и межгрупповым взаимодействием. Между тем малоизученной остается роль таких характеристик, как доверие к миру, оптимизм, характеристики временной перспектив.

Исследования в области ядерного сдерживания посвящены в основном феноменам безопасности, избегания рисков, сохранения статус-кво. Однако особенно важным психологическим условием предотвращения катастроф является позитивный образ будущего, способность ставить долгосрочные позитивные цели. Анализ преодоления кризисов показывает: чем более долгосрочные цели мы ставим перед собой при выходе из кризиса, тем больших жертв удастся избежать (Арманд и др., 1999). Долгосрочная перспектива позволяет абстрагироваться от частностей, сдвигает внимание с анализа затрат на предвосхищение выгоды, подталкивает к позитивным оценкам будущего (Krebs, Rapoport, 2012; Нестик, 2014).

Психологические исследования свидетельствуют о том, что не алармистский подход, не нагнетание тревоги повышают готовность к действиям по предотвращению глобальных рисков, а постановка позитивных целей, поиск взаимовыгодных решений, повы-

шение самооценки и возможностей для самореализации (Sookias, 2015). Само по себе запугивание ядерной угрозой и ужесточение контроля над созданием и распространением ядерных технологий только усиливает недовольство сложившимся положением среди лидеров неядерных государств. Путь к снижению ядерной угрозы лежит не столько через демонстрацию недоверия и наращивание средств обнаружения угрозы, сколько через дипломатию, поддерживающую чувства национального достоинства у политических элит всех заинтересованных сторон (Нуталга, 2006).

Важной задачей остается изучение психологических механизмов формирования межличностного и межгруппового доверия при разных уровнях субъективного риска в ходе принятия стратегических решений и переговоров. Исследования в области организационной психологии и межличностного доверия позволяют предположить, что в кризисных ситуациях критерии доверия и недоверия сторон друг к другу меняются как по значимости, так и по содержанию (Купрейченко, Тихарова, 2008; и др.). Это не может не влиять на практические рекомендации по разрешению кризисных ситуаций в международных отношениях.

По-прежнему мало изучены социально-психологические аспекты ядерного терроризма, т. е. использования ядерного оружия в качестве несимметричного ответа (см. Нестик, 2016). Между тем вероятность применения оружия массового уничтожения террористическими организациями продолжает расти.

Требуют изучения социально-психологические механизмы, провоцирующие формирование гностического мировоззрения, приверженцы которого обретают смысл жизни через уничтожение существующего мира, культуру смерти (Неклесса, 2015; Соснин, Нестик, 2009).

Наконец, требуют дальнейшего изучения психологические факторы, влияющие на оценку допустимости применения ядерного оружия в массовом сознании. Необходимо изучение влияния постапокалиптических фильмов, игр и книг на отношение к ядерной угрозе. В связи с ростом масштабов терактов и других травмирующих катастрофических событий требует все более пристального внимания динамика коллективных эмоциональных состояний (Проблемы психологической безопасности, 2012) и дискурса несправедливости, распространяющихся через социальные медиа. Несмотря на богатый опыт изучения коллективных эмоций в малых группах и организациях, собственно психологические исследования макророльных эмоциональных состояний находятся пока в зачаточном состоянии.

Глава 16

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ВСТУПЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В ИГИЛ

Психологическая характеристика вступающих в ИГИЛ

Число граждан России, воюющих за запрещенную в России террористическую организацию ИГИЛ⁵⁴, в настоящее время составляет примерно 2,5 тыс., причем за последние полтора года их число утроилось. Данная проблема является одной из острейших в современной России, а деструктивные последствия вступления россиян в ряды ИГИЛ трудно предсказать.

Хотя психологические особенности вступающих в ИГИЛ схожи с рядом типовых особенностей террористов (Евдокимов, 2006; Соколов, Нестик, 2009; и др.), они имеют и свою специфику, и вообще, несмотря на «террористический» имидж ИГИЛ, нельзя отождествлять эти две категории лиц. Один из бывших сотрудников американского Управления по борьбе с терроризмом дает такую характеристику иностранным боевикам ИГИЛ: «В большинстве случаев это искатели приключений, у которых дома, будь то в Бельгии, Манчестере, Алжире, Йемене или, допустим, в Грузии, не было ни гроша» (Вайс, Хасан, 2016, с. 168). Отмечается, что превращение иностранных боевиков в современных саладинов, борцов с христианской Западом и с распространением западной культуры, – это ключевой пункт вербовки ИГИЛ еще со времен аз-Заркави, одного из его основателей.

Отмечается и то, что свойственная Западу склонность к сенсациям успела сформировать приукрашенный образ ИГИЛ, придав ему заветную привлекательность в глазах молодых и недовольных. По словам М. Вайса и Х. Хасана, авторов пока единственной вышед-

54 Исламское государство Ирака и Леванта. Используются также другие обозначения: ИГ (Исламское государство), ДАИШ (араб.). Однако обозначение ИГИЛ стало наиболее распространенным в отечественных СМИ.

шей на русском языке книги об ИГИЛ, «зрителей завораживает психопатическое представление, которое дает ИГИЛ, особенно когда они идут «таких же, как они сами», но приверженных «Исламскому государству» людей, готовых отказаться от комфортной жизни на Западе ради джихадизма» (там же).

С. Агран, антрополог из Мичиганского университета, провел исследование психологической и социальной мотивации, движущей джихадистами, и пришел к заключению, что ИГИЛ мало чем отличается от революционно-романтических движений, унаследованных кровью на протяжении всей истории человечества. По мнению М. Вайса и Х. Хасана, то, что привлекало сторонников ИГИЛ, также легко могло увлечь их в любом другом культе или тоталитарном движении, даже идеологически враждебном салафитскому джихадизму. Как сказал один из лидеров ИГИЛ, он оказался «под влиянием интеллектуальности ИГИЛ и того, что эта организация распространяет религию и борется с несправедливостью» (там же, с. 198). Очень многие приверженцы ИГИЛ, проинтервьюированные М. Вайсом и Х. Хасаном, выразили те же самые чувства и высказали такие же оценки в отношении этой армии террора, «которая в соответствии овладела умением воздействовать на психику тех, кого она хочет запугать в свои ряды, и перекрывать людей так, как ей надо» (с. 199). А по поводу «интеллектуальности» ИГИЛ эти авторы пишут, что такая характеристика может показаться странной и даже забавной любому западному эксперту, но «необходимо понимать, что речь идет о тщательно разработанном идеологическом нарративе, представляющем собой мощно воздействующую смесь исламской герменевтики, истории и политики», и даже те, кто сам пострадал от ИГИЛ, говорят о «силе его убеждения» (там же). Однако неизбежно возникают и разочарования. Так, «толпы иностранных джихадистов пролихают в Сирию, а через несколько дней или недель они начинают жаловаться на выжужденное бедствие и скуку. В фильмах все выглядит куда драматичнее и увлекательнее» (там же, с. 220).

Отдается должное и такому фактору, как «наследственное внедрение демократии» (там же, с. 51) в арабских странах, к которой значительная часть их населения с очевидностью не готова. Дает явное сбой прямолинейная установка западных стран, в первую очередь США, на то, что при любых обстоятельствах демократия «лучше», чем ее отсутствие. На месте свергнутых революционным путем тоталитарных режимов возникает не демократия, а хаос, вызывающий острое недовольство населения, проецирующееся на демократию, под лозунгами которой эти режимы были свергнуты. На этом

фоне очень выгодными для ИГИЛ выглядят его успехи в установлении «тоталитарного порядка» на подконтрольных ей территориях. В частности, отмечается, что ИГИЛ зарекомендовал себя как исключительно умелый посредник в разрешении межплеменных споров, преуспев в обеспечении стабильности и порядка (в его соответствии понимании, конечно), в сборе налогов и разрешении ряда экономических проблем (там же).

Недовольство насильственным внедрением демократии, противоречащей менталитету населения, играет свою роль и в случае россиян, вступающих в ряды ИГИЛ. Ее многократно описанные недостатки в нашей стране (Россия: Трансформирующееся общество, 2001; Левашов, 2007; и др.) тоже порождают потребность в альтернативах, которую удовлетворяет эта организация. Известно и то, что немалое число ее сторонников прежде придерживались социалистических взглядов, а крушение социалистической альтернативы западной демократии создавало у них мировоззренческий вакуум, который с успехом заполнил ИГИЛ (Вайс, Хасан, 2016).

Вообще следует отметить, что идеология ИГИЛ апеллирует не только к темным сторонам человеческой природы (хотя главным образом к ним), но и к таким, как потребность в справедливости. А аналогия с социализмом может быть продолжена и в том плане, что и социализм, и ИГИЛ предлагают простые решения сложных вопросов, которые явно предпочитает значительное число рядовых граждан («Убийственная» привлекательность..., 2015).

Отмечается и религиозная безграмотность многих сторонников ИГИЛ: «Те, кто примкнул к „Давид“, едва ли помнят хотя бы несколько сур из Корана. У них нет никакой религиозной основы. Их просто заманили силой убеждения» (Вайс, Хасан, 2016, с. 200). Один из теоретиков ИГИЛ Абу Бакр Наджи в своем манифесте «Управление жестокостью» пишет: «Тот, кто имел дело с джихадом, знает, что это не что иное, как насилие, жестокость, терроризм, устрашения (других) и убийства. Я говорю здесь о джихаде в борьбе, но не об исламе, и никто не должен путать одно с другим» (там же, с. 68). М. Вайс и Х. Хасан подчеркивают в данной связи, что «все тоталитарные режимы выстраивают свою идеологию на мифах, стирающих национальные границы, даже те, что возникают на почве национализма, а потом, задним числом, оправдывают неизбежное насильственное присоединение чужих земель» (с. 111).

Формула «Убей инверсера – и ты приблизишься к Богу» обладает для радикальных мусульман высокой привлекательностью. А образ врага для них сфокусирован такими понятиями, как «крестовое

цы и евреи», а также их союзники. По словам одного из приверженцев ИГИЛ, эта организация «считает не на этническую принадлежность, а на приверженность истинной вере» (с. 203). В то же время М. Байс и Х. Хасан отмечают, что чем дальше продвигался ИГИЛ в реализации своих планов по захвату территорий, тем меньшую роль в привлечении новых адептов играла религия, а значительная часть его бойцов сейчас привержена ему как политическому проекту. Отмечается и то, что среди этих людей часто встречаются высокообразованные.

М. Байс и Х. Хасан пишут: «ИГИЛ... преуспел в мастерстве формулировать свои цели на языке мировой истории. Он обещает и смерть, и возвращение к древней славе ислама. Тысячи людей уже выстроились в очередь, желая присоединиться к Исламскому государству, но еще больше людей стали его жертвами» (с. 300). Так, один из основателей ИГИЛ аз-Заркави рассматривался как продолжатель 700-летней традиции исламского сопротивления, в контексте которой татаро-монголы уступили место американским оккупантам, а также якобы стоящим за их спиной евреям, а собирательный образ западных стран до сих пор ассоциируется с крестоносцами. Подобный образ мировой истории разделяется значительной частью исламских радикалов, среди которых есть и россияне, тоже готовящиеся к «грядущей битве цивилизаций на Ближнем Востоке» (с. 63).

Вообще же вступающих в ИГИЛ М. Байс и Х. Хасан делит на несколько типов: «экстремисты», «выжидатели», «политиканы», «прагматики», «оппортунисты» и «иностранные боевики» (мухаджирены). Отсылая желающих познакомиться с их характеристикой к книге упомянутых авторов, подчеркнем, что в данном контексте наибольший интерес представляет последняя категория. А среди ее довольно разнообразных представителей обращает на себя внимание такая разновидность, как «искатели мученичества», которые ничего не желают так сильно, как погибнуть и таким образом прославиться в миналах джихада (там же). Правда, зачем это нужно выходящим из европейских стран, М. Байс и Х. Хасан не объясняют. Отмечается и «чистой воды авантюризм»: «Такие люди охотятся воевать в Сирии в поисках новых острых ощущений» (с. 214). В то же время местные жители нередко отмечают и то, что иностранные боевики более дисциплинированы и ведут себя лучше, чем местные.

Личностно-психологическое разнообразие наблюдается и среди основателей ИГИЛ. Например, аз-Завихри характеризуется как терпеливый организатор; аз-Заркави как безрассудный воин, полагающийся, что может сражаться с любым врагом и со всеми вра-

гаме сразу; а аль-Багдада, по мнению психологов, «был человеком, явно склонным к фанатизму, не социопатом, но серьезной личностью, с серьезным планом (в голове)», при этом отличался задумчивостью и во время пребывания в тюрьме почти не нарушал тюремный режим, был «тихим и скромным парнем» (с. 116–117).

Подчеркнем в данной связи, что личностно-психологические характеристики лидеров ИГИЛ играют особую роль в связи с первостепенным значением в этой среде межличностных отношений. В частности, «джихадисты больше выигрывают от дружбы и близкого знакомства, чем от нахождения в одном списке какой-то террористической ячейки» (с. 39). Межличностные, в том числе романтические, отношения играют большую роль и в привлечении сторонников из других стран, – например, в случае Барвары Карауловой, из России.

В то же время отмечается и такая деталь, как повторяемость судеб террористов, – в частности, то, что отбывание тюремных заключений сыграло большую роль в приобщения их к радикальному исламу, а некоторые тюрьмы в арабских странах характеризуются как «настоящие академии терроризма» (с. 95): «Если вам необходимо пополнить свою армию, то лучшего места, чем тюрьма, не найти» (с. 117). «Тюрьмы в Сирии – это олицетворение исламского радикализма, это террористические университеты, расположенные в самом сердце Ближнего Востока» (с. 188). Высказывается даже предположение о том, что если бы Ганди провел там три месяца, он стал бы джихадистом и экстремистом.

Причины вступления россиян в ИГИЛ

Фонд «Общественное мнение» провел опрос, направленный на выяснение того, что, по мнению россиян, побуждает российских молодых людей и девушек вступать в ряды экстремистских организаций, подобных ИГИЛ. 29% опрошенных ответили, что это связано с широкой пропагандой изомбироваанием. Среди других причин респонденты указали и на социальные проблемы: стремление к лучшей жизни, деньгам (13%), неустраиваемость жизни, безвыходное положение (8%), а также особенности и проблемы в воспитании, семье (8%). В то же время 12% респондентов объясняют стремление молодежи оказаться в рядах боевиков такими психологическими факторами, как глупость, незрелость и юношеский максимализм, 6% – нехваткой острых ощущений. Еще 8% винит в этом отсутствие заботы о молодежи со стороны государства, отсутствие идеа-

лов, идеологии и слабость патристического воспитания. При этом подавляющее большинство россиян (91 %) исключают возможность того, что кто-то из их знакомых захочет вступить в ИГИЛ (Россияне объяснили..., 2015).

Об истории студентки МГУ им. М. В. Ломоносова Варвары Карауловой, которая пыталась перейти турецко-сирийскую границу, чтобы вступить в ИГИЛ, осведомлены 7,8% россиян. Телефонный опрос 1000 жителей РФ в 480 населенных пунктах, проведенный 27–28 июня 2015 г. показал, что она скорее жертва обстоятельств (31%), чем преступница (17%). Одни респонденты считают случай с Карауловой исключительным (18%), однако более половины (51%) полагают, что подобных историй может стать больше (там же).

В то же время следует отметить, что такие случаи нетипичны и создают в массовом сознании искаженную картину происходящего. Подавляющая часть россиян, вступающих в ряды ИГИЛ, – это молодежь из кавказских республик, «дети войны», испытывающие сильную ненависть к России, пренебреженные чувства мести и готовые к террористическим актам как на территории нашей страны, так и за ее пределами. Они представляют собой не столько продукт идеологической обработки ИГИЛ, сколько продукт воспитания в окружающей их среде, который ИГИЛ лишь использует.

Отмечается мотив мести выходцев с Северного Кавказа (Чеченцы вступают в ИГИЛ..., 2015). Говорится и о том, что чеченцы воспринимаются другими джихадистами ИГИЛ как самые грозные воины, поскольку они имеют многолетний опыт изнурительного противостояния российской армии (Вайс, Хасав, 2016). К. Хармер, аналитик Института по изучению войны (США), высказался о них таким образом: «Чеченцы – это отдельная группа среди иностранных джихадистов. Будь я в военном совете ИГИЛ, я бы не стал использовать парня, который имеет опыт войны против русских, в качестве нахиды. Я бы сделал его командиром» (там же, с. 166). Отмечается и то, что Россия постоянно упоминается в пропаганде ИГИЛ как враждебная страна, потому что в рядах боевиков ИГИЛ много кавказцев, и эта организация хочет, чтобы их было еще больше.

Сформировалась и парадоксальная точка зрения, согласно которой нам не следует препятствовать отъезду желающих повоевать за ИГИЛ, поскольку эти люди являются террористами, воевать с которыми проще в Сирийской пустыне, чем в наших городах. Что же касается их возможного возвращения, то неизвестно, вернутся они или погибнут, а если вернутся, то не изменят ли свои взгляды, как некоторые обманутые ИГИЛ, но впоследствии осознавшие,

что их обманули; в любом случае возвращению сторонников этой организации препятствовать проще, чем их отъезду. Впрочем, не будем комментировать эту позицию.

Десятки тысяч людей из различных стран, вступивших в ряды ИГИЛ, можно разделить на две группы. Одну из них образуют люди, которые попались на обман ИГИЛ и отправились в Ирак и Сирию с представлением о том, что данная группировка действует в целях возрождения сунны Пророка Ислама (ДБАР). Большинство из тех, кто вступил в ряды ИГИЛ с этой идеей, или так и остаются в своем заблуждении и, подобно другим членам данной террористической группировки, были вовлечены в ужасные преступления, или лишились жизни, если, осознав сущность ИГИЛ, хотели вернуться домой. Лишь немногим из них удалось бежать. Данные люди были из числа тех, кто раскрыл террористическую сущность и антигуманную природу группировки ИГИЛ. Регулярно появляются сообщения о казнях ее членов, которые хотели вернуться к себе на родину (Тайное и явное..., 2015).

Другую, также многочисленную, группу членов ИГИЛ составляют правонарушители и преступники, которые в своих странах имеют дурную славу или много лет провели в тюрьме и присоединились к ИГИЛ в целях преступной деятельности и зарабатывания денег. Еженедельник «Экономист» (The Economist) в своей статье, указывая на мотивы граждан западных стран для вступления в ряды ИГИЛ и участия в войне в Сирии, пишет: «Никто не знает, возможно, европейцы, присутствующие в ИГИЛ, являются теми убийцами, которые ранее ходили по улицам Франции, Британии и США» (там же).

Одной из причин продолжения существования этой террористической группировки и привлечения новых членов являются легкие деньги, полученные путем разграбления народного имущества и продажи нефти. Командиры ИГИЛ платят большие деньги в целях удовлетворения интересов тех своих членов, что прибыли из западных стран (там же).

ИГИЛ, вербуя неокрепшие умы в свои сети, использует метод агрессивного маркетинга и привлекает понятием «забренности». Такое мнение высказали психологи и специалисты по сектам, к которым, с определенной натяжкой, можно отнести и радикальную организацию «Исламское государство». По данным Международного общественного «Российского фонда мира», в ряды террористической организации регулярно вступают россияне от 14 до 28 лет. Среди них есть и девушки. Последний такой случай был зафиксирован в Петербурге, где двадцатидвухлетняя девушка отправилась в Тур-

цию и уже в самолете рассказывала сосестре, что собирается пересечь границу с Сирией и вступить в ряды ИГИЛ (Психолог..., 2015).

Акцентируются ярко выраженные психологические причины, заставляющие россиян вступать в ряды террористов. «Их точно не привлекает политическая платформа. Скорее, подростков и людей постарше, но инфантильного характера, манит желание принадлежать агрессивному большинству, показать, таким образом, свою силу. Мысль примерно такая: меня в моей жизни ничего не устраивает, прижму-ка я к террористам и разрушу тот мир, который мне противен, вместо того, чтобы изменить что-то в себе и добиться реальных показателей», – комментирует руководитель центра психотерапии и психологических инноваций «The Sun» Н. Медведев. По его словам, «Исламское государство» эксплуатирует подростковый романтизм – еще один психологический фактор вступления в ИГИЛ. «Посмотрите на всех террористов мира, кто эти люди: женщины, подростки, даже дети. Все они не могут в силу несформированности личности что-то противопоставить напору и каким-то житейским трудностям. Для этого ведь не нужно много геройства, достаточно просто проявить упорства. А тут упорства не надо, достаточно нажать на курок – и можно собой гордиться. Невозможно, вступают они в ИГИЛ или ультралевое сообщество, которое пропагандировало бы идею противопоставления себя миру. Уверен, что они и Коран-то никогда не читали» (там же). Об отсутствии сформированных ценностных ориентаций, на которые может опереться подросток, рассуждает и психолог проекта помощи подросткам «Твоя территория» Н. Лебедева. Она описывает психологическую ситуацию: «Чтобы как-то сориентироваться в этом мире, подростки находят в окружении каких-то значимых людей. В этом возрасте не очень развито критическое мышление, и они присоединяются к какому-то субкультурному и популярному движению. Здесь важен не смысл общества и та идеология, что оно несет, а именно отношения, которые в нем завязались» (там же).

ИГИЛ, как и большинство сект, использует сходные методы вербовки. «Мы называем эти методы „агрессивным маркетингом“, когда новые люди вербуются через знакомых и рекламу. Стильно снятые видеоролики тоже ведь в своем роде реклама. Примечательно, что там никогда не говорит правды – мол, идем, брат мой, воевать в Сирию. Вместо этого будут разговоры о Боге, душе, здоровье и родственниках», – говорит сектовед В. Розенфельд. Здесь важно учитывать понятие «избранности» и культ лидера. «Каждому всту-

нижнему вынуждается, что он избранный, и он получит то или иное спасение – религиозное или физическое. А остальные, конечно, погибнут, в общей радости и ликованию избранных. Кроме того, в ИГИЛ существует культ лидера, он невогрешим и несперекаем. Критика пресекается на зачаточном уровне. Любый востоковед скажет вам, что это нетрадиционный ислам, с отклонениями догматического характера», – резюмирует эксперт (там же).

Рядовые граждане разных стран и даже дети покидают свои дома, чтобы присоединиться к организации ИГИЛ. Эти ситуации пытались объяснить самыми разными способами, в том числе использованием радикальной исламской пропаганды и подкупами. Однако при этом отмечают трудности в объяснении того факта, что европейцы, воспитанные совершенно в другой культуре и, главное, вере, едут на войну за «Исламское государство». Предлагается также объяснение, состоящее в том, что так, как сегодня живут на Западе (агрессивная внешняя политика, преобладание индивидуальных интересов над коллективными, культ материальных ценностей, стремление к чувственным удовольствиям), люди не должны жить. Молодые люди – одиночки, которые не способны радикально изменить жизнь в своих странах, едут на Восток – воевать (Почему вступают в ИГИЛ?, 2015).

Среди причин привлекательности ИГИЛ отмечается, что им создан и эксплуатируется образ некоторого нового мира. Эта новизна, альтернатива привычному миру привлекает многих, особенно молодежь. Принимая решение присоединиться к ИГИЛ, молодые люди видят в первую очередь возможность построить иной мир, другую жизнь – не такую, какая их окружает, где многие не находят себе достойного места. Правда, все это существует главным образом в их воображении. Перспективы иного мира и новых возможностей, которые рисуют перед своими жертвами вербовщики ИГИЛ, обычно имеют мало общего с действительностью, но когда вступающие в ряды ИГИЛ понимают, куда попали, становится уже поздно (Русин, 2015).

В принципе, данная технология далеко не новая. Все секты строятся на тех же принципах: формируют образ чего-то нового, лучшего, достойного, а далее психотехники и «промыывание мозгов» затягивают человека подолгу, если не навсегда, в «религиозное болото». В то же время ИГИЛ, в отличие от обычных сект, завлекающих своих адиптов в некоторый воображаемый, виртуальный мир, предлагает нечто более реальное: новый мир на реальной территории, с реальными городами, границами, законами (там же).

Отмечается, что можно сколь угодно успешно уничтожать объекты ИГИЛ на территории Сирии, теснить боевиков и ликвидировать их командиров, но пока есть приток новых adeptов, все объекты будут восстанавливаться, на месте убитых боевиков будут появляться новые, одних командиров будут заменять другие. Просто ИГИЛ будет мигрировать: в одном месте его уничтожают – в другом месте он прирастает новой территорией (там же).

За поступками 19-летних В. Карауловой и М. Исмаиловой, как считает психолог О. Мазневская, стоит их психологическая незрелость (Шароградский, 2015; см. также: Феномен и категория зрелости... 2007). Подростки склонны к побегам из дома, поэтому их демаши не становятся чем-то совсем неожиданным. Это возраст, когда необходимо разрешение конфликта между требованиями родителей и желанием жить своей жизнью (Купцов, 2015).

Случаи последних побегов также вписываются в «синдром второго курса». Подростки из семей с высокими амбициями поступают в вуз, после чего родители расслабляются. В результате ребенок остается один на один с этой жизнью и понимает, что не справляется с ситуацией – не хватает знаний, умений, мотивации. Такому ребенку все время хочется бежать. А юноши чаще вступают в организации, подобные ИГИЛ, потому что просто любит риск. Кроме того, родители девушек быстрее реагируют на изменения в их поведении (там же).

Вербовщики обычно ищут одиночек, замкнутых юношей и девушек, которых обрабатывают 2–3 месяца. Но главное – любой вербовщик применяет психологическое насилие. Представители агрессивных религиозных культов понимают, что семья может и будет сопротивляться. Поэтому, выбирая молодых, 17–19-летних, которые сами настроены на эмансипацию, отделение от семьи, они начинают работать на разрыв с родными и внушать своим жертвам, что им досталась плохая семья. При этом лето – самый опасный сезон для родителей. В данное время года существенно возрастает риск побега, поскольку заканчивается учеба и у подростков появляется свободное время (там же).

У каждого из насильников, вступающих в ИГИЛ, свои мотивы оказаться там, в том числе идеологические. По оценке экспертов, численность добровольцев, кроме россиян, прибывших в ИГИЛ из разных стран, в том числе европейских (Швеция, Франция и др.), от 25 до 28 тыс. человек. При этом стабильная часть прибывших – представители среднего класса, а вовсе не люди из низов, не сумевшие адаптироваться, как это иногда хотят представить (Кого в России вербует ИГИЛ..., 2015).

В последнее время феномен европейских боевиков в Сирии набирает обороты: образованные молодые англичане, французы и русские сами вступают в ряды радикалов, считает исследователь спецслужб и технологий управления массами, публицист и политолог А. Жилин (там же). Он говорит, что чаще всего адептами различных учений становятся люди, имеющие некую потребность в высшей идее, удовлетворять которую у себя на родине они не могут, вот и уезжают воевать за сомнительные ценности.

Один из болезненных моментов, которые используют вербовщики, – это социальная несправедливость, которая установилась по всему миру, социальное расслоение общества, когда большинство населения вынуждено жалкое существование (Юренич, Журавлев, 2013). Где социальное расслоение наиболее явное, там больший успех ждет вербовщиков. А. Жилин пришел к такому выводу: вербовщики работают с людьми, которые только что перенесли какое-то горе, когда у человека сознание совершенно открыто для того, чтобы туда «вложить» псевдоценности. Для этого используются разные формы, и если раньше подобное делалось на уровне любителей, то сейчас этим занимаются профессиональные психологи, психиатры и люди, прошедшие специальное обучение (Кого в России вербует ИГИЛ..., 2015).

По убеждению А. Жилина, за период постсоветского времени изменились духовные ценности значительной части молодежи. Раньше парни и девушки имели активную жизненную позицию. Они хотели поднимать планку, строить БАМ, были увлечены созидательными идеями, искренне верили в то, что они строят общество социальной справедливости. А сегодня какие у нас примеры для подражания? Шоу-бизнес, который всем надеет, или дешевые сериалы, которые разрушают общественную мораль, пропагандируют насилие.

Вероятно, среди причин приобщения к ИГИЛ следует упомянуть и суицидальный фактор. В большинстве стран мира, в том числе и в современной России, существует немало людей, обнаруживающих суицидальные наклонности (о чем свидетельствует статистика суицидов). Для таких людей вступление в ряды ИГИЛ – это возможность расстаться с жизнью «наиболее эффективным способом», замаскировав суицид под «борьбу за идею».

Следует отметить и то, что терроризм не является чем-то новым и привычным для российского общества. Так, по некоторым оценкам, в начале XX в. около 20 тыс. россиян (в основном случайных прохожих) погибли от взрывов, организованных большевиками и эсерами (Революционный терроризм в Российской империя, 2016), а также

также обстоятельства, как, например, оправдание судом присяжных террористки Веры Засухи и сочувственное отношение, которое подобные теракты вызвали у большей части населения.

Существует в нашем общественном сознании и такое явление, как «праведный терроризм», охватывающее главным образом его «точечные» формы, направленные против самых нелюбимых государственных и общественных деятелей. Показательно и то, что, например, полковник В. В. Квачков, совершивший покушение на А. Б. Чубайса, занял второе место по Университетскому избирательному округу на выборах в Госдуму.

Вербовщики редко идут на визуальный контакт. Их основная рабочая площадка-лоушקה – Интернет, социальные сети, группы по интересам, сайты знакомств. Здесь они ищут себе собеседников и будущих жертв (Дарсыгов, 2015).

Сложился стереотип, что вербовщиком ИГИЛ может быть только мужчина восточной наружности. Но это далеко не всегда так: среди террористов немало выходцев из США, Великобритании, Бельгии и других стран. Они прекрасно образованны, говорят по-английски, владеют информационными технологиями. Есть среди них и выпускники престижных университетов, даже Кембриджа. Есть и этнические славяне: как правило, это люди с высоким образованием, которые знают не только русский, но и английский язык (там же). Вербовщики ИГИЛ нередко являются искусными психологами-практиками и умело воздействуют на одиноких женщин, людей, попавших в сложную жизненную ситуацию. Больше всего на их «задушевные разговоры» поддаются молодые люди, недавние выпускники вузов, не уверенные в себе, но увлеченные компьютерными играми и приложениями в различных гаджетах (На стороне ИГИЛ..., 2015).

Проведенный анализ показывает, что абсолютное большинство было завербовано в процессе получения религиозного образования как за рубежом, так и на территории России: там у верующей молодежи и было сформировано экстремистское мировоззрение (Ничего общего с исламом, 2015).

Из находящихся в ИГИЛ примерно 2,5 тыс. россиян большинство составляет молодежь. Одна из причин – это недовольство существующим положением: плохая материальная обеспеченность (вербовщики легко внушают им уверенность в том, что законными методами повысить свое благосостояние невозможно), переживания социальной напряженности, обусловленной неумением адаптироваться к новым политическим и экономическим реалиям жизни. Вербовщики внушают этим людям, что, уехав в ИГИЛ, они будут

жить в исламском государстве, найдут справедливость, но, если понадобится, должны будут воевать.

Еще одна проблема, способствующая возникновению напряженности в среде молодежи, – это отсутствие согласия между приверженцами разных идеологий, верующими и неверующими, традиционалистами и салафитами. Для раздувания этих противоречий в интернет-ресурсах регулярно размещаются материалы, оправдывающие деятельность террористов высокими религиозными идеалами (там же).

Среди причин, которые побуждают молодых мусульман отправиться на «джихад» в Сирию, переходить жить в «халифат», эксперты отмечают желание участвовать в создании идеального с их точки зрения государства, стремление послужить великой благородной идее, построение справедливого общества, приключенческий азарт, поиск жениха – «правильного» мусульманина (одна из мотиваций для девушек), а для некоторых страсть к физическому насилию.

ИГИЛ привлекает еще и тем, что он в отличие от многих ему подобных террористических группировок уже на большой территории провозгласил «халифат», сумев от слов перейти к делу и воплотить в жизнь заветную мечту нескольких поколений исламистов, мечтающих о рывке исламского мира. Именно по этой причине, например, с территории Северного Кавказа значительная часть боевиков «Имарата Кавказ» перебравшись в Сирию: одно дело долго и безрезультатно воевать партизанскими методами в горах и лесах до умоизнурительное исламское государство, и совершенно другое – уже на конкретной территории реализовывать на практике этот идеал (Методы и формы агитации ИГИЛ..., 2015).

Исследователи полагают, что «социальная неопределенность, тревожность и риски, деформация общественных ценностей и правосознания негативно влияют на нравственно-психологическое состояние и поведение молодежи, повышают уровень ксенофобии и нетерпимости. Молодые поколения (особенно в подростковом возрасте) не имеют достаточно твердой установки на неприятие идей экстремизма и терроризма и тем более противодействия им», и поэтому «при таких условиях деструктивным силам легче использовать мало-просвещенную молодежь для пропаганды идей экстремизма и терроризма, раскачивания ситуации в регионе, вплоть до прямого негативного влияния на власть» (там же).

Таким образом, среди причин вступления молодых людей, в том числе российских граждан, в ИГИЛ значительное место занимают психологические причины, а основные среди них:

- 1) ненависть к Западу, западному образу жизни и его основным порокам;
- 2) отсутствие смысла в жизни и потребность в его настойчивом поиске;
- 3) романтические мотивы, влияние друзей и родственников;
- 4) повышенная агрессивность и склонность к насилию;
- 5) стремление к радикальному обновлению своей жизни;
- 6) суицидальные мотивы;
- 7) частные личностно-психологические обстоятельства;
- 8) ненависть к окружающим и обиды на них;
- 9) потребность в самоутверждении;
- 10) идейные мотивы;
- 11) переживание нравственной деградации современного общества;
- 12) низкий уровень религиозной культуры населения, плохое знание ислама;
- 13) высокая эффективность психотехнологий, используемых ИГИЛ в процессе вербовки;
- 14) привлекательность образов ИГИЛ – как «нового общества», «несчастливого государства», на которое «все выбросились», и т. п.;
- 15) идеологический вакуум: крушение советской идеологии и отсутствие ее удовлетворительной замены;
- 16) юношеское бунтарство, стремление во всем противоречить старшему поколению.

Пути противодействия вступлению в ИГИЛ

Аналитики отмечают, что зонам особого внимания специальных служб должны быть модельные дома, студенческие общежития, клубы по интересам, интернет-кафе. Необходимо выяснять, с кем наша молодежь общается в соцсетях, с кем дружит. Нужно противопоставить игиловским пропагандистам наши ценности, наши миролюбие, наши традиции, заветанные отцами и дедами. Крайне важно вникать в религиозную жизнь детей: знать, как и с кем они обсуждают вопросы религии, в каких местах встречаются (Дарснгов, 2015).

Учитывая тот факт, что СМИ, особенно электронные, имеют огромное влияние на телезрителей и радиослушателей, необходимо чаще приглашать в прямой эфир не только политологов и экспертов, но и влиятельных и авторитетных ученых-теологов. Такая комплексная работа должна помочь нашей молодежи выработать иммунитет против экстремистской идеологии (там же). Отмечается, что все завербованные должны быть объявлены в розыск (На стороне ИГИЛ..., 2015).

Необходимы отдельные мероприятия, встречи, беседы в учебных заведениях, получение необходимой информации оперативным путем, поиск и обнаружение молодежи, причастной к совершению преступлений и правонарушений экстремистской и террористической направленности. Нужна профилактическая работа не только в учебных заведениях системы образования, но и в религиозных учебных и культовых заведениях, профилактическая работа в социальных сетях в Интернете (Ничего общего с исламом, 2015).

Одними силами правоохранительных органов с этим злом не справиться. Тут нужны консолидированные усилия всех правоохранительных органов, ведомств, Духовного управления мусульман, средств массовой информации и общественности (там же).

Отмечена необходимость выявления примененных террористами технологий и выработки действенных ответных мер, мер контрпропаганды с помощью исламского духовенства и союзов. Необходимо обсуждать механизмы, направленные на выработку согласованных подходов государств Центрально-Азиатского региона по противодействию «Исламскому государству» и другим международным террористическим организациям (В Совете обсуждают..., 2015).

Противодействие пропаганде ИГИЛ в социальных сетях должно вестись не только путем блокировки и закрытия сайтов экстремистского содержания, но и за счет использования самих социальных сетей. Проблеме войны в Сирии, воюющим там исламистам и ИГИЛ уделяется внимание во многих патристических группах, которые, помимо других тем, освещают и этот вопрос. Однако более сконцентрированную именно на проблематике ИГИЛ, а также целенаправленную разоблачающую контрпропаганду в отношении этой группировки в социальной сети «ВКонтакте» предпринимают лишь две самые массовые сайты (ИГИЛ, ИГИШ), которые пытаются соединять научные достижения с исламской идеологией (Вайс, Хасан, 2016).

Однако более сконцентрированную именно на проблематике ИГИЛ, а также целенаправленную разоблачающую контрпропаганду в отношении этой группировки в социальной сети «ВКонтакте» предпринимают две самые массовые группы «Новости про „Исламское государство“ (ИГИЛ, ИГИШ)» (14800 подписчиков) и «Изучаем ИГИЛ („Исламское государство“)» (10500 подписчиков). Есть еще некоторое число публичных страниц на эту тему, однако они имеют меньше подписчиков.

К рассмотренной проблеме нужно отнестись со всей серьезностью с точки зрения информационной безопасности страны. В отно-

шении таких людей наиболее эффективный способ противодействия вступлению в ИГИЛ – смысловая терапия, позволяющая вернуть в жизнь человека нормальные, а не патологические смыслы (Кого в России вербует ИГИЛ..., 2015).

Сложность ситуации состоит в том, что целый ряд причин обращения в ИГИЛ, такие как недостатки западного и современного российского общества, деградация нравственности и др., едва ли устранимы, по крайней мере, в ближайшей перспективе, а стремление к созданию «нового» общества, лишённого пороков существующего, естественно присуще человечеству (можно вспомнить христианство, социализм и т. д.). Другие причины (например, алкоголизм представителей слабого пола в мужични-террористах) едва ли могут быть своевременно отслежены и в какой-то мере контролируемы. Усложняет положение и то, что некоторые причины привлекательности радикальных идеологий, подобные массовому недовольству существующим обществом, носят по-своему «праведный» характер. Однако и в этой ситуации основные меры противодействия вступлению в ИГИЛ возможны, необходимы и должны применяться на систематической основе. Это может способствовать если не искоренению, то, по крайней мере, уменьшению масштабов данного явления.

ГЛАВА 17

ПОЛИТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МАССОВОЙ НАРКОТИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В РОССИИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ

Проблема немедицинского употребления наркотиков (наркомания) – комплексная, имеющая глубокие корни в истории человеческой цивилизации, поскольку использование психоактивных веществ (ПАВ) для модификации ощущений, восприятий, состояний сознания и поведения людей было распространено в человеческих сообществах с незапамятных времен. Немедицинское употребление наркотиков, особенно молодым поколением, имеет губительные последствия и крайне негативное влияние на их массовое сознание и поведение, особенно в ситуациях массовых выступлений.

В данной главе проблема немедицинского употребления наркотиков рассмотрена с позиций социальной психологии.

Наркотики и проблема противодействия им

Алкоголь, кофени, никотин, опиум, марихуана и другие ПАВ использовались во многих культурах мира на религиозных церемониях, при лечении жителями и шаманами или для кратковременного «отключения» человека от жестких условий и трудностей жизни. Однако научная разработка использования наркотических веществ для лечения психиатрических и неврологических расстройств (я наркоманов в том числе) является относительно новым явлением. Только в последние 50 лет были созданы эффективные специфические средства для лечения таких заболеваний (Robbins et al., 2007, p. 12–13).

В прошлом во многих странах мира (и в России, в частности) было в основном негативное отношение к возможностям использования психоактивных веществ для повышения эффективности нормального функционирования человека. Исследования, интенсивно проводящиеся в настоящее время в этой сфере, однозначно свиде-

тельствуют о том, что ряд медицинских психоактивных препаратов могут существенно повышать эффективность выполнения человеком когнитивных и физических (моторных) задач, которая существенно снижается из-за усталости, скуки или монотонии⁵⁵.

Различные виды наркотиков оказывают разное воздействие на человека. По данным нейробиологии, нет никакого сомнения в том, что употребление алкоголя приводит к хроническим изменениям личности индивида, нарушает функционирование мозговых структур. Однако, в сравнении с алкоголем, когнитивные искажения функционирования индивида при употреблении им того или иного наркотика остаются все еще не вполне понятными.

Однако обратимся к проблеме немедицинского употребления наркотиков. Она имеет, во-первых, медицинские аспекты (психофармакологию, неврологические исследования воздействия наркотиков на психику и психофизиологическое состояние человека, на его поведенческие реакции в связи с употреблением наркотиков и т. п.). Во-вторых, является социально-психологической, т. е. проблемой взаимоотношений между людьми. Человек, потребляющий наркотики, – это прежде всего больной человек, нуждающийся в помощи. Кроме этого, он представляет социальную опасность для окружающих людей (отсюда необходимость психотерапии). И в-третьих – это проблема социально-политическая, требующая своего решения на уровне осуществления соответствующей антинаркотической политики государством. Однако разные сообщества реагируют на все как на медицинскую, психологическую и социально-политическую проблему по-разному.

История предлагает много вариантов (и примеров) понимания сущности проблемы немедицинского употребления наркотиков, разные варианты сдерживания этой страшной эпидемии (например, введение смертной казни за их употребление и распространение)⁵⁶.

В отечественной социально-психологической и социологической литературе исследований проблемы наркомании не так много (за исключением работ медицинских психологов и психотерапевтов), однако они позволяют утверждать, что одной из главных ее причин является «отсутствие социальных ориентиров у молодежи

55 Например, Министерство обороны США санкционировало использование таких психоактивных веществ для пилотов, которые должны оставаться на своем посту в течение длительного времени (Robinson et al., 2007).

56 Эта мера существенно снизила злоупотребление наркотиками в странах Юго-Восточной Азии.

жи» (Семенов, 2008, с. 34). В сознании современных молодых людей преобладает мозаичная ментальность, многие не видят смысла жизни, не имеют высоких идеалов, какие были у старшего поколения (Путятина, 2007; Брик, 2008).

Ранний негативный опыт отвержения ребенка в семье, жесткое авторитарное воспитание могут также способствовать склонности подростка к использованию наркотиков. Этому есть много свидетельств в нейropsихологических и психологических исследованиях (см., напр.: Hawkins, 2009, p. 197–227).

Социальная психология: духовно-нравственная консолидация общества и злоупотребление наркотиками

Прежде всего оправданно изложить данные исследований проблемы наркомании в нашей стране, полученные в НИИ комплексных социальных исследований СПбГУ (НИИКСИ) в 2002 и 2003 гг. В ходе опросов ответы дали порядка 1200 человек в каждом исследовании. Кроме того, ученые провели подробные интервью с экспертами-специалистами, которые занимаются проблемами наркомании в Петербурге, – врачами, психологами, сотрудниками МВД. Известный отечественный социальный психолог и социолог, директор НИИКСИ Валентин Семенов рассматривает эти исследования в ретроспективе с точки зрения того, насколько их данные подтвердились в настоящее время (Семенов, 2008).

В ответах на вопрос о причинах потребления наркотиков населением и специалисты во многом сходятся. Среди главных причин респонденты называют отсутствие социальных ориентиров у молодежи, вторая причина – ущербное семейное и школьное воспитание; третья – пагубное влияние СМИ и рекламы, направленной на воспитание психологии потребителя. Постоянные призывы «оттянуться», удовлетворить свои низменные потребности, направленность исключительно на удовольствия, соблазны – все эти обстоятельства способствуют склонности молодого человека к употреблению наркотиков. Четвертой причиной респонденты называют доступность наркотиков (Россия – перевалочный пункт транзита наркотиков). И последняя причина – влияние на социально-политическую ситуацию в стране организованный преступности. Специалисты ставят эту причину на первое место. Наркодилеры от наркомании, используя «дыры» в законах государства в свою пользу, прекрасно себя чувствуют и организуют свой смертельный бизнес.

В исследованиях задавался вопрос «Как часто вам приходилось сталкиваться с наркомафиями?». Выяснилось, что почти половина респондентов (47,8%) никогда не встречала людей, употребляющих наркотики; 9,7% встречали их часто; время от времени – 14,7%; крайне редко – 21,6%; затруднились с ответом – 6,2%. Однако на вопрос «Улучшится ли ситуация в перспективе?» – только 1% респондентов ответил утвердительно и 28% выказали сдержанный оптимизм.

Когда предлагается рассматривать ценности здорового образа жизни человека, создание условий для формирования здоровой мотивации, отрывающей его от злоупотребления наркотиками, то главное – это, несомненно, духовно-нравственная консолидация общества: воспитание патриотизма, проведение соответствующей национально-культурной политики (Психологические исследования..., 2007; Юренич, Журавлев, 2013, 2016; Психологическое здоровье..., 2014; Волоникова, Журавлев, 2013, 2016). В этом суть социально-психологического подхода и принципа противодействия немедикаментозному употреблению наркотиков. Естественнo, можно пытаться выработать и «операционально-практический» подход в осуществлении противодействия наркомафии, что и делается политическим руководством большинства стран мира (в том числе и России). Однако борьба с наркотиками – это прежде всего проблема мировоззрения: что добро, что зло, что нравственно, а что безнравственно, какие критерии нравственности человек определяет для себя и во взаимоотношениях с людьми. Без рассмотрения и реализации этих базовых параметров оздоровления духовно-нравственного состояния российского общества (см. подробнее: Путятина, 2007; Семенов, 2008) говорить о конкретно-практических аспектах противодействия злоупотреблению наркотиками в России представляется проблематичным.

В связи с проблемой духовно-нравственной консолидации общества особое практическое значение и возросшую актуальность приобретает исследование специфической формы общественного сознания – исторического сознания, охватывающего знания, понимание и отношение субъектов к историческому прошлому и его взаимосвязи с реалиями сегодняшнего дня. Формирование исторического сознания, исторической памяти у населения страны, особенно у подрастающего поколения, оказывает огромное влияние на развитие личности современного человека. Феномен исторической памяти непосредственно связан с формированием патриотизма как одной из важнейших подструктур личности. А одной из основных функций патриотизма, как известно, является функция объединения го-

сударства и сохранения нации как единого целого (культурного, территориального, государственно-политического, экономического).

Основной целью духовно-нравственной консолидации общества является организация системы целенаправленного воздействия для формирования патриотизма как свойства личности и как духовного состояния общества, элемента национального самосознания, характеризующегося приоритетностью общенациональных ценностей. Патриотические чувства закладываются в самом процессе жизни и бытия человека, осуществляющегося в рамках конкретной социокультурной среды жизнедеятельности. Люди с момента рождения инстинктивно, естественно и незаметно привыкают к окружающей их среде, к природе и культуре своей страны, к быту своего народа.

Прежде формированию патриотизма (я духовно-нравственной консолидации народа) была подчинена мощная и скоординированная система образования, книгоиздательства, кинематографии, учреждений культуры – библиотек, театров, музеев и т.д., позволявшая достаточно эффективно решать задачи воспитания гражданско-патриотических чувств и настроений. Ныне условия совершенно иные. Произошло разгосударствление СМИ, разных областей культуры и в значительной степени – образования. Уменьшились не только объемы финансируемых учреждений и организаций сферы духовной жизни, но и усложнились возможности влияния государства на различные духовные и нравственные ресурсы нашего общества.

В этих условиях важное значение приобретает ориентация всей системы образования, книгоиздательства, кинематографии, учреждений культуры, СМИ на формирование позитивного отношения населения к отечественной истории. Без этого невозможно решение задачи подлинно государственной важности – консолидация российского общества на единой духовной основе, а следовательно, труднокосущая и борьба со злоупотреблением наркотиков в стране.

Основными каналами формирования духовно-нравственной консолидации общества в настоящее время являются средства массовой коммуникации (СМК) и система образования. Значительные возможности СМК в воздействии на массовую аудиторию обуславливаются тем обстоятельством, что их содержанием охватывается весь спектр психофизиологического воздействия в диапазоне от информирования, обучения, убеждения до манипуляции. Молодое поколение, мировосприятие которого складывается в изменяющейся информационной среде, часто оказывается неспособным приобрести верные ориентиры в потоке сильно искаженной информа-

ция, передаваемой разными каналами СМИ. При существующем идеологическом вакууме чрезвычайная необъективность и противоречивость информационных потоков приводит к тому, что мировоззрение людей становится все менее цельным, все более подверженным манипуляции, воздействию пропаганды ложных идеалов и ценностей жизни.

С одной стороны, молодой человек в современной России находится в более или менее нравственной обстановке семьи, школы, вуза, с другой – на улице, в транспорте, в сфере развлечений и досуга он оказывается в совершенно другой атмосфере. Его окружает кавальерия, двусмысленная реклама, зачастую нарушающая нормы элементарной этики. Пропагандируется безнравственный образ жизни⁵⁷, неминуемо связанный с потреблением алкоголя, пива, сигарет, наркотиков и т. д.

В настоящее время СМИ выступают в качестве одного из основных социализирующих институтов, наиболее доступного и заметного механизма формирования личности. Телевидение и Интернет стали для современного человека практически основными источниками информации, познания окружающей действительности. Люди часто сами оценивают свою погруженность в СМИ как чрезмерную, иногда вредную. Проводимые исследования однозначно фиксируют, что влияние книг и особенно школьных учителей значительно упало именно в последние годы. В то же время за нравственный контроль над содержанием телепрограмм выступают около 80% опрошенных молодых людей, а 59% считают, что современные российские СМИ не способствуют формированию качества гражданина и патриота. По их мнению, СМИ в первую очередь пропагандируют деньги (59%), а ценности семьи (22%), справедливости (8%) и веры (7%) – в последнюю очередь (Семанов, 2004).

Итак, об СМК можно говорить как об институте, занимающем главенствующее место в системе формирования многочисленных процессов и аспектов жизнедеятельности современного общества, в том числе его ценностной структуры, исторического сознания

⁵⁷ Бесконечные сериалы о бандитах и мошенниках, вульгарные реалистичек, пропагандирующие паразитизм и безответственность («Дом-2» и т. д.), сексуальная пропаганда, в том числе и гомосексуальная (передача типа «Азбука секса», «Секс с Алфисой Чеховой», «Сексуальная революция», «Лесника секса»), разные компании под лозунгом «Будь свободен», картинка и клипы с названиями вроде «Любовь, бронетанк», «Лесбийские игры», «Любовь голы», «Раздень стриптизшу» и т. д., и т. п. (Брик, 2008).

и патриотизма. Давать однозначную интегральную оценку роли информационных технологий в процессе социализации личности, формирования исторического сознания и ценностных ориентаций достаточно трудно. Но то, что их деятельность требует радикальных изменений (в том числе на законодательском уровне), по-видимому, не вызывает сомнения.

Проанализируем ситуацию и в области образования как еще одного главного канала духовно-нравственной консолидации общества. Многие социологи, опираясь на исследовательские данные, утверждают, что сегодня ни школа, ни вуз не решают в полной мере проблемы формирования исторического мышления (Соснин, 2012; Семёнов, 2004). Существенным недостатком современных школьных учебников истории является то, что они не дают возможности составить представление о логике исторического процесса, о движущих силах истории, т. е. неспособны сформировать историческое мышление. Исторический процесс предстает перед школьниками нередко как хаотический набор дат, имен, событий. Это приводит к тому, что учащимся не удается проследить причинно-следственные связи в истории, понять закономерности.

Опыт показывает, что недооценка государством роли образования как управления формированием исторического сознания молодежи приводит к резкому снижению уровня патриотических чувств, гражданской ответственности и в целом – к дестабилизации социума. Сегодня необходимо изменить подход к данной проблеме, превратив ее в объект внимания государственных и общественных структур, реализующих единую стратегию развития исторического сознания молодежи и воспитания патриотизма.

Школы, вузы, техникумы, опираясь на соответствующие учебные пособия, на отечественную классическую литературу и искусство, призваны формировать у учащихся глубокое знание истории и культуры России. В связи с этим необходимо проведение тщательной экспертизы учебников на предмет их соответствия задачам патриотического воспитания, использования разнообразных методов воздействия – информирования, убеждения, внушения, применения наиболее эффективных психолого-педагогических воспитательно-образовательных технологий.

Серьезной переориентации требует деятельность ведущих СМИ, призванных решать задачи консолидации общества вокруг идеи развития и укрепления России, пропагандировать образцы высоконравственного, духовного поведения, внедрять в сознание граждан высшие ценности. Это предполагает одновременно и критичес-

кое отношение к тем сторонам действительности, которые имеют деструктивный, разрушительный для нашего общества характер, в том числе к карманам. Целесообразно пресекать откровенно «антироссийские» программы, унижающие чувства и достоинство народа.

В этой связи важно способствовать укреплению связей современного общества с историческим бытием нашей страны. Разрыв между разными историческими эпохами в ее развитии – досоветской, советской, постсоветской, – созданный в сознании людей искусственно, прежде всего усилиями коммунистической идеологии, обуславливает идентификацию лишь с одним из фрагментов истории страны, с тем или иным аспектом отечественной культуры. Такое положение ведет к возникновению конфликтности в сознании людей, формирует стойкие эмоциональные состояния *неудовлетворенности и ущербности* в восприятии своей истории, объединяет историческое мировосприятие, уменьшает базис развития национального самосознания.

Крушение ценностей и идеалов социализма для многих россиян стало почвой для «разочарования» в своем Отечестве. Не только молодые, но и старшее поколение оказались не связанными кровно с историческим бытием и самосознанием своей страны – бытием и самосознанием, которые по своей общечеловеческой ценности не уступают истории и культуре любой другой страны.

В результате в настоящий период основная часть наших сограждан страны, и молодое поколение прежде всего, дезориентированы в духовно-ценностном плане. Имеет место размытость и неопределенность национального самосознания и национальной самоидентификации; распространены настроения и мнения о «ненормальности», «нецивилизованности» и «некультурности» России, о необходимости «учиться и жить, и мыслить» у западных стран; аннушается идея о появлении исторических перспектив развития России только по ее вступлению в «цивилизованный мир». Важно помочь людям осознать единство и одновременно многообразие исторического прошлого России, преемственность культурных традиций, их безусловную ценность как основания развития современной культурной и общественно-государственной жизни.

Особая роль государства состоит в защите главного ресурса общества – народа, его благосостояния и жизни. В целом действия властных структур, не воспринимаемые большинством граждан как способствующие их жизненному благополучию, формируют у народа негативные настроения и ослабляют единство общества.

Отвественное отношение к решению проблем духовно-нравственной консолидации российского общества на современном этапе предполагает серьезный анализ идеино-политических и социально-психологических аспектов жизни социума как необходимое условие перспективного планирования и организация работы в указанном направлении. Решение этих базовых вопросов позволит политическим структурам государства определять, в частности, и политику противодействия распространения наркомании в стране.

Итак, историческое сознание народа следует признать важнейшим условием самоидентификации личности и интеграции социума, преимущественности в развитии культуры и обеспечения безопасности функционирования и сохранения государства как субъекта исторического процесса. В переломные периоды истории, когда осуществляются парадигмальные изменения в социально-экономической и политико-идеологических сферах общества, качественные преобразования претерпевает система ценностей. Возрастает роль исторического сознания как фактора интеграции социума, сохранения духовного единства народа. В этих условиях формирование исторического сознания приобретает характер общегосударственной задачи. Поэтому в современной России в связи с переживаемым обществом духовным кризисом основным вектором в воспитательной работе должно стать формирование у людей, и в первую очередь – у молодежи, чувства исторического единства со своим народом, уважения к истории и культуре своей страны. Целесообразно осуществить переход от «критической истории» прошлого страны к акцентированию его позитивных сторон. Необходимо ориентировать систему образования и воспитания, средства массовой информации, пропагандистский аппарат государства на формирование у российских граждан знаний о героических страницах истории и богатейших культурных традициях России, о самоотверженной борьбе народа за сохранение суверенитета и государственной независимости страны, о подвигах наших патриотов-соотечественников, как в прошлом, так и в настоящее время. На законодательном уровне целесообразно закрепить право государства действительно влиять на обучение и воспитание учащихся, на качество учебников и другой литературы по истории России. Государство должно вернуть себе утраченные в ходе социально-экономических реформ позиции в деле формирования исторического сознания молодежи. Поскольку формирование исторического сознания непосредственно связано с воспитанием патриотизма (фактически является его составной частью), программы формирования исторического со-

знания должны быть тесно увязаны с патриотическим воспитанием подрастающего поколения.

Серьезной переориентацией (на государственном уровне) требует также деятельность ведущих средств массовой информации, призванных решать задачи консолидации общества вокруг идеи развития и укрепления России, провагандировать образцы высоко нравственного поведения, внедрять в сознание людей высшие ценности. Это предполагает одновременно критическое отношение к тем сторонам действительности, которые имеют деструктивный, разрушительный для социума характер. Целесообразно пресекать откровенно «антироссийские» программы, унижающие чувства и достоинство народа.

Только решение этих проблем позволит государственным структурам подойти к практическому осуществлению политики противоборства и антинаркотической пропаганды в стране.

Для успешной борьбы с наркомафией, на наш взгляд, необходимо: ввести жесткие законодательные санкции против наркодилеров; организовать антинаркотическую пропаганду на «низовом уровне» – уровне учебных структур (школ, училищ, институтов); распространять литературу, разъясняющую пагубное влияние наркотиков на здоровье человека; уделять должное внимание этой проблеме в СМИ с обязательным привлечением специалистов; создавать условия для реабилитации наркоманов, которые решили поправить со своей пагубной зависимостью и обратиться в соответствующие структуры, где им помогут помочь. В Русской Православной Церкви существуют центры реабилитации алкоголиков и наркоманов (Олейник, Соскин, 2005). Государственные структуры должны работать в этом отношении в прочной связке с церковными структурами и общественными организациями.

Главное, можно повториться, – это проведение культурно-национальной политики государства, ориентированной на восстановление духовно-нравственных ценностей страны в соответствии с историческим бытием Отечества, как это ни высокопарно звучит в наше сложное время. При решении данной стратегической задачи проблема противодействия немедицинскому употреблению наркотиков становится чисто инструментальной, практически прикладной, проблемой. И решение этой проблемы может оказать существенное влияние на массовую психологию сознания и поведения молодежи.

ГЛАВА 18

ФОРМИРОВАНИЕ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР ПРОТИВОСТОЯНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

В последние десятилетия общество столкнулось с проблемой интенсивного и массового освоения асоциальными личностями и группами психологических основ деструктивного воздействия на массовое сознание молодежи. Молодые люди, будучи психологически менее consistentными, чем организаторы деструктивного воздействия, оказываются беззащитными в условиях манипуляций сознанием, эксплуатирующих потребности и желания еще не сформировавшейся личности. Одной из наиболее тревожных социальных проблем такого рода становится распространение идеологии экстремизма и терроризма, направленной на дестабилизацию общества, а иногда и на разрушение конституционных основ и целостности самого государства.

Массовое распространение экстремистской идеологии в молодежной среде обусловлено комплексным воздействием негативных социальных и психологических факторов, которые усугубляются возрастной спецификой представителей данной среды: обостренной страстью к общению с эффектом группирования; склонностью к самоутверждению и, как следствие, к рискованному поведению; стремлением к самостоятельности и отрыву от семьи (школы, вуза). Эти факторы, уже эксплуатируются идеологами террористических организаций, стремящимися вовлечь в свои ряды все больше новых последователей. Скрытое воздействие, не осознаваемое молодыми людьми как манипуляция, подавляет критическую реакцию, блокирует работу защитных механизмов психики, в результате чего принимается нужное инициатору решение, направленное на разрушение целостности позитивной психологической структуры индивида и общества.

На современном этапе развития общества, характеризующемся, в частности, высоким уровнем информационных технологий, пол-

ностью оградить молодежь от манипулятивного воздействия экстремистских идеологов не представляется возможным. Противодействие современному терроризму требует исключительно системных действий, важнейшей составляющей которых, наряду с комплексом государственных мероприятий, должна стать активная социальная позиция самой молодежи, развитие ее сознания (способности к самоуправлению, противостоянию внешнему давлению, к успешной социально-экономической адаптации). От правовой культуры, политической зрелости и специфики экономического мышления молодежи зависит точность оценки темпов и направления общественно-го развития, что обостряет и усиливает актуальность и значимость проблемы исследования.

Сегодня в отечественной психологии не существует теоретическим, методологически и эмпирически обоснованной концепции развития антитеррористического сознания молодежи как фактора массового противостояния деструктивному влиянию террористической идеологии, раскрывающей ее сущность, истинные цели, механизмы воздействия, нет также надежных психологических технологий и инструментария для противодействия этому явлению.

Исследование проблемы предполагает обращение к нескольким самостоятельным, но взаимосвязанным проблемам: сознание личности и особенности правосознания, психологическая сущность и механизмы деструктивного воздействия на сознание личности, возрастные особенности развития сознания в юношеском возрасте. Каждое из этих направлений имеет свои специфические психологические особенности и самостоятельную историю научного познания.

К теоретическим основам исследования сознания обращались ведущие отечественные и зарубежные ученые – К.А. Абульханова-Славская, Л.С. Выготский, В.П. Зинченко, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, В. Вундт, И. Герbart, У. Джемс, Дж. Уотсон, З. Фрейд, Ж. Ламерти и др. Исследование сознания в период социально-экономических изменений проводили О.С. Дейнека, Т.В. Дробышева, А.Л. Журавлев, Ю.М. Забродин, А.Б. Купрейченко, И.М. Осипенко, В.П. Позняков. Сознание субъектов экономической деятельности в последние десятилетия исследовалось Т.Ю. Базаровым, А.Л. Журавлевым, А.Д. Карпашевым, А.И. Китовым, А.Б. Купрейченко, С.В. Малаховым, В.П. Позняковым, В.П. Ростовским, А.В. Филиновым, П.Н. Шихаревым и др.

Исследователя, работающие над проблемой деструктивного воздействия и поведения, – Е.Н. Волков, А.Л. Дворкин, Е.С. Доценко,

Ф. Зимбардо, Р. Лифтон, Б. Ф. Поршнев, С. Хассен, Р. Чалдини, Э. Шостром, С. Н. Шварцрейн – проводят свои классификация деструктивности личности, методов и технологий выявления деструкций, детерминирующих факторов и методов «измерения».

Теоретические основы деструктивности («инстинкта разрушения») рассматривались в работах ряда отечественных и зарубежных авторов – А. Е. Личко, Ю. В. Попова, П. И. Сидорова, М. Эриксона, Л. Шлебуш). При исследовании деструктивности используются различные теоретические и методологические подходы, концепции и модели, объясняющие причины возникновения и развития деструктивного поведения (Л. С. Выготский, Е. В. Зейгарник, Д. Н. Исаев, В. В. Ковалев, А. Ф. Лазурский, Н. Н. Мамайчук, Л. Пожар, С. Я. Рубинштейн, В. А. Худик, Р. Дж. Мерсер, Д. Р. Метц, Д. Штейнберг, Р. Хаскинс, Р. А. Гарднер и др.). В рамках изучения психического дисонтогенеза особый смысл приобретает проблема поведенческих расстройств (Д. П. Волковский, Ш. Вольер, Л. С. Выготский, А. Гезелл, М. Кларк, И. С. Ком, Г. Крейт, М. Минд, Н. Ньюкомб, Ж. Пиаже, Д. Б. Эльконин, Э. Эриксон).

В настоящее время основным направлением в изучении психологии терроризма за рубежом выступает системный подход (Н. Винер, У. Эшби, Л. Берталанфи, О. Ланге) и структурно-функциональный подход (Д. Истон, С. Лансет). Часто исследователи обращаются и к методам сравнительного анализа (С. Либерсон, М. Армер). Среди отечественных ученых данную проблему изучали С. А. Гончаров, Д. В. Овчинский, К. Н. Салимов, А. В. Соснин, Т. А. Нестяк, И. В. Сыромятников, А. В. Юренич.

В современной психологической науке имеются определенные теоретические и практические разработки и в области деструктивного поведения несовершеннолетних (расстройства поведения, зависимости от компьютерных игр, раннего алкоголизма и наркомании), и эта проблема все чаще привлекает внимание ученых (см. труды А. А. Александрова, В. В. Ковалева, В. Т. Комарашенко, И. А. Фурманова и др.). Данные разработки вносят определенный вклад в развитие дифференциальных методов профилактического воздействия, используемых в школьно-педагогической практике и социальной работе для взаимодействия с молодыми людьми из групп риска, но пока еще не имеют прямого отношения к пониманию массового воздействия террористической идеологии на сознание молодежи.

Выявление направленности, динамики, интенсивности изменений, происходящих в массовом сознании молодежи, поможет разработать программу формирования сознания молодых людей, ориентированную на развитие их способностей бесконфликтно

адаптироваться, успешно воспроизводить и позитивно трансформировать социально-экономическую действительность. Проблема настоящего исследования формулируется следующим образом: каковы структурные, содержательные и динамические характеристики антитеррористического сознания молодежи, которые могли бы выступать фактором противостояния террористической идеологии? Ответ на этот вопрос и является целью нашего исследования.

Объект исследования – сознание личности в изменяющихся социально-экономических условиях современного общества. Предмет исследования – сознание молодежи как фактор противостояния террористической идеологии. Гипотезы исследования таковы:

- 1) сознание молодежи – это сложное структурное образование, регулирующее ее поведение в социально значимых ситуациях, которое характеризуется совокупностью соответствующих представлений, знаний, отношений и может быть раскрыто через анализ составляющих его структурных, содержательных и динамических компонентов;
- 2) накопленный молодыми людьми жизненный опыт (поле сознания) по уровню осознанности оказывается недостаточным для объективного и всестороннего анализа социальных, экономических и политических явлений (их связей и отношений), влияющих на развитие террористической идеологии, и поэтому для разъяснения им рассматриваемых нами социально-экономических явлений необходимо внешнее информационное и психологическое воздействие;
- 3) разработка психологической программы диагностики и развития антитеррористического сознания молодежи будет выступать социальным и психологическим фактором противодействия манипуляциям террористической идеологии.

Проблема сознания в современной психологической науке

В современной психологической науке сознание трактуется как высшая, свойственная человеку форма обобщенного отражения объективных устойчивых свойств и закономерностей окружающего мира, формирования у него внутренней модели внешнего мира, в результате чего достигается познание и преобразование окружающей действительности. А. Н. Леонтьев назвал сознание «центральной тайной человеческой психики», а Ф. Перлз – «испытанием величайшей тайны» (Леонтьев, 1975; Перлз, 2007).

Проблема сознания, как и проблема человека в целом, имеет маргинальный статус и исследуется в контексте многих наук: философии, логики, нейрофизиологии, антропологии, социологии, педагогики и т. д., каждая из которых выделяет в сознании свой аспект изучения.

Разработанные в конкретных научных исследованиях данные о сознании трудно соединить в целостное научное представление. Некоторые исследователи сводят к нему всю психику, другие рассматривают его как незначительную часть психики, третьи и вовсе исключают сознание из рассмотрения в рамках психологической науки. В частности, можно выделить следующие определения сознания:

- *вексел самосознания, неоспоримая субъективная данность, сигнализирующая человеку о его собственных психических переживаниях* (Р. Декарт);
- *взаимодействие представлений* (И. Гербарт);
- *постоянно изменяющийся поток впечатлений* (У. Джемс);
- *часть процессов поведения, которая может быть вызвана или изменена словами, т. е. вербализована* (Дж. Уотсон);
- *наутина, сотканная из значений (или смысла) слов* (М. Вебер);
- *психическая причинность* (В. Вундт);
- *восприятие и познание окружающего* (В. Диль);
- *особая функция мозга, благодаря которой человек приобретает знания о природе и самом себе* (Ж. Ламберти);
- *отношение к среде* (К. Маркс) и т. д.

Среди наиболее известных концепций сознания можно назвать идею «потока сознания» У. Джемса. По Джемсу, «сознание личности заключается в осознании потока мысли, в котором каждая часть в качестве субъекта помнит предшествующие, знает известные этим частям объекты, сосредоточивает на некоторых из них свои заботы, как на своей личности, и присваивает последний все остальные элементы познания» (Джемс, 1991, с. 52). Ведущая функция сознания, считает автор, – это функция приспособления к внешней среде. Сознание включается при дефиците запаса реакций (рефлексов и навыков) для адекватной реакции на внешнюю ситуацию. Сознание фильтрует «внешние стимулы» по значимости, анализирует их целесообразность, регулирует поведение, преломляя внешние стимулы через ценностные и мировоззренческие позиции личности.

Джемс выделял четыре основных состояния сознания. Оно выступает частью личного опыта, обладает изменчивостью, представляет

непрерывную последовательность ощущений, которые после осознания принимаются или вытесняются из сознания (Джеймс, 1991).

Некоторые исследователи трактуют сознание лишь как условие протекания психических процессов. Такова, в частности, позиция В. Вундта, который полагал, что сознание – это причинность, и поэтому мы не можем познать его сущность, а все попытки дать определение сознания приводят к тавтологии или описанию функций сознания, а не самого сознания (Вунд, 1912).

Аналогичную же мысль мы находим у П. Натюрна. Автор склонен полагать, что сознание лишено собственной структуры, оно лишь условие протекания психологических процессов. При этом он не отрицает существование сознания, но полагает, что сознание не поддается физическому определению и «выводимо только из самого себя» (Natorp, 1912).

Стремление познать специфику сознания и обозначить его границы мы находим и в концепции В. М. Бехтерева. Опираясь на выдвинутую И. М. Сеченовым рефлекторную концепцию психической деятельности, Бехтерев разработал естественнонаучную теорию поведения. Выступая оппонентом традиционной интроспективной психологии сознания, он выдвинул теорию объективной психологии. Ученый утверждал, что под сознанием мы понимаем ту субъективную окраску или то субъективное, т. е. внутреннее, непосредственно нами воспринимаемое, состояние, которое сопровождает многие из наших психических процессов. Благодаря этой субъективной окраске человек может различать свои психические процессы по их сложности и тем или другим присущим им особенностям.

Бехтерев описал последовательные типологические формы состояния сознания. Простейшей формой сознания он признает состояние, когда в сознании еще не выработано достаточно ясных представлений и лишь существует «безотносительное чувствование» своего существования. Сознание усложняется, когда в нем уже присутствует хотя бы одна группа представлений, позволяющая осознать свое Я как субъекта (в отличие от «не-Я») или объекта, из которого «вырабатывается самосознание». Следующей по сложности формой сознания является осознание пространства и способность создавать пространственные представления о мире и окружающей обстановке. Несколько более сложной является форма сознания времени, когда возможно уже осознание последовательности внешних явлений. Следующую по сложности степень сознания представляет осознание своей личности. Это состояние сознания, в котором в его структуру могут быть включены несколько сложных и разнообраз-

ных рядов представлений. Эти сложны образованные ряды сознания составляют, по мнению автора, истинное ядро личности, которое включает в себя самые разнообразные представления – нравственные, религиозные, правовые и пр.

Высшей степенью сознания Бектерев призывает способность человека произвольно вводить в сферу сознания структурные элементы из памяти и отдавать себе отчет о происходящих в его сознании явлениях, о смене одних представлений другими, – иначе говоря, способность наблюдать и самоанализировать происходящие в собственном сознании психические процессы (Бектерев, 1991).

С. Л. Рубинштейн, описывая сознание, отталкивается от нескольких иных теоретических позиций. *Психическая деятельность* начинает выступать в качестве сознания по мере того, как из безотчетных переживаний выделяется рефлексия мира и самого себя. Далее он указывает, что предметом осознания могут стать переживания. Сказать, что осознание или неосознание тех или иных вещей и явлений зависит от их «силы», значит тем самым сказать, что осознание (или неосознание) зависит не только от знания, позволяющего опознать предмет, но и от отношения, которое этот предмет или явление вызывают у субъекта. Из данной позиции следует утверждение о наличии определенной силы переживаний и некоторой оптимальной силы «раздражителя».

Вместе с силой раздражителя, считает С. Л. Рубинштейн, необходимо учитывать и направление переживаний, т.е. феномен «направленности сознания». «Явления, оказывающиеся для субъекта антагонистически действующими силами, взаимно тормозят их осознание. Этим обусловлены трудности, на которые наталкивается осознание эмоционально действующих явлений, всегда наделяемых положительным или отрицательным знаком, а иногда в одним, в другим» (Рубинштейн, 1957, с. 43). Таким образом, в поле сознания вводится эмоциональный фон чувствований и переживаний человека. При этом осознанное и неосознанное предлагается различать не по тому, что в одном случае все исчерпывающее осознается, а в другом – наоборот. Различение осознанного и неосознанного требует учета: в каждом конкретном случае для того, чтобы действие было признано осознанным, необходимо и достаточно осознание человеком цели и ближайших последствий его действий. Рубинштейн заключает, что возникновение сознания – это возникновение сознательных действий, сознательного поведения, которые выступают специфическим способом существования человека (там же).

Одной из изучаемых проблем сознания была и остается его структура. Специфические представления о структуре сознания принадлежат австрийскому психологу, психиатру и невропатологу З. Фрейду. Согласно его взглядам, сознание имеет иерархическую структуру (подсознание, сознание, сверхсознание), в которой основная функция – функция целостного восприятия – реализуется подсознанием (Фрейд, 1990).

Л. С. Выготский разделяет позицию Л. Фейербаха о наличии «сознания для сознания и сознания для бытия». Он выделял в структуре сознания два относительно самостоятельных компонента: сознание бытийное и рефлексивное. На первом слое сознания посредством образов актуализируются текущие двигательные программы, реализуются сложные поведенческие задачи жизнедеятельности, т. е. «образ действия должен вписываться в образ мира». Если же абстрактный мир идей, обыденных и научных знаний становится предметом размышлений, то следует говорить о рефлексивной форме сознания, которая является сознанием о самом сознании.

Идея разделения этих двух слоев сознания находит отражение и в работах В. П. Зинченко. По Зинченко, рефлексивный слой сознания выступает одновременно и событийным, отражающим действительность и его анализирующим, поэтому его можно назвать «сорефлексивным». В противном случае, если бы каждый из слоев не содержал в себе «печать другого», слои сознания не могли бы взаимодействовать между собой (Зинченко, 1991).

А. Н. Леонтьев в своих теоретических изысканиях выделял в структуре сознания три относительно самостоятельных компонента: чувственную ткань образа, значение и смысл. Первую образует чувствование конкретных образов реального мира. Эти образы различаются по своей модальности, чувственному тону, уровню ясности, силе устойчивости и т. д. Благодаря чувственному содержанию сознания мир выступает как отделенная от субъекта реальность, автономно существующая вне сознания субъекта. Предметность образов является цементирующим звеном психических образов. Она возникает в процессе деятельности и связывает человека с внешним миром. Внешний мир возмается субъектом в чувственно данной предметности. Значение трактуется А. Н. Леонтьевым как возможность человека осознать своего бытия. Такая возможность выступает одновременно и психологической «единицей сознания» и фактом индивидуального сознания. Автор классифицирует значения на операциональные (бихудинамические), предметные (чувственные) и вербальные (смысловые). Последним структурным

компонентом сознания, согласно авторской концепции, выступает понятие смысла, которое отражает «укорененность индивидуального сознания в бытии человека». Автор отмечает, что индивидуальное сознание не может сводиться к абстрактному безличному знанию, в силу индивидуальности сознания и условий жизнедеятельности субъекта. А в силу реальной включенности каждого субъекта в конкретные условия жизнедеятельности и взаимодействия его с другими субъектами сознание всегда пристрастно и включает в себя также и отношения. Он отстаивал позицию, что все структурные элементы сознания связаны между собой.

Обобщая свою теорию, А. Н. Леонтьев заключает, что сознание всегда выступает осознанным бытием, формируется в процессе общественной практики и определяется через отношение к предмету сознания. Сознание является не только знанием и его рефлексией, но и включает в себя практическое отношение к нему субъекта (Леонтьев, 1975).

Продолжая мысль Леонтьева, Б. Ф. Ломов определяет сознание как идеальное отражение бытия и отмечает его общественный характер. Как идеальная форма отражения бытия, сознание имеет реальный смысл только в обществе и для общества; результаты идеального отражения, возникая в процессе общественной жизни, диктуемые ее потребностями, рано или поздно в ней же и воплощаются, реализуются, осязаются в продуктах человеческой деятельности (Ломов, 1996).

Проблема индивидуальных особенностей общественного бытия продуктивно исследуется К. А. Абульхановой, которая отмечает, что сознание порождается и формируется как «психологический механизм» вовлечения индивидуального бытия в совместную жизнедеятельность общества, а общественного бытия в жизнь индивида. Развитие индивида как члена общества необходимым образом предполагает также развитие его сознания. Не овладев этой формой, он не может развиваться как человек, как член общества, как личность (Абульханова, 1999).

В современной психологии, наряду с осознаваемыми психическими процессами, признается существование и неосознаваемых человеком структур. Однако на данном этапе они не выступают предметом нашего исследования.

Не менее значима для нашего исследования проблема активности сознания. В заданном ключе интересно обратиться к работе Н. Ф. Добрынина, который полагает, что для активности сознания человека важное значение имеют его убеждения. Добрынин отме-

част, что убеждения вытекают из мировоззрения человека, которое коррелирует с комплексом его знаний о мире и характеристиками отношения к миру. Убеждения и отношения человека неизбежно проецируются на особенности его поведения, проявляются в действиях и поступках. Чем большей компетентностью обладает человек, тем более точным будет его представление о реальном мире, что в свою очередь будет способствовать более точному управлению собственным поведением и деятельностью (Добрынин, 1965).

Обобщая проведенный анализ, можно отметить, что сознание по своей сущности выступает основой созерцания мира, его отражения и рефлексии, а также концентрирует в себе оценочные отношения и определяет качество адаптации к миру и жизнедеятельности. При этом человек как субъект отношений и деятельности имеет индивидуальные убеждения, которые выступают инициаторами активности его сознания, поведения и деятельности.

Стратегии деструктивного воздействия на сознание личности

Социальное взаимодействие является определяющим условием формирования и развития человека как члена общества, удовлетворения его важнейших человеческих потребностей и осуществления личностных целей. Большинство личностных потребностей (в уважении, одобрении, любви, принадлежности к группе, общественном признании, независимости, психологическом комфорте и др.) не могут быть удовлетворены без помощи или же участия других людей. Пытаясь реализовать свои потребности, в процессе социального взаимодействия люди сознательно или неосознанно влияют на психическое состояние, чувства, мысли и поступки друг друга.

Воздействие на психическое состояние, чувства, мысли и поступки других людей с помощью психологических средств (вербальных, паралингвистических или невербальных) составляет сущность психологического влияния. Технологии психологического влияния предполагают наличие инициатора влияния (того, кто первым предпринимает попытку влияния любым из известных или неизвестных способов) и адресата влияния (к которому обращена первая попытка влияния). В процессе взаимодействия происходит постоянное взаимное влияние людей, и человек одновременно может выступать его инициатором и адресатом. Как показывает практика, в большинстве случаев влияние иницируется соображениями определенной выгоды и направлено на удовлетворение личных (частных) или коллективных потребностей, хотя истинные цели (связанные

с личной выгодой и потребностями) или не осознаются инициатором, или тщательно им скрываются.

В психологической науке описан большой спектр разнообразных видов влияния, которые могут быть использованы для воздействия и трансформации психического состояния, образа мыслей и поведения другого человека (адресата). Методы воздействия в условиях российской культуры противопоставляются методам взаимодействия (диалоговым и партнерским). Особый интерес вызывают виды психологического влияния, которые направлены на управление ситуацией, вмешательство и руководство. Всякий акт влияния независимо от степени его осознанности и преднамеренности реализует сознательное или бессознательное стремление человека утвердить факт своего существования и значимость этого существования.

Все виды психологического влияния, описанные в научной литературе, можно свести к следующим позициям: убеждение, самопродвижение, внушение, заражение, пробуждение импульса к подражанию, формирование благосклонности, просьба, принуждение, деструктивная критика, манипуляция (Е. Н. Волков, Г. В. Грачев, А. Л. Дворкин, К. Джамбалов, Е. Л. Додяко, Е. В. Змановская, Р. Люфтон, Дж. Макдухал, И. К. Мельник, Е. В. Сидоренко, Д. Стюарт, С. Хассен, Н. Ю. Хрищева, Р. Чалдини, В. П. Шейнов, Г. Шиллер и др.).

Основную угрозу информационно-психологической безопасности личности представляет манипулирование. Изучение его сущности и механизмов, способов распознавания манипуляционных воздействий и методов защиты от них является приоритетной задачей при исследовании психологических факторов устойчивости личности к влиянию деструктивных организаций.

Манипуляция рассматривается как скрытое от адресата побуждение его к переживанию определенных состояний, совершению установок, принятию решений и выполнению действий, необходимых для достижения инициатором своих целей. Характерным признаком манипуляции является «присвоение» адресатом мыслей, чувств, решений и действий, инициированных манипулятором, и принятие ответственности за них.

Сегодня в поисках мер противодействия деструктивному сознанию все чаще обращаются к психологической концепции под условным названием «консультации по выводу», которая осуществляется неосознанными методами, посредством пробуждения в жертве критического сознания и желания во всем разобраться самой. Консультирование по выводу предполагает обсуждение с различных точек зрения информации, которая скрывается деструктивными идеологами (Аронсон, 2008).

Анализ исследований психологического влияния на человека показал, что устойчивость личности к деструктивным влияниям может быть развита посредством формулирования алгоритмов критической обработки информации и поведения, в которых на личность оказывается психологическое воздействие. Точный отсчет в работе по формированию критической обработки информации должен стать выявление основных представлений молодежи о терроризме и террористах, которые могут стать фундаментом заявленной формы консультирования.

Эмпирический анализ представленности проблемы терроризма в сознании молодежи

Для выявления представленности проблемы терроризма в сознании молодежи и дальнейшего исследования психологических факторов формирования ее антитеррористического сознания первоначально мы провели анонимный опрос среди студентов 1–3 курсов российских вузов. Всего в исследовании приняли участие 150 респондентов. Оно осуществлялось с помощью опросных листов, в основе которых лежал метод незавершенных предложений. Предлагаемые вопросы были ориентированы на выявление структурных и содержательных особенностей представлений молодежи о терроризме и террористах. Все анализируемые в данной работе вопросы из опросного листа приведены ниже.

Молодым людям было предложено завершить предложение: «Терроризм – это...». Как видно из таблицы 18, основная масса респондентов (27,1%) считает терроризм проявлением психологических проблем личности, к которым они относят: неуравновешенность психики, низкий интеллектуальный потенциал, личностные и ситуационные проблемы человека, низкий социальный интеллект, потакание сиюминутным настроениям и т.д.

Вторую позицию занимает представление о терроризме как о фундаментальной угрозе общественному развитию. Данная группа респондентов склонна полагать, что терроризм может привести к разрушению общества на уровне целых регионов и даже государства.

Как оказалось, терроризм в 12,1% случаев трактуется молодыми людьми как уголовное «преступление», которое должно быть преследуемо в законодательном порядке подобно многим другим уголовно наказуемым правонарушениям, таким как воровство, мошенничество, коррупция.

Таблица 18
Представления молодежи о терроризме

№ п/п	Варианты ответов	Количество ответов (в %)
1	Проявление психологических проблем личности	27,1
2	Угроза общественному развитию	16,8
3	Уголовно наказуемые преступления	12,1
4	Социальная общность единомышленников	10,3
5	Средство политической борьбы	8,4
6	Нечем обоснованное насилие	6,5
7	Социально обусловленное явление	6,5
8	Острая проблема общества	4,7
9	Разрозненные действия экстремистов	1,9
10	Проявление этнических проблем	0,9
11	Затруднились ответить	4,8

Определенная часть молодых людей (7,5% из 12,1%) выделяют терроризм из общего списка преступлений как особо опасное преступление – против личности (посягательство на жизнь и здоровье людей).

В 10,3% случаев терроризм воспринимается молодыми людьми в качестве «социальной общности единомышленников», имеющей свои цели, средства их реализации и соответствующие ресурсы (люди, деньги, социальные связи, специальные технологии, средства коммуникаций и т.д.). Деятельность таких общностей направлена не только на массовое устрашение людей, но и на достижение конкретных целей – власти и денег, даже посредством насилия. В продолжение этой позиции 6,5% опрошенных молодых людей воспринимают терроризм как «общественно опасное явление», которому необходимо противопоставить столь же организованный правовой закон. Этой позицией придерживаются 4,7% опрошенных респондентов, которые воспринимают терроризм как «проблему», требующую своего социального и правового разрешения, что предполагает «необходимость организованного поиска и нахождения конкретных решений посредством общественных усилий».

Восприятие терроризма как политической проблемы было отмечено у 8,4% опрошенных респондентов. В эту категорию вошел от-

веты, характеризующие терроризм как политическую деятельность («терроризм – это политическая деятельность, основанная на систематическом применении террора»), а также описывающие формы ее проявления («течение, занимающееся терактами», «разжигатели войн», «политика насильственных действий»). В данном случае молодежь осознает терроризм как борьбу за власть в государстве между различными социальными силами, т.е. терроризм воспринимается как «реакция недовольства» определенных социальных слоев населения сложившимися социально-экономическими условиями и политической системой.

Следующие 16,8% респондентов воспринимают терроризм как «утрозу», при этом ответы респондентов позволили выделить две категории угрозы обществу (13,1%) и жизни людей (3,7%). Для наглядности в качестве примера одной из данных позиций приведем следующее высказывание: «Терроризм является искореняющим фактором и может привести к утрате жизненных перспектив человека».

Часть опрошенных респондентов (6,5%) воспринимают терроризм как «насилие», которое предполагает принуждение человека или общности людей «делать» или «думать» то, с чем объекты насилия изначально не согласны или чего они хотели бы избежать. В данном случае можно говорить о неадекватной чуждой личности террористической идеологии.

Анализ ответов показывает, что в сознании молодых людей можно выделить и непосредственно психологические оценки терроризма (отношение, суждения), на которые указывает 21,1% респондентов из анализируемой выборки.

В большинстве случаев можно говорить об эмоциональном восприятии терроризма (которое проявляется через описание эмоциональных состояний, вызванных различными аспектами терроризма), реже – об эмоционально окрашенных оценочных суждениях. Нами выделены следующие эмоциональные позиции:

- вызванные невозможностью предостеречь террористические акты: «злость» 6,5%, «агрессия» 0,9%, «страх» 3,7%;
- выражающие отношение к террористическим угрозам в сложившихся условиях развития общества: «беда» 0,9%, «горе» 0,9%, «горе» 0,9%, «бессмыслица» 0,9%;
- отражающие отрицательное отношение молодежи к терроризму, представленное негативными эмоциональными оценками «плохо»: так ответили 98,4% опрошенных молодых людей.

Следующая незначительная группа респондентов (0,9%) воспринимает терроризм как проявление психологической патологии личности, с чем перекликаются мнения еще 2,8% респондентов, которые видят в терроризме проявление «неадекватного поведения», что в свою очередь также указывает на определенные психологические деформации личности. Эта часть респондентов склонна считать, что терроризм никак не связан с психически здоровым человеком.

Часть респондентов (1,9%) воспринимают терроризм как антиобщественное явление и говорят о психологической готовности к активному противодействию ему.

Незначительный процент молодых людей (0,9%) объясняет терроризм как проявление межрасовых конфликтов, что позволяет утверждать о представленности терроризма в сознании этих молодых людей как международного явления.

С целью выявления представлений молодежи о факторах, способствующих вовлечению молодых людей в террористические группировки (факторы, на которые впоследствии предполагается ориентировать противодействие такому вовлечению), студентам предлагалось завершить следующее незаконченное предложение: «Террористами обычно становятся...» (см. таблицу 19).

Как оказалось, подавляющее большинство респондентов (66,4%) в качестве основных причин вовлечения молодежи в террористические организации называет психологические. Наибольшую распространенность среди психологических причин, по мнению респондентов, занимают: подверженность внешнему влиянию – 22,5%; личностные особенности человека – 10,2%; асимметричная неуравновешенность (нестабильная психика) – 8,4%. На социальные фак-

Таблица 19
Представления молодежи о факторах вовлечения
в террористические группировки

№ п/п	Факторы	Количество (в %)
1	Психологические	66,4
2	Социальные	19,6
3	Экономические	1,7
4	Религиозные	1,7
5	Правовые	1,7
6	Затрудняюсь ответить	1,9

торы как причину вовлечения молодых людей в террористические организации указало 19,6% опрошенных респондентов, на экономические – 3,7%, правовые – 3,7%, религиозные – 3,7%, а 2,9% опрошенных затруднились ответить на данный вопрос.

Далее обратимся к мнению респондентов о факторах распространения терроризма. Как оказалось, молодые люди выделяют множество подобных факторов. Их можно свести к девяти основным позициям (см. таблицу 20).

Таблица 20
Представления молодежи
о факторах распространения терроризма

№ п/п	Факторы	Количество (в %)
1	Психологические	29,8
2	Правовые	11,2
3	Социальные	10,4
4	Госполитические	9,3
5	Экономические	6,5
6	Политические	2,8
7	Религиозные	1,9
8	Этно-национальные	1,9
9	Разные	1,9
10	Затруднились ответить	24,3

По мнению молодых людей, развитие терроризма в современном обществе обусловлено многочисленными социально-экономическими факторами, определяющими как его общий характер, так и отдельные специфические особенности. Ведущим фактором, способствующим развитию терроризма, респондентами признается психологический (29,8%). Он проявляется себя, как полагают респонденты:

- в мотивах террористической деятельности (5,6%), среди которых выделены мотивы власти, мотивы самоутверждения, погоня за острыми ощущениями и мотив новизны;
- в личностных характеристиках (1,9%);
- в специфике психологического воздействия (внушения) (9,3%);
- в отсутствии взаимопонимания между людьми (2,8%);

- в наличии у людей несовместимых мировоззренческих позиций (мировосприятие) (8,4%);
- в когнитивных особенностях восприятия мира (0,9%);
- в психологической неустойчивости личности (0,9%).

Вторым по значимости фактором, способствующим развитию терроризма, по мнению респондентов, выступает прямой фактор: на него указали 11,2% респондентов. В правовых детерминантах развития терроризма были выделены уголовно-правовые факторы (коррупция, пренебрежение законом, противоправная поддержка террористов различными социальными структурами и заинтересованными лицами, нацеленность на устранение конкурентов любой ценой) – 5,6%; негативная оценка антитеррористической деятельности правоохранительных органов и общего уровня компетентности силовиков в противодействии терроризму присуща 5,6% респондентов.

Социальный фактор, по мнению молодых людей, также оказывает существенное влияние на развитие терроризма: на это указали 10,4% респондентов. В частности, респонденты отмечают в качестве таких причин общую неудовлетворенность населения своим социальным положением (4,7%). К терроризму может подталкивать отсутствие перспектив социально-экономического и культурного развития общества, как считают 1,9% респондентов. Еще одна причина, на которую указали молодые люди, – это недостаточное внимание государства к организации досуга молодежи (1,9%), а также высокий уровень безработицы (1,9%).

Следующие 9,3% респондентов указали, что основой развития терроризма выступает недовольство некоторых граждан общей политикой государства.

На экономический фактор как причину развития терроризма указало 6,5% респондентов. Среди экономических причин развития терроризма были выделены несколько взаимосвязанных: ситуационные (2,8%), когда терроризм воспринимается как способ улучшения материального благополучия; структурные, когда первоосновой терроризма выступает наличие в обществе социального неравенства, т. е. разделение населения на богатых и бедных (0,9%), и организационные, когда развитию терроризма способствует наличие организованных каналов финансирования (2,8%).

Политический фактор, в частности, нестабильная политическая обстановка, также способствует развитию терроризма, как считают 2,8% респондентов. Оставшаяся часть респондентов указала на религиозный (1,9%) и этнический (1,9%) факторы. Затруднялись от-

ветить на этот вопрос 24,3% респондентов, а 1,9% респондентов назвали иные причины.

При анализе ответов на вопрос, каким образом должно осуществляться противодействие распространению терроризма, были выявлены три самостоятельные позиции (см. таблицу 21). Первая связана со сферами жизнедеятельности общества, в которых должна осуществляться профилактика терроризма. Вторая позиция связана со спецификой способов противодействия терроризму. И третья позиция связана с указанием социальных институтов общества, которые должны организовать и осуществлять такое противодействие.

Таблица 21
Представления молодежи
о способах противодействия терроризму

№ п/п	Варианты ответов	Количество (в %)
1	Действия правоохранительных органов	29,8
2	Воспитание и образование молодежи	6,5
3	Личностная позиция каждого	6,5
4	Средства массовой информации	4,7
5	Просвещение населения	4,7
6	Деятельность социальных институтов	4,7
7	Профессиональная деятельность специалистов	3,7
8	Деятельность общественных организаций	2,8
9	Менталитет народа России	2,8
10	Внезапное силовое воздействие	2,8
11	Тщательное изучение природы терроризма (научно-исследовательская деятельность)	1,9
12	Разное	5,6
13	Затрудняюсь ответить	23,5

Из таблицы видно, что, по мнению молодых людей, противодействие распространению терроризма должно осуществляться в первую очередь правоохранительными органами (29,8%). Для эффективного противодействия терроризму правоохранительные органы должны:

- усилить систему охраны населения, особенно мест массового скопления людей, таких как метро, торговые центры, музыкальные шоу и спортивные мероприятия (3,7%);

- усилить контроль правоохранительных органов за местами массового скопления молодежи, особенно несовершеннолетних (6,5%);
- усовершенствовать систему защиты общественных организаций и учебных заведений (3,7%);
- ужесточить наказание за терроризм (вплоть до расстрела) (10,3%);
- улучшить деятельность правоохранительных органов за счет повышения профессионализма сотрудников и усиленного финансирования (5,6%).

Немаловажное значение в противодействии терроризму занимает образование и воспитание молодежи (6,3%). Наряду с воспитанием молодежи указывается антитеррористическая позиция каждого конкретного человека (6,3%), которая заключается в «осторожности», «внимательности», «бдительности» и «готовности сообщить о подозрительных ситуациях и людях в правоохранительные органы». Молодые люди считают, что способствовать противодействию терроризму будет и работа в социальной сфере (4,7%); для этого необходимо решить проблемы безработицы, стремиться к материальному, этническому, религиозному и социальному равноправию, а также уделять внимание развитию института семьи.

Большое значение в противодействии распространению терроризма, по мнению молодых людей, может оказать массовое просвещение населения (4,7%); здесь подразумевается необходимость проведения мероприятий по повышению уровня правовой культуры и антитеррористической просвещенности населения, а также религиозной информированности (например, «давать правильное понимание и знание об Исламе») и социальной толерантности.

Некоторые из опрошенных молодых людей (4,7%) указали на возможность различных государственных структур и органов государственной власти как на структуры, обладающие существенными возможностями в противодействии терроризму.

Часть молодых людей отмечает, что для противодействия терроризму также необходимо:

- усиленное силовое воздействие (2,8%);
- устранение международной розни (2,8%);
- организация общественных антитеррористических акций (2,8%);
- исследовательская деятельность и консультации специалистов (1,9%), в частности, психологов (3,7%).

Психологическое противодействие терроризму в молодежной среде, по мнению респондентов, должно включать в себя: проведение психологических консультаций, обучение методам контроля своих эмоций, формирование способности противостоять негативному психологическому воздействию. Молодые люди также полагают, что в противодействии распространению терроризма необходимо психологическое воздействие на самих террористов. По данному вопросу 5,6% полученных ответов были нами отнесены к категории «разное», а 23,5% опрошенных молодых людей затруднились ответить. Это говорит о важной позиции достаточно большой массы молодежи, о ее нежелании включаться в решение одной из острых социальных проблем современности.

С целью выявления представлений молодежи о наиболее компетентных источниках информации о терроризме в опросный лист было включено незавершенное предложение: «Наиболее полно о терроризме и террористах знают...». Предполагалось, что ответ на данный вопрос позволит в будущем использовать эту информацию для разработки наиболее эффективных способов профилактики терроризма в молодежной среде. По существу, нами исследовался вопрос о доверии молодых людей различным источникам информации о терроризме. Анализ ответов на данный вопрос показал следующие результаты:

- 35,4% опрошенных респондентов указали на представителей правоохранительных органов как наиболее компетентных в понимании проблем терроризма;
- 23,4% считают, что в данном вопросе наиболее осведомленными и компетентными являются «сами террористы»;
- 5,6% указывают на представителей государственных структур и органов государственной власти;
- 2,8% считают, что наиболее полно о терроризме информированы представители средств массовой информации;
- три равночисленных подгруппы респондентов (по 1,9%) склонны полагать, что наиболее информированы о терроризме жертвы терактов, специалисты (юристы и психологи), представители ФСБ;
- 3,7% респондентов склонны считать, что «никто» не обладает полной информацией о терроризме и террористах;
- оставшиеся респонденты (19,6%), к сожалению, затруднились ответить на данный вопрос.

Все вышеописанные результаты представлены в таблице 22.

Таблица 22

Представления молодежи о способах профилактики терроризма

№ п/п	Варианты ответов (причины)	Количество (в %)
1	Правоохранительные органы	35,4
2	Сами террористы	23,4
3	Государственные структуры	3,6
4	Средства массовой информации	2,8
5	Террористы и сателлитные структуры	1,9
6	Политические деятели	1,9
7	Жертвы терактов	1,9
8	Специалисты, сталкивающиеся с данной проблемой (психологи, психиатры, врачи, сотрудники МЧС)	1,9
9	ФСБ	1,9
10	Ничто	1,7
11	Затрудняюсь ответить (не знаю)	19,6

С точки зрения профилактики терроризма особо значимым представляется тот факт, что большая часть опрошенных молодых людей наиболее компетентными по вопросам терроризма считают представителей правоохранительных органов. Это говорит о высоком уровне доверия респондентов к данной группе специалистов, в свою очередь, выступая серьезным основанием для их привлечения к профилактической деятельности по противодействию терроризму в молодежной среде.

***

Несмотря на ряд предпринимаемых государством и правоохранительными органами усилий, продолжается рост преступлений экстремистской направленности, представляющих серьезную угрозу стабильности и общественной безопасности нашей страны. Согласно исследованиям ряда российских ученых из аналитических служб ФСБ и данным зарубежных исследовательских центров, совокупный бюджет в сфере терроризма составляет ежегодно от 5 до 20 миллиардов долларов (Дворников и др., 2016). Терроризм приводит к массовым человеческим жертвам, оказывает негативное психологическое воздействие на массовое сознание и поведение, детерминирует отрицательные политические, экономические и социальные последствия. В частности, к отрицательным экономическим

последствиям терроризма можно отнести снижение инвестиционной и туристической привлекательности регионов.

Лидеры террористических организаций для маскировки своей истинной цели – передела, захвата и контроля мировых финансовых потоков – зачастую используют идеологический, этический и религиозный факторы. Эксплуатация данных факторов способствует усилению психологического воздействия на личность отдельно взятой личности и различных групп населения. Наиболее подверженными такому психологическому воздействию оказываются молодые люди в возрасте от 15 до 25 лет, что вынуждает обратиться к психологическим особенностям развития данной возрастной группы.

Возрастные особенности развития молодежи от 15 до 20 лет заключаются в стремлении к самоутверждению, в формировании ценностных ориентаций и мировоззрения, в решении задач самоопределения и выбора своего жизненного пути, в активной ориентации на принадлежность группе, в желании быть принятым референтной группой. Эти возрастные особенности делают молодых людей восприимчивыми к манипулятивному воздействию, эксплуатирующему специфические возрастные характеристики еще несформировавшейся личности.

Основная масса респондентов считает терроризм проявлением психологических проблем личности, связанных с психологическими патологиями и/или с деформациями личности, такими как неуравновешенность психики, высокий интеллектуальный потенциал, слабый социальный интеллект, потакание сиюминутным настроениям и т. д.

Террористы представляются в сознании молодых людей как социальная общность со своими целями, средствами их реализации и соответствующими ресурсами, основным механизмом достижения запланированных целей которых выступает массовое устрашение.

Некоторым молодым людям свойственна оценка терроризма как политической проблемы – «реакции недовольства» социально-экономической политикой государства.

Часть респондентов воспринимает терроризм как угрозу обществу и/или жизни человека, рассматривая его как физическое, правовое и психологическое «насилие» и навязывание «чуждой идеологии».

В сознании молодых людей можно выделить эмоционально окрашенные реакции на террористические акты (злость, агрессия, страх) и эмоциональную оценку таких актов (беда, горе, грех, бессмыслица).

Значительная часть респондентов воспринимает терроризм как антиобщественное явление и говорит о психологической готовности к активному противодействию ему.

Незначительный процент молодых людей объясняет терроризм как проявление межрасовых конфликтов, что позволяет говорить о восприятии его как явления международного уровня.

Молодые люди выделяют множество причин развития терроризма в современном обществе, которые связаны с многочисленными психологическими, правовыми факторами, определяющими как общий характер развития терроризма, так и его отдельные специфические особенности.

Ведущим фактором, способствующим развитию терроризма, респондентами признается психологический, который проявляется в мотивах террористической деятельности, в личностных характеристиках террористов, в специфике психологического воздействия (инкубации), в отсутствии взаимопонимания между людьми, в мало-совместимых мировоззренческих позициях, в когнитивных особенностях восприятия мира и психологических проблемах личности.

В правовых детерминантах развития терроризма были выделены уголовно-правовые факторы социальной среды (коррупция, пренебрежение законом, противоправная поддержка террористов заинтересованными лицами) и негативная оценка уровня и характера антитеррористической деятельности правоохранительных органов.

К социальным факторам распространения терроризма респонденты относят неудовлетворенность своим социальным положением, отсутствие перспектив социально-экономического и культурного развития, недостаточное внимание государства к организации досуга молодежи, высокий уровень безработицы.

Экономический фактор в развитии терроризма проявляется во вступлении в группировку ради улучшения своего материального благополучия.

Незначительная часть респондентов называет политические факторы распространения терроризма (в частности, нестабильную политическую обстановку), религиозный и этнический факторы.

По мнению респондентов, наиболее компетентны в вопросах терроризма представители правоохранительных органов, «сами террористы», представители государственных структур и органов государственной власти, представители средств массовой информации, жертвы терактов, юристы и психологи. Это позволяет говорить о целесообразности привлечения данного круга лиц к профилактике терроризма в молодежной среде.

Раздел 6

СОВРЕМЕННЫЕ МЕХАНИЗМЫ И СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ НА МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ И ПОВЕДЕНИЕ

ГЛАВА 19

СОВРЕМЕННАЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Психология массового сознания и поведения людей и управления ими – это, в принципе, вторичный аспект геополитического противостояния «основных игроков» современной цивилизации. Все глобальные исторические субъекты используют технологии управления массовым сознанием и поведением людей для своих национальных интересов через СМИ, включая Интернет.

Основные геополитические споры в начале XXI в. ведутся вокруг будущего устройства мира – это или утификация и денационализация государств в связи с современными тенденциями глобализации, или сохранение социокультурной идентичности суверенными государственными субъектами. Приведем результаты опросов населения во многих странах мира. Первое место в ряду проблем глобализации занимает иммиграция (более ¼ опрошенных респондентов), второе – тревоги, связанные с последствиями исламского терроризма и экстремизма (25%), третье – преступность (17%), затем кризис (16%), рост цен (14%), безработица (13%), мультикультурализм (12%), расколевшая правящая элита (11%) (Клюшник, 2013, с. 102).

Обратимся к данным английских исследовательских центров. Опубликованный доклад, в котором были проанализированы десятки тысяч интернет-опросов, партий и движений по всему миру, поддерживающих националистические идеи, показал следующее: 63% – это молодые люди до 30 лет, 75% – мужчины, образование – среднее и высшее, 14% из них – безработные, 32% – состоит в различных партиях, 80% – не доверяют правящим властям и партиям (The Rise of Populism in Europe, 2011).

Националистов (точнее, людей, ориентированных на национальные интересы Отечества) объединяет протест против мультикультурализма, против глобализации «по западному образцу и по-американски» и ее последствий для народов. Самой влиятель-

кой европейской организацией этого направления является «Национальный фронт Франции»; ее приверженцы ставят вопросы: кто подвел европейцев к краю пропасти? почему национальное государство не защищает нацию? почему забота о сохранности нации объявляется противоположной, ксенофобней, узколюбим национализмом, а не патриотизмом?

Современный мир, как утверждают многие аналитики, испытывает состояние «бифуркации»: «...человечество находится в транзитном состоянии, не имея четкого видения своего будущего; не сформированы целевые установки развития, философия и смысл жизни, система духовно-нравственных ценностей» (Россия в XXI веке, 2012, с. 3).

«Геополитический анализ истории России с неизбежностью ведется вокруг линии „Запад-Восток“ с концентрацией внимания на проблеме ее культурно-цивилизационной самобытности, которая и определяет дальнейшие исторические перспективы нашего государства» (Артюхин, Спигирев, 2009, с. 56–67).

Анализ высказываний отечественных мыслителей по поводу русской геополитической традиции, ее культурно-цивилизационного направления (Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, Н. А. Бердяева, В. Вернадского и др.) однозначно показывает, что русские философы рассматривают Россию как особый культурно-исторический тип цивилизации, особый социокультурный мир. И главной опасностью для страны они считают отрыв от своих национальных истоков (Артюхин, Спигирев, 2009, с. 58–59), а духовно-идеологическую опасность видят в концепции космополитизма (Соснин, 2015).

Современные протестные движения в мире: базовые факторы мотивации поведения

В мире проявляются признаки отказа от миропорядка, претендовавшего на безальтернативность после распада Восточного блока и крушения СССР. Новый период развития цивилизации отмечен взрывом протестной активности масс. Миллионы людей в разных странах выходят на площади, требуя перемен. В некоторых государствах демонстрации проводят еженедельно. Манифестанты собираются на центральных площадях – Синтагма в Афинах, Пуэрто-дель-Соль в Мадриде, площадь Тахир в Каире и др.

Современные протесты приобрели всемирный масштаб. Только в один день (например, 16 октября 2011 г.) демонстрации против экономического неравенства прошли в 850 (!) городах Европы,

США, Канады, Австралии и Японии. Участники придерживаются разные идеалы. Но общий политический и психологический знаменатель очевиден: родных людей – американцев, греков, арабов, украинцев и русских – не устраивает сложившийся порядок вещей. Они требуют перемен.

Важно зафиксировать ряд положений.

1. Современные протестные движения носят глобальный характер.
2. Они порождены кризисом капиталистического устройства.
3. Попытки найти решения проблем локально – путем политических уступок или силового подавления «несогласных» (как в Сирии, Ираке, на Украине и т.д.) – в принципе обречены на неудачу.

М. Хазин утверждает: «Мир стоит перед... радикальным словом. По силе и размаху он неизмеримо превосходит слова 1917-го и 1991 годов» (Хазин, 2012). Попытаться как-то повернуть и «починить» машину, летящую в бездну», утверждает он, бесполезно.

Для исключения России из этой схемы нет никаких оснований. Рассуждения ее властных структур о «стабильности» развития страны, как и патриотов Отечества о ее «особом пути», ситуацию не изменят. Экономическую, политическую систему, государственность современная Россия строит по рецептам Запада.

Мотивация массовых протестных выступлений в России следующая:

- межнациональные и межконфессиональные отношения (показательный пример – протестные выступления в Бирюльво);
- критический уровень обнищания основных масс населения (проблема ЖКХ, постоянно возрастающие налоги и т.д.);
- разъедающая страну коррупция;
- нарушения принципа справедливости в выборных кампаниях при формальном соблюдении этих принципов.

Как видим, протестные выступления имеют объективные причины: это накопившееся недовольство политикой властных структур в экономическом, межнациональном и межконфессиональном аспектах.

Протестные движения в мире наглядно иллюстрируют следующие тенденции:

- отрицание мультикультурной политики;
- необходимость учета национальной специфики (этнической, культурной, общественной) государств;
- выступления против засилья транснациональных компаний;
- неприятие устройства мира по капиталистическому принципу.

Геополитические тенденции развития современного мира непосредственно связаны с психологией массового поведения людей, с обоснованием причин и психологической мотивации поведения социальных движений.

Какие угрозы для будущего развития цивилизации (и России в том числе) несет глобализация по «эскалам» западной цивилизации? Во-первых, это перестройка массового сознания и мировоззрения людей посредством жесткого воздействия современных средств манипуляции всей духовной сферой человека с применением информационных и социально-культурных технологий, – мировая информационно-психологическая война. Во-вторых, это ослабление или разрушение национальных государств с переходом их легитимности (и компетентности) транснациональными корпорациями, межнациональными органами и организациями, подконтрольными Западу. В-третьих, это мировая экономическая война, в которой применяются средства создания в национальных экономиках и в социальной сфере стран-противника управляемого хаоса.

Воздействие на психологию массового сознания и поведения людей в современных условиях обретает дополнительные, ранее не наблюдавшиеся, особенности и характеристики. В частности, можно отметить следующие аспекты такого воздействия.

Во-первых, совершенствуются технологии управления хаосом. Значительный «объем» современного хаоса генерируется революциями и «квазиреволюциями», которые возникают «как бы из ничего». Их подавлена остается незаметной для массового сознания выколенка. К этому типу относится «революция», порождаемые ментальными политическими повестками, – проигрышем или выигрышем какой-либо стороны на выборах. Мотивацией для массовых социальных движений и возникновения очагов хаоса в обществе является накапливающаяся «усталость» рядового населения от социальной несправедливости (особенно от тотальной коррумпированности высших эшелонов власти).

Во-вторых, современные социальные процессы характеризуются исключительной скоротечностью. Информационные технологии, в первую очередь Интернет и мобильная телефонная связь, позволяют осуществлять мобилизацию больших масс населения по любым поводам практически моментально, быстро и технологично манипулировать общественным сознанием.

Сегодня политологи и социальные психологи сходятся во мнении, что XXI в. придет под знаком противостояния «исламского фундаментализма» и «европейской цивилизации» (см., напр.: Соснин,

2012). Процессы, происходящие в исламском мире, напрямую затрагивают интересы Европы и США, России и Китая, Индии и стран Юго-Восточной Азии. Но в грядущем глобальном противостоянии Западу ислам и исламская цивилизация в целом – это стратегический союзник как России, так и других стран с коллективистской мировоззренческой ориентацией.

Глава Русской православной церкви, Святейший Патриарх Кирилл, в своей речи на XVII Всемирном Русском Народном Соборе сформулировал практически новую идейно-политическую программу развития России в XXI в.: «Является ли Россия особой, уникальной, самостоятельной цивилизацией, равновеликой Западу, Индии или Китаю? На наш взгляд, ответ может быть только утвердительным. Едва ли у кого-то из людей, серьезно интересующихся философией истории, это может вызывать сомнения... Поэтому на вопрос, является ли Россия самостоятельной цивилизацией в семье крупнейших цивилизаций планеты, мы обязаны дать утвердительный ответ. <...> Россия – это страна-цивилизация, со своим собственным набором ценностей, своими закономерностями общественного развития, своей моделью социума и государства, своей системой исторических и духовных координат... Особой национальной идеей, пронизывающей нашу историю и культуру на протяжении многих веков, является идея человеческой солидарности... Стремление к солидарности определяет весь путь развития России, связывая воедино разные эпохи. Сolidарные ценности пронизывают все пространство отечественной культуры. Поэтому нашим проектом будущего должно стать солидарное общество как альтернатива обществу перманентного конфликта... Мы отвергаем позицию тех, кто считает, что Россия должна быть страной только и исключительно для русских. Но мы также никогда не согласимся с теми, кто хочет видеть ее „Россией без русских“, лишенной национального и религиозного лица, потерявшей чувство солидарности и единства. Подобный сценарий чреват катастрофическими последствиями не только для нашего государства, но и для всего мира... Мы знаем: духовные и ценностные ресурсы, которые вручены нашему народу, нашей стране и всей семье народов России, не раз определяли путь человечества на решающих исторических перекрестках, в острейшие моменты времени. Так было прежде, так должно быть и в будущем» (Кирилл, Святейший Патриарх..., 2013).

Геополитические процессы развития цивилизации являются базовыми факторами для понимания особенностей использования интернет-технологий в глобальной борьбе основных геополитических

субъектов истории. Борьба за умы и сознание больших масс населения – это борьба за дальнейшее развитие цивилизации либо по западной парадигме (унификация и уничтожение национальных перспектив), либо по пути следования своим историческим традициям и с сохранением ценностных национальных приоритетов.

Исторические традиции и сохранение ценностных национальных приоритетов российского общества как основа стабильного геополитического развития

В основе сохранения исторических корней российского общества лежит патриотизм, который призван обеспечить духовную консолидацию общества и быть одной из главных опор в воспитании молодежи (как социальной основой воспроизводства общества).

Феномен патриотизма как один из базовых компонентов общественного сознания имеет комплексную структуру. Он – объект изучения ряда общественных наук: истории, этнологии, социологии, политологии и социальной психологии. Исследование проблематика, так или иначе связанной с феноменом патриотизма, имеет давнюю историю в этнической психологии и психологии межгрупповых отношений. В этих дисциплинах накоплены достаточно обширные данные, позволяющие выделить проблему патриотизма в качестве самостоятельного объекта исследования, использовать для его описания соответствующий концептуально-концептуальный инструментарий и обозначить его социально-психологическую специфику.

Проблема воспитания патриотизма имеет прямое отношение к проблеме духовно-нравственной и социально-политической консолидации российского общества в современных условиях. Она напрямую связана с психологической безопасностью общества (Рогин, 1993), и это неусловительно, поскольку в переломные, кризисные этапы важнейшее значение приобретает такая детерминанта его развития, как тип национальной культуры, или, иначе, – преобладающий тип национально-культурной идентификации общества. Как показывает исторический опыт, слом и разрушение социокультурного ценностного ядра любой цивилизации (ее культурного архаизма) ведет либо к ее гибели, либо к глобальным катастрофическим последствиям мирового масштаба.

Междисциплинарная специфика понятия «патриотизм» обуславливает тот факт, что его содержание трактуется неоднозначно. Различия касаются главным образом следующих моментов: широты

круга явлений, к которому применяется понятие; характера его содержания; социально-правственной оценки явлений, обозначаемых им.

Концепция патриотизма в общественных науках восходит к концепции этноцентризма, впервые предложенной видным представителем социального дарвинизма У. Самнером в 1906 г. (Ле Вин, Кэмбелл, 1972). Эта концепция базируется на методологическом принципе бескомпромиссной борьбы за существование, который определяет характер отношений между людьми и группами в человеческом обществе («побеждает сильный») (Метiaux, 1983).

В содержательном плане этноцентризм – это совокупность групповых представлений, эмоционально-чувственных состояний и идеологии взаимоотношений и взаимодействий между собственной группой и другими группами. Субъектами, носителями этноцентризма (конфликтного этнического самосознания) являются разные сообщества, которые дифференцируются от других по этническим (по происхождению, по крови), религиозным, социальным и другим признакам и могут рассматривать себя как «мы», а всех остальных – как «они». Позитивные характеристики своей группы резко подчеркиваются и преувеличиваются, а свойства других групп и их члены оцениваются по стандартам собственной группы (далеко не всегда объективным) и при этом приписываются. Эти установки и идеология постулируют неизбежность отчужденности, враждебности и взаимной агрессивности в отношениях между сообществами. В современном мире процесс этногенеза групп, формирования национальных образований приобрел иной характер. И качеством, известному как этничность, стали присущи новые признаки – политические, идеологические и экономические. Другими словами, по опыту современной общественно-исторической практики, этноцентрические тенденции свойственны не только этническим группам в традиционном понимании (племя, народность, этнос), но и значительно более широкому кругу сообществ (включая государственные образования) (Соснин, 2002).

Наряду с понятием этноцентризма, в литературе, общественно-политической и идеологической практике используются ряд других терминов, которые либо синонимичны, либо очень близки по своему содержанию к понятию этноцентризма, либо производны от него. Речь идет прежде всего о таких понятиях, как «национализм» («этнонационализм»), «национальное (этническое) самосознание», «патриотизм», «интернационализм» и ряд других. Главное, как понимается национальное самосознание. Именно из этого понима-

ния закладывается начало двух принципиально различных способов «конструирования» действительности (мифологизация).

При одном из них национальное самосознание понимается как отождествление (идентификация) себя с национальной или этнической общностью в качестве целостного сообщества (этноса, нации, народа), объединенного теми или иными общими признаками (происхождение, культура, язык, территория и т.д.). Самосознанию свойственны стремление к сохранению этих общих признаков и через них – к своей самобытности и целостности (как культурному типу или, шире, – цивилизационному типу), готовность отстаивать и защищать их, и в то же время – способность (бессознательная или осознанная) ассимилировать новое, обогащающее жизнь сообщества (но на почве своей культуры) и адаптироваться к изменяющимся условиям жизни.

Главная особенность такого типа национального сознания состоит в том, что его носители признают равное право всех «других» на их собственную самобытность, их способ жизни, ценности, нормы и т.п. и не считают возможным навязывать другим, тем более силой, свои представления, нормы и ценности. Такое самосознание составляет основу нормального, здорового чувства патриотизма, отражающего верность и преданность своей общности, а также чувство интернационализма, которое включает в себя нейтральность и уважительность к представлениям и образу жизни других общностей. Опыт истории человеческой цивилизации свидетельствует о том, что человек и человеческие общности в своем естественном состоянии психологически предрасположены именно к такому самосознанию (Рощин, 1993).

Но уже на ранних этапах цивилизации это естественное состояние человека начало нарушаться сначала жизненно-материальными, затем экономическими, а позже – политическими условиями. Самосознание человеческих сообществ стало принимать другие признаки. Возник и прочно сохраняется до сих пор иной способ «конструирования действительности». При этом типе «конструирования» национальное самосознание неизбежно включает в себя чувство превосходства над другими и переживание того, что «мы» лучше, умнее, сильнее, чем «они». Следовательно, эти «они» должны либо повторять то, что «мы» делаем и во что верим, либо принимать с благодарностью то, что «мы» предлагаем (и даже подчиняться нашей силе, если «неразумные» не понимают той воли, которую несем «мы»). Такой тип самосознания и составляет сущность этноцентризма, в основе которого – чувство превосходства, основанное не толь-

ко на этнических и национальных, но и на политических и идеологических измерениях.

Из различного понимания национального самосознания вытекает и разная трактовка ряда других понятий. Так, понятие «национализм» для одних оказывается синонимом патриотизма с соответствующей положительной нравственной оценкой, для других выступает как извращенная форма национального самосознания и претензия на исключительность в национальных отношениях. В том же ключе можно рассматривать попытки разделить национализм на «плохой» и «хороший». «Плохим» национализмом считается тот, который идет «сверху» и выражается в навязывании воли большей нации другим, менее крупным национальным образованием. На политическом языке это называется шовинизмом. А под «хорошим» национализмом понимается идеология национального освобождения, борьба за национальную независимость. Противоречие подобных трактовок национализма в том, что идеология, оправдывающая господство одних наций над другими, не может считаться идеологией движения за национальную независимость. И национализм всегда остается национализмом, если в его идеологии сохраняются представления о неравенстве, о доминировании одних наций над другими. Такая «освободительная» война основывается на принципе: сегодня вы над нами, завтра – под нами. При реализации этого принципа «белый» расизм в Европе и Америке превращается в «черный» в Африке. А русское население в некоторых бывших республиках СССР становится притесняемым меньшинством.

На основании сказанного содержательное определение понятия «национализм» в сопоставлении с понятием «патриотизм» можно сформулировать двумя способами.

Во-первых, национализм как доминанта национального самосознания может означать установку идентифицировать себя с определенной нацией или другой общностью, ставя ее «по ту сторону добра и зла», признавая единственную обязанность – продвигать ее интересы, а также обеспечивать для нее больше власти и больше престижа (установка на расширяющуюся экспансию своей группы и культуры). То есть национализм, как и этноцентризм, – явление широкого социального плана, корни которого могут иметь не только этническую, но иную природу – политическую, идеологическую, религиозную.

Во-вторых, национализм многими авторами определяется как самоидентификация со своей нацией, осознание общности со своим национальным целым и естественная любовь к своему Отечеству

с одновременным уважением и признанием права на национальную самобытность других национальных сообществ.

Именно на основе этих двух подходов к определению национализма следует разграничивать понятия национализма, шовинизма и патриотизма, отражающие определенные формы национального сознания, но формы, различные по своим содержаниям, проявлениям и последствиям.

В этой связи необходимо отметить, что в современной отечественной литературе и в массовом сознании «национализм» употребляется в значении, предельно близком к понятию «шовинизм» (Доган, 1993; Орлова, 2004). Между тем в отечественной литературе 1920-х годов (см., напр.: Трубицкой, 1920) и в современной зарубежной научной литературе распространена другая трактовка национализма. В западных социологических исследованиях используются пять индикаторов национализма: чувство национальной гордости, но не исключительности; степень доверия к своей национальной армии; готовность защищать свою страну в случае войны; отношение к национально-государственным символам – флагу, гимну; чувство принадлежности к определенному сообществу – этническому, супроритическому, т.е. объединяющему группу этносов (Доган, 1993). В таком понимании «национализм» становится синонимичным понятию «патриотизм», отражает осознание общности с национальным целым и исключает утверждение привилегированного положения одной нации среди других.

Национализм и патриотизм имеют общий исходный пункт – преданность и привязанность к своей социальной общности (этнической, национальной или каковой-либо другой). Но затем в зависимости от того, как эта преданность воспринимается и реализуется в конкретных действиях, развиваются две системы социально-психологических установок, которые совершенно по-разному предопределяют характер отношений между людьми как представителями различных сообществ. В одном случае они строятся на основе взаимоуважения и равенства, в другом – определяются конфронтационностью, враждебностью, стремлением к превосходству.

Заклекая краткий анализ вопроса о соотношении понятий, отражающих восприятие людьми своей принадлежности к той или иной общности и отношений между общностями как фактора формирования массового сознания и поведения, можно сказать следующее.

Родовым, основополагающим является понятие «этническое самосознание». В зависимости от того, как понимается его содержание и смысл, рождаются два ряда производных понятий. В одном

ряду – расизм, национализм в форме шовинизма и т. п. Для этого ряда характерны признание по тем или иным критериям неравенства человеческих сообществ и чувство превосходства «мы» над «другими», противопоставление их интересов и неизбежность жесткой конфронтации между ними на биологической, национальной, идеологической, политической и любой иной основе. Другой ряд включает также понятия, как патриотизм и интернационализм. В их основе – признание самобытности и самоценности человеческих сообществ и в то же время осознание их права на существование без неизбежной конфронтации друг с другом. С такой концепцией общественных отношений естественно и логично сочетаются представления об общечеловеческих ценностях.

Итак, патриотизм – это одна из базовых составляющих национального самосознания народа, выражающаяся в чувстве любви, гордости и преданности своему Отечеству, его истории, культуре, традициям и быту, чувстве нравственного долга в его защите, а также в признании самобытности и самоценности других человеческих сообществ и в признании их права на самобытность и существование без конфронтации друг с другом.

Патриотизм – это чувство ценности и необходимости для жизни каждого человека его включения в большую индивидуальность народа и, с другой стороны, – инстинкт самосохранения народной индивидуальности и самобытности. Смысл и функция патриотизма – в объединении государства и сохранении нации как целостного единства (культурного, территориального, государственно-политического, экономического). Это духовная сила, приводящая в действие другие силы и средства, которыми поддерживается единство народа: язык, национальная культура, чувство исторической традиции и преемственности, национальные черты его религии, целостность и непривисновенность территории. Поэтому угасание патриотизма (космополитизм) – самый верный признак кризиса социума, начала конца народа, а его искусственное разрушение – путь уничтожения народа.

Патриотизм – многогранное и многоаспектное явление, представляющее собой сложный комплекс свойств и характеристик, по-разному проявляющихся на разных уровнях социальной системы. На уровне отдельного человека патриотизм может быть рассмотрен как один из компонентов его личностной подструктуры и отнесен к области высших чувств и устойчивых личностных особенностей (ценностей, убеждений, норм поведения, критериев оценки социальных явлений). На уровне макросоциума – народа,

общества – патриотизм выступает как подструктура общественно-го сознания (более точно – национального самосознания), включающая как спонтанно складывающиеся в общественной психологии, так и целенаправленно формируемые этнические стереотипы, чувства, настроения, отношения к своему народу и своей культуре, к другим социально-культурным общностям, национальные приоритеты, ценности и нормы.

Патриотическое воспитание должно учитывать и ориентироваться на оба уровня функционирования патриотизма как реального социально-психологического феномена.

Функции патриотизма и особенности патриотического воспитания в современных условиях

Основа патриотизма – преданность и привязанность к своей социально-культурной общности, воспринимаемой как расширенное пространство личного «Я». Патриотизм представляет высшее, духовно изысканное в структуре психического мира человека: «Идея Родины предполагает в человеке живое начало духовности. Родина есть нечто от духа и для духа...», – писал известный русский философ И.А. Ильин (Ильин, 1992, с. 220). Являясь творческим актом духовного самоопределения по отношению к своей культуре, своему народу, патриотизм проявляется в сыновней любви к Отечеству: «Патриотизм есть любовь; а не просто „предпочтение“, „склонность“ или „привычка“» (там же). Будучи фактором интеграции, сохранения и поддержания нормального функционирования общества, патриотизм ориентирован на сохранение целостности народа как исторического социально-культурного образования, его интеграцию и обеспечение нормального функционирования и развития как суверенного субъекта исторического процесса во взаимодействии с другими народами.

Патриотизм как системобразующий фактор национального самосознания народа выполняет ряд функций. Выделим самые главные из них (подробнее см.: Кольцова, Соснина, 2005).

1. Будучи важнейшим внутренним резервом развития общества, духовной силой, приводящей в действие культурные потенциалы и возможности народа, консолидирующей его как единую социально-культурную общность, патриотизм выполняет функцию объединения государства и сохранения нации как единого целого – культурного, территориального, государственно-политического, экономического.

2. В качестве регулятора поведения, ориентированного на формирование готовности к охране и защите Отечества, его государственного суверенитета и национально-культурной самобытности от действия внешних деструктивных сил, патриотизм выполняет функцию фактора обеспечения национальной безопасности страны в самом широком смысле слова, мобилизации народа в экстремальных ситуациях.
3. Патриотизм способствует укреплению духовной связи человека с его культурой, историей и тем самым обеспечивает историческую преемственность развития общества.

Таким образом, есть основания говорить об объективной необходимости и исторической возможности воспитания патриотизма как условия существования, развития и продуктивного функционирования общества, усиления его культурно-созидательного потенциала, духовного развития составляющих его личностей, установления конструктивного взаимодействия между разными народами в рамках мирового сообщества.

Основной целью патристического воспитания является организация системы целенаправленного воздействия, ориентированного на формирование патриотизма как свойства личности и как духовного состояния общества, элемента национального самосознания, характеризующегося приоритетностью национальных ценностей. Патристические чувства закладываются в самом процессе жизни и бытия человека, осуществляющемся в рамках конкретной социокультурной среды жизнедеятельности. Люди с момента рождения инстинктивно, естественно и незаметно привыкают к окружающей их среде, к природе и культуре своей страны, к быту своего народа.

С другой стороны, патриотизм не исчерпывается отождествлением себя с одним из компонентов естественной для человека среды его обитания в отрыве от его духовного смысла – будь то территория, климатические условия, язык или привычный хозяйственно-бытовой уклад. Понятие «Родина» предполагает наличие определенной территории, климата, языка, но, взятые сами по себе, они еще не составляют Родину. Не определяется патриотизм и формальным гражданством человека: можно числиться гражданином страны, но не любить ее, не быть ее патриотом. Все указанное – лишь предпосылки для формирования патристических чувств, но еще не сами эти чувства.

Патриотизм возникает там и тогда, где и когда человек усваивает указанные предпосылки, превращая их из внешних условий своего бытия во внутренние, глубинные побудители своего поведения

и мировосприятия, а высшие, базовые личностные ценности. Любовь к Родине становится в этом случае одним из смыслообразующих факторов жизнедеятельности человека. Таким образом, речь идет именно о высшем типе любви – любви духовной, включающей не только «матные» ощущения комфорта, связанные с пребыванием в естественной для человека среде, но и осознание прежде всего ценностей и достоинств объекта своей любви, ориентирующих человека на их защиту, развитие и преумножение.

На нынешней стадии развития российского общества и мировой социально-экономической системы в целом при реализации программы патриотического воспитания следует учитывать конкретные реалии и новые тенденции, характеризующие состояние современного общества. При этом особое внимание должно быть уделено ряду важных составляющих сегодняшних условий воспитания патриотизма.

При этом необходимо обеспечивать и реализовывать принцип разнообразия. Россия – многонациональная и многоконфессиональная страна с коллективистским типом культуры, в отличие от развитых западных стран с индивидуалистским типом культуры. В этой связи в наших условиях на современном этапе, по-видимому, следует говорить о государственно-культурном патриотизме и, соответственно, воспитании. Под этим имеются в виду, с одной стороны, любовь и преданность своему многонациональному Отечеству, олицетворяемому федеративным государством, которое на общегосударственном уровне отстаивает и защищает национальные интересы (экономические, политические, безопасности) и культурную самобытность всех народов нашей страны как целостного российского суперэтноса, с другой – сохранение культурной самобытности каждого этноса, входящего в состав российского государства.

Система патриотического воспитания в равной степени должна быть приемлема как для атеистов, так и для верующих граждан. Большую роль в духовном возрождении России, в утверждении в общественном сознании идей государственности и патриотизма играют традиционные религиозные конфессии, способствующие развитию и утверждению в обществе нравственных идеалов и общечеловеческих ценностей, рассматривающие служение Родине как высший духовный долг и предназначение человека. Современная ситуация с состоянием национального самосознания народа характеризуется глубоким разрывом с многовековой историей страны: около четырех поколений граждан жили в условиях воинствующего

атемизма и отрицания духовно-нравственных, в том числе и религиозных, ценностей, связанных с тысячелетним бытием и самосознанием своего Отечества. С этой точки зрения целесообразны разработка и введение в образовательные программы дисциплины, условно называемой «История традиционных религий России». Она должна в числе прочего предусматривать и знакомство подрастающего поколения с наиболее известными деструктивными религиозными культами, с разъяснением их разрушительного влияния на духовное и физическое здоровье человека. Введение подобной дисциплины и методология ее преподавания выполняли бы две основные функции: с одной стороны, восстановление связи с тысячелетним духовно-историческим бытием страны и культуры, преодоление разрыва в исторической памяти и национальном самосознании народа, с другой – охранную функцию защиты личности от деструктивного влияния тоталитарных сект и культов, возводивших напуг и оказывающих разрушительное влияние на духовное развитие и физическое здоровье человека. Несмотря на видимое возрождение традиционных для России конфессий – православия и ислама – в подавляющей массе населения страны продолжает оставаться «атеизированным», «религиозно безграмотным». Мы являемся свидетелями духовной экспансии невиданной силы и масштаба со стороны конфессий и религиозных объединений, нетрадиционных для наших культурно-исторических реалий (католических, протестантских, сектантских разного толка и направлений). Именно этими причинами диктуется необходимость введения подобной дисциплины в общегосударственном масштабе. Естественно, разработка и реализация данной программы должна осуществляться в равноправном и согласованном сотрудничестве представителей академической науки, педагогов и традиционных религиозных конфессий.

В области эмоциональной (т. е. в сфере формирования патристических чувств населения страны), используя разные средства и методы воздействия, необходимо воспитывать у людей патристические чувства – любовь к Родине, гордость за ее богатейшую, высокодуховную культуру и историческое прошлое, создавать оптимистические настроения относительно перспектив развития России и творческих созидательных возможностей российского народа.

Необходимо противодействовать в равной степени как идеям и чувствам национальной исключительности России, сугубо асобного пути ее развития в отрыве от общечивилизационного движения, так и попыткам сформировать у наших людей чувство вины

за свое историческое прошлое, за якобы имперский характер политики страны, испустила им мысли о культурной отсталости русского народа от «передовых» стран.

Как уже отмечалось, важно восстановить связь духовного развития современного общества с историческим бытием страны. Разрыв между разными историческими эпохами в развитии страны – до советской, советской, постсоветской, – созданный в сознании людей искусственно, обуславливает частичную идентификацию себя лишь с одним из фрагментов истории страны, с тем или иным аспектом «отечественной культуры». Такое положение ведет к возникновению конфликтности в сознании людей, формирует стойкие эмоциональные состояния неудовлетворенности и ущербности в восприятии своей истории, обедняет их историческое мировосприятие, уменьшает базис развития национального самосознания. Образно выражаясь, как нельзя любить свою мать осенью и зимой и ненавидеть ее весной и летом, так и невозможно быть патриотом своей Родины, любя лишь один период ее истории и ненавидя, отвергая или не зная других.

В поведенческой сфере (т. е. в области формирования готовности людей действовать в соответствии с патриотическими чувствами) следует воспитывать общественно-ориентированные формы поведения, готовность принимать во внимание не только личные интересы, но и интересы общества, государства, отстаивать и защищать их как свои собственные. Способность действовать, руководствуясь надличностными, общественно значимыми целями и ценностями – критерий сформированности патриотизма как устойчивой подструктуры личности, мировоззрения и морального регулятора поведения.

Говоря о тенденциях развития российского общества в контексте современных цивилизационных процессов, необходимо выделять те трудности, которые возникают на пути реализации воспитания патриотичности общества и личности. К их числу прежде всего относятся усиление политики глобализации, одним из аспектов которой является создание однополярного мира, в том числе и в сфере культурно-идеологической жизни. Искусственное внедрение в сознание людей чуждых нашей культуре ценностей, стремление унифицировать народы, подчинять их неким наднациональным целям, нивелировать их самобытность – реалии современного глобализирующегося мира.

Противостоять этому может, в первую очередь, целенаправленная национальная политика государства, объединяющая и консолидирующая все здоровые силы общества.

История развития любого общества формирует национальное сознание и делает нацию, национализм и так или иначе понимаемый патриотизм одной из сознательных движущих сил человеческой (в частности, политической) деятельности. Чтобы оценить значение идей патриотизма и национализма в общественном сознании и потенциальные последствия их распространения, эти идеи необходимо рассматривать в конкретном историческом контексте. Следует, прежде всего, прояснить, какие социальные силы формируют содержание национализма и патриотизма. Всякий конкретный вид национализма и патриотизма выступает в качестве символа. И право определять содержание этих символов оспаривается различными группами (Орлова, 2004, с. 175).

В каком же современном контексте идет борьба групп за право контроля над символами «нация», «национализм», «патриотизм»? Современная Россия вовлечена в лавинообразный процесс пересмысления результатов поражения в «холодной войне», среди которых – разрушение государства, приход к власти этнократических элит в новых государствах, пересмотр границ, перераспределение ресурсов и собственности.

В национальных республиках на постсоветском пространстве этноэлиты конструируют образ нации (и соответствующее понимание патриотизма), наполняя его содержанием, отражающим интересы титульных наций в ущерб остальным. В России на федеральном уровне ситуация совершенно противоположная. Под лозунгом защиты прав народов и прав личности формируется образ многополюсной фрагментированной нации. Такие понятия, как «титульная нация», «государствообразующий этнос», «базовая культура», «пропорциональное представительство во властных структурах», «этническое ядро», «коренные и некоренные народы», в целом исключены из политического лексикона и употребления. Сам этноним «русские» либо вообще не употребляется (его нет в Конституции РФ), либо употребляется с оглядкой и чаще всего заменяется другим «этнически-нейтральным» определением – «русскоязычные».

Такая политика властных элит России связана с закреплением в общественном сознании народа идей индивидуализма и приоритета личных интересов над общественными. Это выражается в ориентации на утверждение и формирование в России принципов либерально-демократического устройства, которые малосовместимы

с ценностями и традициями, присущими тысячелетней культуре России. Поэтому насаждение сверху либерально-демократических принципов на российской культурной почве в исторической перспективе представляется тупиковым вариантом нашего государственного развития. В этой связи становится весьма проблематичным воспитание патриотизма в современной России в отрыве от собственной истории и культуры.

Здесь уместно привести мнение отечественного философа Н. Б. Орловой: «В России контроль над символом „нация“ и его значениями принадлежит сегодня антинациональной элите, не заинтересованной в сильной единой России, организующей „дрейф“ страны к Западу, во власть глобальных управленцев... Изъять национальные богатства у народа, имеющего устойчивую идентичность, создающего свои национальные интересы и гордящегося своей историей, – сложно. Совсем другое дело, если надотнический синтез раздроблен, фрагментирован, если идентичность самого многочисленного, государствообразующего народа – русских, ослаблена, если в народе культивируется чувство неуверенности, ущемленности, стыда, если ему внушается, что именно он ответствен за якобы „мрачные“ проблемы страны. Вся история страны трактуется как череда отрицаний. Каждый последующий этап строится на обожествлении, осуждения и обесценивании периода предыдущего. Обсрачиваются с пьедесталов одни герои, на их место временно возносятся другие. Уничтожаются целые социальные слои – носители культуры, традиций, духа народа. Нарушается преемственность как социально-историческая основа целостности культуры и прочности государства» (Орлова, 2007, с. 176).

Пространство России пока еще объединяют русский язык и русская культура. Но их уязвимость перед вызовами глобализации заставляет задуматься: надолго ли сохранится устойчивость этого последнего оплота?

Управленческий слой в 1990-х годах получил возможность повышать свое благосостояние не за счет организации производства, а за счет захвата и перераспределения собственности. Новая российская элита должна формироваться из людей, способных к созидательной, а не перераспределительской деятельности. Современная элита достигла объективного предела своей компетентности – она не способна к принципиальному изменению подходов в управлении государством и корпорациями. Нужна смена менталитета элиты, связанная не просто с ужесточением государственной политики, а с переходом от неуязвимости к труду и занесивающего преклонения перед запад-

ным обществом потребления к приоритетам развития национально ориентированного капитала. Формирование национально ориентированной элиты, патриотических настроений интеллигенции и создание национально ориентированного капитала – важнейшая задача формирования единого патриотического общества.

В области идеология с началом перестройки (М. Горбачев, Б. Ельцин, Е. Гайдар и др.) насаждались индивидуалистические настроения и установки, культ власти и денег, не отвечающие менталитету народа, его многовековым традициям и противоречащие формированию высших духовных ценностей.

Особая роль государства состоит в защите главного ресурса общества – народа, его состояния и жизни. В целом действия властных структур, не воспринимаемые большинством людей как способствующие их жизненному благополучию, формируют у народа негативные настроения и ослабляют единство общества.

Ответственное отношение к решению проблем патриотического воспитания российского общества на современном этапе предполагает серьезный анализ идейно-политических и социально-психологических аспектов жизни социума как необходимого условия успешного геополитического развития российского общества в структуре современной цивилизации при сохранении своей национальной самобытности и своего геополитического влияния.

Глава 20

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОЛЛЕКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВАХ

Особенности сотворчества в современных организациях

В связи с глобализацией и переходом к сетевому обществу человечеству необходимо осмыслить изменения в совместной творческой деятельности, связанные с инновациями и глобализацией, к которым относятся растущая потребность в осознанности совместной деятельности и управлении коллективными эмоциональными состояниями, необходимость в метакогнитивной компетентности и проектировании среды совместного творчества, открытые инновации и вовлечение клиентов в создание продуктов и услуг, глобальный кризискорсинг, непрерывность творческих процессов. В связи с этими глобальными изменениями можно выделить несколько требований, на которые приходится отвечать современным командам и международным инновационным сообществам.

Первое – требование осознанности совместной творческой деятельности. Творческие процессы затруднены в условиях неспособности группы сосредоточиться на настоящем и выделить главное в потоке информации в глобальной интернет-сети. Не случайно проблема осознанности все больше привлекает внимание исследователей. На индивидуальном уровне осознанность трактуется как безограниченное осознание настоящего момента, возникающее в результате сознательного направления внимания на текущий опыт (Kabat-Zinn, 2001). На групповом она проявляется в коллективной способности к отстранению от текущего момента, т.е. в отказе от упрощения и обобщения, а также в способности сохранения внимательности к каждой обсуждаемой проблеме как уникальной, нетипичной (Weick, 2006). Не случайно становятся популярными медитационные технологии группового принятия решений. Так, например, совместное молчание и самонаблюдение получили широкое распро-

ствование среди политиков в английском парламенте (Lowe, 2014). Более 115 членов парламента, начиная с 2013 г., регулярно занимаются техниками осознанности, а коллективная медитация рассматривается ныне как общенациональная и, в перспективе, глобальная программа (Mindful nation UK, 2015).

Особенно остро проблема коллективной осознанности встает при разработке решений, сопряженных с организационными, социальными и технологическими рисками. Для традиционных технологий проведения мозговых штурмов характерно искусственно расширенное разнообразие идей и наблюдений, сужаемое затем до ряда альтернатив или направлений действия с помощью обобщения, т.е. консенсус достигается, как правило, за счет упрощения и снижения чувствительности к деталям. Осознанность же, наоборот, требует внимания группы к уникальным особенностям разворачивающейся ситуации на протяжении выполнения всей совместной деятельности.

Второе – требование управления коллективными эмоциональными состояниями. Как известно, положительные эмоции облегчают достижение договоренностей и поиск креативных решений, повышают вовлеченность, способствуют установлению межличностных контактов, обмену опытом и т.д. (Ashkanasy, Humphrey, 2011). В отличие от них, негативные коллективные переживания повышают шаблонность решений и критичность членов группы к идеям друг друга. При этом, по сравнению с положительными эмоциями, именно негативные переживания легче всего преодолевают границы между работой и семьей, они быстрее распространяются и вовлекают участников совместной деятельности (Bartel, Salovey, 2000). Роль эмоций в управлении совместной деятельностью становится все более значительной по мере того, как стрессы и профессиональное выгорание подтачивают ресурсы жизнестойкости группы (Проблемы психологической безопасности..., 2012; Социдающее поведение..., 2008; Стресс, выгорание..., 2011). Кроме того, наличие гаджетов, имеющих выход в Интернет, у каждого участника команды делает группу постоянно подключенной к «коллективным эмоциональным потокам», будоражащим социальные медиа. Поэтому групповой эмоциональный интеллект, о котором все чаще говорит сегодня, становится необходимым не только для управления межличностными процессами, но и для повышения избирательности реагирования группы на внешние эмоциональные раздражители.

Третье требование – это требование метакогнитивной компетенции и структурирования среды совместной творческой деятель-

ности одновременно с основной деятельностью по поиску решения. Развитие информационных технологий, снижение стоимости коммуникаций приводит к росту специализации на глобальном рынке труда. Организациям стало выгодно собирать проектные команды в глобальной сети, вместо того чтобы растить и удерживать профессионалов широкого профиля. Получил распространение так называемый «облачный менеджмент», когда к решению той или иной задачи временно подключаются лучшие специалисты в той или иной области и состав группы постоянно меняется. Не только для руководителей, но и для участников проектов все более важно понимать границы своей компетентности и быть способными искать знания и ресурсы, опираясь на сети личных контактов. При этом, пользуясь метафорой, можно сказать, что архитекторы теперь должны проектировать орудия труда и конструкторское бюро одновременно с разработкой плана здания, для строительства которого они собрались вместе. Для команды это может означать быстрое изменение дизайна помещения под конкретную задачу (например, расстановка столов, наглядных материалов и модерационных досок при работе в переговорных комнатах, «коворкинговых», «антикафе» и т. п.). Применительно к запуску инноваций это предполагает продумывание механизма вовлечения заинтересованных сторон в доработку и реализацию решений, включая управление знаниями сообщества, доступ к экспертным системам, работу с большими данными и т. п., для чего необходимы не только системное мышление, но и метакогнитивная компетентность команды, т. е. понимание, каким образом внешняя социальная сеть дополняет когнитивные возможности самой команды. В условиях высокой неопределенности и растущей сложности внешние социальные сети организации и краудсорсинг оказываются не только важным источником информации о слабых сигналах приближающихся перемен, но и ресурсом для поиска «проектов прорыва», способам повышая способности всех заинтересованных сторон бизнеса действовать на опережение (Shaughnessy, 2014).

Четвертым требованием к совместному творчеству в эпоху глобализации становится его непрерывность. Если в индустриальную эпоху процессы изобретения и внедрения были разными стадиями совместной деятельности, предполагающими разные подходы к управлению и разный состав участников, то в глобальном сетевом обществе высокая конкуренция и большая скорость изменений не оставляют ресурсов времени для пролонгированного перехода от творческих идей к их реализации (Журавлев, Нестик, 2010, 2012).

Скорость изменений и уровень неопределенности даже в традиционных сферах деятельности сегодня столь велики, что требуют не просто умения временно «включать» креативность в отдельных проектах, но и поддерживать совместное творчество как непрерывный процесс.

Традиционные модели групповой креативности основываются на представлении о стадиях творческого процесса, которые были выявлены в исследованиях индивидуального творчества еще в 1920-е годы, но сегодня начинают оспариваться (Fryer, 2012; Lubart, 2001). Ключевым их принципом является предположение о том, что исходная или специально стимулированная разница в подходах участников порождает разнообразие генерируемых группой идей и увеличивает тем самым вероятность нового решения. Однако современные исследователи обращают внимание на то, что разнообразие состава группы, как и сама по себе разнородность подходов не обеспечивают повышения групповой креативности и даже снижают ее (Hosmer, van Knippenberg et al., 2012).

Кроме того, привычный постулат о том, что оценка идей не должна предшествовать генерированию новых решений, не находит подтверждения: как показывают эмпирические исследования, оценка идей на старте может способствовать результативности дальнейшего группового мозгового штурма. Изучение групп, которые характеризуются устойчивой экстраординарной креативностью (таких как команды мультипликаторов студии Pixar, музыкальные и художественные коллективы (Long-Lingo, 2010; Weick, 1998), демонстрирует, что в тех случаях, когда речь идет о творчестве как основном и постоянном процессе совместной деятельности, стадияльная модель не работает. Например, группы, совмещающие мозговой штурм и оценку идей, часто игнорируют последнюю, углубляются в проработку одной из них, не закончив генерирование других возможных, и т. д.

В области исследований групповой креативности все более явно звучит признание того факта, что совместное творчество невозможно без выработки общих оснований и совместных точек зрения, механизмы формирования которых пока еще изучены недостаточно. Ключ к совместному творчеству современные исследователи видят в «совместном подходе», или «творческом синтезе» (Hagvey, 2014). Как указывает С. Харрис, синтез в данном случае – это не конкретная идея, а договоренность о том, в чем она может состоять, на какой вопрос нужен ответ и каким должно быть направление поиска. Дialeктическое единство первоначального замысла

(тезиса) и альтернативных подходов (антитезиса) становится возможным благодаря выработке вариантов решения, коллективному вниманию, воплощению идей в прототипах и опоре на внутригрупповые сходства (Haguer, 2014). При диалектическом синтезе различных интерпретаций проблемы и подходов к ее решению рождаются «примеры» возможных решений, которые служат ориентирами для дальнейшего совместного творчества. «Воплощенные идеи» – прототипы, сделанные из подручных средств, карты, различные рисунки – помогают привлечь внимание всей группы не только к проблеме и возможному способу ее решения, но и к общим ценностям, к правилам дальнейшей работы, к накопленному совместному опыту. Наконец, синтез облегчается за счет опоры на внутригрупповые сходства, как в когнитивном отношении (аналогичные ситуации в совместном опыте, подчеркивающие положительных моментов в идеях друг друга), так и в социальном (усиление групповой идентичности и межличностной аттракции), а также в эмоциональном плане (совместные переживания в процессе поиска решения).

Непрерывность совместного творчества получила свое теоретическое осмысление и в рамках парадигмы организационного обучения. Здесь групповая креативность и инновации рассматриваются как процесс коллективного обучения в условиях непрерывных изменений. Такого рода творчество требует постоянного поддержания осознанности, внимательности к настоящему, исследования возможных направлений действий в будущем, а также постоянной реинтерпретация совместного опыта (Haguer, Irgens, 2013). Спираль на теорию изменений, разработанную Ф. Шарнером и П. Сенге, М. Пешл и Т. Фундлайдер предложили рассматривать коллективную креативность и инновации как *научатся из будущего*, противопоставляя их *экстраполяции* прошлого (Peschl, Fundneider, 2014). Творчество связывается ими с высоким самораскрытием в межличностном общении и с вниманием к настоящему, в котором рождается будущее. Ключевую роль в совместном творчестве, с их точки зрения, играет создание творческого пространства. Творчество происходит не в головах людей, а во взаимодействии с окружающим – через наблюдение за происходящим, внимание к идеям других участников команды, создание и преобразование прототипов (материальных объектов, метафорически отображающих обсуждаемые идеи). Творческое пространство понимается здесь не как пассивное окружение, а как целая система пространства, с которыми взаимодействуют участники коллективного творчества, – архитектурного,

социального, эмоционального и когнитивного, экзистенциологического, организационного, технологического и виртуального (Peschl, Fundneider, 2014). Развивая известную экзистенциалистскую формулу о том, что «пространство говорит через нас», М. Пешл предлагает рассматривать мир как «думающий для нас и вместе с нами». На наш взгляд, в связи с развитием социальных медиа и «Интернета вещей»⁵⁸ предложенный подход становится все более перспективным и эвристическим. На смену традиционной модели научного творчества как «чтения в книге природы» пришла модель «умного» мира, огромной социальной лаборатории. В самом деле, сегодня инновации рождаются во взаимодействии не просто внутри команды, но и с различными социальными группами за ее пределами. Современные подходы к организации совместного творчества (открытые инновации, краудсорсинг, вовлечение клиентов в создание продуктов, дизайн мышления и др.) опираются на принцип открытости групповых границ, включение в эксперименты широкого круга участников (см. также: Нестия, Журавлев, 2011, 2012).

Наконец, еще одно современное требование коллективному творчеству связано с растущей открытостью процесса инноваций, с вовлечением в него все большего числа людей и групп, ранее считавшихся внешними и даже исключительными. Это проявляется в феномене открытых инноваций, а также в парадигме «сотворчества» (*co-creation*) – вовлечения клиентов в создание продуктов и услуг. Новые продукты и услуги изначально разрабатываются с «открытым кодом», предусматривая изобретение, доработку и совершенствование силами пользователей. Формируется новая парадигма бизнес-моделей и способов взаимодействия с пользователем, при которой он из потребителя превращается в полноправного создателя (Ramaswamy, Oxen, 2014; Verheye, 2013; Jaakkola, 2013). Бизнес-процессы организаций становятся глобальными, охватывая различные социальные группы за пределами компании. Благодаря краудсорсингу они не просто включают в себя создание и распространение знаний, но и все чаще становятся процессами управления массовой креативностью (Marjanovic, Kostocki, 2013). Иными словами, управление коллективным творчеством все больше осмысливается как задача управления бизнес-процессами и включается в операционный менеджмент.

58. Интернет вещей (англ. Internet of Things, IoT) – концепция вычислительной сети физических предметов («вещей»), оснащенных астрономическими технологиями для взаимодействия друг с другом или с внешней средой.

Глобальные краудсорсинговые проекты как социально-психологический феномен

Развитие Интернета и появление виртуальных социальных сетей подстегнуло формирование глобальных общественных движений, давая возможность людям с активной жизненной позицией быть услышанными и очень быстро объединять усилия. Примером такого глобального движения является Агаах. Созданное в 2007 г. группой активистов, к 2015 г. это движение объединяло 41 миллион человек в 16 странах на 6 континентах.

По мнению Т. Фридмана, сегодня мы вступаем в третью стадию глобализации, когда, вслед за государствами и корпорациями, индивиды и небольшие группы людей получают возможность сотрудничать и конкурировать на международном рынке в качестве полноправных производителей и потребителей товаров и услуг. Отдельные инноваторы, объединенные в сеть, заставляют считаться с собой транснациональные корпорации и национальные правительства. Личность впервые получает прямой и практически мгновенный доступ к проектам и результатам деятельности других людей и коллективов, где бы они ни находились (Фридман, 2006). Теперь совместное творчество не ограничивается диадой или малыми группами, оно превращается в глобальный феномен. Интеллектуальные сети сегодня гораздо менее зависимы от институциональных барьеров, чем это было еще 20 лет назад. Отмечается, что впервые у личности появляется реальный шанс расширить свои символические ресурсы и свой творческий круг общения, свою зону ближайшего развития практически до масштабов всего мира. Социальная сеть, связывающая инноваторов друг с другом, легла в основу понятия креативного капитала, предложенного Р. Флоридой для обозначения способности организаций, городов и крупных регионов привлекать творческих личностей, создавая таким образом арсенал связанных между собой умов, чьи идеи могут быть превращены в полезные продукты и услуги (Florida, 2002). Основными для формирования такого капитала являются три условия, три «Т»: уровень толерантности к «не таким, как мы», выполнение требований, необходимых для реализации талантов, новые технологии.

Особое значение при этом приобретают массовые формы коллективного творчества в интернет-сообществах – краудсорсинговые проекты, на которых мы остановимся более подробно.

В широком смысле под краудсорсингом (*crowd* – толпа, *sourcing* – использование) понимается передача определенных производствен-

ных функций неопределенному кругу лиц или решение общественно значимых задач силами множества добровольцев, координирующих свою деятельность с помощью информационных технологий (Reid, Seien, Raschke, 2014). Данное понятие было введено в оборот исследователем Дж. Хау в 2006 г., однако само явление возникло гораздо раньше (Хау, 2012; Насвет, ван Клиркенберг, 2012). Так, открытая для свободного редактирования онлайн-энциклопедия «Википедия» – наиболее яркий пример глобального краудсорсинга в области управления знаниями – была официально инициирована еще в 2001 г. Википедия создается добровольцами со всего мира на 285 мировых языках и уже содержит более 22 млн статей, постоянно обновляемых пользователями.

Американский энциклопедист Дж. Гальтон в начале XX в. опубликовал короткую заметку, где описал эксперимент, который ему пришлось наблюдать на сельскохозяйственной ярмарке (Galton, 1907). На всеобщее обозрение был выставлен бык, и всем желающим предлагалось принять участие в конкурсе на лучший прогноз веса, после того как животное будет забито и освежевано. Около 800 человек написали на карточках прогнозы, существенно разнотавшиеся между собой. Усреднение полученных оценок дало неожиданный результат: медянка составила 1197, а реальный вес туши – 1198 фунтов. Иными словами, существуют ситуации, в которых объединенные решения, принятые людьми независимо друг от друга, может давать более надежный результат, чем решение, выработанное отдельным человеком или группой экспертов. Обозреватель «New York Times» Дж. Суrowецки назвал этот эффект мудростью толпы при предсказаниях и поиске решений, которая проявляется в самых разных областях жизни: от пробок на дороге до разработки программ и налогов (Surowiecki, 2013). Действительно, ряд эмпирических исследований подтверждает существование этого феномена. Например, было показано, что по сравнению с индивидами группы могут давать более точные прогнозы исхода предвыборных кампаний (Mitt, 2011). Оказалось, что при оценке будущего более надежны ответы на вопрос о вероятном результате выборов, а не на вопрос о том, за кого собирается голосовать тот или иной избиратель. Этот принцип широко используется на появившихся рынках предсказаний, где делаются ставки на вероятность определенных событий: чем выше ставка, тем более вероятным считают событие участники рынка. Например, на интернет-площадках для предсказания событий годовой оборот составляет десятки миллиардов долларов. Так, на созданной в 2001 г. площадке «Betfair» ежедневный оборот со-

ставляет 50 млн фунтов стерлингов, а ее участниками являются более 4 млн человек по всему миру. Подобные рынки могут использоваться и для разработки корпоративных стратегий. Не случайно после 10 лет успешного роста рынок прогнозов «News Futures» перерос в консалтинговую компанию «LimeLogic», помогающую крупным компаниям предвидеть будущее за счет вовлечения в прогнозирование «коллективного интеллекта» сотрудников и людей по всему миру. Краудсорсинг все шире используется государственными агентствами и крупными компаниями как инструмент формирования коллективного образа желаемого будущего.

Облегчение доступа к информации благодаря развитию технологий в Интернете создало практически неограниченные возможности для использования «мудрости» и «креативности» толпы. Сегодня краудсорсинг применяется новостными агентствами и телевизионными каналами, звукозаписывающими компаниями, банками фотографий, разработчиками программного обеспечения. Как пишет Дж. Хау, «краудсорсинг основывается на предположении, что все мы являемся творцами – артистами, учеными, архитекторами и художниками, причем в любой комбинации... он дает возможность каждому освоить не одну профессию, творческие средства выражения... В нем содержится возможность того, что само понятие профессии со временем превратится в некий артефакт индустриальной эпохи» (Хау, 2012, с. 20).

В действительности можно выделить четыре вида краудсорсинга, существенно различающихся по предоставляемым возможностям для творчества и самореализации.

Первый вид – это привлечение добровольцев к крупным проектам, требующим большого объема рутинной работы. Одним из наиболее ярких примеров такого краудсорсинга стала разработка трехмерной модели вируса иммунодефицита: играя в специально созданную Вашингтонским университетом игру, 127 тыс. пользователей Интернета за три недели решили задачу, которую десять лет не могли решить ведущие научные центры мира. Другие примеры связаны с сортировкой галактик на снимках из космоса, идентификацией людей на фотографиях и картинах и т. п. Во всех этих случаях решаемая задача не требует глубоких знаний и творческого подхода, а вознаграждение за ее решение очень невелико.

Второй вид краудсорсинга направлен на разработку контента для различных сайтов: фото- и видеоматериалов, новостных сюжетов, журнальных публикаций и форумов. Здесь знания и креативность приветствуются, но не являются главными условиями успеха.

Третий вид краудсорсинга – это содействие в поиске финансовых инвестиций, пожертвований и волонтерской помощи для различных инновационных проектов и разрешения трудных жизненных ситуаций. Основным ресурсом такого краудсорсинга является социальный капитал, т.е. просоциальные установки и знания о том, кто может помочь.

Наконец, четвертый вид связан с конкурсами инновационных решений, которые могут предполагать достаточно крупное денежное вознаграждение, требуют высокого профессионализма и разносторонних навыков.

В России одним из первых примеров использования открытых инноваций и краудсорсинга стал проект «Сбербанк-21», реализованный Сбербанком России к своему 170-летию в 2011 г. совместно с Фондом общественного мнения и компанией «Witology». К обсуждению будущего России, банка и краудсорсинга данный проект привлек почти 100 тыс. человек по всему миру. За месяц на площадках «Профессионалы.ру», «WikiVoice!» и «Witology» было предложено более 2500 идей относительно будущего России, Сбербанка и самого краудсорсинга. При этом одним из основных результатов проекта его организаторы считают выявление сотен и тысяч талантов, создание своего рода инкорпоративного кадрового резерва для поиска решений проблем, значимых для компании и всего общества.

В широком смысле управление «толпой» схоже с традиционными процессами управления талантами: выявление «толпы», ее мобилизация, оценка и удержание (Marjanovic, Rotnicki, 2013). Однако краудсорсинговые инициативы имеют свои психологические особенности.

Во-первых, краудсорсинг опирается на эффект уравнивания социальных статусов: при обсуждении идей на интернет-форуме никто не знает, является ли автор идеи обладателем ученой степени или нет, каковы его репутация вне форума и личные связи. В этом отношении краудсорсинг создает возможности для сетевой merit-критики, когда участники сообщества не знают происхождения, пол, расу, профессию и квалификацию друг друга и не могут опираться на эту информацию для оценки человека, поделившегося своими знаниями или идеями. Тем самым сужаются возможности проявления ряда эффектов искажения социального восприятия (стереотипизации, галлоэффекта и т.п.).

Во-вторых, в отличие от традиционных форм организации инновационной деятельности, участие в краудсорсинге добровольное и неформальное. Оно не закреплено внутриорганизационными рас-

поражениями и основано на мотивах самореализации, самовыражения, помощи другим, престижа и признания со стороны других. Анализ результатов эмпирических исследований свидетельствует о том, что участники краудсорсинговых проектов руководствуются разными мотивами, однако внутренняя мотивация к развлечению, достижениям, профессиональному развитию и карьере более существенна, чем внешние стимулы (Shen, Lee..., 2014; Zhao, Zhu, 2014). При этом наиболее мотивирующими оказываются такие задачи, которые предполагают высокую автономность работы, четко сформулированы и требуют разнообразных навыков, а сами участники хорошо понимают, как будет организован конкурс идей, каких знаний он от них потребует и на какие источники информации они могут опираться в своих поисках (Purberg, 2013). Ключевыми факторами вовлеченности в краудсорсинговые инициативы являются также личный интерес к тематике проекта и высокая мотивация к обмену идеями (De Vreede, 2013).

Согласно разным исследованиям, основными мотивами участия в краудсорсинговых проектах являются следующие: возможность обучения и развития собственных навыков и творческих способностей, заработок и в целом материальное вознаграждение, возможность заявить о себе, повысить свой статус, найти дополнительную работу, а также социальные мотивы помощи другим, взаимной поддержки и привлекательности сообщества вовлеченных в проект людей (Wadhvani 2012; Leimeister, Huber, Bretschneider, Kolmar, 2009).

Стимулирование к участию в краудсорсинговом проекте не может основываться исключительно на денежной составляющей даже в тех случаях, когда вознаграждение велико. Не случайно в проекте «Сбербанк-21» были широко использованы также способы стимулирования, как взаимное рейтингование участниками друг друга, интервью с победителями конкурса, чьи идеи были признаны лучшими, публикация их фотографий, личная встреча с руководством Сбербанка и т. п.

В-третьих, сила краудсорсинга состоит в том, что он позволяет извлекать преимущества из разнообразия. Между тем он уязвим в отношении социального влияния. Как показывают экспериментальные исследования, осведомленность участников краудсорсинга об оценках и суждениях друг друга приводит сразу к нескольким негативным эффектам: она существенно снижает разнообразие идей, не улучшая при этом точность коллективных оценок; правильные ответы оттесняются на периферию коллективного обсуждения, что снижает доверие к толпе у внешних наблюдателей

и новых участников; наконец, после усреднения или объединения высказанных в сообществе оценок повышается уверенность участников в правильности коллективного решения, которое на самом деле ошибочно (Lorenz, Rauber, Schweitzer, Helbing, 2011). Не случайно критики краудсорсинга отмечают, что подобного рода проекты не могут отделить истину от мнений и не способны вырабатывать научное знание, так как групповое давление снижает разнообразие оценок (Roman, 2015).

В-четвертых, оказалось, что не точность оценок толпы существенно влияет на постановку задачи. Например, при прогнозировании болельщиками исхода турнира ошибочность в оценке вероятного победителя нарастала от месяца к месяцу (вероятность не связана с возможностью анализа), тогда как при прогнозе величины вероятного разрыва между игроками (вероятность можно анализировать) эффект мудрости толпы сохранялся (Simmons, Nelson, 2011). В широком контексте еще более важной проблемой может стать трансформация корпоративных знаний в ходе краудсорсинга, когда способность задавать вопросы оказывается не менее важной, чем способность предлагать ответ. Постановка вопросов и обсуждение предлагаемых решений являются совместной деятельностью, успешность которой в значительной степени зависит от межгруппового взаимодействия организаторов проекта и его участников.

Исследования свидетельствуют о том, что эффективность коллективного творчества и обмена знаниями в краудсорсинговых проектах значительно возрастает, если для участников сформулированы четкие требования, подталкивающие к синтезу идей (например, вместо «поставьте лайк рядом с идеей, которая Вам понравилась» более эффективным оказывается «оцените, насколько данный пост или комментарий приближает к решению проблемы»).

Указание в инструкциях примеров типов знаний, которыми могут делиться участники, повышает количество генерируемых сообществом решений в 2–4 раза. Например, участникам может быть предложено самим ответить свой пост к одному из вариантов: 1) факты, связанные с решением проблемы; 2) риски, трудности или противоречия, которые могут затруднить реализацию предложенных решений; 3) примеры, связывающие обсуждаемую проблему с личным опытом эксперта; 4) наброски, т.е. догадки, сырые идеи, которые могут помочь сообществу выбрать направление поиска решения; 5) комплексные решения, обобщающие и согласующие предложения, высказанные ранее участниками. Решения часто предлагаются в комментариях к чужим постам и оказываются

высказываемыми другими участниками, поэтому необходима модерация обсуждения.

Для краудсорсинговых проектов, как и для совместного творчества в малых группах, важным и даже решающим оказывается наличие ряда ролей. Эмпирические исследования указывают на несколько моделей поведения участников «творческой толпы»: 1) «постеры-получики», публикующие свои решения для дальнейшего обсуждения, но не продолжающие дискуссии и не комментирующие чужие мнения (30% активных участников); 2) «генераторы согласия», не только публикующие собственные решения, но и снабжающие сообщество различными фактами и примерами в позитивных и конструктивных комментариях к чужим идеям (11%); 3) «создатели знаний», активно высказывающие свои идеи, но только в комментариях ко идеям других (41%); 4) «большаки» (18%), которые не высказывают собственных предложений и не делятся знаниями, но поддерживают чужие идеи в комментариях (MacJanovic, Kosloski, 2013).

Наконец, в-пятых, краудсорсинг характеризуется особой групповой динамикой. Так, например, часть рядовых участников проекта постепенно могут превращаться в экспертов. Высокий рейтинг выделяет их в особую группу, которая ближе к организаторам проекта, чем к остальным членам сообщества. Известно также, что участники инновационных конкурсов с высоким уровнем знаний подвергаются более острой критике со стороны остальных участников и находятся в условиях более острого соперничества друг с другом. Чтобы снизить уровень конкуренции, такие эксперты могут первыми заявлять о своем участии в конкурсе для того, чтобы заранее отпугнуть нежелательных оппонентов. Наконец, большинство инноваторов снижают активность после участия в нескольких краудсорсинговых конкурсах. Со временем часть краудсорсеров начинает искать проекты с небольшим количеством участников или с высокими призовыми суммами (Nakhaio, Dabui, Wenhua, 2011).

Групповая динамика в краудсорсинге еще недостаточно изучена, но уже сейчас можно с большей или меньшей уверенностью предположить ряд влияющих на нее социально-психологических характеристик, среди которых низкая сплоченность краудсорсингового сообщества, размытость его границ, известность и высокое разнообразие состава участников по социально-демографическим и психологическим характеристикам, опосредованность коммуникации специально созданным электронным форумом, связанная с этим публичность значительной части межличностного взаимодействия и др.

***

Подводя итоги проведенному теоретическому анализу, хотелось бы заметить несколько наиболее перспективных направлений исследования коллективного творчества в глобализированном сетевом сообществе или новой формы проявления массового сознания.

Во-первых, необходимо констатировать, что из всех уровней социально-психологического анализа (Doise, 1986) социальный и макрогрупповой уровни остаются наименее разработанными в области изучения креативности. Возникновение глобальных инновационных сообществ и вовлечение в краудсорсинговые творческие процессы больших групп ставят новые задачи в области социальной психологии креативности. Отечественные и зарубежные концепции совместного творчества формировались при изучении локальных трудовых коллективов с относительно стабильным составом и границами членства. В связи с этим перед исследователями встает ряд вопросов, требующих решения. Можно ли считать участников глобальных краудсорсинговых проектов коллективным психологическим субъектом (Журавлев, 2002)? В какой степени к глобальным коллективам и субъектам творчества применимы выведенные при исследовании локальных групп ролевая структура совместного творчества, его психологические механизмы и стадии (Журавлев, Нестик, 2010, 2011)?

Во-вторых, нуждается в более глубоком теоретическом осмыслении и специальных эмпирических исследованиях совместное творчество, участниками которого становятся автоматизированные экспертные системы, а также системы с прямым интерфейсом «человек-компьютер». Развитие Интернета и превращение материальной культуры, окружающей человека, в такую среду, которая способна активно участвовать в деятельности, открывают новые перспективы в области психологии совместного творчества. Большой эвристический потенциал в этой связи приобретает акторно-сетевая теория, созданная Б. Латуром, М. Каллоном и Дж. Ло. В основу данного подхода легла идея приближения к равенству между человеком и элементами материальной культуры, рассматриваемыми в качестве участников сети совместной деятельности (Zajac, 2014). В повестку дня социальных психологов в среднесрочной перспективе может войти так называемый «нейровост» (Асеева, Пащенко, ..., 2013), позволяющий участвовать в совместном творчестве людям, связанным друг с другом нейрокомпьютерным интерфейсом. Учитывая глобальный характер таких систем и новый уровень коллективных переживаний и мышления, потребуется переосмысление самого понятия «коллективное творчество».

В-третьих, остается малоизученным влияние медитативных психологических практик на групповое принятие решений и совместное творчество. Исследования в этой области были до сих пор сосредоточены на индивидуальном уровне анализа, тогда как воздействия, оказываемые медитацией на групповую динамику, групповые когнитивные процессы и коллективную креативность еще только предстоит установить. Можно предположить, что влияние практик осознанности на групповую эффективность в целом носит нелинейный характер, облегчая одни групповые задачи и затрудняя другие.

В-четвертых, огромную роль в совместном творчестве играют коллективные представления о будущем. В обществе, ориентированном на будущее, прогнозы являются инструментом социальных изменений (Нестик, 2014; Хау, 2012; Van Lente, 2012). Представления о будущем в высокотехнологических отраслях формируются как самосбывающиеся пророчества, имеют перформативную силу, т.е. оказываются мощным фактором, влияющим на выбор приоритетных направлений технологического творчества, конкурентные позиции инновационных коллективов (Bogar, Brown, Kogut, 2006; Pollock, Williams, 2010). Разработка сценариев будущего как вид совместного творчества приобретает массовый и глобальный характер, так как форсайты все чаще проводятся с использованием краудсорсинга. Тем не менее коллективное воображение будущего все еще не получило должного внимания как самостоятельный предмет исследования креативности и пока разрабатывается в рамках социальной психологии прогнозирования (Нестик, 2014). Наконец, все большее теоретическое и прикладное значение приобретает исследование совместного творчества пользователей новых технологий. Участие клиентов в создании продуктов и услуг получает все большее распространение, рассматривается рядом исследователей как новая парадигма экономики творчества, в которой потребители превращаются в производителей. Заметим, что это сравнение приобретает буквальный смысл, так как распространение 3D-принтеров превращает пользователей, обменивающихся рецептами на форумах, в сотрудников глобальных неформальных лабораторий и фабрик.

Совместное творчество выступает как феномен психологии межгрупповых отношений больших социальных групп: пользовательское сообщество генерирует идеи по доработке или новым способам применения устройств, вступая в диалог с разработчиками, собственниками, инвесторами и т.д. При этом межгрупповые конфликты, в том числе и массовые (различные групповые формы протеста и сопротивления потребителей), могут играть важную функ-

цию в совместном творчестве, провоцируя другие заинтересованные стороны к новым решениям (Rutberg, 2013). Аналогичную функцию выполняют общественные инициативы в глобальных социальных сетях, подталкивая к поиску решений политические элиты различных стран. Творческие процессы не просто приобретают массовый характер, они становятся межгрупповыми и действенными.

Творческие процессы не просто становятся межгрупповыми и действенными, они приобретают массовый характер.

ГЛАВА 21

УПРАВЛЕНИЕ КАЧЕСТВОМ ЖИЗНИ КАК РЕСУРС ВОЗДЕЙСТВИЯ НА МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ И ПОВЕДЕНИЕ

Россия по своим природным, трудовым и технологическим ресурсам является одним из лидеров на международной экономической арене. В частности, по данным делового американского сайта «24/7 Wall-стريت» она занимает первое место в мировом рейтинге стран с самыми богатыми природными ресурсами. Общая стоимость ее природных ресурсов составляет 75,7 триллионов долларов (для сравнения: стоимость природных ресурсов США составляет 45 триллионов долларов, а Канады – 33,2 триллиона). В то же время по официальным данным, опубликованным в 2015 г. в Программе развития ООН, Россия по индексу развития человеческого потенциала (ИРЧП)⁵⁹ занимает 50-е место в списке из 188 стран мира. Таким образом, ведущая по стоимости природных ресурсов страна мира по уровню развития человеческого потенциала отстает от развитых и даже от ряда развивающихся стран. Это выступает серьезным препятствием для ее устойчивого экономического развития, создает угрозу психологическому благополучию отдельных ее граждан и всего российского общества.

Существование данной проблемы призывает и высшее руководство страны. Президент России Владимир Путин в своих обращениях к Федеральному Собранию с ежегодным Посланием неизменно

---

⁵⁹ ИРЧП – это международный интегральный показатель сравнения и измерения уровня жизни. Индекс рассчитывается с учетом трех основных параметров: ожидаемая продолжительность жизни (среднестатистическое долголетие); уровень грамотности населения страны (среднестатистическое количество лет, потраченных одним человеком на обучение); уровень жизни (валовый национальный доход на душу населения по паритету покупательной способности в долларах США). Индекс публикуется ООН в ежегодном отчете о развитии человеческого потенциала с 1990 г.

но отмечает, что основная задача государства – создать богатую и благополучную Россию. Проблемы экономического благополучия и качества жизни человека становятся предметом исследования различных отраслей науки, в том числе и психологии. Вместе с тем проблема качества жизни современного человека все еще является одной из наиболее сложных и малопроследованных областей современной психологической науки.

Эти позиции определили выбор проблемы исследования, которую можно сформулировать следующим образом: каковы психологические ресурсы качества жизни?

Для начала такого анализа необходимо рассмотреть само понятие качества жизни, его междисциплинарную системологию, историю развития, современное состояние и выделить психологические аспекты проблемы (сущность, структуру, содержание, психологические механизмы изменения качества жизни).

Качество жизни как предмет междисциплинарного анализа

Качество жизни выступает комплексным оценочным инструментом, характеризующим различные сферы жизнедеятельности и самочувствия человека. Оценка качества жизни как психологического феномена зарождалась в русле поиска ответов на вопрос, почему человек подвержен деструктивным психическим состояниям (таким как депрессия, тревога, стресс и агрессия) и склонен проявлять негативные формы поведения. Подход исследования качества жизни личности стал расширять границы анализа. Исследователи начали активно анализировать влияние на качество жизни совокупности различных сфер жизнедеятельности человека, таких как семья, досуг и окружающая среда.

Качество жизни как научная проблема носит междисциплинарный характер и является объектом исследования целого ряда отраслей знания. В первую очередь она относится к компетенции экономической науки, которая призвана изучать хозяйственную деятельность и совокупность отношений субъектов экономической жизнедеятельности. Именно домохозяйства, предприятия и государство, являясь социально-экономическими средами обитания человека, выступают ведущими организационными формами качества жизни.

Качество жизни как научная проблема входит и в компетенцию исследования политической наук. Ведущим механизмом обеспечения стабильности политической системы выступает формирование

среднего класса – социальной группы с высоким уровнем качества жизни, способной к самостоятельному удовлетворению широкого круга своих материальных, социальных и духовных потребностей. Политическую науку не может не интересовать вопрос о механизмах формирования среднего класса. Концепция качества жизни, аккумулируя в себя совокупность интересов множества социальных классов, с одной стороны, непрерывно испытывает влияние различных политических и идеологических доктрин, с другой, имеет собственный потенциал воздействия на формирование и развитие политических взглядов и учений.

Социология как наука, изучающая общество через призму интересов и потребностей социальных групп, использует собственные индикаторы для исследования качества жизни. Оно рассматривается здесь как показатель социализации личности, включает в себя восприятие человеком его положения в жизни, в контексте культуры и в системе ценностей, присущих конкретному обществу. Наиболее часто анализируемые в русле качества жизни социологические проблемы связаны с оценками неравенства доходов и эффективностью социально-экономического управления обществом.

Качество жизни обнурует немало аспектов, относящихся и к ведению юридической науки. Государство создает систему правовых норм, регулирующих общественные отношения и социально-экономические условия жизнедеятельности человека. В числе нормативно регламентированных правовых условий жизнедеятельности находится и процесс обеспечения качества жизни, соответствующего индивидуальным потребностям конкретной личности. К примеру, предпринимательство, направленное на систематическое получение доходов за счет использования частной собственности, при командно-административной системе провозглашалось противоправной деятельностью по получению «неструковых доходов» и преследовалось в уголовном порядке по разным правовым признакам (основаниям) – спекуляция, тунеядство, эксплуатация, процентное рабство и т.д.

В разработку проблем качества жизни давно и активно включилась и медицинская наука. Учет психосоциальных аспектов заболевания был положен в 1980 г. доктором Г. Энгель (Engel, 1980) в русле описания биопсихологической модели медицины. Качество жизни рассматривается в современной медицине не только как система поддержания здоровья (как исходного условия качества жизни), но и как самостоятельный фактор в возникновении и лечении болезней. Характеристики качества жизни в медицинской науке

используются при оценке эффективности реабилитационных технологий, определений прогноза заболевания, индивидуализации лечения, экспертизы трудоспособности и т.д. В частности, с 2001 г. Минздравом Российской Федерации разработана собственная концепция исследования качества жизни населения. В ее рамках качество жизни стало важным показателем здоровья пациента, привело к созданию «новой парадигмы понимания болезни и определения эффективности методов лечения» – врачи стали всё больше сознавать, что ведущим фактором исцеления должно стать самочувствие больного, а не объективное уменьшение патологических изменений в организме (Пасина, 2013).

Педагогическая наука, изучающая закономерности сохранения и передачи социального опыта подрастающим поколениям, тоже призвана участвовать в исследовании проблемы обеспечения качества жизни, хотя традиционно к этому не предрасположена. В ее задачу входит разработка научных основ формирования знаний, умений и навыков, необходимых для гармоничной социализации и развития личности, формирования компетенций, достаточных для достижения и поддержания высокого уровня качества жизни человека. В частности, самостоятельными педагогическими направлениями исследований выступают следующие: качество образования; влияния образования на качество жизни человека; качество жизни педагога и обучающегося; педагогические условия формирования качества жизни населения (с учетом гендерных, возрастных, этнических особенностей и особенностей развития личности).

Мы назвали далеко не все отрасли наук, которые заинтересованы в исследовании проблем качества жизни человека. Многие из этих наук могут внести свой вклад в повышение качества жизни россиян. Однако приходится констатировать, что проблемы повышения качества жизни россияне сейчас разрешают в меру своих сил и обыденных представлений, без возможности опереться на научные знания. Современная наука пока не преуспела в анализе условий и проблем повседневной жизнедеятельности человека, в систематизации сложного набора социальных потребностей и стратегий социально-экономической самореализации личности. Нет возможности говорить о выделении в ней направлений, которое исследовало бы сущность, структуру и содержание количественных и качественных характеристик личности, оказывающих непосредственное влияние на качество жизни общества. Отсутствуют методологическая база и методический инструментarium выявления и измерения

социально-психологических детерминант качества жизни, не разработана система психологических ресурсов личности, выступающих этими детерминантами.

Современное состояние исследований качества жизни в смежных отраслях науки

В современных исследованиях фиксируется неоднозначность в объяснении феноменологии, сущности, теоретических подходов и научных границ качества жизни. Немало вопросов вызывает у специалистов выявление закономерностей формирования и функционирования качества жизни, структуры, методов анализа и измерения, а также классификация основных характеристик качества жизни, механизмов его развития (повышения) и причины стагнации. Многообразие переплетенных проблем в исследовании качества жизни, многочисленный эмпирический материал, накопленный в науке, социальная острота решаемых задач требуют разработки теоретических основ исследования данного феномена.

Первоначально в разработку научного изучения качества жизни большой вклад внесла Всемирная Организация Здравоохранения (ВОЗ), которая представила основополагающие критерии качества жизни. В частности, опросник ВОЗ качества жизни WHO QOL-100 включает в себя следующие критерии (по возрастанию – от низшего к высшему):

- физические: сила, энергия, усталость, боль, дискомфорт, сон, отдых;
- психологические: положительные эмоции, мышление, изучение, концентрация, самооценка, внешний вид, веселения;
- уровень независимости: повседневная активность, работоспособность, зависимость от лекарств и лечения;
- общественная жизнь: личные взаимоотношения, общественная ценность субъекта, сексуальная активность;
- окружающая среда: быт, благополучие, безопасность, доступность и качество медицинской и социальной помощи, обеспеченность, экология, возможность обучения, доступность информации;
- духовность: религия, личные убеждения.

По мнению специалистов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, высокое качество жизни человека подразумевает:

- высокую продолжительность здоровой жизни с хорошим медицинским обслуживанием и отсутствием значимых угроз для жизни и здоровья;
- достаточный объем потребления товаров и услуг и гарантированный доступ к материальным благам общества;
- благоприятные социально-экономические условия жизнедеятельности без серьезных общественных конфликтов и угроз достигнутому уровню благополучия;
- благополучие семьи в целом;
- свободу познания и развития личности – беспрепятственный доступ к знаниям, образованию и культурным ценностям;
- возможность влиять на решение общественных проблем и принятие общественных решений – участие в создании общепринятой картины мира и правил поведения;
- социальная включенность в общественную жизнь, полноценное и полноценное участие в общественной и культурной жизни общества;
- доступ к разнообразной информации, включая достоверные сведения о социально-экономическом положении общества;
- благоприятные условия для труда, творчества и самореализации, приемы режим труда и отдыха (Зубов, Тарба, 2013).

Хотелось бы отметить труды ученых, использующих для анализа социальных ситуаций сложный комплекс экономических, статистических, математических и социологических методов – Е. М. Абрамова, В. Н. Бобкова, А. Л. Макарова, Н. М. Римашиевой, А. Ю. Шевякова и др. Социологические исследования качества и уровня жизни в современной российской науке представлены работами Т. И. Заславской, Ю. М. Левады, В. А. Ядова, Ж. Т. Тошунко, М. К. Горшкова, П. М. Ковырева, Г. В. Осипова, Г. И. Осадчий, С. В. Рязанова, В. Л. Щульца, В. В. Радзена и др. Эти проблемы разрабатываются сотрудниками ВЦИОМ, Всероссийского центра уровня жизни, Института макроэкономических исследований при Минэкономразвития Российской Федерации, ведущих отраслевых институтов РАН, региональных исследовательских и образовательных учреждений и др.

Среди проблем качества жизни, исследуемых отечественными учеными, можно выделить следующие:

- социологические: дифференциация социальных слоев по уровню и качеству жизни; разработка системы социологических индикаторов уровня и качества жизни; социальное страхование и качество жизни пожилых людей; исследование средних классов,

бедности и неравенства; повышение качества жизни средствами государственного управления; выявление социальных механизмов качества жизни;

- экономические: потребительские бюджеты и характеристика уровня и качества жизни социальных групп; финансовые условия обеспечения качества и уровня жизни; качество трудовой жизни, доходов и заработной платы;
- психологические: мониторинг субъективных оценок качества жизни; культурологические характеристики качества жизни; положение трудоспособного населения, детей и старших возрастных групп; политика занятости; планирование и прогнозирование роста народного благосостояния;
- вспомогательные: разработка математико-статистических методов оценки уровня жизни, математических методов моделирования социально-экономической безопасности.

А. М. Нагимова предприняла «попытку дивергенции» исследовательских точек зрения на качество жизни (Нагимова, 2010). Автором выделены следующие точки зрения исследователей:

- субъективистская, оценивающая качество жизни через призму самооценки личностного и социального благополучия человека;
- объективистско-потребительская, при которой качество жизни оценивается наличием объективных (количественно измеримых) возможностей удовлетворения материальных и духовных потребностей личности;
- количественно-потребительская, согласно которой качество жизни – это комплексная (экономическая, политическая, социальная, психологическая) характеристика удовлетворения материальных и культурных потребностей людей и уровня свободы развития отдельного человека и общества в целом;
- аксиологическая, рассматривающая качество жизни как совокупность системы жизненных ценностей, определяющих структуру потребностей и условий существования человека, позитивистскую удовлетворенность людей собственною жизнью, социальным бытием и состоянием окружающей среды;
- количественно-объективистская (комплексная), в соответствии с которой качество жизни понимается как комплекс характеристик жизнедеятельности индивида, обуславливающих ее оптимальное протекание в конкретном времени, в определенных условиях и обеспечивающих адекватность параметров жизни видам деятельности и потребностям человека;

- синтетическая (количественно-субъективистская), связывающая качество жизни со степенью благоприятности как социальной и природной среды человека, так и уровня жизни, социально-духовного и физического здоровья;
- субъективно-социодинамическая, которая оценивает удовлетворенность населения благоприятной динамикой социально-экономического развития общества;
- реляционистская, рассматривающая качество жизни как полноценную культурную и ценностную включенность индивида в жизнедеятельность общества, с одной стороны, и возможность каждого человека использовать любые общественные достижения для реализации собственных целей и планов – с другой.

Показательной оценкой отношения современной науки к проблемам исследования качества жизни является Нобелевская премия 2015 г. по экономике, которую получил Ангус Дитон за изучение проблем потребления, неравенства и бедности. Основным научный вклад А. Дитона в исследование данной темы в состоянии аналогичных научных работ в России развернуто и комплексно проанализировали в статье В. Н. Бобкова с соавт. (Бобков, Клячеза, Щербакова, 2015). В статье представлены основные научные результаты А. Дитона с 1975 по 2015 гг. – итог многолетних исследований автора. Наиболее значимые результаты таковы:

- западные государства по своему экономическому развитию опередили остальной мир, но это лишь стадия развития капитализма, а не его итог, так как существуют государства, развивающиеся гораздо более форсированными темпами (Индия, Китай, Бразилия);
- для полноценной оценки качества жизни целесообразно к сугубо экономическим критериям добавить социально-демографические, статистические, медицинские, правовые и психологические (самочувствие и самоудовлетворение);
- учитывая относительность оценки и восприятия качества жизни, бедность целесообразно рассматривать как «невозможность жить согласно социальным стандартам» конкретного общества;
- определять пороговый уровень бедности следует с учетом общественного мнения (например, путем широкого общественного обсуждения);
- качество жизни рационально рассматривать (как минимум для стран с развитой экономикой) не столько как уровень до-

ходов, вполне достаточный для удовлетворения базовых потребностей личности, сколько как «возможность полноценно участвовать в жизни общества»;

- целесообразно оценивать качество жизни в обществе через «уравнивание возможностей», посредством измерения «поколенческой разницы в доходах», а критерием оценки выступает тот факт, что «в рыночном обществе не может быть корреляции между уровнем жизни отцов и детей»;
- экономическое неравенство может выступать как стимул для развития «отстающих», а не только как препятствие для благополучия бедных слоев населения;
- важно заменить прямую материальную помощь развивающимся странам (которая располагает к «нижнечеловечности») инвестированием в социально-экономическую инфраструктуру этих государств;
- при оценке качества жизни необходимо учитывать и ряд фоновых критериев, оказывающих влияние на качество жизни, таких как внешенная средняя продолжительность жизни, специальный показатель социальной поддержки, уровень свободы для принятия экономических и иных решений, индекс восприятия коррупции;
- существуют психологические константы качества жизни – уровень счастья, удовлетворенность жизнью, самооценка уровня жизни – и соответствующие им психологизированные методики оценки бедности;
- существуют и специфические помехи для достоверного анализа качества жизни: некачественные (неполные, искаженные) или отсутствующие статистические данные, которые не позволяют точно отражать происходящие социальные процессы, а также субъективность исследователей, которые игнорируют неинтересные лично для них данные.

Проблема качества жизни современного человека является одной из наиболее актуальных проблем исследования в теории и практике общественного развития. Качество жизни выступает комплексным оценочным инструментом, характеризующим различные сферы жизнедеятельности и самосущения человека. Являясь более широким показателем, чем материальная обеспеченность (уровень жизни), оно включает в себя такие объективные и субъективные факторы, как состояние здоровья, ожидаемая продолжительность жизни, условия окружающей среды, питание, бытовой комфорт, со-

щальное окружение, удовлетворение культурных и духовных потребностей, психологический комфорт и т. п.

М. Б. Лига отмечает, что в разработке проблемы качества жизни в истории науки можно выделить три стадии, которые отражают значимые вехи изучения феномена (Лига, 2006).

Первая стадия – «эмбриональная» (конец 1950–середина 1960-х гг.). Понятие «качество жизни» только формируется и обычно используется в научно-популярных публикациях, в избирательных кампаниях с целью предвыборной пропаганды. На этой стадии анализа проблемы повышение качества жизни понимается как цель перехода от общества с приоритетом получения материальных благ к обществу, где главная цель – удовлетворение духовных потребностей человека.

Вторая стадия – «квантификационная», начала формироваться в 1966 г. и стала рассматривать качество жизни через систему определенных социальных показателей и индикаторов. В этот период понятие «качество жизни» исследуется преимущественно в трех аспектах: как системы социальных индикаторов, выступающих основой создания и улучшения социальных программ; как нормативный эталон благосостояния, включающий не только материальные, но и социальные, экологические, политические и нравственные аспекты жизнедеятельности человека; как характеристика последствий экономической и технологической политики влиявшая научно-технического прогресса на социальные отношения (Лига, 2006). В этот период исследователи начали обращать внимание на психоэмоциональные характеристики качества жизни, которые выражаются в уровне удовлетворенности (неудовлетворенности) человека условиями своего существования, факторами нематериального порядка – здоровьем, условиями труда, уровнем образования, состоянием окружающей среды и др.

Третья стадия – стадия «глобального моделирования» и «субъективного качества жизни». В этот период происходит конкретизация понятия, связанная с формированием вышеуказанных двух основных направлений исследования данного феномена.

Таким образом, качество жизни определяет многочисленное количество факторов самой различной направленности, такие как уровень интеллектуального развития человека, его доход, занятость, возраст, семейный статус, география проживания, общее здоровье и т. д. Тем не менее, история развития исследований «качества жизни» непрерывно продвигалась от экономического и формального его понимания к психологическому ощущению счастья. В частнос-

ти, Г. М. Зараковский отмечает, что качество жизни является, по сути, одним из ключевых понятий для психологии, так как конечной целью психологического воздействия является человек, удовлетворенный своей жизнью, продуктивно и полноценно функционирующий (Зараковский, 2009). Такой подход к анализу переводит проблему исследования качества жизни в русло психологической науки.

Теоретические подходы к описанию качества жизни в психологии

С психологической точки зрения понятие качества жизни находит свое отражение в концепции «ощущаемого качества жизни», или «субъективного благополучия». При этом подходе качество жизни определяется как удовлетворенность человека своей жизнью (А. Кэмпбелл, Ф. Конверс, В. Роджерс, Э. Фромм и др.). Так, Н. Далли, один из классических сторонников психологического определения качества жизни, полагает, что под качеством жизни следует понимать ощущение благополучия личности, ее удовлетворенность или неудовлетворенность жизнью, ее счастье или несчастье (Далли, 2009).

О значимости субъективных оценок качества жизни говорят многие исследователи. В частности, А. Кэмпбелл отмечал, что если пытаться объяснить благополучие человека на основе объективных обстоятельств, то большая часть его эмоционального самочувствия останется непонятой, мы не сможем оценить и понять самочувствие человека в целом (Кэмпбелл, 1996). Этой концепции придерживаются многие авторы – А. Кэмпбелл, Ф. Конверс, В. Роджерс, – хотя никто из них не отрицает значимости объективных оценок качества жизни. Все они склонны считать, что необходимо учитывать сложный характер взаимосвязи объективных условий и их субъективную оценку. Е. Ротова, Н. Радобанов и Б. Коган приводят формулу, по которой можно высчитать уровень ощущаемого благополучия, который отражает степень удовлетворенности жизнью и формируется под влиянием двух основных факторов: эталона сравнения и оценки среды, в которой проживает человек (Ротова, Радобанов, Коган, 2012).

Уровень ощущаемого счастья вычисляется по следующей формуле: $\Pi = Q$. При этом Π выступает индексом удовлетворенности определенной сферой жизни, являющейся функцией отношения реального статуса к желаемому состоянию, а общий индекс качества жизни (Q) высчитывается следующим образом: $Q = f(I_1, I_2, \dots, I_p)$, где p – количество факторов (т.е. сфер жизнедеятельности) в модели «ощущаемого качества жизни».

По мнению авторов, уровень удовлетворенности «ситуацией качеством жизни» выявляется как разница между притязаниями индивидов и уровнем их удовлетворения. Если использовать данную формулу, то получается, что люди, чьи реальные условия ближе к их притязаниям, будут считать уровень своего качества жизни достаточно высоким. Люди же, имеющие большие расхождения между реальным и желаемым статусом, будут ощущать низкий уровень качества жизни. Однако эта формула не может учесть психологические особенности людей и условия их жизни, поскольку на основе только одного показателя невозможно дать объективную оценку качеству жизни.

С. Н. Попов отмечает, что некоторые авторы (Й. Гейдерсов, М. Сарги и Г. Самли) предлагают другой подход к измерению качества жизни. Он основан на анализе качества жизни, включающем в себя четыре уровня. Первый уровень – определение целей респондентов и способов их достижения; на втором уровне респондентам предлагается оценить свое настоящее и предполагаемое будущее; третий уровень призван выявить уровень социального потенциала; четвертый оценивает индивидуальный, групповой, общественный и мировой уровень качества жизни (Попов, 1977).

Обобщенный критерий качества жизни «психологическое благополучие» предложили К. Рифф и Г. Зараковский, которые также выстраивают свою концепцию, обращаясь к гуманистическим теориям здоровой личности (А. Маслоу, К. Роджерс, Г. Олпорт), к идеям К.-Г. Юнга и к концепциям развития личности Э. Эриксона, Ш. Бюлер и Б. Ньюгартена. В их концепции также нашли отражение позитивные критерии психического здоровья М. Ягоды и представления Д. Баррена о позитивном функционировании в позднем возрасте (Рифф, Зараковский, 2009).

На основе синтеза основных достижений гуманистической психологии К. Рифф выделяет шесть ведущих параметров психологического благополучия человека: позитивное отношение к себе и своему прошлому (самопринятие); наличие целей и занятий, придающих смысл жизни (цель); способность выполнять требования повседневной жизни (компетентность); чувство непрекращающегося развития и самореализация (личностный рост); отношения с другими, пропитанные заботой и доверием (позитивные отношения с другими); способность следовать собственным убеждениям (автономность). По мнению К. Рифф, разработанные ею шкалы являются применимыми для всех (универсальными) и характеризуют сущность психологического благополучия вне зависимости от социокультурных

условий, психологических особенностей, национальных традиций существования человека).

В эмпирических исследованиях В. А. Хашенко в качестве критерия экономической идентичности личности был выбран показатель экономической самокатегоризация, которая выступает результатом самоидентификация себя с одной из экономических категорий населения: очень бедные, бедные, ниже среднего достатка, среднего достатка, обеспеченные, богатые и очень богатые. Как оказалось, число опрошенных россиян, которые считают свой материальный достаток средним, составило 58,4%, низким – 27,7%, высоким – 13,8%. При этом было отмечено достаточно низкий показатель общей удовлетворенности жизнью – в среднем он равен 35%. Для сравнения автор приводит данные о том, что в странах ЕС этот показатель значительно выше и доходит до 77% (Хашенко, 2012).

Хашенко отмечает, что значимые итоги психологических исследований субъективного качества жизни можно свести к следующим позициям:

- прямая связь между объективным экономическим благосостоянием и качеством жизни оказывается очень слабой – лишь от 2 до 5% изменений субъективного благополучия можно объяснить ростом дохода человека, при этом в бедных странах (среди бедных людей) взаимосвязь между доходом и удовлетворенностью жизнью выше, чем в богатых странах (среди богатых людей);
- связь между объективным экономическим благополучием и качеством жизни носит неустойчивый характер;
- влияние дохода на субъективное благополучие имеет уровневую специфику: люди с более высокими доходами чаще более счастливы, однако при анализе уровня счастья между странами с разным уровнем жизни увеличение субъективного благополучия по мере роста национального дохода на душу населения не фиксируется (парадокс Р. Истерлина).

В 97 странах мира в 2005–2007 гг. было проведено исследование, направленное на анализ национальных различий в причинах социального благополучия. Опрос населения установил, что благосостояние является ведущим фактором удовлетворенности жизнью в целом, а бедность главным образом связана с переживаниями не счастья и неудовлетворенности своей жизнью.

Вместе с тем корреляция между переменными при сравнении государств находится в диапазоне высоких значений 60–70%, тогда как внутри страны принимает существенно более низкие значения.

Таким образом, деньги могут повышать субъективное благополучие личности, но счастье мало зависит от дохода, если уровень жизни личности превышает определенный порог, т. е. начинает превосходить базовые материальные запросы человека. Выявление факта несуществующей связи между доходом и благополучием стало основным парадоксом в исследовании субъективного качества жизни.

Отечественная модель качества жизни, разработанная Т. Н. Савченко и Г. М. Головиной, включает в себя такие позиции, как удовлетворенность жизнью, представления о счастье, мотивацию, ценностную структуру, личностные характеристики, в том числе уверенность в себе и стили поведения. По теории этих авторов, ценности личности, преломляясь через призму уникальности индивидуальной жизнедеятельности, встраиваются в психологическую структуру личности и выступают одним из ведущих источников мотивации ее поведения. Эти ценностные ориентации представляют собой синтез общечеловеческих принципов, в соответствии с которыми выстраивается поведение человека в самых разнообразных жизненных ситуациях. Они формируются на разных этапах онтогенеза под влиянием природного, социального и культурного окружения и показываются как значимые отношения к себе и к миру в настоящем, прошлом и будущем (Савченко, Головина, 1996).

Ценностные ориентации, опосредованные мотивами личности, определяют стиль поведения человека, который отражает сущностные конструкты отношения индивида к его внутреннему миру и социальному окружению. Стиль поведения человека, по мнению авторов, является наиболее общей характеристикой поведения человека и позволяет классифицировать индивидов вне зависимости от их этнической или социальной принадлежности.

С точки зрения А. Михалоса, представление о качестве жизни возникло в науках о человеке в противовес количественному подходу оценки качества жизни. В соответствии с позицией А. Михалоса, можно выделить два самостоятельных вектора рассмотрения качества жизни, представленных в общественных науках. Первый – описательный, который рассматривает качество жизни в рамках социологии, без учета субъективных оценок и самооценок личности, ее удовлетворенности и неудовлетворенности качеством своей жизни. Например, известно, что некоторая численность людей получила среднеспециальное или высшее образование, но при этом не фиксируется, кем эти люди являются, какова их этническая или гендерная принадлежность, каков уровень получаемого дохода, социальный статус и т. д. Второй вектор – оценочный: качество жизни оценива-

ется с учетом некоторых специфических характеристик респондентов: уровень дохода, условия проживания, социальный статус. Это позволяет классифицировать респондентов по тем или иным признакам. Например, уровень финансового дохода в сопоставлении с условиями работы и жизни рассматривается в противоположность качественным характеристикам и подразумевает выделение типов и групп без обращения к их самочувствию (Michalos, 1988).

Более детализированный подход предложен западными учеными и включает в себя не только объективное шкалирование, но и учет субъективных оценок респондентов. Такое оценивание выявило интересные факты и явления. В частности, оказалось, что объективные и субъективные оценки качества жизни респондентов не совпадают между собой, или, по крайней мере, данная связь очень слабо себя проявляет. В частности, согласно одной из концепций, субъективные оценки могут сохранять свою стабильность при самых разных жизненных обстоятельствах, если объективная ситуация не ухудшается экстремально (Pik, Milk, Arandjelovic, 2010).

Приведем примеры объективных (легко измеряемых) и субъективных (не поддающиеся прямому и точному измерению) индикаторов качества жизни. Объективными индикаторы качества жизни – это продолжительность жизни, уровень преступности, уровень безработицы, ВВП, уровень бедности, обучение детей в школах, количество рабочих часов в неделю, уровень перинатальной смертности, уровень суицидов. К субъективным индикаторам можно отнести оценки социальных условий. Это ощущение общности, материальное благополучие, ощущение безопасности, счастье, удовлетворенность «жизнью в целом», отношения с семьей, удовлетворенность работой, сексуальная жизнь, восприятие распределительной справедливости, зобби и участие в клубах. Как видим, первые (объективные) индикаторы характеризуют относительно легко измеряемые процессы, тогда как вторые (субъективные) относятся к переживаниям, представлениям, убеждениям. При этом вопрос об их сочетании остается открытым.

На сегодняшний день проблема качества жизни человека достигла высокого уровня психологического анализа, ее исследованию занимаются многие авторы, в том числе и отечественные.

Современные исследователи-психологи рассматривают качество жизни как субъективную оценку благополучия личности, которая воспринимается как модус переживания между реальным и желаемым состоянием жизни. Эта оценка включает общее восприятие человеком своего социального положения в контексте куль-

туры и системы ценностей, присущих социальной среде, в которой он проживает, в соответствии со своими целями, ожиданиями, стандартами и заботами. Последними тенденциями в становлении и анализе данного научного направления исследований в психологии становятся исследования когнитивных, аффективных и поведенческих факторов, выступающих серьезными индикаторами качества жизни человека.

В 1990-е годы зародилась экономическая психология, которая усиленно развивается и в русле психологических концепции качества и уровня жизни. У истоков зарождения анализа социально-психологических факторов объективного и субъективного благополучия, динамики уровня и качества жизни (человека, групп и общества) стояли такие российские психологи, как А. И. Китов, В. Д. Попов, А. В. Филиппов.

Современные направления экономической психологии представлены исследованиями К. А. Абульхановой-Славской, О. С. Дайнеки, И. А. Джандарян, А. Л. Журавлева, А. Д. Кармышева, А. Б. Купрейченко, В. П. Позднякова, В. А. Хащенко и ряда других авторов.

В последние годы понятие «качество жизни» заняло прочное положение в психологической науке. Проведено значительное число исследований на индивидуальном, групповом, общественном и международном уровнях восприятия субъективного благополучия.

Новые направления изучения качества жизни в психологии развиваются в русле следующих концепций: сущность, оценка и стратегия формирования качества жизни; детерминанты субъективного экономического благополучия и методы их измерения; психологические составляющие качества жизни и особенности их оценки; восприятие субъектом качества своей жизни через личностные структуры; психологические характеристики личности и экономическое поведение; экономические аспекты мотивации труда; личностные характеристики бедных; психологический анализ соотношения доходов и потребностей личности; шкалирование уровня удовлетворенности личности; психологические условия эмоционального благополучия; психология предпринимательства как основа качества жизни; отношение к собственности; отношение к деньгам.

Качество жизни человека рассматривается разными психологическими школами. В частности, феноменологическая психология направлена на описательное изучение сознания человека и исследует проблемы качества жизни через оценку субъективности и уникальности эмоциональных переживаний. В основе зарождения и развития этой ветви психологии лежат идеи Э. Гуссерля, а также его

учеников и последователей: А. Фрейдера, М. Гайгера, Ж.-П. Сартра, М. Мерло-Понти, А. Шюца и др. К основным идеям, принципам и методам феноменологии в психологии обращались К. Ясперс, Е. Минковский, Г. Эленбергер, Ф. Перлз, К. Роджерс и др. Среди современных авторов, развивающих это направление за рубежом, можно выделить А. Джорджа, Ю. Давидина, А. Лингле. Эти авторы рассматривают феноменологическую психологию как составную часть экзистенциальной психологии и в рамках гуманистической парадигмы развития психологии.

Более широким оценочным индикатором качества жизни человека является образ его жизни, т. е. форма жизнедеятельности, типичная для конкретных социальных отношений, характеризующая то или иное общественное устройство, отражающая особенности общения, поведения человека и склад его мышления. Образ жизни раскрывает целостность жизни в единстве объективного и субъективного, материального и духовного, качества и количества.

Психологическая структура качества жизни личности

Жизнедеятельность личности в психологическом смысле есть специфическая деятельность не только со своими специфическими субъектностью и предметностью. Специфично и ее строение – цели, мотивы, способы действия, результат.

Цели жизнедеятельности не задаются внешне так, как это имеет место в учебной или трудовой деятельности. Они представлены скрытно в окружающей человека среде, их надо еще найти и сформулировать для себя. Цель деятельности определяет способ и характер деятельности человека. Но эту свою функцию цель выполняет только после того, как процесс целеобразования завершён и четко представлен в сознании соответствующим психическим образом. Чтобы сформулировать цель, нужно уметь тщательно анализировать окружающий мир, в нашем случае – ближайшую социально-экономическую среду, под углом зрения поиска элементов среды, имеющих какое-либо отношение к удовлетворению социальных, духовных или материальных потребностей. Поэтому для успешной жизнедеятельности от субъекта жизнедеятельности требуется непрерывный мониторинг внешней среды не только для выбора и определения самой цели, но и для понимания условий, в которых ее придется реализовывать.

Анализ психологической литературы и собранных нами эмпирических материалов позволяет утверждать, что целью жизнедеятель-

ности личности как специфической деятельности является удовлетворение различных потребностей, обеспечивающих уровень притязаний человека. При этом цель должна отвечать целому ряду требований. В их числе: достижимость, соответствие субъективным возможностям личности и условиям взаимодействия; измеримость, т. е. наличие измеримых параметров, по которым можно судить о фазах приближения к достижению цели; гибкость, чтобы в случае непредвиденных обстоятельств можно было корректировать цель, и др.

Мотивы жизнедеятельности определенным образом соотносятся с потребностью в качестве жизни, с необходимостью ее обеспечения. Согласно мнению А. Н. Леонтьева, мотив есть психическая реальность и одновременно «вещественный» предмет окружающей среды. По его мнению, главное отличие одной деятельности от другой состоит в различии их предметов. «Ведь именно предмет деятельности и придает ей определенную направленность... По предложенной мной терминологии предмет деятельности есть ее действительный мотив» (Леонтьев, 1975, с. 102). Если следовать этой позиции, мотивом жизнедеятельности личности в нашем случае является качество жизни. Но тогда получается не очень корректно: качество жизни оказывается и предметом жизнедеятельности как деятельности, и ее целью, и мотивом. Однако это совпадение только кажущееся. Предметом деятельности является качество жизни, которое задано до начала деятельности. Целью – тоже качество жизни, точнее, та «прибавка» к уровню качества жизни, которую человек надеется получить в результате запланированной деятельности. Мотив тоже ориентирован на качество жизни, но на иной его модус. Он, как считает А. Н. Леонтьев, может и совпадать с целью, и тогда он побуждает деятельность, направленную на тот рубеж качества жизни, который предполагается достигнуть в данных конкретных социально-экономических условиях. Это случай сдвига мотива на цель. Но мотив может иметь и собственное содержание, отличное от цели, если образцом для подражания служат качество жизни, уже достигнутое кем-то другим (Леонтьев, 1975).

По А. Н. Леонтьеву, способы жизнедеятельности можно рассматривать как действия, каждое из которых характеризуется своими промежуточными целями, и эти действия в своей совокупности образуют собственно жизнедеятельность как целостную деятельность. В качестве операций, реализующих способ жизнедеятельности, выступает социально-экономическая активность личности по удовлетворению потребностей в избранном направлении: социальном, экономическом, духовном.

Результат деятельности – это объективированный в качестве жизни конкретного человека ресурс целостной личности. Он характеризуется количеством и качеством: может быть высоким в субъективном смысле, удовлетворяющим потребность личности в том или ином качестве жизни, или низким и не удовлетворяющим личностных притязаний.

Согласно современным традициям, в обществе организовано ведется лишь подготовка личности к профессиональной (хозяйственной) деятельности с изучением экономических закономерностей общественного развития и заданных условий социально-экономической среды. Благодаря такому положению дел, деятельность государства и предприятий обеспечивают квалифицированные профессионалы, получившие высшее профессиональное образование, соответствующее профилю занимаемой должности. В процессе организации жизнедеятельности личности дело обстоит иначе: жизнедеятельность осуществляется людьми без соответствующей профессиональной или психологической подготовки, не обладающими богатым специальными научными знаниями, необходимыми для обеспечения качества жизни хотя бы на минимальном уровне. Более того, до сих пор науки, в чей компетенция находилась бы проблема социально-экономического развития человека и общества (экономика, правоведение, педагогика, психология, социология и др.), пока даже не ставят вопрос о необходимости разработки системы знаний, умений и навыков, которыми надо вооружать человека для обеспечения, поддержания и повышения его качества жизни. Вследствие чего жизнедеятельность современного человека организуется хаотично и осуществляется на уровне обыденного знания, методом проб и ошибок.

В связи с этим возникает исследовательская проблема диагностики субъективных особенностей организации жизнедеятельности современного человека, выявления субъективных и объективных психологических характеристик личности, определяющих качество его жизни.

Жизнедеятельность личности как специфическая деятельность по обеспечению качества жизни

В одном из своих проявлений жизнедеятельность личности является деятельностью по обеспечению качества жизни, т. е. по достижению определенного состояния удовлетворенности в сфере материальных, духовных и социальных потребностей, отвечающего

контексту определенной культуры и системы субъективных ценностей отдельно взятого человека.

Как известно, всякой деятельности свойственны субъектность и предметность. Субъектом жизнедеятельности выступает сам человек как создатель индивидуального жизненного пути. Это не значит, что он занят исключительно проблемами качества жизни. Конечно, человек (субъект) может выполнять какие угодно социальные или иные функции объективно вне контекста качества жизни, но в целом он *вынужден* обеспечивать себе хотя бы минимальный уровень качества жизни (начиная с состояния простого выживания как биологического и социального существа). Поэтому можно сказать, что жизнедеятельность любого человека имеет во крайней мере два модуса существования: социальный, связанный, к примеру, с результатом профессионального труда как технологическим процессом решения трудовой задачи (мылочная токарем гайка или подготовленный чиновником проект приказа) и личностный, связанный с ответным созданием удовлетворения определенных потребностей в какой-либо форме (деньгами, услугами и др.)⁶⁰. Этот второй вектор социальной активности личности может быть вспомогательным, не главным. Но во многих случаях, особенно в условиях рыночных отношений, он может выступить ведущим фактором конкретной деятельности, и профессиональная деятельность личности в рассматриваемом нами случае может субъективно терять свое самостоятельное значение и становиться лишь средством обеспечения качества жизни.

Предметность как атрибут деятельности теоретически достаточно полно проанализирована в работах А.Н. Леонтьева и его учеников. Она рассматривается как основная, конституирующая характеристика деятельности. Проявляется это двойко: первично – как объективно существующая реальность, подчиняющая себе и преобразующая деятельность субъекта; вторично – как образ предмета, продукт психического отражения его свойств, что осуществляется в результате деятельности субъекта (и иначе осуществляться не может). В процессе деятельности возникает двойной переход: предмет → процесс деятельности и деятельность → ее субъективный образ. При этом на одном полюсе объективируется личность, проявляет себя внешне, а на другом субъективируется предмет деятельности, обретает новое качество, вбирает в себя личностные характеристики объекта. Словом, теоретически все как будто ясно. Трудности проявляются при определении предмета жизнедеятельности.

60 Наиболее ярко эта идея рассматривается в теориях социального обмена.

«Специфика предметной определенности деятельности – в том, что объекты внешнего мира не воздействуют на субъект непосредственно, но лишь будучи преобразованными в процессе деятельности, благодаря чему достигается большая адекватность их отражения в сознании» (Психологический словарь, 2003, с. 317). Применительно к качеству жизни несомненно, что за «объекты внешнего мира» воздействуют на субъект и отражаются в сознании, придавая деятельности предметность. Можно предположить, что в жизнедеятельности личности в качестве предмета выступает качество жизни личности, – точнее, уровень качества жизни, который может быть охарактеризован объективными параметрами (уровень образования, доходов и медицинского обслуживания, качество жилища и т.д.). Процесс повышения качества жизни и есть та деятельность, которая, вбирая в себя личностные характеристики ее участника, субъективирует предмет в личности и объективирует личность в новом уровне качества жизни.

То обстоятельство, что предмет так или иначе входит в состав деятельности, обязывает психолога исследовать не только психологический образ, который традиционно призван предметом психологической науки, но саму реальность, отраженную в этом образе. Иначе нет оснований говорить об адекватности психического отражения. Особенно важно это в междисциплинарных исследованиях, подобных нашему. «Хочу я этого или не хочу, – пишет А. Н. Леонтьев в цитированной выше работе, – соответствует это моим теоретическим взглядам или нет, я все же вынужден включить в предмет психологического исследования внешние предметные действия субъекта» (Леонтьев, 1975, с. 91). Об этом приходится здесь говорить по той причине, что без анализа предмета качества жизни как деятельности (т.е. деятельности личности по обеспечению определенного качества своей жизни), результатом которой является уровень качества жизни личности, описываемый в терминах различных научных направлений, невозможно изучение психологических компонентов уровня жизни. Но обращение к терминологии смежных наук (экономической, социологической, медицинской и др.) воспринимается иногда настороженно и ошибочно толкуется как редукция психологического знания, что, однако, не соответствует действительности.

Современное общество все более и более обращает внимание на качество жизни человека. В силу новых тенденций развития кризисных явлений в мировой экономике эти проблемы приобретают особую

политическую, экономическую и социальную остроту. Растущий интерес к данной проблематике свидетельствует о заинтересованности государства в устойчивом социальном развитии российского общества. Проблемы экономического благополучия в современном обществе, безусловно, относятся к числу наиболее значимых и приоритетных, волнующих как отдельных людей, так и общество в целом. Сегодня проблемы качества жизни вышли далеко за рамки социальной практики и стали предметом исследования различных отраслей науки, для их решения требуются новые и новые подходы.

До сих пор качество жизни не рассматривается как цельный продукт самореализации личности, определяемой спецификой потребности сферы личности и выступающей как результат реализации определенных жизненных стратегий человека, как результат целенаправленного развертывания концепции жизнедеятельности личности и общества. Между тем такой подход к оценке качества жизни отражает общую тенденцию гуманизации современного общества. Основной акцент в оценке качества жизни сделан на том, что человек может заниматься какой угодно работой, обладать любым темпераментом или характером, быть сильным или здоровым, но главная концепция развития общества должна быть ориентирована на обеспечение его объективного и субъективного благополучия, общей удовлетворенности жизнью. Субъективная удовлетворенность человека качеством собственной жизни является ведущим объективным индикатором оценки его качества жизни и качества жизни общества в глобальной перспективе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Массовое сознание и поведение больших социальных групп в современных условиях характеризуется возникновением новых социально-психологических тенденций развития. Данные тенденции зачастую релевантны обществу в целом (национальный менталитет, протестные революционные настроения, патриотизм и т.д.), а некоторые деструктивные тенденции даже достигают международного уровня распространения (наркомания, терроризм и т.д.).

Наличие новых психологических тенденций обуславливает необходимость исследования и выявления психологических механизмов позитивного воздействия на массовое сознание и поведение в динамично изменяющихся условиях. В такого рода знаниях остро нуждаются не только профессиональные сообщества, но и представители власти, законодательных и исполнительных органов, которые не могут рассчитывать исключительно на силовые методы взаимодействия с обществом.

Проведенный в данной монографии теоретико-методологический анализ проблем психологии массового сознания и поведения со времени разработки классических представлений о поведении человека в массовом групповом образовании и до современных дней позволил, во-первых, увидеть недостаточность классических представлений о массовом поведении, в основе которых лежала теория иррациональности поведения индивида в группе (снижения его интеллектуальных возможностей, подверженности массовому заражению и т.д.).

Во-вторых, анализ помог обозначить зарождение целого ряда макропсихологических, групповых и личностных феноменов, оказывающих существенное влияние на психологию массового сознания и поведения больших социальных образований в современных

условиях развития. К такого рода феноменам можно отнести прежде всего социальные движения, революции, образ коллективного будущего, качество жизни, семью, коллективные эмоции при переживании травмы и др.

В-третьих, была определена значимость и рассмотрены особенности феномена социальной идентичности, который выступает ведущим фактором самоидентификация человека посредством отождествления себя с социумом в целом. Формирование социальной идентичности осуществляется через принятие системы ценностей и целей общностей на различных уровнях социального взаимодействия – социальном, коллективном и групповом, при этом социальный уровень выступит единым (но не унифицированным) для всех членов общности.

Наконец, мы рассмотрели трансформации психология массового сознания и поведения, связанные с возможностью использования интернет-технологий, психологическая сущность которых заключается в способности стремительно информировать большие социальные общности и объединять их по интересам, а при должной организации даже координировать их поведение на обширных территориях, минуя контроль властных структур.

Наиболее перспективным в применении к массовому сознанию и поведению массовых групповых образований оказывается прикладной потенциал теорий социальной идентичности. Психологические исследования подтвердили, что участие членов больших социальных объединений в массовых мероприятиях способствует формированию общего чувства социальной идентичности. При таком подходе важно рассматривать массовые групповые процессы еще и с позиции межгруппового взаимодействия и динамики изменения групповой идентичности.

Хроника мировых протестных движений наглядно выявила сильное влияние социальной идентичности на динамику этих движений. Среди важных факторов, определяющих эту динамику, можно выделить следующие: крушение мультикультурной политики государства; необходимость разработки законодательной базы, учитывающей национальную специфику каждого государства с учетом приоритета культурных традиций основного населения стран; необходимость учета диалога с представителями протестных движений, что порождает острую востребованность в технологиях взаимодействия правоохранительных структур с массовыми социальными движениями, базирующихся на основе анализа новых тенденций развития массового сознания и поведения.

Анализ протестных массовых оппозиционных выступлений в современной России обозначил их основные мотивы, среди которых следует назвать прежде всего следующие: непрерывно рождающиеся проблемы в межнациональных и межконфессиональных отношениях; низкий уровень жизни основной массы населения (проблема ЖКХ, высокий уровень налогов и т.д.); коррупция, пронизывающая практически все социальные институты общества; нарушения в выборах кампаниях.

Кроме того, проведенный анализ позволял выделить ряд информационно-психологических, макропсихологических, групповых и личностных характеристик, принципиально влияющих на массовое сознание и поведение в современных условиях. Развитие информационных технологий в конце XX – начале XXI вв. привело к фактическому образованию глобального информационного общества, которое еще мало изучено, требует мониторингового (непрерывного) исследования и разработки современных средств массовых коммуникаций, способных обеспечить реальное влияние на большие социальные образования. Дальнейшего внимания требует также выявление и анализ зарождения новых массовых социальных движений, детерминированных особенностями национального менталитета и способных перерасти в революционные. Не менее важными темами дальнейших исследований являются, во-первых, установленное наличие групповых феноменов, определяющих социально-психологические особенности массового сознания и поведения, в основе которых находят свое отражение коллективные образы будущего, коллективные эмоции и травмы, присущие обществу в целом; во-вторых, встраивенность в массовое сознание и поведение личностных социально-психологических феноменов, оказывающих на них мотивационное воздействие, – патриотизма, справедливости, семьи и собственности (данные феномены не претендуют на полный охват проблемы, а лишь закладывают первые штрихи в новую витку исследований массового сознания и поведения); в-третьих, непосредственное воздействие на массовое сознание и поведение общемировых угроз развитию человечества, ведущими из которых выступают такие явления, как распространение ядерного оружия, терроризм, массовое манипулирование сознанием молодежи и ее вовлечение в деструктивные структуры (террористические, паранаучические, религиозные и пр.). Особого анализа требует разработка системы социально-психологического воздействия и влияния на социальное поведение больших социальных групп, способствующей взаимодействию общества и власти, определяющей позитивные тен-

денции и перспективы развития российского общества и его интеграцию в мировое сообщество (например, на основании феномена качества жизни). Все эти прикладные направления исследований массового сознания и поведения (макронсихологические, групповые и личностные феномены массового сознания и поведения, глобальные угрозы и современные тенденции воздействия) требуют комплексного анализа с привлечением специалистов разных отраслей знания и практиков, включая представителей государственной власти и правоохранительных органов.

Обобщая полученный материал, хотелось бы еще раз подчеркнуть основную идею исследования. Мир вступил в новую эпоху – эпоху глобального информационного общества, где системообразующим фактором выступает появление Интернета с его возможностями прямой коммуникации «без границ». Интернет, наряду с традиционными методами воздействия – дипломатическими, экономическими, силовыми, должен стать инструментом духовно-идеологического противостояния деструктивному влиянию и утверждения социально приемлемых ценностей, в том числе и на международном уровне, что возможно через сотрудничество основных исторических субъектов мирового развития. При таком цивилизационном взаимодействии Россия должна оставаться значимым субъектом исторического развития, что актуализирует необходимость эффективного использования ее социально-экономического и психофизиологического потенциала.

ЛИТЕРАТУРА

- Абульханова К. А. Психология и сознание личности (проблемы методологии, теории и исследования реальной личности): Избранные психологические труды. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «Модэк», 1999.
- Адэрго Т. Исследование авторитарной личности. М.: Серебряные нити, 2001.
- Акопов Г. В., Рудина Т. К., Привалова В. М. Менталистика как историко-психологическое направление науки // История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее и предвидеть будущее: Материалы международной конференции по истории психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 453–455.
- Ариели Д. Поведенческая эвфоника. Почему люди ведут себя иррационально и как заработать на этом. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012.
- Аронсон Э., Прайсмэнс Э. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения: повседневное использование и злоупотребление. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003.
- Артемьев Т. И. Проблема менталитета русского народа в трудах Н. А. Сиверского // История отечественной и мировой психологической мысли: Ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее: Материалы Международной конференции по истории психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 298–305.
- Асеев И. А., Поцценьо Е. Н., Краченко О. А. Гуманитарные аспекты NBICS-технологий: системный подход // Известия Юго-Западного государственного университета. 2013. № 6 (51). Ч. 1. С. 78–81.
- Банин П. Кто такой патриот? // Социальная реальность. 2007. № 6. С. 85.

- Балтуридзе З. Э. Грузия и Евросоюз: партнерский потенциал и интеграционные структуры // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 3 (251). С. 53–60.
- Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Бердяев Н. А. Душа России // Русская идея. М.: Республика, 1992. С. 295–312.
- Берлина Т. Н. О вероятностном аспекте явлений прошлого и будущего // Философия и культура. 2010. № 11. С. 71–80.
- Берлина Т. Н. Время как вероятность // Мир психологии. 2011. № 3. С. 30–43.
- Берлина Т. Н. Вероятностные представления времени // Философские исследования. 2013. № 11. С. 50–60.
- Бехтерев В. М. Объективная психология. М.: Наука, 1991.
- Бойков В. Н., Кочетов В. Г., Шербакова О. И. Нобелевский лауреат Ангус Дитон и развитие российской науки: исследования уровня и качества жизни, методы оценки и измерения неравенства и бедности // Уровни жизни населения регионов России. 2015. № 4. С. 7–26.
- Бонина Н. Б. Риск: социально-психологический взгляд // Психология и право. 2011. № 4. С. 1–10.
- Боников Г. Мобильник позволяет пользователям больше врать. 2006. URL: http://ekspert.com.ua/8377-mess2_841.html (дата обращения: 11.07.2017).
- Бондаренко Н. В., Белов В. П., Кузнецов Р. М., Харамонов С. А. История российского предпринимательства. Ставрополь: Кавказский край, 2001.
- Борисов В. А., Синельников А. Б. Брачность и рождаемость в России: демографический анализ. М.: Государственный НИИ семьи и воспитания, 1993.
- Буланов Ю. В. История исследования понятия «менталитет» в зарубежной психологии // История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее и предвидеть будущее: Материалы международной конференции по истории психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Колырова, Ю. Н. Олейник. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 168–171.
- Вайс М., Хасан Х. Исламские государства: армия террора. М.: АНФ, 2016.
- Верв Джобим В. Грузия после «революции роз» // Кавказ и глобализация. 2006. № 1. С. 63–77.

- Вершикин М. С. Политическая коммуникация в информационном обществе. СПб.: Изд-во В. А. Михайлова, 2001.
- Воловикова М. И., Горышова А. М. Психологическое значение праздника для личности // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 4. С. 241–245.
- Всемирная история: В 10 т. / Под ред. А. А. Губера, М. Я. Гефтера, А. С. Ерусалимского, Л. М. Иванова, Т. З. М.: Социально-экономическая литература, 1960.
- Вундт В. Введение в психологию. М., 1912.
- Вяльцев С. В. Национальный менталитет как предмет этнопсихологического исследования // Объединенный научный журнал. 2004. № 4. С. 21–22.
- Габдар Е. Т. Габель империи: Уроки для современной России. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006.
- Габдекс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. № 5. С. 44–49.
- Гаснев А. А. Проблема российского менталитета в свете отечественной православно-христианской традиции // История отечественной и мировой психологической мысли: Ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее: Материалы Международной конференции по истории психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 22–32.
- Грачев А. А. Жизненные ориентации в прикладных психологических концепциях человека // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 66. С. 289–294.
- Гребенников Н. В. Основы семейной жизни. М.: Просвещение, 1991.
- Григорьев Е. М. Психология. Учебник / Под ред. А. А. Крылова. М.: ПБОЮЛ Григорьев Е. М., 2000.
- Гудков Л. Идеологема «враг»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага / Сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. М.: ОГН, 2005. С. 7–79.
- Гулявич О. А. Социальная психология справедливости. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Гусляцкая М. С., Комчеловская М. М., Марцмюковская Т. Д., Уварова Е. Ю. Структура и содержание идентичности российской интеллигенции. М.: Нестор-История, 2012.
- Дарсизов М. Ведется работа по противодействию вербовке молодежи в ряды ИГИЛ. 2015. URL: <http://www.kavpolk.com/articles/ig-21750> (дата обращения: 17.07.2017).

- Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров) / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумпа, В. В. Петухова. М.: Вест Мир, 2011.
- Дворников В. С., Дворников С. В., Хобицев В. С. и др. Биотерроризм: вероятная угроза жизни общества. Возможные пути защиты // Вестник «Здоровье и образование в XXI веке», 2009. № 7. С. 293–294.
- Дейнека О. С. Экономическая психология. СПб.: Изд-во СПбГХ, 2000.
- Джеймс У. Психология. М.: Педагогика, 1991.
- Дзарасов Р. С. Экономика «насаждения отсталости»: к действительным причинам реформы РАН // Вестник РАН, 2014. Т. 84. № 4. С. 291–303.
- Дмитриев А. В. Скандал: исследовательские задачи // Скандал как форма коммуникации. М.: Изд-во СГХ, 2012.
- Добрышкин Н. Ф. Возрастная психология: Курс лекций. М.: Просвещение, 1965.
- Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / Отв. ред. А. В. Купрейченко, Н. В. Мерсиянова. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2013.
- Досен М. Угасание национализма в Западной Европе // Социологические исследования, 1993. № 3. С. 86–98.
- Доклад о развитии человека 2007/2008. Опубликовано для Программы развития ООН (ПРООН). М.: Вест мир, 2009.
- Дроздов А. Ю. Агрессивное телевидение: социально-психологический анализ феномена // СОЦИС, 2001. № 8. С. 62–64.
- Дубин Б. Координата будущего в общественном мнении России // Пути России. Будущее как культура: Прогнозы, репрезентации, сценарии. Т. XVII. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 500–513.
- Басина О. В. Качество жизни в медицине – важный показатель состояния здоровья пациента (обзор литературы) // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие, 2013. № 1. С. 3–15.
- Емельянова Т. П. Культурная травма: социально-психологические аспекты // Материалы итоговой научной конференции Института психологии РАН 14–15 февраля 2008 г. / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. И. Артемьевой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 75–85.
- Емельянова Т. П., Дробышев Т. В. Образ будущего благосостояния в объединенном сознании россиян // Психологический журнал, 2013. Т. 34. № 5. С. 16–32.
- Емельянова Т. П., Журавлев А. Л. Психология больших социальных групп как коллективных субъектов // Психологический журнал, 2009. Т. 30. № 3. С. 5–15.

- Бизяловым С. Н. Терроризм и агрессивное поведение // Национальный психологический журнал. 2006. Ноябрь. С. 28–32.
- Бизяловым С. Н. Враждебность в клинической и криминальной психологии // Национальный психологический журнал. 2007. Сентябрь. С. 33–39.
- Журавлев А. Л. Проблема совместной трудовой деятельности в социально-психологическом исследовании коллектива // Личность в системе общественных отношений: социально-психологические проблемы в условиях развитого социалистического общества / Отв. ред. Б. Ф. Ломов. М.: АН СССР, 1983. С. 508–510.
- Журавлев А. Л. Основные признаки совместной деятельности // Организационная психология: Хрестоматия / Сост., общ. ред. Л. В. Винокурова, Н. И. Сарышова. СПб.: Питер, 2000. С. 111–114.
- Журавлев А. Л. Психология коллективного субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Воловицкой. М.: Пер Са, 2002. С. 51–81.
- Журавлев А. Л. Социально-психологический анализ исполнительской деятельности // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 1. С. 6–16.
- Журавлев А. Л. Актуальные проблемы социально ориентированных отраслей психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А. Психология совместного творчества и инновации в современной организации // Вестник практической психологии образования. 2010. Вып. 4. С. 17.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А. Знания, групповая рефлексия и корпоративная память как объект социальной и организационной психологии // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 577–597.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А. Групповая рефлексивность: основные подходы и перспективы развития // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 4. С. 27–37.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А. Совместное творчество как ресурс деятельности организации: состояние и перспективы исследований // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 3–21.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Соснин В. А. Проблема психологических технологий в современной психологии // Вызовы знания в аспекте психологической и психотерапевтической науки и практики: Материалы международной научно-практической конференции / Под ред. С. В. Петрушина. Казань: Отечество, 2011а. С. 158–163.

- Журавлев А.А., Нестяк Т.А., Соснин В.А. Психологические аспекты стратегической стабильности и ядерного сдерживания // Психологический журнал. 2011б. Т. 32. № 2. С. 5–24.
- Журавлев А.А., Нестяк Т.А., Соснин В.А. Социально-психологические аспекты стратегической стабильности и ядерного сдерживания в современном мире: постановка проблемы и практика исследований // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 116–123.
- Журавлев А.А., Соснин В.А. Психология массового поведения: истоки и современные тенденции исследования // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 1. С. 125–139.
- Журавлев А.А., Юренич А.В. Макропсихологическое состояние современного российского общества // Экономическая наука современной России. 2012. № 2. С. 137–140.
- Журавлев А.А., Юренич А.В. Коллективные смыслы как предпосылка личного счастья // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 5–15.
- Журавлева Н.А. Ценностные ориентации предпринимателей в изменяющемся российском обществе // Вестник РГДН. Серия «Психология и педагогика». 2008. № 1. С. 46–49.
- Зарковский Г.М. Качество жизни населения России: психологические составляющие. М.: Смысл, 2009.
- Зверев В.О., Миронов А.А. Патриотизм как нравственная ценность в политике России и социальных концепциях религиозных объединений // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 1. С. 67–70.
- Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев. М.: Альпина non-fiction, 2014.
- Зимченко В.П. Большой психологический словарь. М.: Манн-Издательство, 2009.
- Зимченко В.П. Миры сознания и структуры сознания // Вопросы психологии. 1991. № 2. С. 15–36.
- Зубец А.Н., Тарба Н.В. Качество жизни в России // Финансы. 2013. № 12. С. 68–70.
- Ильин И.А. Наши задачи: Историческая судьба и будущее России: Статьи 1948–1964 гг.: В 2 т. М.: Рарог, 1992.
- Ильин В.А. Частный капитал и национальные интересы. На примере собственников металлургических корпораций // Вестник РАН. 2013. Т. 83. № 7. С. 579–586.
- Индекс счастья // Опрос ВЦИОМ. 2016. URL: http://wciom.ru/news/ratings/index_schastya (дата обращения: 07.07.2017).

- Институциональная экономика отвергает рыночный фундаментализм // Вестник РАН. 2013. Т. 83. № 8. С. 681–684.
- Интернет против газет // Учительская газета. 2007. № 29. URL: <http://www.ug.ru/archive/20122> (дата обращения: 23.07.2017).
- Кабанов О., Носк Л. Р. Революционный период. М.: Изд-во «Институт психологии РАН–КСП+», 1998.
- Карамзин Н. М. История государства российского. Т. V–VI. М.: Московский рабочий, 1993.
- Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М., 2000.
- Кара-Мурза С. Г. Императив перехода к инновационному развитию России: состояние на старте // Наука. Инновации. Образование. 2007. С. 214–232.
- Кара-Мурза С. Г. Приватизация промышленности: результаты и отношение населения // Наука. Культура. Общество. 2013. № 2–3. С. 93–132.
- Карышева А. Д. Собственность как исходное, первое и главное понятие экономической психологии // Труды 2-й Всероссийской научно-практической конференции РПО. М.–Калуга: Институт психологии РАН–ИФ МГЭИ, 2002. С. 78–83.
- Карышева А. Д., Курмачко Т. Д., Натомо Е. А. Человек и собственность: Учеб. пособие. Иркутск: БГУЭП, 2006.
- Клиных О. Н. Личность в условиях экстремальности: методологические аспекты // Социальная психология: Учеб. пособие для вузов / Сост. Р. И. Мокшанцев, А. В. Мокшанцева. Новосибирск: Сибирское соглашение; М.: Инфра-М, 2001. С. 238–268.
- Кейнс Д. М. Антология экономической классики: В 2 т. Т. 2. М.: Эконом, 1993.
- Китов А. И. Личность и группа в системе отношений собственности // Проблемы экономической психологии. Т. 1 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. С. 109–124.
- Китова Д. А., Алдрбова Д. М., Хатунва С. Т., Балова Д. Ю. Психологическая готовность молодежи к управлению семейной экономикой. Карачаевск: Изд-во КЧГУ, 2010.
- Китова Д. А., Балова Д. Ю. Психологические особенности представлений студентов о создании семьи // Прикладная психология и психоанализ. 2013. № 1. URL: <http://ppr.pskn.ru> (дата обращения: 9.07.2017).
- Китова Д. А., Током Р. Х. История становления и развития предпринимательства в России. Глава монографии «Актуальные психологические проблемы развития личности в процессе профессиональной подготовки». Черкесск: СевКавГТА, 2013.

- Китов Д. А., Шахов А. М. Условия оптимизации целевых ориентаций личности // Вестник КЧГУ. 2007. № 5. С. 34–41.
- Климов Н. О хамстве и хамах // Социальная реальность. 2006. № 7–8. С. 77.
- Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. М.: Мысль, 1993.
- Ключаев Б. Интернационал национал-патриотов // Наш современник. 2013. № 1. С. 102–136.
- Кого в России вербует ИГИЛ. 2015. URL: <http://www.gazeta.ru/kogo-v-rossii-verbuuet-igil> (дата обращения: 17.07.2017).
- Козырев П. М., Герасимов С. Б., Киселев И. П., Назимова А. Э. Динамика социального самочувствия россиян // Россия: трансформирующееся общество. М.: Канон-Пресс-Ц, 2009. С. 243–253.
- Кокшан А. А. Обеспечение стратегической стабильности в прошлом и настоящем: теоретические и прикладные вопросы. М.: Красанд, 2009.
- Коларов В. А., Соснин В. А. Социально-психологические проблемы патриотизма и особенности его воспитания в современном российском обществе // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 4. С. 89–97.
- Комаров М. Ю., Ильин В. А. Проблема интрагруппового структурирования в контексте задач реализации форсайт-проектов // Мир образования – образование в мире. 2013. № 1. С. 174–185.
- Краткий словарь по социологии. М.: Изд-во политической литературы, 1989.
- Крысько В. Г. Социальная психология: Словарь-справочник. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2001.
- Кузрейченко А. Б., Журавлев А. Л. Динамика самоопределения субъекта в условиях относительно устойчивого экономического развития // Экономическая психология: прошлое, настоящее, будущее. 2011. № 1. С. 103–107.
- Кузрейченко А. Б., Тихарова С. П. Доверие и недоверие: дифференцирующие критерии // Социальная психология сегодня: наука и практика / Материалы межвузовской научно-практической конференции. СПб., 2008. С. 63–65.
- Кушнов С. Почему дети бегут в ИГИЛ // Газета «Метро». 2015. URL: <http://metoday.ru/news/item.php?432030> (дата обращения: 17.08.2017).
- Кэмбелл Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. СПб.: Социально-психологический центр, 1996.

- Дзурский А. Ф. Очерк науки о характерах. Петроград, 1917.
- Дебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995.
- Дебон Г., Тард Г. Психология толп. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»–НСП+, 1998.
- Девякин В. К. Социалполитическая динамика российского общества: 2000–2006. М.: Асабеліа, 2007.
- Девяцкий Р., Сандерс Д., Барри Б., Миттом Дж. Самое главное о переговорах. М.: Форум, 2006.
- Деконьяк А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
- Дзиз М. Е. Качество жизни как основа социальной безопасности: Монография / Под ред. М. В. Константинова. М.: Гардарики, 2006.
- Личность и бытие: субъективный подход: Материалы научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения чл.-корр. РАН А. В. Ерушлинского (15–16 октября 2008 г.) / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. В. Золотов, З. Н. Рябикина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Личность и предметно-пространственная среда: Хрестоматия / Под ред. З. Н. Рябикинной. Краснодар: КубГУ, 2000.
- Добин О. В. Региональная власть как социальный институт: Дис.... канд. социол. наук. Саратов, 2002.
- Давыд Б. Ф. Системность в психологии. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996.
- Давыд Б. Ф., Сурков Е. Н. Антиципация в структуре деятельности. М.: Наука, 1980.
- Досский И. Ф. Характер русского народа. Мюнхен: Посев, 1937.
- Духов Н. Понятие раска // THESES. 1994. № 5. С. 33–39.
- Дуров С. В. Метаморфозы традиционного сознания: Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала. СПб.: Тип. им. Котлякова, 1994.
- Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Питер, 1997.
- Макропсихология современного российского общества / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юренича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений: В 39 т. Т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955.
- Маршалл А. Принципы политической экономии. М.: Прогресс, 1993.
- Методы и формы агитации ИГИЛ в социальных сетях в Интернете, 2015. URL: <http://www.arn.ru/publications/article34201.htm> (дата обращения: 17.07.2017).

- Милль, Д. С. Основы политической экономии. М.: Прогресс, 1980.
- Модернизация российского образования: проблемы и перспективы / Под ред. М. К. Горшкова, Ф. Э. Шереги. М.: Центр социального прогнозирования, 2010.
- Михайленко Р. Н., Михайленко А. В. Социальная психология: Учеб. пособие для вузов. Новосибирск: Сибирское соглашение-Инфра-М, 2001.
- Мискомыш С. Век толп: Исторический трактат по психологии масс. М.: Центр психологии и психотерапии, 1996.
- Мытцель А. В., Дудченко О. Н., Ильямцева В. Е. Кому и зачем нужна профессиональная психологическая помощь? М.: ООО «Деловые и юридические услуги „ЛексПравис“», 2013.
- На стороне ИГИЛ в Сирии воюют два десятка жителей Ростовской области. 2015. URL: <http://yug.ru/ru/ru/society/news/129080> (дата обращения: 17.07.2017).
- Назарова А. М. Теоретические подходы к исследованию проблемы качества жизни // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Серия «Социология, Политология». Вып. 4, С. 3–6.
- Назаретян А. П. Психология стихийного массового поведения: Лекции. М.: Пер Сз, 2001.
- Назаретян А. П. Антропология насилия и культура самоорганизации: Очерки по эволюционно-исторической психологии. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
- Нартова-Бочавер С. К., Асташица Н. Б. Психологические проблемы справедливости в зарубежной персоналогии: теории и эмпирические исследования // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 16–32.
- Национальная идея России. М.: Научный эксперт, 2012.
- Неклеса А. Н. Сердце тьмы: травматическая инволюция // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 2. С. 280–295.
- Немов Р. С. Психологический словарь. СПб.: Владос, 2007.
- Нестих Т. А. Психологические аспекты распространения ядерного оружия и готовности к его применению // Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 1. URL: <http://soc-ecopsychology.ru/engine/documents/document203.pdf> (дата обращения: 13.08.2017).
- Нестих Т. А. Социальная психология времени. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Нестих Т. А. Глобальная идентичность в обществе риска // Наука. Культура. Общество. 2015. № 4. С. 130–140.

- Неслых Т.А., Журавлев А.Л. Формы организация и стимулирования совместного творчества в современных компаниях // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 1. С. 190–196.
- Неслых Т.А., Журавлев А.Л. Социально-психологические факторы совместного творчества в организациях // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. 2012. Вып. 3. С. 182–202.
- Неслых Т.А., Журавлев А.Л. Психологические аспекты коллективно-го взаимодействия в сетевых сообществах // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 2. С. 19–28.
- Неслых Т.А., Журавлев А.Л., Соснин В.А. Психологические аспекты стратегической стабильности и ядерного сдерживания // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 2. С. 9–24.
- Неслых Т.А., Журавлев А.Л., Соснин В.А. Социально-психологические аспекты стратегической стабильности ядерного сдерживания в современном мире: постановка проблемы и практика исследований // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 116–123.
- Неслых Т.А., Соснин В.А. Современный терроризм: социально-психологический анализ // Террор и терроризм / Под ред. А.А. Королёва, Д.Д. Пеньковского. М.: Национальный институт бизнеса, 2008. С. 101–117.
- Ничего общего с исламом. 3 ноября 2015 г. URL: <http://mahachkala.mosavlsta.ru/news/1086706>.
- Общая психология. Энциклопедический словарь: В 6 т. / Под общ. ред. А.В. Петровского. М.: Пер Св, 2005.
- Олейник Н.В., Соснин В.А. Тоталитарная секта: как противостоять ее влиянию. М.: Генезис, 2005.
- Ольшанский Д.В. Психология террора. М.: Академический проект, 2001.
- Орлов И.Б. Всероссийская перепись: цифры и комментарии // Наш современник. 2004. № 8. С. 163–176.
- Орлова Л.Я. Патриотизм и историческая память // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2004. Т. 4. № 1. С. 221–223.
- Парыгин Б.Д. Социально-психологический климат коллектива. Л.: Наука, 1981.
- Патрахеева Э.Г., Соловьев О.А., Селаснева Т.А. Влияние виртуального пространства сети Интернет на жизненные ценности современной молодежи // Молодой ученый. 2015. № 10. С. 1342–1346.

- Патриотизм как фактор эффективного развития российской государственности / Под ред. И. В. Бочарникова. М.: Московский дом национальностей, 2015.
- Патриотизм современной российской молодежи: концептуальные основания и технологии воспитания. М.: Альфа-М, 2013.
- Перлз Ф. Гештальт-семинары. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2007.
- Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности: В 2 т. Т. 1. СПб., 1909.
- Подмена понятий: патриотизм в России. 2014 // Левада-центр. URL: <http://www.levada.ru/27-05-2014/ podmena-ponyatii-patriotizm-v-rossii> (дата обращения: 29.05.2014 г.).
- Ползатов В. И., Алферов В. В. О неядерном сдерживании, его роли и месте в системе стратегического сдерживания // Военная мысль. 2015. № 8. URL: <http://vm.milportal.ru/o-neyadernom-sderzhivani-ego- roli-i-meste-v-sisteme-strategicheskogo-sderzhivaniya> (дата обращения: 13.08.2017).
- Полов В. Д. Психологические проблемы управления (трансформации) отношений собственности // Труды 2-й Всероссийской научно-практической конференции РГЮ по экономической психологии. М. – Калуга, 2002. С. 117–121.
- Полов С. И. Проблема качества жизни в современной идеологической борьбе. М.: Политнадат, 1977.
- Послание Президента Дмитрия Медведева Федеральному собранию РФ. 2008. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/1968> (дата обращения: 13.08.2017).
- Почему вступают в ИГИЛ? 2015. 16 ноября. URL: <http://www.bombla.org/rochetku-vstupayut-v-igil> (дата обращения: 10.08.2017).
- Починцов Г. Г. Имаджелогия. М.: Рефл-бук, 2000.
- Пресс-выпуск № 2770. Официальный сайт ЕЦНПОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115141> (дата обращения: 02.10.2014).
- Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабарина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Психолог: Петербуржцы вступают в ИГИЛ, потому что нажить на курок проще, чем проявить упорство // Неваские новости. 2015. 2 октября. URL: <http://neva-novosti.ru/138645-psiholog-peterburzhcy-vstupayut-v-igil-potomu-chto-nazhat-na-kurok-proshhe-chem-proyavit-uporstvo> (дата обращения: 13.08.2017).
- Психологические исследования проблем современного российского общества / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.

- Психологические проблемы семьи и личности в мегаполисе / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. И. Лысенко, Н. Е. Индземцева, Д. В. Ушаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Психологический словарь / Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 2007.
- Психологический словарь / Под общ. ред. Ю. Л. Неймера. Ростов-на-Дону: Феникс, 2003.
- Психология XXI века: Учебник для вузов / Под ред. В. Н. Дружинина. М.: Пир Сэ, 2003.
- Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шерохова. М.: Социум; Изд-во «Институт психологии РАН», 2001.
- Психология: Учебник для гуманитарных вузов / Под общ. ред. В. Н. Дружинина. СПб.: Питер, 2000.
- Путылицы Т. Л. Формирование исторического сознания школьной молодежи в условиях трансформации российского общества: Дис. ... канд. социол. наук. М., 2007.
- Рафл В. Психология масс и фэшнма. 1933. URL: <http://e-libra.ru/read/317557-psihologiya-mass-i-fashizm.html> (дата обращения: 15.08.2017).
- Рассадин Т. А. Трансформация традиционных ценностей россиян в постперестроечный период // СОЦИС. 2006. № 9. С. 95–102.
- Рафф К., Зарковский Г. М. Качество жизни населения России. М.: Смысл, 2009.
- Родыгин М. И. Стигматизация гендерной психологии: парадигма ментальностей // История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее и предвидеть будущее: Материалы международной конференции по истории психологии «IV московские встречи» (26–29 июня 2006 г.) / Под ред. А. Л. Журавлева, В. А. Кольцовой, Ю. Н. Олейника. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 268–271.
- Романов В. В. Собрание сочинений. М.: Республика, 2009.
- Рост Л., Населетт Р. Человек и ситуация: Уроки социальной психологии. М.: Аспект Пресс, 1999.
- Российская идентичность в социологическом измерении (аналитический доклад). М.: Институт социологии РАН, 2007.
- Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / Под ред. К. А. Абульхановой, А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.

- Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс / Под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Наука, 2004.
- Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты. М.: Наука, 2007.
- Россия в XXI веке: Материалы годового собрания Академии геополитических проблем. М.: Академия геополитических проблем, 2012.
- Россия: Трансформирующееся общество / Под ред. В. А. Ядова. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001.
- Россияне объяснили желание молодых людей вступить в ИГ замбинированием и жаждой денег: 3 июля 2015 г. URL: <http://www.inet-biz.ru/tunia/4534466> (дата обращения: 15.08.2017).
- Ротенд Е. Е., Михайлов К. В., Жигорев Е. Б., Козлов Б. М. Современные психологические подходы к анализу качества жизни (обзор литературы) // Системная психология и социология. 2012. № 3. С. 65–70.
- Рощин С. К. Проблема этноцентризма: теория и политическая действительность XX века // Расы и народы (современные этнические и расовые проблемы). 1993. № 23. С. 59–104.
- Рощин С. К., Соскин В. А. Психологическая безопасность: новый подход к безопасности личности, общества и государства // Российский мониторинг. 1995. № 6. С. 133–146.
- Рубинштейн С. А. Бытие и сознание. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
- Рукавишников В. О., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения: Международные сравнения. М.: Совпадение, 1996.
- Русин А. Зачем уходят в ИГИЛ? 2015. URL: <http://teleknewat.ru/27566-zachem-ufodut-v-igil.html> (дата обращения: 15.08.2017).
- Савельева Н. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история: в 2 т. Т. 2. СПб.: Наука, 2006.
- Савченко Т. Н., Голованов Г. М. Субъективное качество жизни: подходы, методы оценки, прикладные исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996.
- Кирилл, Святейший Патриарх Московский и всея Руси. Русский народ – главный творец нашей цивилизации (из выступления патриарха Московского и всея Руси Кирилла на XVII Всемирном русском народном собрании) // Завтра. 2013. Ноябрь. № 45.
- Семейные люди богатеют быстрее. 2006. URL: <https://m.levva.ru/news/2006/01/18/wealth> (дата обращения: 12.08.2017).
- Семин В. Е. Духовно-нравственные ценности и воспитание как важнейшие условия возрождения России // Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Отв. ред. А. Д. Журав-

- лев, А. В. Юренич. М.: Изд-во Институт психологии РАН, 2011. С. 60–70.
- Семёнов В. Е. СМИ и молодежь: социально-психологический анализ // Вестник политической психологии. 2004. № 1. С. 36–42.
- Семёнов В. Е. Ценностные ориентации современной молодежи // СОЦИС. 2007. № 4. С. 37–43.
- Семёнов В. Е. Российская политематичность и социально-психологическая динамика на переломные эпохи. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008.
- Серый А. В. Система личностных смыслов: структура, функция, динамика. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004.
- Сихачев Л. В. Национальное самосознание русских. М.: Механик, 1996.
- Сидомин Р. Х. Российские экономические реформы 1990-х годов: психологические аспекты // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 3. С. 60–71.
- Советский энциклопедический словарь / Под ред. А. М. Прохорова. М.: Советская энциклопедия, 1987.
- Совладающее поведение: современное состояние и перспективы / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Л. Кроковской, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Совместная деятельность в условиях организационно-экономических изменений / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
- Совместная деятельность: методология, теория, практика / Отв. ред. А. Л. Журавлев, П. Н. Шахирев, Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1988.
- Современная психология: Справочное руководство / Отв. ред. В. Н. Дружинин. М.: Пер Сэ, 1999.
- Современная социальная реальность России и государственное управление: социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 году. Т. 1. М.: ИСПИ РАН, 2014.
- Современный экономический словарь. М.: Инфра-М, 2001.
- Соколов А. В. Форсайт: взгляд в будущее // Форсайт. 2007. № 1. С. 8–13.
- Солдатова Г. У. Психология межличностной напряженности. М.: Смысл, 1998.
- Солдатова Г. У., Нестак Т. А. Историко-эволюционная перспектива человечества: от парадигмы конфликта к парадигме толерантности // Национальный психологический журнал. 2011. № 2 (6). С. 15–24.
- Соловьев В. Сочинение: В 2 т. М.: Мысль, 1988.
- Соснин В. А. Переговоры по урегулированию этнополитического конфликта // Психологический журнал. 1993. Т. 34. № 6. С. 16–22.

- Соснин В.А. Урегулирование и разрешение конфликтов: проблема посредничества в прикладной исследовательской практике Запада // Психологический журнал. 1994. Т. 15, № 5. С. 130–141.
- Соснин В.А. Культура и межгрупповые процессы: этноцентризм, конфликты и тенденции национальной идентификации // Психологический журнал. 1997. Т. 18, № 1. С. 50–61.
- Соснин В.А. Психология религии: американский опыт // Психологический журнал. 2002. Т. 23, № 2. С. 118–127.
- Соснин В.А. Терроризм начала XXI века: проблема интерпретации и источников терроризма (в социально-психологических и идейных истоках современного терроризма). Терроризм в современном мире. Опыт междисциплинарного анализа (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 2005. № 6. С. 3–36.
- Соснин В.А. Психология суицидального терроризма: исторические аналогии и геополитические тенденции в XXI веке / Под ред. А.Л. Журавлева. М.: Форум, 2012.
- Соснин В.А. Психологические аспекты противодействия немедическому употреблению наркотиков: современная проблематика и тенденции // Психологический журнал. 2013. Т. 34, № 1. С. 132–143.
- Соснин В.А. Социально-политическая и духовно-нравственная консолидация российского общества: воспоминания и будущее России // Наука. Культура. Общество. 2015. № 3. С. 42–56.
- Соснин В.А., Журавлев А.Л., Красников М.А. Социальная психология: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Форум-Инфра-М, 2011.
- Соснин В.А., Постых Т.А. Современный терроризм: социально-психологический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Соснина Л.М. Тенденции исследования справедливости в зарубежной социальной психологии // Психологический журнал. 2006. Т. 27, № 5. С. 40–49.
- Социальная психология: Учеб. пособие для вузов / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: Пер Сз, 2002.
- Спок Б. О воспитании детей. М.: АСТ, 1997.
- Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. Учебник для высших учебных заведений. М.: Академический проект, 1999.
- Стресс, выгорание, совладание в современном контексте / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергеевско. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Смукал Э. Тайная жизнь политики. М.: Гуманитарная академия, 2002.

- Тайное и явное террористической группировки ИГИЛ. 2015. 7 марта. URL: <http://ru.abna24.com/special-issue/archive/2014/12/19/659386/moey.html> (дата обращения: 11.08.2017).
- Тарабрина Н. В., Быковец Ю. В. Террористическая угроза: теоретико-эмпирическое исследование. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Тарасов К. С. Теоретические подходы к проблеме распространения ядерного оружия // Вестник МГИМО. 2015. № 4 (43). С. 130–138.
- Тард Г. Общественное мнение и толпа. М.: Изд-во товарищества типографов А. Н. Мамонтова, 1902.
- Тимофеев Е. А. Национальный менталитет и этническая самоидентификация // История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее и предвидеть будущее: Материалы международной конференции по истории психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 554–557.
- Тихомиров С. В. Динамика социальных представлений о празднике у современной российской молодежи: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2008.
- Толерантность как фактор противодействия ксенофобии: управление рисками, ксенофобии в обществе риска / Под ред. Ю. П. Зинченко, А. В. Логикова. М.: Наука, 2011.
- Тонченко Ж. Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015.
- Трубецкой Н. С. Европа и человечество. София, 1920.
- Урлов М. Ю. Эмоции в политическом поведении. М.: Аспект-Пресс, 2008.
- Уровень счастья в России – 2016 // Прессо-выпуск № 3258. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&aid=115976> (дата обращения: 12.07.2017).
- Ханко О. Г. К определению понятия «менталитет» // Русская история: проблемы менталитета: Тезисы докладов научной конференции. М.: Институт российской истории РАН, 1994. С. 3–7.
- Удальцов Б. Место родственников в системе личных связей // СОЦИАС. 2000. № 6. С. 78–88.
- Фрейдмен и категория зрелости в психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
- Фрейд З. Психология бессознательного: сборник произведений / Под ред. М. Г. Ярошевского. М.: Просвещение, 1990.

- Фрайман Т. Плоский мир. Краткая история XXI века. М.: Хранитель, 2006.
- Фроммы В. В. Старение и увеличение продолжительности жизни. Л.: Наука, 1988.
- Хау Дж. Краудсорсинг. Коллективный разум как инструмент развития бизнеса. М.: Альпина Паблишер, 2012.
- Хаченко В. А. Психология экономического благополучия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Хелс В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 112–123.
- Цылко А. С. Размышления о природе и причинах кризиса постсоветского либерализма // Вестник аналитиков. 2004. № 3 (17). С. 4–24.
- Что значит «быть патриотом»? // ВЦИОМ. 2014. Пресс-выпуск № 2604. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114857> (дата обращения: 19.08.2017 г.)
- Швакеев А. Ю. Мифы и реалии социальной политики. М.: ИСЭПН РАН, 2011.
- Шестопал Е. Б. Теоретико-методологические проблемы исследования образов власти // Психология восприятия власти / Под ред. Е. Б. Шестопал. М.: Социально-политическая мысль, 2002а. С. 10–21.
- Шестопал Е. Б. Образы власти в России конца XX века. Некоторые результаты исследования 1993–2002 гг. // Психология восприятия власти / Под ред. Е. Б. Шестопал. М.: Изд-во «Социально-политическая мысль», 2002б. С. 21–37.
- Шкурлатов В. А. Историческая психология. М.: Смысл, 1997.
- Юренич А. В., Журавлев А. Л. Социально-психологические последствия неравенства доходов // Вопросы психологии. 2013. № 4. С. 45–57.
- Юренич А. В., Журавлев А. Л. Патриотизм как объект изучения психологической науки // Психологический журнал. 2016. Т. 57. № 3. С. 88–89.
- Юридический энциклопедический словарь / А. Н. Алексеев, А. П. Анурьев, В. А. Белов и др. М.: Инфра-М, 2001.
- Яценко О. Н. Социология риска. М.: ЕУС, 2003.
- Abrams D., Wechereff M., Cochrane S., Hogg M. A., Turner J. C. Knowing what to think by knowing who you are: Self-categorization and the nature of norm formation, conformity and group polarization // British Journal of Social Psychology. 1990. V. 29. P. 97–119.
- Adam B. History of the Future: Paradoxes and Challenge // Rethinking History. 2010. V. 14. № 3. P. 361–378.

- Adas M. *Prophets of Rebellion: Millenarian protest movements against the European colonial order*. Chapel Hill, NC: University of North California Press, 1979.
- Agre P. E. Real-time Politics: The Internet and the Political Process // *The Information Society*. 2002. V. 18. P. 311–331.
- Allen B. P. Frightening Information and Extraneous Arousal: Changing Cognitions and Behavior Regarding Nuclear War // *Journal of Social Psychology*. 1993. V. 133 (4). P. 459–467.
- Allen P. D. *Information Operation Planning*. L.: Artech House, 2007.
- Allison G. *Essence of Decision*. Boston: Little, Brown, 1971.
- Altemeyer J. What Happens When Authoritarians Inherit the Earth? A Simulation // *Analyses of Social Issues and Public Policy*. 2000. V. 3 (1). P. 161–169.
- Anderson P. *Lineages of the Absolutist State*. L.: New Left Books, 1974.
- Anstee J. Norms and the management of identities: The case for engagement between constructivism and the social identity approach // *Psychology and Constructivism in International Relations: An Ideational Alliance* / Eds Shannon V. P., Koseoff P. A. Michigan, USA: University of Michigan Press, 2012. P. 76–91.
- Arban P. The development of conceptual models for mass-gathering health // *Prehospital and Disaster Medicine*. 2004. V. 19 (3). P. 208–212.
- Arnold K. M., McDermott K. B., Saponar K. K. Imagining the near and far future: The role of location familiarity // *Memory and Cognition*. 2011. V. 39 (6). P. 954–967.
- Arguilla J., Ranfeld D. *Networks and Netwars*. Santa Monica, CA: Rand, 2001.
- Ashkenazy N. M., Humphrey R. H. Current Emotion Research in Organizational Behavior // *Emotion Review*. 2011. V. 3 (2). P. 214–224.
- Aya R. Theories of revolution reconsidered: contrasting models of collective violence // *Theory and Society*. 1979. V. 8 (1). P. 39–100.
- Barber B. L., Eccles J. S., Stone M. R. Whatever happened to the Jock, the Brain and the Princess? Young adult pathways linked to adolescent activity involvement and social identity // *Journal of Adolescent Research*. 2001. V. 16 (5). P. 429–455.
- Barber S. J., Mather M. Forgetting in context: The effects of age, emotion and social factors on retrieval-induced forgetting // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*. 2012. V. 40. P. 874–888.
- Barbrook R. *Imaginary futures: From Thinking Machines to the Global Village*. L.: Pluto Press, 2007.

- Barande S. G. The Ripple Effect: Emotional Contagion and its Influence on Group Behavior // Yale University: Administrative Science Quarterly. 2002. V. 47. P. 644–675.
- Bar-Tal D., Halperin E., De Rivera J. Collective Emotions in Conflict Situations: Societal Implications // Journal of Social Issues. V. 63. № 2, 2007. P. 441–460.
- Bartel C., Sawedra R. The collective construction of work group moods // Administrative Science Quarterly. 2000. V. 45. P. 197–231.
- Bauer J. F. Psychological defenses against death anxiety: integrating terror management theory and freud's separation theory // Death Studies. 2007. V. 31. P. 727–750.
- Bennett W. L. Communicating global activism // Information, Communication and Society. 2003. № 6 (2). P. 143–168.
- Bennett W. L. Global media and politics: transnational communication regimes and civic cultures // Annual Review of Political Science. 2004. № 7 (1). P. 125–148.
- Bennett W. L. News: The Politics of Illusion. N. Y.: Longman, 2009.
- Beck U. The Cosmopolitan Society and its Enemies // Theory, Culture and Society. 2002. V. 19. № 1–2. P. 17–44.
- Bauer H. The mass, the public and public opinion // Readers in public opinion and communication / Eds B. Berelson, M. Janowitz. N. Y.: Simon and Shuster, 1950. P. 47.
- Booth K., Wheeler N. J. The security dilemma: Fear, cooperation and trust in world politics. NY: Palgrave Macmillan, 2008.
- Barap M., Brown N., Estrad E., van Lente H. The Sociology of Expectations in Science and Technology // Technology Analysis and Strategic Management. 2006. V. 18 (3–4). P. 285–308.
- Brabham D. C. Motivations for Participation in a Crowdsourcing Application to Improve Public Engagement in Transit Planning // Journal of Applied Communication Research. 2012. V. 40 (3). P. 307–328.
- Brams S. J. Superpower Games: Applying Game Theory to Superpower Conflict. New Haven, CT: Yale University Press, 1985.
- Brewer S. Why America Fights: Patriotism and War Propaganda from the Philippines to Iraq. N. Y.: Oxford University Press, 2009.
- Brinton C. The Anatomy of Revolution. N. Y.: Harper and Row, 1965.
- Brown B. B., Lohr M. J. Peer-group affiliation and adolescent self-esteem: An integration of ego-identity and symbolic-interaction theories // Journal of Personality and Social Psychology. 1987. № 52. P. 47–55.
- Brown B. B., Mary M. S., Kinney D. Casting adolescent crowds in a relational perspective: Caricature, channel and context // Eds R. Montemayor,

- G. B. Adams, T. P. Gullotta. Personal relationships during adolescence. Thousand Oaks, CA: Sage, 1994. P. 123–167.
- Brown B. B., Mounts N., Lamborn S. D., Steinberg L. Parenting practices and peer group affiliation // *Child Development*. 1993. № 64. P. 467–482.
- Browning G. Electronic Democracy: Using the Internet to Transform American Politics. Medford, NJ: Cyber Age Books, 2001.
- Carmi N. Caring about tomorrow: future orientation, environmental attitudes and behaviors // *Environmental Education Research*. 2013. V. 19 (4). P. 430–444.
- Castells M. The Network Society: A Cross-Cultural Perspective. Cheltenham, UK; Northampton, MA: Edward Edgar, 2004.
- Castells M. Communication Power. Oxford: Oxford University Press, 2009.
- Castells M. et al. Electronic communication and socio-political mobilization: a new form of civil society // *Global Civil Society* 2005/6. Ch. 8 / Eds A. Helmut, G. Marlies, K. Mary. L.: Sage, 2006a.
- Castells M. et al. Mobile Communication and Society: A Global Perspective. A Project of the Annenberg Research Network on International Communication. Cambridge, MA: MIT Press, 2006b.
- Choi I., Dalal R., Kim-Prieto C. Information search in causal attribution: Analytic vs. holistic. Urbana-Champaign: University of Illinois, 2000.
- Cimarella M. Exploring temporal aspects of social identity: the concept of possible social identities // *European Journal of Social Psychology*. 1998. V. 28. P. 227–248.
- Closen D. R., Brown B. B. The multidimensionality of peer pressure in adolescence // *Journal of Youth and Adolescence*. 1985. № 14 (6). P. 451–468.
- Coleman S., Hall N. Spinning on the Web: E-campaigning and Beyond // *Cyber Space Odyssey. The Internet in the UK Election*. 2001. P. 11.
- Collins R. Weberian Sociological Theory. NY: Cambridge University Press, 1986.
- Collins R. Social Movements and the Focus of Emotional Attention // *Passionate Politics: Emotions and Social Movements* / Eds J. Goodwin, M. J. James, F. Polletta. Chicago: University of Chicago Press, 2001. P. 27–44.
- Corten R. S., Williams T. M. Television and reading skills // *The impact of television: A natural experiment in three communities* / Ed. T. M. Williams. Orlando, FL: Academic Press, 1986. P. 39–86.
- Cross J. R., Fletcher K. L. The Challenge of Adolescent Crowd Research: Defining the Crowd // *Journal of Youth Adolescence*. 2009. № 38. P. 747–764.

- David J. Post Detonation Nuclear Forensics // AIP Conference Proceedings. 2014. V. 1596. P. 206–209.
- De Rivera J., Páez D. Emotional climate, human security and culture of peace // Journal of Social Issues. 2007. V. 63. P. 233–253.
- De Vreede T. et al. A Theoretical Model of User Engagement in Crowdsourcing // Collaboration and Technology. 19-th International Conference, CRIWG 2013 / Eds P. Antunes, M. A. Gerosa, A. Sylvester, J. Vassileva, G.-J. de Vreede. Wellington, New Zealand, 2013. P. 94–109.
- Deling M., Ter Bogt T., Engels R., Maras W. Adolescents' peer crowd identification in the Netherlands: Structure and associations with problem behaviors // Journal of Research on Adolescence. 2007. № 17 (2). P. 467–480.
- Deutsch M. The resolution of conflict. New Haven, CT: Yale University Press, 1973.
- Devos T., Silver L. A., Mackie D. M., Smith E. R. Experiencing intergroup emotions // From prejudice to intergroup emotions: Differentiated reactions to social groups / Eds D. M. Mackie, E. R. Smith. Philadelphia, PA: Psychological Press, 2002. P. 111–133.
- Doise W. Levels of Explanation in Social Psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
- Doğan Th. M. Unthinkable and Tragic: The Psychology of Weapons Taboos in War // International Organization. 2013. V. 67 (41). P. 37–63.
- Dolcini M. M., Adler N. E. Perceived competencies, peer group affiliation, and risk behavior among early adolescents // Health Psychology. 1994. № 13 (6). P. 496–506.
- Doosje B., Spears R., Ellemers N. Social identity as both cause and effect: The development of group identification in response to anticipated and actual changes in the intergroup status hierarchy // British Journal of Social Psychology. 2002. V. 41. P. 57–76.
- Douglas M., Wilder A. Risk and Culture: An Essay on the Selection of Press, 1982.
- Drury J. When the mobs are looking for witches to burn nobody's safe: Talking about the reactionary crowd // Discourse and Society. 2002. № 13. P. 41–72.
- Drury J., Cocking Ch., Reicher S. Everyone for themselves? A comparative study of crowd solidarity among emergency survivors // British Journal of Social Psychology. 2009. V. 48. P. 487–506.
- Drury J., Reicher S. Collective action and psychological change: The emergence of new social identities // British Journal of Social Psychology. 2000. V. 39. P. 579–604.

- Drury J., Reicher S. Explaining enduring empowerment: A comparative study of collective action and psychological outcomes // *European Journal of Social Psychology*. 2005. V. 35. P. 35–58.
- Drury J., Stott C. "Bias" as a research strategy in participant observation: The case of intergroup conflict // *Field Methods*. 2001. V. 13 (1). P. 47–67.
- Drury J., Stott C. J., Farrides T. The role of police perceptions and practices in the development of "public disorder" // *Journal of Applied Social Psychology*. 2003. V. 33. P. 1480–1500.
- Dusphy D. C. Cliques, crowds and gangs. Melbourne: Cheshire, 1969.
- Dvory J., Reicher S. Collective action and psychological change: The emergence of new social identities // *British Journal of Social Psychology*. 2000. V. 39. P. 579–604.
- Edwards T. *Combined and Uneven Development*. L.: New Left Books, 1982.
- Edwards T. *Contradictions of consumption: Concepts, practices and politics in consumer society*. Buckingham: Open University press, 2000.
- Eidelson R. J. How Leaders Promote War by Exploiting Our Core Concerns // *Peace Review*. 2013. V. 25 (2). P. 219–226.
- Emmett D., Nike G. *Understanding Street Drugs. A Handbook of Substance Misuse for Parents, Teachers and Other Professionals*. L.–Philadelphia: Jessica Kingsley Publishers, 2006.
- Engel G. E. The clinical application of the biopsychosocial model // *American Journal of Psychiatry*. 1980. V. 137. P. 535–543.
- Ekheredg I. S. Personality Effects on American Foreign Policy, 1896–1968: A Test of Interpersonal Generalization Theory // *American Political Science Review*. 1978. V. 72 (2). P. 434–451.
- Fernández-Dols J. M., Carrera P., Hurtado de Mendoza A., Ocaja L. Emotional Climate as Emotion Accessibility: How Countries Prime Emotions // *Journal of Social Issues*. 2007. V. 63. P. 339–352.
- Field D. Kavelin and Russian liberalism // *The Slavic Review*. 1973. V. 32 (1). P. 59–78.
- Fiske S. T., Fischhoff B., Milburn M. A. Images of Nuclear War: An Introduction // *Journal of Social Issues*. 1983. V. 39 (1). P. 1–6.
- Fleming L., Sorenson O. Science as a map in technological search // *Strategic Management Journal*. 2004. V. 25. P. 909–928.
- Florida R. *The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday life*. Melbourne: Pluto Press Australia, 2002.
- Fryer M. Some Key Issues in Creativity Research and Evaluation as Seen From a Psychological Perspective // *Creativity Research Journal*. 2012. V. 24 (1). P. 21–28.

- Fuhrmann M. Atomic Assistance: How "Atoms for Peace" Programs Cause Nuclear Insecurity. Ithaca-London: Cornell University Press, 2012.
- Fusk J. Video games // Adolescent medicine: State of the Art Reviews. 1993. V. 4. P. 589-598.
- Fyrelberg Fagfæll A. "It's not us, it's them!" - Rethinking value cocreation among multiple actors // Journal of Marketing Management. 2013. V. 29 (9/10). P. 1163-1181.
- Gaertner S. L., Dovidio J. F. Reducing intergroup bias: The common ingroup identity model. Philadelphia, PA: Psychology Press-Taylor and Francis, 2000.
- Gobas J. Vox populi // Nature. 1907. V. 75 (1949). P. 450-451.
- Got A. Is war declining - and why? // Journal of Peace Research. 2013. V. 50 (2). P. 149-157.
- Gjevre T. Some factors influencing perceived goal distance in time: a preliminary check // Perceptual and Motor Skills. 1981. V. 53. P. 175-182.
- Gjevre T. On the concept of future time orientation: considerations of some functions' and measurements' implications // International Journal of Psychology. 1983. V. 18. P. 443-461.
- Gollwitzer P. M., Heckhausen H., Steller B. Deliberative and implemental mind-sets: Cognitive tuning toward congruous thoughts and information // Journal of Personality and Social Psychology. 1990. V. 59 (6). P. 1119-1127.
- Graber D. A. Mass media and American politics. Washington, DC: Congressional Quarterly Press, 1989.
- Greenberg J. Understanding the Vital Human Quest for Self-Esteem // Perspectives on Psychological Science. 2008. V. 3 (1). P. 48-55.
- Greenwald A. G., Carnot C. G., Beach R., Young B. Increasing voting behavior by asking people if they expect to vote // Journal of Applied Psychology. 1987. V. 72. P. 315-318.
- Gus D. Planen und Kultur? Lengerkh, Germany: Pabst, 2000.
- Haichao Zh., Duhui L., Wenhao H. Task Design, Motivation and Participation in Crowdsourcing Contexts // International Journal of Electronic Commerce. 2011. V. 15 (4). P. 57-88.
- Harris R. J. A. Cognitive psychology of mass communication. Mahwah, N. J.-L.: Lawrence Erlbaum associates publishers, 2004. P. 262-291.
- Harvey S. Creative synthesis: exploring the process of extraordinary group creativity // Academy of Management Review. 2014. V. 39 (3). P. 324-343.
- Health and Safety Executive: The Event Safety Guide (A Guide to Health, Safety and Welfare at Music and Similar Events). L.: Her Majesty's Stationary Office, 1999.

- Hernes T., Irgens E. J. Keeping things mindfully on track: Organizational learning under continuity Management Learning. 2013. V. 44 (3). P. 253–266.
- Hintze O. The Historical Essays of Otto Hintze. N. Y.: Oxford Univ. Press, 1975.
- Hoever I. J., van Knippenberg D., van Ginkel W. P., Barkema H. G. Fostering Team Creativity: Perspective Taking as Key to Unlocking Diversity's Potential // *Journal of Applied Psychology*. 2012. V. 97 (3). P. 982–996.
- Hoffman J. Social Identity and Intergroup Conflict: An Israeli View // Eds W. Strube, A. Kruglanski, D. Bar-Tal, M. Hewstone. *The Social Psychology of Intergroup Conflict*. Berlin–Heidelberg: Springer-Verlag, 1988. P. 43–51.
- Holsti O. R. Crisis decision making // *Behavior, society and nuclear war*. V. 1. N. Y.: Oxford University Press, 1989. P. 3–84.
- Homans G. S. Social behavior: It's elementary forms. N. Y.: Harcourt: Brace and World, 1961.
- Hornik R. Television access and the slowing of cognitive growth // *American Educational Research Journal*. 1978. № 15. P. 1–15.
- Hymans J. *The Psychology of Nuclear Proliferation: Identity, Emotions and Foreign Policy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Hymans J. E. C. *Achieving Nuclear Ambitions: Scientists, Politicians and Proliferation*. N. Y.: Cambridge University Press, 2012.
- Hymans J. E. C. The Threat of Nuclear Proliferation: Perception and Reality // *Ethics and International Affairs*. 2013. V. 27 (3). P. 281–298.
- Ilic I., Milić I., Arandjelović M. Assessment quality of life: current approaches // *Acta Medica Medianae*. 2010. V. 49 (4). P. 52–60.
- Ishikawa Y. Calls for Deliberative Democracy in Japan // *Rhetoric and Politics*. 2002. V. 5 (2). P. 331–345. P. 342.
- Janus I. L. *Victims of Groupthink*. NY: Houghton Mifflin, 1972.
- Jurymowicz M., Bar-Tal D. The dominance of fear over hope in the life of individuals and collectives // *European Journal of Social Psychology*. 2006. V. 36. P. 387–392.
- Jervis R. *Perception and Misperception in International Politics*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1976.
- Jervis R. Cooperation Under the Security Dilemma // *World Politics*. 1978. V. 30 (2). P. 167–214.
- Johnson D. P., Tierney D. The Rubicon theory of war: How the path to conflict reaches the point of no return // *International Security*. 2011. V. 36. P. 7–40.

- Johnson N. R. Fire in a crowd theatre: A descriptive investigation of the emergence of panic // *International Journal of mass Emergencies and disaster*. 1966. № 6. P. 7–26.
- Juris J. S. Networked social movements: global movements for global justice // *The Network Society: A cross-cultural perspective* / Ed. M. Castells. Massachusetts: Edward Elgar Publishing Inc., 2004. P. 341–362.
- Kabat-Zinn J. Mindfulness-based interventions in context: Past, present and future // *Clinical Psychology: Science and Practice*. 2000. V. 10 (2). P. 144–166.
- Keenan M., Popper R. Comparing foresight „style“ in six world regions // *Foresight*. 2008. V. 10 (8). P. 16–38.
- Kemp C. Public lecture: Safety and crowd management. Cultural, universal and partisan tensions in mass crowd gatherings. 2006. URL: http://www.acem.uts.edu.au/pdfs/chris_kemp_lecture.pdf (дата обращения: 15.08.2017).
- Kent A. A Critical Look at Risk Assessments for Global Catastrophes // *Risk Analysis*. 2004. V. 24. P. 157–168.
- Kerr N. L., Tindale R. S. Group performance and decision making // *Annual Review of Psychology*. 2004. V. 55. P. 623–655.
- Khong Y. Analogies at War: Korea, Munich, Dien Bien Phu and the Vietnam Decisions of 1965. N. J.: Princeton University Press, 1992.
- Kimmel M. S. Revolution: a Sociological Interpretation. Philadelphia: Temple University Press, 1990.
- Kroopf J. W. Nuclear Disarmament and Nonproliferation // *International Security*. 2012. V. 37 (3). P. 92–132.
- Krebs R. R., Reppert A. International Relations and the Psychology of Time Horizons // *International Studies Quarterly*. 2012. V. 56 (3). P. 530–543.
- Kugihara N. Effects of aggressive behavior and group size on collective escape in an emergency: A test between a social identity model and de-individuation theory // *British Journal of Social Psychology*. 2001. V. 40. P. 575–598.
- Kuppens T., Tuerhyt V. Y. Group-Based Emotions: The Impact of Social Identity on Appraisals, Emotions and Behaviors // *Basic and applied social psychology*. 2012. V. 34. P. 20–33.
- Lampert E. Sons against fathers: Studies in Russian radicalism and revolution. Oxford: Clarendon Press, 1965.
- Le Wine R. A., Campbell D. T. Ethnocentrism: Theories of conflict, ethnic attitudes and group behavior. N. Y., 1972.
- Lebow R. N. Between Peace and War: The Nature of International Crisis. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1981.

- Lee S., Ramenzani V. C., Holme P. Emergence of Collective Memories // PLoS ONE. 2010. V. 5 (9): e12522.
- Leiden K., Schmitt K. M. The Politics of Violence: Revolution in the Modern World. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1968.
- Leimeister J. M., Huber M., Bretschneider U., Kraemer H. Leveraging crowd-sourcing: Activation-supporting components for IT-based ideas competition // Journal of management Information Systems. 2009. V. 26 (1). P. 197–224.
- Levy J. S. Psychology and Foreign Policy Decision-Making // The Oxford Handbook of Political Psychology / Eds L. Huddy, D. O. Sears, J. S. Levy. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Long-Lingo E., O'Mahony S. Nexus work: Brokerage on creative projects // Administrative Science Quarterly. 2010. V. 55 (1). P. 47–81.
- Lorenz J., Rauhut H., Schweitzer F., Helbing D. How social influence can undermine the wisdom of crowd effect // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 5/31/2011. V. 108 (22). P. 9020–9025.
- Lowe J. Stop, think, breathe... vote: Mindfulness in parliament // Prospect. The leading magazine of ideas. 2014. July 29.
- Lubart T. Models of the creative process: Past, present and future // Creativity Research Journal. 2001. V. 13. P. 295–308.
- Macdonald S. Propaganda and Information Warfare in The twenty-First Century: Altered images and Deception operations. L.–N.Y.: Routledge, 2007.
- MacDonald Z. What price drug use? The contribution of economics to an evidence-based drugs policy // Journal of Economic Surveys. 2004. V. 18. P. 113–152.
- Majchrzak A., Majchrzak A. Managing Crowds in Innovation Challenges // California Management Review. 2014. V. 56 (4). P. 103–123.
- Marjanovic O., Roetckci N. Creativity, Coordination and Knowledge Co-Creation on a Global Scale – The Process Perspective // Journal of International Technology and Information Management. 2013. V. 22 (1). P. 43–63.
- Martinez-Sánchez F., Páez D., Pennebaker J. W., Rime B. Revelar, compartir y expresar las emociones: efectos sobre la salud y el bienestar. [Disclosing, sharing and expressing emotions: Effects on health and well-being] // Ansiedad y Estrés. 2001. V. 7. P. 151–174.
- Mudrack C., Schaufeli W. B., Leiter M. P. Job burnout // Annual Review of Psychology. 2001. V. 52. P. 397–423.
- Murison A. R. Understanding mass panic and other collective responses to threat and disaster // Psychiatry. 2005. V. 66. P. 95–113.

- McPhail C. *The Myth of the Madding Crowd*. N.Y.: Aldine De Gruyter, 1991.
- McGuire W.J. The myth of massive media impact: Savagings and salvaging // *Public Communication and Behavior*. 1986. V. 1. P. 173–257.
- Merton R. K. *Social theory and social structure*. Toronto, 1957.
- Mittraux A. Darwinism social // *The Encyclopedic Dictionary of Psychology*. Oxford, 1983. P. 137–138.
- Michalos A. C. Optimism in thirty countries over a decade. *Social Indicators Research*. 1988. V. 20. P. 177–180.
- Mindful nation UK. Interim report of the Mindfulness All-Party Parliamentary Group (MAPPG). L., 2015.
- Mintz A. Non-adaptive group behavior // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1951. V. 46. P. 150–159.
- Mouvier R. *The Fronde // Preconditions of Revolution in Early Modern Europe* / Eds R. Forster, P. Greene. MD: Johns Hopkins University Press, 1970.
- Muller E. N. Economic Determinants of Democracy // *American Sociological Review*. 1995. V. 60 (6). P. 966–982.
- Murr A. E. "Wisdom of crowds"? A decentralised election forecasting model that uses citizens' local expectations // *Electoral Studies*. 2011. V. 30 (4). P. 771–783.
- Nazarp P. *Allgemeine Psychologie nach kritischer Methode*. 1. Buch: Objekt und Methode der Psychologie. Tübingen, 1912.
- Neel A. G. *National Trauma and Collective Memory*. N.Y.: Sharpe, 1998.
- Nisbet M. C., Myers T. The polls-trends: Twenty years of public opinion about global warming // *Public Opinion Quarterly*. 2007. № 71 (3). P. 444–470.
- Nolen-Hoeksema S., Davis C. G. Positive responses to loss: Perceiving benefits and growth // *Handbook of positive psychology* / Eds C. R. Snyder, S. J. Lopez. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 598–603.
- Norris P. *Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty and the Internet Worldwide*. Cambridge University Press, 2001.
- Olson M. *The Logic of Collective action*. N.Y.: Schocken Books, 1965.
- Paige J. *Agrarian Revolution*. N.Y.: Free Press, 1975.
- Park K. *Masse und Publikum. Eine methodologische und soziologische Untersuchung*. Berlin: Lack & Grunau, 1904.
- Parsans T. *The Social System*. N.Y.: Free Press, 1955.
- Peid Th., Selen W., Rueside R., Albers T. Predictive Crowding as a Concept to Support the Assessment of Disruptive Ideas: A Conceptual Framework // *Journal of New Business Ideas and Trends*. 2014. V. 12 (2). P. 1–13.

- Peschl M. F., Bottaro G., Hartner M., Rötzer K. Learning How to Innovate as a Socio-epistemological Process of Co-creation Towards a Constructivist Teaching Strategy for Innovation // *Constructivist Foundations*. 2014. V. 9 (3). P. 421–433.
- Peschl M. F., Fundneider Th. Designing and Enabling Spaces for collaborative knowledge creation and innovation: From managing to enabling innovation as socio-epistemological technology // *Computers in Human Behavior*. 2014. V. 37. P. 346–359.
- Pifusik M. Addictive Rewards in Nuclear Weapons Development // *Peace Review*. 1999. V. 11 (4). P. 597–600.
- Plous S. The Nuclear Arms Race: Prisoner's Dilemma or Perceptual Dilemma? // *Journal of Peace Research*. V. 30 (2). 1993. P. 163–179.
- Pollock N., Williams R. The business of expectations: How promissory organizations shape technology and innovation // *Social Studies of Science*. 2010. V. 40 (4). P. 525–548.
- Prezi G., Pietratori L. Elaborating the police perspective: The role of perceptions and experience in the explanation of crowd conflict // *European Journal of Social Psychology*. 2009. V. 39. P. 991–1001.
- Pruitt D. G., Rubin J. Z. Social conflict escalation, stalemate and settlement. N.Y.: Random House, 1986.
- Pysarcynski T. A., Solomon S., Greenberg I. In the wake of 9/11: The psychology of terror. Washington, DC: American Psychological Association, 2002.
- Ramaswamy V., Ozcan K. The Co-creation Paradigm. Stanford, California: Stanford Business Books, 2014.
- Russo L. G. How can we make sense of emotional and social competences within organizational settings? // *Research on emotion in organization*. V. 5. Emotions in Groups, Organizations and Cultures / Ch. E. J. Härtel, W. J. Zerbe, N. M. Ashkanasy. UK: Emerald Group Publishing, 2009. P. 1–23.
- Reicher S. "The Crowd" century: Reconciling practical success with theoretical failure // *British Journal of Social Psychology*. 1996a. V. 35 (4). P. 535–553.
- Reicher S. D. The Battle of Westminster: Developing the social identity model of crowd behavior in order to explain the initiation and development of collective conflict // *European Journal of Social Psychology*. 1996b. V. 26. P. 115–134.
- Reicher S. The psychology of crowd dynamics // *The Blackwell handbook of social psychology: Group processes* / Eds M. Hogg, R. S. Tyndale. Oxford: Blackwell, 2001. P. 182–208.

- Rime B. The Social Sharing of Emotion as an Interface Between Individual and Collective Processes in the Construction of Emotional Climates // *Journal of Social Issues*. 2007. V. 63 (2). P. 307–322.
- Rime B. Emotion elicits the social sharing of emotion: Theory and empirical review // *Emotion Review*. 2009. V. 1. P. 60–85.
- Rime B., Paez D. et al. Social sharing of emotion, post-traumatic growth and emotional climate: Follow-up of Spanish citizen's response to the collective trauma of March 11-th terrorist attacks in Madrid // *European Journal of Social Psychology*. 2010. V. 40. P. 1029–1045.
- Reicher S., Potter J. Psychological theory as intergroup perspective: A comparative analysis of „scientific“ and „lay“: Accounts of crowd events // *Human Relations*. 1985. V. 38. P. 167–189.
- Robbins T. et al. Neuroscience of Drug and Addiction // *Drugs and the Future: Brain Science, Addiction and Society* / Eds D. J. Nutt, T. W. Robbins, G. V. Stimson, M. Ince, A. Jackson. L.: Academic Press, 2007. P. 12–15.
- Robins J. S. Battlefronts in the war of ideas // *Countering Terrorism and Insurgency in the 21-st Century: International Perspectives* / Eds J. F. Forest, H. Mengershien. V. 1–3. Westport, Connecticut–L.: Praeger Security International, 2007.
- Robinson H. M., Sigman M. R., Wilson J. P. Duty-related stressors and PTSD symptoms in suburban police officers // *Psychological Reports*. 1997. V. 81. P. 835–845.
- Roman D. Crowdsourcing and the Question of Expertise // *Communications of the ACM*. 2009. V. 52 (12). P. 14.
- Rosenthal E., Reskin A. C. Global warming called „unequivocal“ // *International Herald Tribune*. 2007. February 2.
- Rublee M. R. Nonproliferation Norms: Why States Choose Nuclear Restraint. Athens: University of Georgia Press, 2009.
- Rühle M. Deterrence: what it can (and cannot) do // *NATO Review*. 2015. URL: <http://www.nato.int/docu/review/2015/also-indeterrence-russia-military/en> (дата обращения: 12.08.2017).
- Sakamoto T., Hoshiro H. Simulating the Process of Policy Making: The Case of the Cuban Missile Crisis // *Conference Papers – International Studies Association*. 2006. Annual Meeting. P. 1–32.
- Sayes E. Actor-Network Theory and methodology: Just what does it mean to say that nonhumans have agency? // *Social Studies of Science*. 2014. V. 44 (1). P. 134–149.
- Schramm W. Communication in crisis // *The Kennedy assassination and the American public: Social communication in crisis* / Eds B. S. Greenberg, E. B. Parker. Stanford, CA: Stanford University Press, 1965. P. 1–25.

- Sey A., Castells M. From media Politics to networked Politics: The Internet and the political process // *The Network Society: A Cross-Cultural Perspective*. Northampton (MA): Edward Elgar, 2004. P. 4.
- Shaughnessy H. Crowdsourcing the ecosystem's expectations: a decision-making process to manage the unmanageable // *Strategy and Leadership*. 2014. V. 42 (3). P. 3–8.
- Shen X.-L., Lee M. K. O., Cheung Che. M. K. Exploring online social behavior in crowdsourcing communities: A relationship management perspective // *Computers in Human Behavior*. 2014. V. 40. P. 144–151.
- Simsmons J. P., Nelson L. D., Gelok J., Frederick Sh. Intuitive Biases in Choice versus Estimation: Implications for the Wisdom of Crowds // *Journal of Consumer Research*. 2011. V. 38 (1). P. 1–15.
- Skocpol T. *States and Social Revolutions*. N.Y.: Cambridge University Press, 1979.
- Slaughter R. A. Changing Images of Futures in the 20th Century // *Futures*. 1991. V. 23 (5). P. 499–515.
- Slépicka P. Psychology of the Sport Spectator // *European Perspectives on Exercise and Sport Psychology* / Ed. S. J. Biddle. Leeds, UK–Champaign, IL: Human Kinetics Publishers, XVIII, 1995. P. 270–289.
- Smelger N. J. *Theory of collective behavior*. L: Routledge and Kegan Pau, 1962.
- Smith E. R. Social identity and social emotions: Toward new conceptualization of prejudice // *Affect, cognition and stereotyping: Interactive processes in group perception* / D. M. Mackie, D. L. Hamilton. San Diego, CA: Academic Press, 1993. P. 297–315.
- Smith N., Leiserowitz A. The Role of Emotion in Global Warming Policy Support and Opposition // *Risk Analysis: An International Journal*. 2014. V. 34 (5). P. 937.
- Spinner M. Beware of the TV Screen. 2005. URL: <http://n-t.org/uv/2005/00042.htm> (дата опрацювання: 10.08.2017).
- Stein J. G. Threat perception in international relations // *The Oxford Handbook of Political Psychology* / Eds L. Huddy, D. O. Sears, J. S. Levy. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Steinert H. Unspeakable September 11-th: Taken-for-granted assumptions, selective reality constructions and populist politics // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2003. V. 27. P. 651–665.
- Stephan W. G., Stephan C. W. An integrated threat theory of prejudice // *Reducing prejudice and discrimination* / Ed. S. Oskamp. Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 2000. P. 225–246.
- Stern E. K. *Crisis Decisionmaking: A Cognitive Institutional Approach*. Stockholm: Swedish National Defence College, 2003.

- Sternberg R. J., Soriano L. J. Styles of conflict resolution // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1984. V. 47 (1). P. 115–126.
- Stoknes P. E. What we think about when we try not to think about global warming: Toward a new psychology of climate action. Vermont: Chelsea Green Publishing, 2015.
- Stoner J. A. F. Risky and cautious shifts in group decisions: The influence of widely held values // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1968. V. 4 (4). P. 442–458.
- Stout C., Reicher S. D. Crowd action as intergroup process: Introducing the police perspective // *European Journal of Social Psychology*. 1998. V. 28. P. 509–514.
- Strümpel B. Economic well-being as an object of social measurement // *Subjective elements of well-being*. Paris: Organization for economic cooperation and development, 1974. P. 75–122.
- Suchy P., Thayer B. A. Weapons as political symbolism: The role of US tactical nuclear weapons in Europe // *European Security*. 2014. V. 23. № 4. P. 509–528.
- Surowiecki J. *The Wisdom of Crowds*. N.Y.: Anchor Books, 2005.
- Sussman S., Dent C. W., McCuller W. J. Group self-identification as a prospective predictor of drug use and violence in high-risk youth // *Psychology of Addictive Behaviors*. 2000. № 14 (2). P. 192–196.
- Sussman S., Pokhrel P., Ashmore R. D., Brown B. B. Adolescent peer group identification and characteristics: A review of the literature // *Addictive Behaviors*. 2007. V. 32. P. 1602–1627.
- Talisferro J. W. *Balancing risks: Great power intervention in the periphery*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2004.
- Terlock Ph. E., McGuire Ch. B., Mitchell G. Psychological Perspectives on Nuclear Deterrence // *Annual Review of Psychology*. 1991. V. 42. P. 239–276.
- The Civic Web: Online Politics and Democratic Values* / Eds D. Anderson, M. Cornfield. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2000.
- The Rise of Populism in Europe. The new Face of Digital Population* / Eds L. Bartlett, D. J. Birdwell, M. Littler. L.: Demos, 2011.
- Tilly Ch. *From Mobilization to Revolution*. Reading, MA: Addison-Wesley, 1978.
- Tsarna B., Herwick A., Conrad F. Cognitive representations of the future: Survey Results // *Futures*. 2006. V. 38. P. 810–829.
- Toqueville A. *The Old Regime and the French Revolution*. N.Y.: Anchor, 1955.
- Trotsky L. *The History of Russian Revolution*. N.Y.: Doubleday, 1959.
- Tsourni I. *Networks of Innovation: Change and Meaning in the Age of the Internet*. Oxford: Oxford University Press, 2002.

- Turner J. C., Oakes P. J., Haslam S. A., McGarry C. Self and collective: Cognition and social context // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1994. № 20. P. 454–463.
- Van Lente H. Navigating foresight in a sea of expectations: Lessons from the sociology of expectations // *Technology Analysis and Strategic Management*. 2012. V. 24 (8). P. 769–782.
- Van Zomeren M., Spears R., Leach C. W. Exploring psychological mechanisms of collective action: Does relevance of group identity influence how people cope with collective disadvantage? // *British Journal of Social Psychology*. 2008. V. 47. P. 353–372.
- Verleye E., Jankkula D., Heikkula A., Aarikko-Stenvik D. The co-creation experience from the customer perspective: Its measurement and determinants // *Journal of Service Management*. 2015. V. 26 (2). P. 321–342.
- Vider S. Rethinking crowd violence: Self-categorization theory and the Woodstock 1999 // *Journal for the Theory of Social Behavior*. 2004. V. 34. P. 141–166.
- Waddington D., Jones K., Critcher C. Flashpoints of Public Disorder // *The Crowd in Contemporary Britain* / Eds G. Gaskell, R. Scnewick. L.: Sage Publications, 1987.
- Weber E. U. Experience-based and description-based perceptions of long-term risk: Why global warming does not scare us (yet) // *Climatic Change*. 2006. V. 77 (1/2). P. 103–120.
- Weick K. E. Jazz improvisation and organizing: Once more from the top // *Organization Science*. 1998. V. 11. P. 227–234.
- Weick K. E., Sutcliffe K. M. Mindfulness and the Quality of Organizational Attention // *Organization Science*. 2006. V. 17 (4). P. 514–524.
- Wexler D. E. A few empirical observations concerning the relationship between the mass media and disaster knowledge: A research report // *Disasters and the Mass Media: Proceedings of the Committee on Disasters and the Mass Media Workshop*. Washington, DC: National Academy of Sciences, 1980. P. 241–266.
- Wenger E. *Communities of Practice: Learning, Meaning and Identity*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Wenger E., Synder W. Communities of practice: the organizational frontier // *Harvard Business Review*. 2008. № 21. P. 332–349.
- Young K. Standard deviations: An update on North American sports crowd disorder // *Sociology Sport Journal*. 2002. № 19. P. 237–275.
- Yudkowsky E. Cognitive Biases Potentially Affecting Judgment of Global Risks // *Global Catastrophic Risks* / Eds N. Bostrom, M. M. Čirković. N. Y.: Oxford University Press, 2008. P. 91–119.

- Zagorin P. *Rebels and Rulers*. V. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
- Zakaria F. Islam, Democracy and Constitutional Liberalism // *Political Science Quarterly*. 2004. V. 119 (1). P. 1–20.
- Zaleski Z. Future Anxiety: Concept, Measurement and Preliminary Research // *Personal Individual Difference*. 1996. V. 21 (2). P. 165–174.
- Zaleski Z. Future Orientation and Anxiety // *Understanding behavior in the context of time: Theory, research and application* / Eds A. Strathman, J. Joleman. Mahwah, N. J.: Lawrence Erlbaum Associates, 2005. P. 125–141.
- Zandberg E., Meyers O., Neiger M. Past Continuous: Newsworthiness and the Shaping of Collective Memory // *Critical Studies in Media Communication*. 2012. V. 29 (1). P. 65–79.
- Zeitz K., Bolton S., Dippy R., Dowling Y., Francis L., Thorne J., Butler T., Zeitz C. Measuring emergency services workloads at mass gathering events // *Australian Journal of Emergency Management*. 2007. V. 22 (3). P. 23–30.
- Zeitz K. M., Tus H. M., Grief V., Zeitz Ch. J. Crowd Behavior at Mass Gatherings: A Literature Review // *Personal and Disaster Medicine*. 2009. V. 24 (1). P. 32–38.
- Zeitz K. M., Zeitz C. J., Arbon P. Forecasting medical work at mass-gathering events: Predictive model versus retrospective review // *Prehospital and Disaster Medicine*. 2005. V. 20. P. 164–168.
- Zhao Y. Ch., Zhu Q. Effects of extrinsic and intrinsic motivation on participation in crowdsourcing contest // *Online Information Review*. 2014. V. 38 (1). P. 896–917.

Научное издание

Серия «Психология социальных явлений»

А. Л. Журавлев, В. А. Соснин,
Д. А. Котова, Т. А. Нестик, А. В. Юренич

МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ И ПОВЕДЕНИЕ

Тенденции социально-психологических исследований

Редактор – Т. А. Скрыпал

Оригинал-макет, обложка и верстка – С. С. Фёдоров

Лицензия ЛР № 00726 от 12.01.01
Издательство «Институт психологии РАН»
125066, Москва, ул. Ярославская, д. 13
Тел.: (495) 682-61-62
E-mail: info@ipran.ru, <http://www.ipran.ru>

Сдано в набор 30.08.17. Подписано в печать 07.09.17
Формат 60 × 90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура ГСТ Спектр. Уч.-изд. л. 22,3; усл.-печ. л. 26,5
Тираж 200 экз. Заказ №